

**Экономический и Социальный
Совет**

Distr.: General
24 May 2006
Russian
Original: English

Основная сессия 2006 года
Женева, 3–28 июля 2006 года

**Обзор мирового экономического и социального
положения, 2006 год**

Дивергенция роста и развития

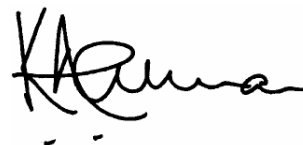

Предисловие

Наш сегодняшний мир богаче, чем раньше, однако и в нем существует огромное неравенство как внутри стран, так между ними. Среднегодовой доход человека, проживающего в богатейшей стране мира — Люксембурге, — более чем в сто раз превышает доход рядового гражданина Сьерра-Леоне — страны, где уровень доходов является одним из самых низких в мире. Столь заметные различия в условиях жизни должны вызывать серьезную обеспокоенность, поскольку они отражают значительное неравенство жизненных возможностей. Это обуславливает необходимость в активном проведении мер политического характера на национальном и международном уровнях, которые позволят всем странам достичь Целей в области развития Декларации тысячелетия и других согласованных целей в данной сфере.

В различных странах наблюдались разные тенденции в том, что касается неравенства. В 1950-х и 1960-х годах экономика почти всех развивающихся стран переживала активный и устойчивый рост. Однако с начала 1980-х годов установилась тенденция к усилению дивергенции, в результате чего лишь небольшая группа стран, расположенных преимущественно в азиатском регионе, добилась быстрых темпов экономического роста и извлекала выгоду из деятельности более открытых мировых рынков, тогда как многие другие развивающиеся страны столкнулись с экономической нестабильностью и мало преуспели в деле повышения благосостояния человека. Процесс глобализации пока не позволил устранить разрыв в уровнях дохода между богатыми и бедными странами. Напротив, как подчеркивается в настоящем *Обзоре*, характер функционирования мировых рынков представляет собой важный фактор, способствующий усилению глобального неравенства в уровнях дохода. Так, более богатые страны, как правило, получают преференциальный доступ на рынки капитала, привлекают больше прямых иностранных инвестиций и демонстрируют большую устойчивость, чем менее обеспеченные страны, к сдвигам на мировых рынках сырья.

Мы не сможем действовать согласно принципам Устава Организации Объединенных Наций и Всеобщей декларации прав человека, не сократив глобальное неравенство. Усилия такого рода позволяют оказать содействие в деле обеспечения экономического роста и стабильности, а также помочь в предотвращении экономических и социальных кризисов и не допустить нестабильности в политической сфере. Я настоятельно призываю государства-члены и международное сообщество совместно уделять более пристальное внимание данному вопросу, с тем чтобы народы и государства могли в полной мере реализовать свой потенциал, и рекомендую ознакомиться с результатами анализа и выводами, содержащимися в настоящем *Обзоре*, широкому кругу читателей во всем мире.

Кофи А. Аннан
Генеральный секретарь

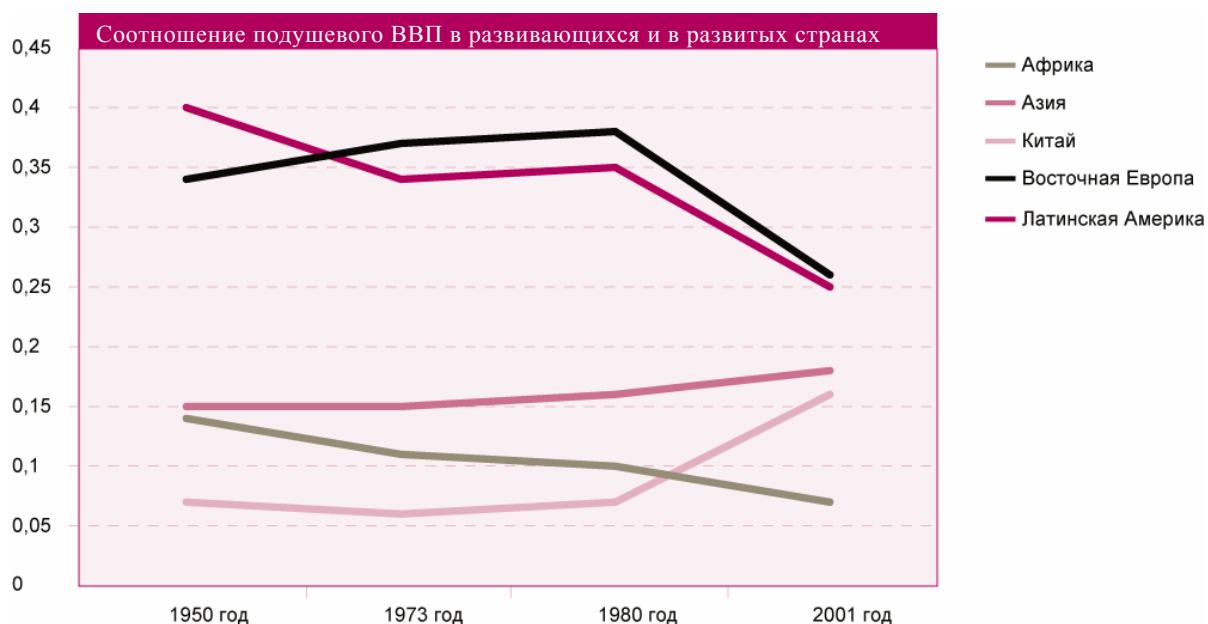
Обзор

По многим показателям глобальное неравенство в уровнях дохода является существенным и продолжает усиливаться

Судя по многим показателям, глобальное неравенство в уровнях дохода является существенным и продолжает усиливаться. В 1950 году доход среднего жителя Эфиопии был в 16 раз меньше, чем доход жителя Европы или Соединенных Штатов Америки. Пятьдесят лет спустя жители Эфиопии стали в 35 раз беднее. В большинстве беднейших стран мира увеличение отставания происходит примерно такими же темпами. Главная причина заключается в том, что на протяжении последних 50 лет уровень дохода в промышленно развитых странах неуклонно повышался, тогда как во многих развивающихся странах, особенно в последнюю четверть века, этого не происходило. В последние десятилетия устойчивые темпы роста наблюдались лишь в немногих развивающихся странах, однако к числу этих стран, что особенно примечательно, относятся две страны с наибольшей в мире численностью населения: Китай и Индия. Поскольку на долю одних только этих двух стран приходится более трети населения мира, неравенство во всем мире начинает уменьшаться. Однако без учета этих стран международное неравенство в уровнях дохода, как полагают, продолжает активно усиливаться, несмотря на то, что уже сейчас оно является существенным (см. диаграмму О.1).

Диаграмма О.1

Показатели подушевого ВВП в отдельных развивающихся регионах и Китае по сравнению с аналогичными показателями в развитых странах, 1950–2001 годы

Источник: ДЭСВ ООН, на основе данных Maddison (2001).

Примечание: данные о показателях подушевого ВВП рассчитаны в долларах по паритету покупательной способности.

Эти тенденции противоречат традиционным экономическим воззрениям на временную динамику разрывов в уровнях дохода между странами в условиях интегрирующейся мировой экономики. В 1980-е и 1990-е годы существовало убеждение, что предоставление большей свободы глобальному рынку приведет к сокращению разрыва в уровнях дохода между бедными и богатыми странами. На деле же конвергенция доходов была достигнута лишь в ограниченном числе стран, а во многих других странах ничего подобного не произошло, несмотря на то, что страны во всем мире сняли ограничения, ограждавшие их торговые и финансовые системы от влияния глобального рынка.

Причины, определяющие важность неравенства

«Обзор мирового экономического и социального положения, 2006 год» посвящен анализу причин и следствий дивергенции доходов *между* странами. Кроме того, значительное неравенство в уровнях дохода наблюдается *в рамках* многих стран. Это представляет собой проблему не только в силу того, что свидетельствует о несправедливости, но и потому, что, особенно в развивающихся странах, неравные возможности существенно осложняют достижение Целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, поскольку экономический потенциал остается незадействованным. Однако в настоящем документе мы ограничимся рассмотрением вопроса усиления неравенства *между* странами. Примерно на 70 процентов глобальное неравенство в уровнях дохода объясняется различиями в уровнях дохода между странами. Хотя это не умаляет важности разрыва в уровнях дохода в пределах отдельных стран, представляется поразительным, что вероятность достижения более высокого уровня жизни в весьма значительной степени определяется тем, где человек живет.

Положение на мировых рынках далеко от справедливого, и существует ряд условий, не способствующих уменьшению дивергенции доходов между странами. Благодаря более значительному «наследию» более богатые страны получают преференциальный доступ на рынки капитала и оказываются менее уязвимыми для колебаний на мировых рынках сырья. Глобальные инвесторы, как правило, предпочитают страны, отличающиеся более высоким уровнем благосостояния и более развитыми человеческим капиталом, инфраструктурой и организационной базой, что гарантирует меньший инвестиционный риск. Бедные страны обладают менее диверсифицированной экономикой и структурами экспорта, что делает их гораздо более уязвимыми для колебаний цен на сырье и потрясений на международных финансовых рынках. Кроме того, развивающиеся страны обладают меньшими возможностями на переговорах, где устанавливаются нормы, регулирующие глобальные рынки. Этот недостаток нашел признание в Монтеррейском консенсусе Международной конференции по финансированию развития (Организация Объединенных Наций, 2002а), в котором международному сообществу был дан четкий мандат на расширение участия развивающихся стран в глобальных процессах принятия решений. Однако в этой области был достигнут весьма ограниченный прогресс.

Усиление глобальных диспропорций, в свою очередь, может оказаться пагубным для самого роста. В результате ухудшения доступа к стабильным источникам международных финансовых ресурсов и ослабления позиций на международных торговых переговорах часть экономического потенциала бедных

стран окажется незадействованной, а это следует рассматривать как потери мировой экономики в целом с точки зрения достижения максимального уровня благосостояния. Более низкие темпы роста, в свою очередь, затрудняют решение задачи искоренения нищеты. Выяснилось, что в некоторых случаях недостаточный прогресс в сокращении масштабов нищеты и высокий уровень неравенства в рамках отдельных стран приводит к разжиганию конфликтов и усилению социальной нестабильности.

Игнорирование низких темпов развития большого числа стран означает игнорирование одного из главных источников усиления во всем мире неравенства в доходах. Обращение вспять этой тенденции требует принятия мер в области политики как на национальном, так и на международном уровнях.

Усиление разрыва в динамике экономического роста

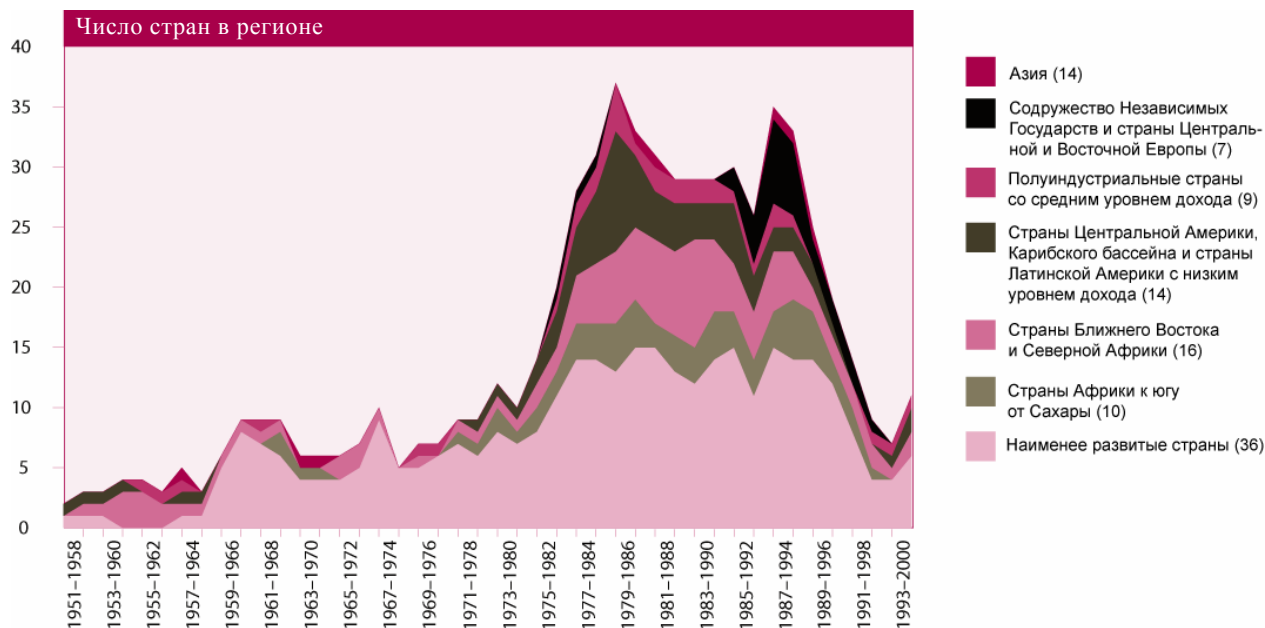
Усиление неравенства между странами обусловлено различиями в показателях экономической деятельности на протяжении нескольких десятилетий. В целом, в 1960 году разрыв в уровнях дохода между промышленно развитыми и развивающимися странами уже был весьма значительным, а в последующие годы продолжал увеличиваться. В то же время динамика роста в разных развивающихся странах существенно различалась. Усиление диспропорций в уровнях дохода между развивающимися странами стало особенно заметным после 1980 года, что отчасти объяснялось ограниченным числом стран, главным образом в Восточной Азии, добившихся успехов в обеспечении поступательного экономического роста. В других регионах мира значительно большее число стран столкнулось с резким падением темпов роста, что имело долгосрочные последствия для уровня жизни населения. За последние 25 лет число случаев резкого падения темпов роста увеличилось, а число случаев успешного развития сократилось. В 1960-е и 1970-е годы почти в 50 из включенных в выборку 106 развивающихся стран наблюдался один или несколько продолжительных периодов активного поступательного роста доходов на душу населения, темпы которого превышали 2 процента в год (см. диаграмму O.2). Однако после 1980 года лишь в 20 развивающихся странах наблюдались периоды поступательного роста. И напротив, не менее 40 развивающихся стран столкнулись с резким падением темпов роста, т. е. с периодами продолжительностью в пять или более лет, в течение которых показатели подушевого дохода не увеличивались или снижались. Такие периоды падения темпов роста наиболее характерны для наименее развитых стран и стран Африки к югу от Сахары. В предыдущие десятилетия подобные спады в процессе развития происходили редко и затрагивали менее 10 стран.

В самое последнее время развивающиеся страны, несомненно, достигли больших успехов. Судя по нынешним тенденциям, в период 2004–2006 годов практически все развивающиеся страны добьются примерно равного роста — явление, невиданное с конца 1960-х — начала 1970-х годов. За эти три года темпы роста подушевого дохода в развивающихся странах в среднем превысят 4 процента в год, а в наименее развитых странах показатели будут даже выше. Пока неясно, насколько долгосрочной будет эта наметившаяся в последнее время тенденция. К числу ключевых факторов, объясняющих эти результаты, относятся, в частности, сочетание высоких цен на сырье, низкого уровня процентных ставок и увеличения официальной помощи в целях развития (ОПР) и

облегчения бремени задолженности беднейших стран. Поскольку эти благоприятные условия не будут носить постоянного характера, сохранение высоких темпов роста будет в решающей степени зависеть от способности развивающихся стран использовать дивиденды от сложившейся в настоящее время выгодной конъюнктуры для инвестирования в интересах долгосрочного экономического развития.

Диаграмма О.2

Случаи падения темпов роста в развивающихся странах, 1951–2000 годы

Источник: ДЭСВ ООН, на основе данных Maddison (2001).

Экономисты не дают однозначных ответов на вопрос о конкретных причинах положительного и отрицательного опыта отдельных стран в области роста. В подготовленных в последнее время исследованиях вновь обращается внимание на сложность различных аспектов экономического роста. Вновь формирующийся консенсус сводится к тому, что при поиске ответов следует не ограничиваться анализом чисто экономических факторов, а учитывать также исторические и организационные условия в каждой стране. Особое внимание в рамках анализа следует уделять диагностике препятствий, тормозящих рост, таких как ограничения в области мобилизации в достаточном объеме внутренних и зарубежных финансовых ресурсов, низкий уровень развития человеческого капитала и технического потенциала, слабость структур управления и недостатки в деятельности учреждений, регулирующих рынки или занимающихся предоставлением общественных благ и социальных услуг. В разных странах важность и значение этих препятствий, как правило, различаются. В настоящем докладе предпринята попытка внести свой собственный вклад в изучение этого по сути неизведанного вопроса, в частности путем рассмотрения того, как функционирование глобальных рынков сказывается на источниках роста и влияет на имеющееся у развивающихся стран пространство для

маневра в национальной политике для преодоления этих препятствий. Успех в области развития зависит как от усилий, предпринимаемых на национальном уровне для создания активных источников роста, так и от наличия благоприятных международных условий.

Рост производительности и структурные преобразования

Рост производительности в развитых странах обусловлен главным образом техническим прогрессом. Однако в развивающихся странах процессы роста и развития в гораздо меньшей степени связаны с внедрением технических новшеств и в гораздо большей — с изменением структуры производства в сторону увеличения доли более производительных видов деятельности. Подобные структурные преобразования можно осуществить в основном путем принятия на вооружение и адаптации существующих технологий, замещения импорта и выхода на мировые рынки промышленных товаров и услуг, а также путем быстрого накопления материального и человеческого капитала. Лишь весьма ограниченный круг развивающихся стран в состоянии заниматься оригинальной деятельностью в области НИОКР.

Промышленный сектор, как правило, вносит более активный вклад в общий рост производства из-за более высоких темпов роста производительности в силу усиления эффекта масштаба и отдачи от технического прогресса и практического обучения в ходе производственного процесса. Его повышенная активность также объясняется его способностью устанавливать более жесткие вертикальные интеграционные связи между различными секторами экономики путем переработки сырья и полуфабрикатов. Современные секторы сферы услуг также являются источником повышения производительности и имеют важнейшее значение для процесса индустриализации. По мере расширения международной торговли услугами они также открывают новые возможности для развития экспорта.

В целом динамичные структурные преобразования не ограничиваются одним лишь ростом промышленности и современной сферы услуг. Они по сути подразумевают способность постоянно генерировать новые активные виды деятельности. Они также предусматривают укрепление экономических связей в экономике — иными словами, интегрируют *национальную* экономику. Уровень интеграции национальной экономики влияет на возможности получения той или иной страной выгод от международной торговли и инвестиций. Кроме того, он сказывается на способности добиваться повышения производительности во всех основных секторах экономики.

Динамика структурных преобразований на протяжении последних четырех десятилетий свидетельствует о том, что подобные активные изменения являются характерной чертой быстро развивающихся стран Восточной и Южной Азии. Страны, отличающиеся относительно незначительными структурными преобразованиями, особенно страны Африки, постепенно отстают. Низкие темпы долгосрочного роста в странах Латинской Америки и Карибского бассейна со средним уровнем дохода, а также в странах Центральной и Восточной Европы, Ближнего Востока и республиках бывшего Союза Советских Социалистических Республик по сути были связаны с процессом *деиндустриализации*. В этих странах рост был в основном сконцентрирован в низкопроизводи-

тельных секторах сферы услуг, а в сельском хозяйстве и промышленности практически отсутствовал. И напротив, высокие темпы роста в Восточной и Южной Азии были связаны с резким снижением значения сельского хозяйства и активным ростом как промышленных секторов, так и сферы услуг.

В этих странах с высокими темпами роста также наблюдается поступательный рост производительности труда, сопровождающийся перетоком рабочей силы из секторов с низкой производительностью в секторы с высокой производительностью, в том числе в современные секторы сферы услуг. В регионах, отличающихся низкими темпами роста, переток рабочей силы в сферу услуг носил даже более ярко выраженный характер. Однако в отличие от Азии в сфере услуг в странах Африки к югу от Сахары, Латинской Америки и бывшего Советского Союза наблюдается снижение производительности, поскольку многие работники начинают трудоустраиваться в неорганизованные секторы сферы услуг из-за нехватки новых рабочих мест в других секторах экономики.

Международная торговля, прямые иностранные инвестиции и неравенство

Важно, что именно экспортируется, а не только объемы экспорта

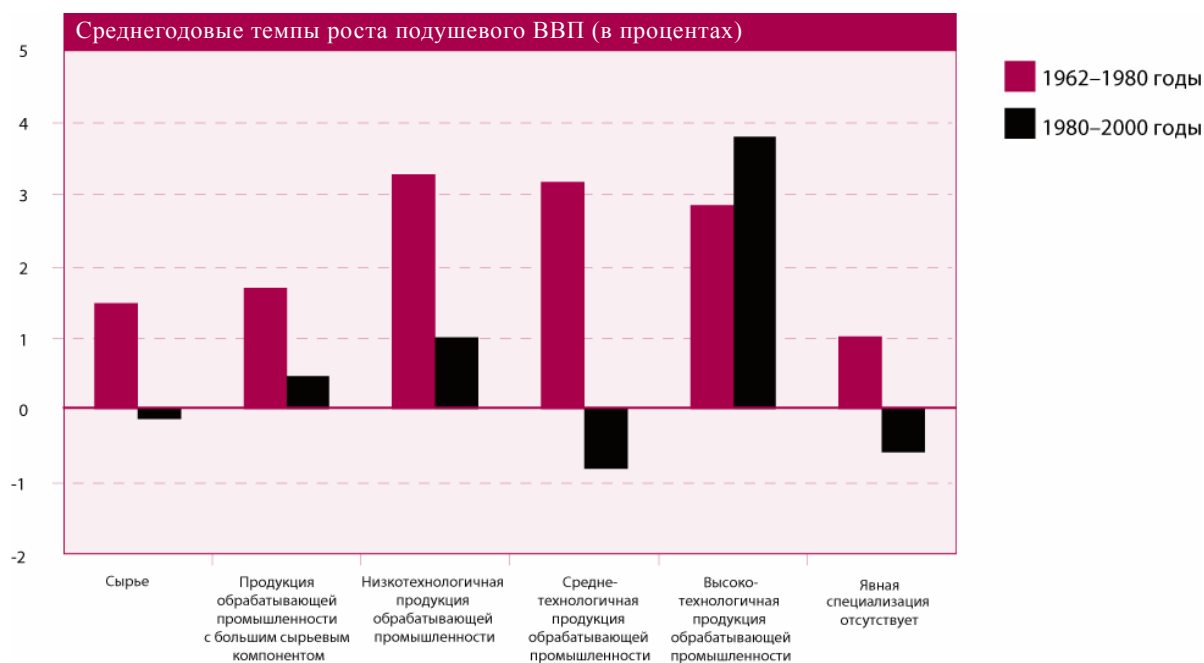
Усиление интеграции мировой экономики, как представляется, усугубляет дивергенцию темпов роста в разных странах. Торговля может оказывать стимулирующее воздействие на рост, однако, на первый взгляд, вопрос заключается не в том, *сколько* экспортирует та или иная страна, а в том, *что* она экспортирует. Более высокие темпы общеэкономического роста под воздействием развития торговли характерны для стран с более динамичной структурой экспорта (см. диаграмму О.3). Под этим понимается структура экспорта, которая не только позволяет странам выходить на мировые рынки с продукцией, отличающейся более значительным потенциалом роста (как правило, высокотехнологичной продукцией, отличающейся высокой эластичностью спроса по доходам), но и способствует укреплению производственных связей с остальными секторами национальной экономики и повышению степени переработки более широкого круга услуг и товаров. Странам Восточной Азии удалось добиться такой диверсификации своей экономики, о чем со всей наглядностью свидетельствует характер осуществленных ими структурных преобразований. В экспортной деятельности развивающихся стран с более низкими темпами роста основной упор сделан на продукции с меньшей степенью переработки, производство которой характерно для менее интегрированной национальной экономики. Многие из этих стран по-прежнему сильно зависят от экспорта сырья, и их доля в мировом товарообороте сокращается. Они также страдают от более значительных неблагоприятных торговых потрясений. Цены на сырье отличаются меньшей устойчивостью, чем цены на другую экспортную продукцию, а условия торговли стран, экспортирующих нетопливное сырье, в период с 1980 по 2003 год ухудшились почти на 40 процентов. Недавнее повышение цен на сырье лишь отчасти компенсировало это ухудшение. По состоянию на конец 2005 года средние цены на нетопливное сырье в реальном выражении по-прежнему были ниже уровня 1980 года.

Для многих развивающихся стран диверсификация в сторону высокотехнологичного экспорта может на первом этапе оказаться нереальным вариантом.

Как правило, у стран с низким уровнем дохода отсутствуют адекватные базовые производственные мощности, инфраструктура и человеческий капитал, а также возможности в сфере международной торговли, позволяющие развивать подобный динамичный экспорт. Поскольку эти страны обладают определенной конкурентоспособностью на мировых рынках сырья, они должны разработать промышленные стратегии диверсификации экспорта, предусматривающие переработку продукции с большим сырьевым компонентом и развитие легкой промышленности.

Диаграмма О.3

Зависимость между торговой специализацией и экономическим ростом стран, классифицированных по основным категориям товарного экспорта, 1962–2000 годы

Источник: таблица А.5 приложения.

Прямые иностранные инвестиции могут способствовать экономическому росту, но лишь при условии укрепления внутриэкономических связей

Влияние прямых иностранных инвестиций (ПИИ) на экономический рост непосредственно зависит от роли, которую они могут играть в укреплении *внутриэкономических* связей. С 1980-х годов темпы роста ПИИ превышали темпы роста как мирового производства, так и торговли. Эта тенденция подкреплялась, среди прочего, расширением международных производственных сетей в обрабатывающей промышленности и в современной сфере услуг, снятием ограничений на потоки капитала и приватизационными процессами в развивающихся странах. Среднегодовой приток ПИИ в развивающиеся страны увеличился в десять раз. В то же время основная часть (свыше двух третей) ПИИ по-прежнему приходится на развитые страны. ПИИ, направляемые в развивающиеся страны, также отличаются высокой концентрацией: свыше

80 процентов притока ПИИ в развивающиеся страны приходится на долю всего десятка стран (главным образом со средним уровнем дохода), включая Китай и Индию.

ПИИ обеспечивают поступление в страну финансовых ресурсов и технологии и, таким образом, могут вносить существенный вклад в обеспечение долгосрочного роста в развивающихся странах. Вместе с тем очевидно, что ПИИ направляются в первую очередь в страны с более высокими доходами и более развитыми рынками, инфраструктурой и человеческим капиталом. В этом смысле ПИИ, как представляется, способствуют дивергенции роста. Кроме того, существенное увеличение притока ПИИ в отдельные страны не всегда сопровождается активизацией экономического роста. В период 1980-х–1990-х годов во всех крупных странах Латинской Америки, а также в некоторых крупных африканских странах наблюдалось увеличение притока ПИИ относительно их валового внутреннего продукта (ВВП); однако общая норма инвестирования оставалась неизменной или снижалась. Кроме того, в Африке ПИИ направляются в основном в горнодобывающий сектор и характеризуются практически полным отсутствием связей и отдачи с точки зрения повышения уровня занятости, которые отвечали бы интересам всей экономики.

Авторы настоящего доклада приходят к выводу, что для того, чтобы страны могли извлечь выгоду из ПИИ, их национальные компании и учреждения должны обладать требуемой способностью к освоению средств и техническим потенциалом. Кроме того, наибольших успехов в мобилизации притока ПИИ добились страны, инвестирующие значительные средства в создание отечественной инфраструктуры, развитие человеческого капитала и предпринимательского потенциала (например, Сингапур и Ирландия). И наоборот, в тех случаях, когда приток ПИИ обусловлен существенными налоговыми льготами или является результатом применения политических мер, ведущих к возникновению торговых диспропорций (таких как квоты на текстиль и одежду), и не сопровождается одновременным наращиванием местного потенциала и созданием связей между иностранными филиалами и местными компаниями, возможности для извлечения долгосрочных выгод из поступления таких инвестиций, как представляется, ограничены.

Торговая и инвестиционная политика, ориентированная на экономический рост

В последние десятилетия главной тенденцией в области политики является либерализация торговли. В большинстве регионов мира это привело к увеличению физического объема экспорта, но отнюдь не обязательно к ускорению экономического роста. Страны, способные диверсифицировать и изменить структуру производства в сторону увеличения доли видов деятельности, отличающихся более высокой производительностью, добились более ощутимого повышения темпов роста. Одной из главных проблем является стимулирование более активной диверсификации экономики и экспорта. Это потребует как проведения активной национальной политики, так и создания более благоприятных условий для торговли развивающихся стран.

Во-первых, следует отметить важность принятия правительствами развивающихся стран на вооружение активных стратегий развития производственного сектора. Большинство развивающихся и развитых стран, успешно добив-

шихся поступательного экономического роста, проводили активную промышленную политику для содействия диверсификации экономики и модернизации технической базы своих стран. Что касается развивающихся стран, то им удавалось добиться успеха, когда осуществлявшиеся ими стратегии роста на базе ускоренного развития экспорта предусматривали в той или иной комбинации проведение стимулирующей макроэкономической политики (см. ниже), защиту отдельных формирующихся отраслей, субсидирование экспорта, регулируемые механизмы кредитования, нормы, определяющие местный компонент, и значительные инвестиции в человеческий капитал, а также стратегические связи с многонациональными компаниями. Меры поддержки нередко четко увязывались с конкретными критериями развития экспорта. В рамках многосторонних торговых соглашений пространство для маневра при проведении подобных активных стратегий развития производственного сектора уменьшилось, но полностью не исчезло. Развивающиеся страны, и в частности наименее развитые страны, пользуются особым и дифференцированным режимом, предусмотренным в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) и Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров. Однако на практике развивающиеся страны, кроме беднейших, обязаны следовать тем же нормам, что и развитые страны, но в их отношении предусмотрены более длительный переходный период и более высокий уровень протекционистской защиты.

Во-вторых, развивающиеся страны нуждаются в более благоприятных условиях многосторонней торговли. Расширение торговых возможностей для развивающихся стран должно предусматривать улучшение доступа на рынки экспортируемой ими продукции как сельского хозяйства, так и легкой промышленности, уменьшение мер национальной поддержки сельскохозяйственного производства на рынках развитых стран и, в частности, прекращение субсидирования национальных производителей и экспортеров сельскохозяйственной продукции, ведущего к возникновению торговых диспропорций. Расширение торговых возможностей также означает получение этими странами более широких возможностей для выхода на мировые рынки услуг, включая те из них, которые требуют мобильности неквалифицированной рабочей силы. Для наименее развитых стран важнейшее значение имеет беспопытный и неквотируемый доступ на рынки промышленно развитых стран. Всем развивающимся странам также требуется помощь в изыскании способов покрытия издержек, связанных с адаптацией к режиму более свободной торговли, в частности тем из них, которые в процессе либерализации лишаются торговых преференций.

В-третьих, развивающимся странам также необходимы более широкие возможности для принятия на вооружение стратегий, направленных на расширение потенциала в области предложения, который необходим для успешной деятельности на глобальных рынках и который стимулирует активные структурные преобразования в экономике этих стран. У беднейших стран требуемое пространство для маневра в политике не так ограничено, как у других развивающихся стран. Всем развивающимся странам необходимо уделять больше внимания, чем в прошлом, нормам, облегчающим диверсификацию производства в сторону активной переработки сырья для экспортных рынков и — что еще важнее — обрабатывающей промышленности и сферы услуг. Больше внимания также следует уделять стратегиям, облегчающим установление связей между этими секторами и другими национальными отраслями и в целом стимулирующим интеграцию *внутреннего* рынка. Это может потребовать специ-

альных мер защиты в отношении формирующихся *экспортных* отраслей. Расширение пространства для маневра необходимо также для придания соглашениям о защите прав интеллектуальной собственности более ярко выраженной направленности на обеспечение развития. Таким образом, в контексте определения особого и дифференцированного режима для развивающихся стран в рамках многосторонних торговых соглашений следует уделять этим вопросам больше внимания. Иными словами, как подчеркнуто в Сан-Паульском консенсусе, принятом Конференцией Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) на ее одиннадцатой сессии в июне 2004 года (документ TD/412, часть II), важно найти надлежащий баланс между пространством для маневра в национальной политике и международными принципами и обязательствами.

Неустойчивые потоки частного капитала и проциклическая макроэкономическая политика негативно влияют на экономический рост

Неустойчивая динамика потоков капитала в развивающиеся страны

Нет никаких данных, свидетельствующих о том, что за последние 40 лет частные финансовые потоки, не связанные с ПИИ, неизменно приводили к увеличению инвестиций и ускорению роста в развивающихся странах. И уж тем более они не способствовали уменьшению международного неравенства в доходах. С 1970-х годов развивающиеся страны, и в первую очередь страны со средним уровнем дохода, получили более широкий доступ к источникам краткосрочного и долгосрочного частного финансирования, однако приток этих ресурсов в беднейшие страны был, как правило, весьма незначительным. В то же время приток коммерческих банковских кредитов и других портфельных инвестиций в развивающиеся страны, как оказалось, носит явно выраженный проциклический характер. В периоды экономического подъема доступ к внешним финансовым ресурсам расширяется, а их стоимость снижается, а в периоды экономического спада доступ сокращается, а сами эти ресурсы удорожаются. Таким образом, зарубежное частное кредитование способствует усилению неустойчивости экономики, и в 1980-е и 1990-е годы соответствующие периоды внезапного расширения и сокращения притока частного капитала становились причинами острых финансовых кризисов. Неустойчивость экономики ведет к усилению неопределенности, что пагубно сказывается на долгосрочных инвестициях и росте. Издержки в связи с валютными и банковскими кризисами сами по себе огромны, к тому же, по некоторым оценкам, эти кризисы привели к снижению уровня доходов в развивающихся странах на 25 и более процентов. Перед развивающимися странами стоит задача уменьшить свою зависимость от непредсказуемых потоков краткосрочного капитала и создать условия, обеспечивающие направление долгосрочных частных кредитов на производительные инвестиции.

Для роста важны как макроэкономическая стабильность, так и гибкая политика

Макроэкономическая стабильность оказывает заметное влияние на долгосрочное развитие экономики. Макроэкономическую стабильность следует рас-

смагивать в широком смысле как не ограничивающуюся простым поддержанием стабильности цен и приемлемого бюджетного сальдо. Она также предусматривает недопущение резких изменений в уровнях экономической деятельности и занятости и, кроме того, поддержание приемлемого сальдо платежного баланса и избежание завышения валютного курса. Периодичность финансовых кризисов в развивающихся странах свидетельствует о том, что макроэкономическая стабильность предполагает, помимо всего прочего, поддержание должным образом регулируемых отечественных финансовых секторов, использование в банковской системе надлежащих балансовых ведомостей и формирование взвешенной структуры внешней задолженности.

В 1960-е годы большинство развивающихся стран переживали период устойчивого роста и относительной макроэкономической стабильности. В последующие десятилетия быстро развивающимся странам Восточной Азии удалось добиться значительно большей макроэкономической стабильности, чем странам Латинской Америки и Африки, у которых темпы роста были гораздо ниже. Макроэкономическая стабильность и рост взаимно подкрепляют друг друга. Активный и устойчивый рост облегчает достижение большей макроэкономической стабильности путем, в частности, повышения приемлемости внутреннего и внешнего государственного долга. В свою очередь, более высокая стабильность в широком смысле слова снижает неуверенность инвесторов и, таким образом, способствует активизации долгосрочного роста.

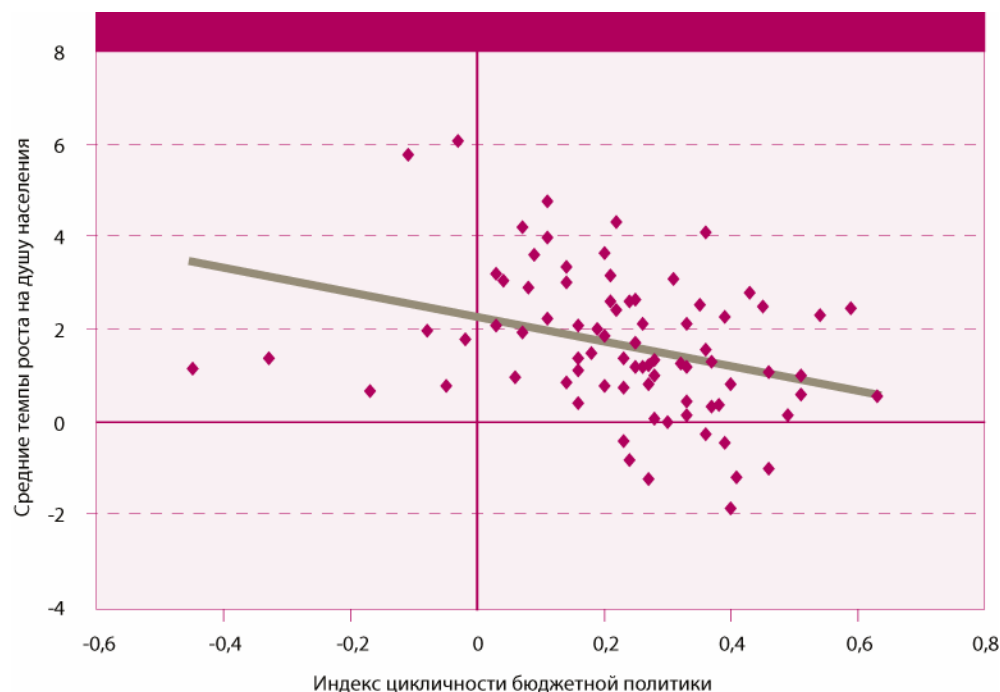
Особое внимание в политике стабилизации, проводившейся многими развивающимися странами с начала 1980-х годов, уделялось в основном задачам снижения темпов инфляции и восстановления сбалансированности бюджетов. Хотя никто не спорит с тем, что снижение темпов инфляции и бюджетная осмотрительность являются разумными целями макроэкономической политики, высказываются опасения по поводу того, что на практике, страны, возможно, уделяют этим задачам слишком много внимания в ущерб другим аспектам макроэкономической стабильности. В частности, ценовая стабильность нередко достигается за счет повышения валютного курса и формирования неприемлемого бремени внешней задолженности. Кроме того, на протяжении последних двух десятилетий макроэкономическая политика в большинстве стран развивающегося мира носила явно выраженный проциклический характер. Это оказывалось сопряжено с особенно значительными издержками в периоды экономического спада, когда такая политика приводила к замедлению экономического роста и снижению уровня занятости.

Представленный в настоящем докладе анализ показывает, что проводимая странами Африки и Латинской Америки бюджетная политика носит ярко выраженный проциклический характер и нередко определяется проциклическим воздействием неустойчивых потоков капитала. В Восточной Азии бюджетная политика является либо нейтральной по отношению к циклу деловой активности, либо антициклической. Судя по обширной выборке развивающихся стран, налицо явная отрицательная корреляция между проциклической бюджетной политикой и долгосрочным ростом (см. диаграмму О.4). Таким образом, создание условий для проведения антициклической политики макроэкономических преобразований, как представляется, благоприятствует росту и тем самым способствует конвергенции доходов. Для развивающихся стран это еще важнее, чем для развитых. Макроэкономическая нестабильность, как правило, гораздо

заметнее на низких уровнях развития, особенно в силу большей уязвимости развивающихся стран для внешних потрясений.

Диаграмма О.4

Отрицательное влияние проциклической бюджетной политики на долгосрочный рост

Источник: ДЭСВ ООН, на основе данных Kaminsky, Reinhart and Végh (2004); и сведения из базы данных Всемирного банка “World Development Indicators 2005”.

Примечание: Индекс рассчитан как средневзвешенное показателей цикличности бюджетной политики, включая государственные расходы, косвенный показатель изменений ставок налогообложения и изменения величины расходов на протяжении цикла деловой активности в развивающихся странах. Положительные значения указывают на более высокую процикличность, а отрицательные — на антицикличность. С дополнительной информацией можно ознакомиться в работе Kaminsky, Reinhart and Végh (2004).

Необходимо расширять возможности для проведения антициклической макроэкономической политики

Для правительств многих развивающихся стран возможность проведения антициклической макроэкономической политики ограничена, поскольку имеющиеся в их распоряжении бюджетные и инвалютные средства, как правило, незначительны по сравнению с масштабами испытываемых ими внешних потрясений. Дополнительную помощь в расширении необходимого пространства для маневра в политике могут оказать международные действия, направленные на смягчение последствий неустойчивости потоков частного капитала (см. ниже). Однако даже на национальном уровне правительства могут принимать меры для расширения рамок проведения антициклической политики пу-

тем совершенствования организационной базы выработки макроэкономической политики.

Во-первых, более оптимальные организационные условия проведения бюджетной политики должны обеспечивать сбалансированный учет принципов осторожности и гибкости в бюджетных вопросах таким образом, чтобы гарантировать как доверие к проводимой политике, так и устойчивость бюджетной деятельности. Установление бюджетных нормативов, не зависящих от краткосрочных колебаний темпов экономического роста (так называемых *структурных* бюджетных норм) может стать эффективным средством обеспечения проведения антициклической политики. Некоторым развивающимся странам, таким как Чили, удавалось успешно использовать такие бюджетные нормы. Кроме того, можно использовать фонды стабилизации бюджета, способствующие сглаживанию временной динамики налоговых поступлений из нестабильных источников, таких как предприятия, производящие сырье на экспорт. Опыт использования таких фондов в различных регионах мира был неоднородным. Их, разумеется, нельзя рассматривать как панацею, и к управлению такими фондами следует подходить с осторожностью. Вместе с тем фонды стабилизации бюджета могут быть эффективным инструментом, позволяющим на время устранить необходимость вынужденного сокращения бюджетных расходов путем поддержания долгосрочных государственных инвестиций в инфраструктуру и развитие человеческого капитала, способствующих повышению темпов роста, в том числе в периоды сокращения налоговых поступлений под воздействием внешних потрясений и экономических спадов.

Во-вторых, следует сохранить определенную свободу в расходовании средств. С 1980-х годов правительства многих развивающихся стран перешли от дискреционного проведения макроэкономической политики к проведению политики, основанной на установленных нормах. В основе этой тенденции лежало убеждение в том, что это позволит избежать макроэкономической нестабильности, обусловленной проводимой политикой. Например, около 20 стран перешли к установлению показателей инфляции в качестве нормативов, определяющих кредитно-денежную политику. В соответствии с этим кредитно-денежным режимом независимый центральный банк обязуется поддерживать стабильный уровень цен, официально объявляя о том, какой уровень инфляции он будет считать допустимым. Подобная политика имеет ряд преимуществ, включая возможность повышения транспарентности и авторитета политики центрального банка. В то же время отсутствие свободы маневра при проведении кредитно-денежной политики, ориентированной на достижение узкой цели сдерживания инфляции в жестких рамках, препятствует достижению в рамках макроэкономической стабилизации целей повышения уровня занятости и темпов роста. Проведение политики, основанной на установленных нормах, может быть оправданным в течение определенного времени в условиях, когда экономика не подвержена серьезным потрясениям. Однако по мере изменения со временем структуры экономики ее уязвимость для внешних потрясений будет возрастать. Например, финансовые потрясения могут стать более важными, чем потрясения, вызванные изменением условий торговли. В таких меняющихся условиях заранее определенные нормы, регулирующие проводимую политику, по-видимому, утрачивают свою актуальность или оказываются слишком жесткими. Кроме того, поскольку риски и неопределенности, с которыми сталкивается экономика, никогда не проявляются одинаковым образом или с одинако-

вой интенсивностью, правительство всегда нуждается в определенной свободе маневра для проведения дискреционной политики в целях осуществления коррекции, которая позволила бы минимизировать макроэкономические потери.

В-третьих, макроэкономическая политика должна быть четко увязана с другими областями принятия экономических решений. Как представляется, исключительно важное значение в этой связи имеет конкурентоспособный реальный валютный курс. Например, в быстро развивающихся странах Восточной Азии макроэкономическая политика являлась частью более общей стратегии в области развития, что непосредственно способствовало долгосрочному росту. В бюджетной политике этих стран приоритет отдавался расходам на цели развития, включая инвестиции в образование, здравоохранение и инфраструктуру, а также субсидиям и гарантированию кредитов экспортным отраслям. Кредитно-денежная политика координировалась с политикой в финансовом и промышленных секторах, в том числе в вопросах субсидируемых механизмов целевого кредитования и регулирования процентных ставок для оказания непосредственного влияния на уровни инвестирования и накопления, и при этом большое значение придавалось поддержанию валютного курса на конкурентоспособном уровне для стимулирования и диверсификации экспорта. Напротив, во многих латиноамериканских и африканских странах макроэкономическая политика с 1980-х годов ориентирована на достижение гораздо более узко определенных краткосрочных целей стабилизации, что много раз приводило к завышению валютного курса.

Международная политика уменьшения финансовой непредсказуемости

Одна из главных задач многосторонних финансовых учреждений заключается в оказании развивающимся странам помощи в смягчении пагубных последствий непредсказуемых изменений потоков капитала и в обеспечении доступа к механизмам финансирования для противодействия циклическим колебаниям, с тем чтобы компенсировать динамику потоков частного капитала, которая по своей природе носит проциклический характер. Существует целый ряд вариантов смягчения проциклического характера потоков капитала и содействия тем самым формированию более благоприятных условий для устойчивого роста.

Первый набор мер предусматривает переход к использованию финансовых инструментов, уменьшающих валютные диспропорции и увязывающих обязательства по обслуживанию долга с платежеспособностью развивающихся стран (например, путем выпуска облигаций, увязанных с ВВП или ценами на сырье). Применение этих мер может сопровождаться использованием инструментов гарантирования государственных займов с антициклическими элементами, выпускаемых многосторонними банками развития и учреждениями по кредитованию экспорта. Третий подход заключается в оказании правительствам развивающихся стран содействия в укреплении нормативной базы, которая дестимулирует непредсказуемые изменения притока краткосрочного капитала, и рациональных внутренних финансовых структур государственного и частного секторов.

Кроме того, в центре усилий по предупреждению кризисов по-прежнему должен оставаться многосторонний контроль — в первую очередь со стороны Международного валютного фонда (МВФ). Важным элементом облегчения не-

обоснованного бремени структурной перестройки и уменьшения издержек, связанных с необходимостью хранения крупных резервов, считается расширенное предложение на международном уровне кредитов по линии чрезвычайного финансирования в ответ на внешние потрясения. Для стран как со средним, так и с низким уровнем доходов надлежащие механизмы должны предусматривать выделение ликвидных средств для нивелирования колебаний в экспортных поступлениях, особенно вызванных нестабильностью цен на сырьевые товары и стихийными бедствиями. Следует облегчать доступ к официальным международным источникам ликвидности в периоды кризисов баланса движения капиталов, причем этот доступ должен быть сопоставим с потенциально значительными потребностями стран, которые могут превосходить нормальные лимиты кредитования на основе квот членов МВФ.

Инвестирование в инфраструктуру и человеческий капитал необходимы для экономического роста

Отчасти наблюдающаяся дивергенция роста объясняется пробелами в государственных инвестициях и расходах на инфраструктуру и развитие человеческого потенциала в этих странах.

Потребности в более совершенной инфраструктуре

Одним из необходимых условий обеспечения производительности компаний является надлежащий уровень развития инфраструктуры. Попробуйте представить себе экономику без телефонов, электричества или дорог. По самой своей природе инфраструктура характеризуется неделимостью, и странам необходимо довести развитие инфраструктуры до порогового, или минимального, уровня (скажем, минимальной сети дорог), прежде чем это скажется на темпах роста производительности в экономике в целом. Для достижения минимального уровня развития инфраструктуры странам следует на протяжении длительных периодов времени поддерживать государственные инвестиции на достаточно высоком уровне. Именно отсутствие таких инвестиций отчасти объясняет, почему страны Латинской Америки и Африки к югу от Сахары отстают по темпам развития от стран Восточной Азии, которые на протяжении долгого времени вкладывают в развитие инфраструктуры значительные средства. Страны Восточной Азии инвестировали больше средств в повышение качества и расширение охвата материальной инфраструктуры. В отличие от этого в странах Латинской Америки в результате ужесточения режима бюджетной экономии с 1980-х годов наблюдалось сокращение объемов инвестиций в инфраструктуру. Это привело к формированию существенных различий в качестве и доступности инфраструктуры. С 1960-х годов плотность дорожной сети в Латинской Америке и странах Африки к югу от Сахары практически не повысилась, тогда как в Восточной Азии она стала втрое выше. Кроме того, количество телефонных линий в Восточной Азии вдвое превышает количество таких линий в Латинской Америке и в десять раз — в странах Африки к югу от Сахары.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что увеличение разрыва в уровнях дохода между странами Восточной Азии и Латинской Америки в 1980-е и 1990-е годы практически на треть может объясняться разницей в темпах развития инфраструктуры. Данные также указывают на наличие существ-

венного взаимодействия между государственными и частными инвестициями. В тех случаях, когда правительства сокращали государственные инвестиции в инфраструктуру или приватизировали инфраструктурные услуги, частные инвесторы не закрывали образовавшуюся брешь. Для большого числа стран Латинской Америки и Африки этот результат полностью расходится с первоначальными ожиданиями от таких программ приватизации.

Развитие человеческого потенциала как необходимое, но недостаточное условие роста

Как явствует из ряда эмпирических исследований, развивающиеся страны могли бы сократить разрыв с развитым миром лишь в том случае, если бы им удалось добиться более высокого уровня развития человеческого потенциала. Однако связи между ростом и развитием человеческого потенциала носят сложный характер. В настоящее время существуют значительные диспропорции в уровнях показателей благополучия человека, таких как средняя продолжительность жизни и уровень образования. Однако, как показывает мировой опыт, чаще удается добиться уменьшения разрыва между странами в уровнях здравоохранения и образования, чем в уровнях подушевого дохода. Приводимые в настоящем докладе данные свидетельствуют о том, что все страны, достигшие успехов в области экономического роста, в начале процесса поступательного роста отличались сравнительно высоким уровнем развития человеческого потенциала и добивались значительных успехов в сферах образования и здравоохранения по мере повышения средних доходов. И наоборот, не все страны с относительно высоким уровнем развития человеческого потенциала смогли добиться высоких долгосрочных темпов экономического роста.

Развитие человеческого потенциала — это, разумеется, самостоятельная цель, закрепленная в глобальной повестке дня конференций и встреч на высшем уровне Организации Объединенных Наций. Однако при этом такое развитие, как представляется, является необходимым, но недостаточным условием поступательного экономического роста. Для того чтобы создать соответствующие условия для более образованного населения, необходимо будет устранить другие ограничения на пути экономического роста и структурных преобразований. Решающим в этой связи является активное создание возможностей для достойной и производительной занятости.

Создание пространства для маневра в бюджетной политике в целях осуществления долгосрочных инвестиций в инфраструктуру и развитие человеческого потенциала

Улучшение развития человеческого потенциала и повышение качества инфраструктуры требуют адекватного и стабильного уровня государственных расходов. Для развития инфраструктуры необходимы крупные инвестиции, эффект от которых начинает ощущаться лишь по прошествии времени. Улучшение образования и здравоохранения также предполагает долгосрочную деятельность и требует постоянного развития и финансирования социальных служб. Качественная инфраструктура, образование и здравоохранение могут приносить важные социальные результаты, и это оправдывает центральную роль правительств в обеспечении направления обществом достаточных инвестиций на эти цели. Как уже рассматривалось выше, антициклическая бюджетная политика может способствовать сглаживанию колебаний в целях поддер-

жания на должном уровне текущих государственных расходов и государственных инвестиций и помогать избегать необоснованного сокращения расходов на образование, здравоохранение и инфраструктуру в периоды экономических спадов.

Странам, имеющим существенные пробелы в инфраструктуре и развитии человеческого потенциала, необходимо будет значительно увеличить пространство для маневра в бюджетной сфере для осуществления расходов в этих областях. Во многих странах такого расширения пространства для маневра можно добиться благодаря повышению эффективности государственных расходов на цели образования и здравоохранения путем обеспечения их более четкой направленности на решение приоритетных проблем в социальных секторах и повышению рентабельности государственных программ. В области инфраструктуры сокращению расходов могли бы способствовать совершенствование механизмов финансирования и борьба с коррупцией при заключении подрядов на строительство объектов инфраструктуры. Однако даже при таком повышении эффективности государственных расходов имеющихся ресурсов может оказаться недостаточно. Важное значение будет иметь укрепление налоговой базы, особенно в странах с низким уровнем государственных поступлений. Что же касается беднейших стран, то очевидно, что им для осуществления необходимых инвестиций потребуются значительные дополнительные ресурсы. Необходимо будет увеличить объем помощи в целях развития, которая должна будет выделяться на поддержку инвестиций в инфраструктуру и развитие человеческого потенциала.

Увеличение помощи и повышение ее эффективности

В 1961 году, когда Генеральная Ассамблея провозгласила первое Десятилетие развития Организации Объединенных Наций, международное сообщество исходило из того, что для достижения поставленных целей в области роста необходимо будет активизировать усилия по мобилизации внутренних и внешних ресурсов. В то время также существовало понимание, что большинство этих ресурсов должны выделяться на развитие инфраструктуры и человеческого капитала для устранения недостатков процесса развития. Считалось, что важнейшую роль в преодолении таких факторов, тормозящих процесс роста, и придании развивающимся странам «большого толчка» должно играть увеличение объема предоставляемой помощи. В этой связи был разработан целевой показатель выделения развитыми странами по линии ОПР 0,7 процента своего валового национального дохода (ВНД). В последующие десятилетия многие страны так и не достигли этого целевого показателя выделения помощи, а обязательства государств — членов Комитета содействия развитию (КСР) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по выделению помощи снизились до уровня, составляющего всего треть от этого показателя. В 2002 году на Международной конференции по финансированию развития, проведенной в Монтеррее, Мексика, международное сообщество вновь заявило о необходимости принятия странами-донорами конкретных мер по достижению целевого показателя выделения 0,7 процента ВНД по линии ОПР и включило Цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия, в число осязаемых критериев, на базе которых должна производиться оценка эффективности ОПР. Вопрос помощи вновь занял центральное место в обсуждении проблем развития, и вновь — как в начале 1960-х годов — появились

предложения о придании странам «большого толчка». Кроме того, объем выделяемой помощи вновь начал расти, причем сейчас это сопровождается облегчением бремени задолженности беднейших стран.

Вопрос эффективности международной помощи в целях развития является предметом активного обсуждения. По мнению некоторых, помощь не способствует поддержанию экономического роста и инвестиций и практически не приводит к сокращению масштабов нищеты. Напротив, в настоящем докладе утверждается, что многочисленные данные подтверждают мнение о том, что помощь благотворно сказывается на долгосрочном развитии. Таким образом, ОПР отчасти противодействует тенденциям, ведущим к наблюдающейся на протяжении последних 40 лет дивергенции доходов. Однако поскольку масштабы оказываемой помощи остаются ограниченными, влияние ОПР на уменьшение разрыва в уровнях дохода между странами в лучшем случае можно считать крайне слабым.

Вышеизложенное можно расценивать как определенную поддержку реанимированной идеи придания развитию развивающихся стран «большого толчка», подпитываемого помощью. В этой связи Цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия, можно рассматривать как четко определенный набор задач, решение которых требует значительных инвестиций для доведения инфраструктуры и социальных услуг до минимального порогового уровня. Осуществление при поддержке средств, поступающих по линии помощи, целенаправленных программ могло бы вывести беднейшие страны на путь ускоренного роста. Такой подход предполагает не только обладание достаточными знаниями о том, как эффективно направлять такие ресурсы с учетом особенностей конкретных стран, но и наличие у правительств принимающих стран административного потенциала для регулирования потоков ресурсов таким образом, чтобы обеспечивать кумулятивное повышение уровня дохода и производительности. Таким образом, при оценке дополнительных потребностей в помощи в целях развития обязательно следует учитывать условия совершенствования структуры государственного управления — в особенности в таких областях, как транспарентность бюджетных процессов, создание качественной гражданской службы и повышение качества оказания социальных услуг. Однако факторы, определяющие успех на местном уровне, в разных странах могут быть различными, и поэтому выдвижение учреждениями-донорами разработанных ими дополнительных условий в области государственного управления при предоставлении помощи и кредитов, как это стало практиковаться в последнее время, может и не принести желательных результатов с точки зрения повышения качества государственных услуг.

Учреждения и благое управление

В настоящее время широко признается, что учреждения и структура государственного управления влияют на экономический рост и, таким образом, являются одними из причин увеличения глобальной диспропорции в уровнях дохода. Однако точно определить, какие «качественные» учреждения и структуры государственного управления необходимо создать для поддержания поступательного роста, нелегко, о чем все более явно свидетельствует проводимое в последние годы активное изучение важности этих структур. Как представляется, их выбор зависит от конкретной страны и существующих условий. Для лиц, ответственных за разработку политики, важно знать, как можно добиться су-

ществленного расширения новых экономических возможностей путем незначительных, но целенаправленных реформ существующих учреждений и структур государственного управления.

Как показывает экономическая история и опыт организационных реформ, даже постепенное совершенствование организационной базы в весьма конкретных областях, по-видимому, способно устранить ограничения на пути роста. Проведенная Китаем в конце 1970-х годов реформа сельских учреждений заложила почву для нынешних экономических успехов этой страны. В 1978 году Китай внедрил систему ответственности домохозяйств, в соответствии с которой домашним хозяйствам было предоставлено право пользования колхозной землей на условиях долгосрочной аренды. В обмен на это фермеры были обязаны поставлять заранее оговоренную долю произведенной ими продукции своему коллективному хозяйству в счет установленной для него товарной квоты, а остальную продукцию могли продавать на свободном рынке или правительству по заранее оговоренным ценам. Вьетнам также приступил к осуществлению программы земельной реформы, предусматривающей ограниченную передачу права собственности на землю арендаторам, для уменьшения ограничений в области сельскохозяйственного производства. Напротив, Республика Корея и китайская провинция Тайвань для достижения той же цели вскоре после Второй мировой войны полностью передали право собственности на землю фермерам. Во всех случаях последовавший за этим быстрый рост сельскохозяйственного производства заложил основу для промышленного развития.

Успехи не ограничиваются реформами сельских и сельскохозяйственных учреждений. Некоторые страны, такие как Маврикий и страны Восточной Азии, успешно интегрировались в глобальные торговую и финансовую системы путем постепенного создания различных учреждений с участием государственного и частного секторов для диверсификации структуры производства и формирования новых регулирующих механизмов для финансового сектора при одновременном принятии компенсационных мер для сведения к минимуму социально-экономических издержек проведения реформ.

На основании приведенных примеров можно сделать три важных вывода. Во-первых, для устранения факторов, ограничивающих экономический рост, можно эффективно использовать несколько форм реорганизации структуры государственного управления. Успех приведенных выше примеров определялся в основном тем, что реформы организационной базы строились при должном учете существующей в каждой стране социально-экономической системы. Во-вторых, относительно ограниченные реформы в Китае и Вьетнаме показывают, что для достижения ускоренного экономического роста не требуется немедленно проводить масштабных и всеобъемлющих организационных преобразований. Относительно незначительные изменения организационной базы могут принести грандиозные результаты, если складывается ощущение, что подобные изменения носят долгосрочный характер, и если они понимаются как первые шаги на пути проведения подлинных преобразований. В-третьих, реформы организационной базы отнюдь не ограничиваются простым созданием рынков (и соответственно предоставлением права собственности). Они также предусматривают создание организационных и нормативных механизмов, в которых нуждаются рынки для надлежащего функционирования, обеспечение общественных благ и гарантирование честности установленных правил (обес-

печивающих получение справедливых результатов). Кроме того, они способствуют формированию консенсуса и предотвращению социальных конфликтов.

Третий вывод имеет самое непосредственное отношение к урокам, которые следует извлечь из изучения причин неспособности многих более бедных стран, в частности в Африке, добиться роста. Слабость организационной базы и гражданские волнения играют существенную роль, однако их нельзя рассматривать в отрыве от экономических условий, существующих в этих странах. Неспособность добиться роста и внутренние конфликты, как представляется, в наибольшей степени присущи странам-экспортерам полезных ископаемых, в отличие от экспортеров сельскохозяйственной продукции и готовых изделий. Вместе с тем нельзя утверждать, что падение темпов роста и конфликты являются непосредственным следствием зависимости от поступлений от торговли природными ресурсами. Должны действовать и другие механизмы, такие как ненадлежащее выполнение социального контроля и сокращение возможностей государства. Однако наличие больших запасов легко поддающихся разграблению полезных ископаемых или незаконных наркотиков может становиться причиной возникновения или затягивания гражданских войн и конфликтов. Само наличие богатства, которое можно накопить за непродолжительное время в результате эксплуатации ресурсов, может усугублять социальное неравенство и политические конфликты, в том числе увеличивать пропасть между центральными органами управления и местными властями в областях, где находятся эти ресурсы, или между различными регионами одной страны. В отсутствие мощных учреждений, которые могли бы решать эти вопросы еще на первых этапах освоения месторождений, можно ожидать вспышек насилия и в целом усиления существующих разногласий в обществе, если складывается впечатление, что богатства распределяются несправедливо. Одним из главных выводов исследования, проведенного в рамках настоящего доклада, является мысль о том, что этого конкретного проявления «проклятия природных ресурсов» можно избежать, если страны обладают мощными учреждениями, способными разрешать и урегулировать конфликты.

Последствия для политики реформы государственного управления

Хотя осуществить реформу государственного управления в силу самой его природы нелегко, этот анализ в то же время показывает, что нет никаких оснований для пессимистичных утверждений, будто определенные страны обречены на сохранение низких темпов роста и никогда не смогут избавиться от учреждений, тормозящих их развитие. На самом деле рост возможен и при существовании учреждений, которые изначально страдают несовершенством, однако важно, чтобы в этих обстоятельствах само правительство было действительно привержено процессу преобразований, направленному на устранение организационных препятствий на пути поступательного роста. Таким образом, реформа государственного управления заключается в создании должным образом функционирующих государственных учреждений, которые были бы легитимными в глазах частных физических и юридических лиц. Определенную помощь может оказать международное сотрудничество, однако эта помощь будет ограничиваться поддержкой внутренних процессов, неизбежно построенных с учетом особенностей данной страны и носящих постепенный характер.

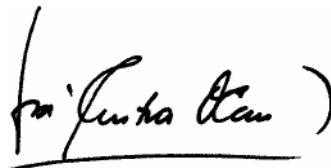
Что касается международного сообщества, то этот вывод имеет особую актуальность для стран, недавно покончивших с конфликтами или превратив-

шихся в «несостоявшиеся государства». В большинстве случаев наиболее важным соображением является задача стимулирования возобновления экономической активности, что обычно означает оживление сельскохозяйственного сектора, поскольку наличие устойчивого сельскохозяйственного сектора, как правило, является одним из важнейших условий последующего экономического развития. Это будет стимулировать направление дополнительных инвестиций в этот сектор и вести к повышению доходов фермеров, так что их собственный спрос на продукцию других секторов экономики будет увеличиваться. Процветающий сельскохозяйственный сектор может служить доказательством того, что рост действительно отвечает интересам широких слоев населения, и тем самым способствовать формированию стабильного и справедливого общества. В свою очередь, экономический рост открывает возможности для изменения организационной базы и повышения качества государственного управления, так что возникает своеобразная спираль роста.

Глобальное неравенство, безопасность и международная повестка дня в области развития

В современной мировой экономике, отличающейся усилением интеграции, темпы роста в отдельно взятой стране определяются факторами, действующими как внутри, так и за пределами ее географических границ. Расширение международной торговли и финансовых операций может способствовать достижению более значительных экономических успехов. Однако страны с недостаточно интегрированной национальной экономикой, проводящие проциклическую макроэкономическую политику, отличающиеся низким уровнем развития инфраструктуры и человеческого потенциала и имеющие слабую организационную базу, располагают меньшими возможностями для извлечения выгод из расширения мировых рынков. Их изначальные недостатки, как правило, вынуждают их идти по пути медленного развития, в результате чего их отставание еще более усиливается. Эти причины, лежащие в основе дивергенции и, следовательно, усиления глобального неравенства, также осложняют для этих стран решение задачи покончить с нищетой за счет повышения темпов роста и повысить сопротивляемость глобальным потрясениям. Это, в свою очередь, будет способствовать еще большему усилению международного неравенства в доходах и может повысить опасность конфликтов. И наоборот, страны, которые в состоянии стимулировать внешнюю и внутреннюю интеграцию своей экономики и проводить антициклическую макроэкономическую политику и которые обладают развитым человеческим капиталом и инфраструктурой и мощной организационной базой, располагают более широкими возможностями для извлечения выгод из углубленной интеграции в мировую экономику и сумеют догнать развитые страны.

Таким образом, проблема усиления глобального неравенства имеет самое непосредственное отношение к осуществлению повестки дня Организации Объединенных Наций в области развития. Она затрудняет достижение Целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, и других согласованных на международном уровне целей в области развития и отрицательно сказывается на глобальной безопасности. Из этого следует, что если не удастся переломить тенденцию к усилению глобального неравенства, то это может иметь далеко идущие последствия для развития человеческого потенциала.

Хосе Антонио Окампо
Заместитель Генерального секретаря
по экономическим и социальным вопросам

Май 2006 г.

Содержание

<i>Глава</i>	<i>Стр.</i>
Предисловие	2
Обзор	3
Содержание	25
Пояснительные примечания	30
I. Тенденции роста и развития, 1960–2005 годы	32
Модели дивергенции темпов экономического роста	36
Большой разрыв между развивающимися и развитыми странами	37
Успехи и неудачи в обеспечении экономического роста были сконцентрированы во времени	42
Географическая концентрация успехов и неудач в деле обеспечения экономического роста	49
Дивергенция темпов роста и развитие человеческого потенциала	56
Сохранение неравенства и его последствия для мирового развития	60
II. Структурные преобразования и экономический рост	71
Экономический рост требует структурных преобразований	72
Модели роста и структурных преобразований, 1970–2003 годы	76
Инвестиционные модели и структурные преобразования	82
Занятость, производительность и структурные преобразования	90
Выводы	101
Добавление: Техническое примечание по разложению на составляющие показателей роста производительности труда и доли занятых по отношению к численности населения	103
III. Привела ли торговая интеграция к углублению дивергенции?	105
Влияние международной торговли на дивергенцию роста	106
Динамика развития глобальных рынков и изменения в структуре экспорта товаров	110
Товарная торговля, модели специализации и экономический рост	115
Модели специализации в сфере экспорта услуг и экономический рост	120
Прямые иностранные инвестиции и дилемма «конвергенция-дивергенция»	131
Направления потоков ПИИ и их объем	132
ПИИ в обрабатывающей промышленности: международные производственные сети и экономический рост	137
Могут ли ПИИ способствовать ускорению экономического роста развивающихся стран?	139

Политика, направленная на развитие производственного сектора, диверсификацию и рост экспорта	142
Создание динамичных сравнительных преимуществ: политика и ее результаты	146
Внешняя ориентация, либерализация торговли и экономический рост	148
Существует ли пространство для реализации стратегий развития производственного сектора в настоящее время?	152
На пути к повышению конвергенции	157
Добавление: О данных и методологии	160
IV. Макроэкономическая политика и дивергенция темпов роста	163
Макроэкономическая стабильность и дивергенция темпов роста	165
Инфляция и экономический рост	167
Макроэкономические дисбалансы и экономический рост	170
Финансовое развитие, экономический рост и макроэкономическая стабильность	173
Внешние факторы, препятствующие стабильности и экономическому росту в развивающихся странах	179
Цикличность макроэкономической политики в развивающихся странах	187
Государственные капиталовложения в инфраструктуру и развитие человеческого потенциала	196
Физическая инфраструктура и экономический рост	196
Существенные различия в инвестициях в человеческий капитал	200
Официальная помощь в целях развития, экономический рост и развитие	203
Резюме и практические выводы	208
Значение макроэкономической стабильности и политической гибкости для экономического роста	208
Макроэкономическая политика и стратегии национального развития	209
Международная политика в области снижения финансовой неустойчивости	211
Инвестирование в инфраструктуру и человеческий капитал	212
Увеличение масштабов помощи и повышение ее эффективности	213
V. Государственное управление, учреждения и дивергенция роста	214
Учреждения, государственное управление и экономический рост	215
Изменения структуры государственного управления и рост	220
Новая сравнительная экономика	221
Критика оценки государственного управления и сравнительного анализа ситуаций различных стран	223
Разнообразие структур государственного управления	226
Страны, добившиеся успеха в преобразовании государственного управления	228
Земельные реформы	229
Реформы торговой политики	232
Постепенный подход: Китай	234

Причины падения темпов роста	238
Примеры падения темпов роста в последние 50 лет: общий обзор	238
Институциональные аспекты неспособности добиться роста	241
Государственное управление, гражданские волнения и регулирование конфликтов	243
Заключение	246
Приложение	
Статистические таблицы	251
Литература	271
Вставки	
I.1. Определения некоторых ключевых понятий	40
I.2. Важно ли, какая страна является двигателем мирового экономического роста?	61
II.1. Увеличение объемов инвестиций и крах экономик переходного периода	86
II.2. Рост производительности и структурные преобразования в Азии	96
III.1. Могут ли быть динамичными рынки сырья и промышленной продукции с большим сырьевым компонентом?	112
III.2. Международная трудовая миграция и экономический рост	121
III.3. Экспорт компьютерных и информационных услуг: гусиный клин в Южной Азии?	128
IV.1. Цели политики в области валютного обмена	184
IV.2. Гибкая макроэкономическая политика, лежащая в основе исключительно высоких экономических показателей Ботсваны	194
IV.3. Эффективность помощи и экономический рост: вид оказываемой помощи имеет значение	205
V.1. Первая великая дивергенция и важность трансатлантической торговли	217
Диаграммы	
I.1. Мировое неравенство в уровне доходов, 1960, 1980 и 2001 годы	43
I.2. Темпы роста ВВП на душу населения в развивающихся странах и странах-членах ОЭСР, 1950–2001 годы	44
I.3. Эпизоды устойчивого увеличения или сокращения подушевого ВВП в разбивке по числу стран в регионе или группе стран, 1951–2000 годы	45
I.4. Показатели роста ВВП на душу населения в 106 развивающихся странах, 1951–2003 годы	47
I.5. Условия торговли нетопливными сырьевыми товарами и продукцией обрабатывающей промышленности развивающихся стран, 1900–2005 годы	48
I.6. Географическое распределение подушевого ВВП по 164 странам, 1960, 1980 и 2000 годы	54
I.7. Зависимость между уровнем доходов и ожидаемой продолжительностью жизни, 2002 год	57
I.8. Зависимость между конвергенцией уровней дохода и снижением коэффициента детской смертности, 1960–2003 годы	59
I.9. Темпы роста объемов производства в глобальной экономике, в Китае, Соединенных Штатах и группе развивающихся стран (за исключением Китая), 1963–2001 годы	61

I.10.	Диверсификация экспорта товаров по регионам, 1980, 1990 и 2004 годы	65
I.11.	Доля региональных притоков ПИИ в общемировых ПИИ, 1970 и 2003 годы	66
II.1.	Экономический рост и структурные преобразования в промышленном секторе, секторе коммунальных сооружений и служб и в сельском хозяйстве отдельных регионов и групп стран, 1970–2003 годы	78
II.2.	Годовые темпы объемов производства на душу населения в секторах сельского хозяйства, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, коммунальных сооружений и служб в отдельных регионах и группах стран, 1970–2003 годы	79
II.3.	Средние темпы роста инвестиций для отдельных периодов и регионов, 1960–2003 годы	85
II.4.	Нестабильность темпов роста инвестиций на душу населения и темпов роста подушевого ВВП: влияние нестабильности инвестиций на экономические показатели, 1970–2004 годы	87
II.5.	Годовые темпы роста инвестиций на душу населения в сравнении с изменениями долей сельского хозяйства и промышленности в общем объеме производства отдельных регионов и групп стран, 1970–2003 годы	88
II.6.	Инвестиции по секторам как процентная доля в валовом накоплении основного капитала в Республике Корея, 1970 и 2003 годы	90
II.7.	Вклад сельского хозяйства, промышленности и сектора услуг в создание рабочих мест в отдельных регионах и группах стран, с 1991 по 2003–2004 годы	92
II.8.	Годовые темпы роста производительности труда в отдельных регионах и группах стран, с 1991 по 2003–2004 годы	93
II.9.	Вклад промышленности, сектора коммунальных сооружений, строительства и сферы услуг, а также сельского хозяйства в общеэкономический рост производительности труда в отдельных регионах и группах стран, с 1991 по 2003–2004 годы	95
II.10.	Годовые темпы роста производительности труда и изменение в процентах к предыдущему году доли занятых по отношению к численности населения в отдельных регионах и группах стран, с 1991 по 2003–2004 годы	99
III.1.	Стоимость экспорта развивающихся стран в виде процентной доли от стоимости экспорта развитых стран, в разбивке по категории товаров, 1962–2000 годы	111
III.2.	Доля отдельных категорий экспорта развивающихся стран, не связанного с нефтью, в общем экспорте регионов, в разбивке по регионам развивающихся стран или группам стран, 1962–2000 годы	114
III.3.	Зависимость роста ВВП на душу населения от доминирующей модели торговой специализации в 105 развивающихся странах, 1962–2000 годы	115
III.4.	Мировой экспорт услуг в разбивке по секторам, 1980–2003 годы	126
III.5.	Приток ПИИ в развитые и развивающиеся страны, 1980–2004 годы	133
IV.1.	Медианные показатели инфляции в отдельных регионах, 1961–2003 годы	168
IV.2.	Показатели инфляции и роста с разбивкой по регионам и временным периодам, 1961–2003 годы	169
IV.3.	Макроэкономические балансы: новые индустриальные страны первой волны в Азии, 1979–2002 годы; страны Юго-Восточной Азии, 1979–2002 годы; полуиндустриальные страны, 1976–2002 годы; и страны Африки к югу от Сахары, 1980–2002 годы	172
IV.4.	Капитализация финансовых рынков и нормы сбережений в отдельных странах и регионах, 2003 год	176

IV.5.	Рост внутреннего рынка облигаций в развивающихся странах (непогашенная часть), 1989–2005 годы	178
IV.6.	Цикличность бюджетно-налоговой политики и экономический рост в развивающихся странах, 1960–2003 годы	190
IV.7.	Латинская Америка: первичный дефицит и государственные капиталовложения в объекты инфраструктуры, 1980–2001 годы	197
IV.8.	Продолжительность обучения, 2000 год, и изменения в уровне образования, произошедшие за период 1960–2000 годов в странах Латинской Америки и Восточной Азии	201

Таблицы

I.1.	Высокая степень дивергенции: развивающиеся и развитые страны, 1820–2001 годы	38
I.2.	Декомпозиция международного неравенства по методу Тейла, 1960–2001 годы	50
I.3.	Декомпозиция неравенства между развивающимися странами по методу Тейла, 1960–2001 годы	51
II.1.	Объемы инвестиций на душу населения в отдельных регионах и группах стран, 1960–2003 годы	83
III.1.	Доля продукции в мировой товарной торговле, в разбивке по категориям, 1965–1970, 1980–1985 и 1995–2000 годы	111
III.2.	Уровень прироста ВВП на душу населения в развивающихся странах в разбивке по доминирующей модели специализации экспорта, 1962–2000 годы	116
IV.1.	Неустойчивость объемов производства и темпов инфляции с разбивкой по регионам, 1960–2003 годы	166
IV.2.	Цикличность бюджетно-налоговой политики и экономического роста в отдельных странах и регионах, 1960–2003 годы	189
IV.3.	Наличие телефонных линий и плотность сети автомобильных и железных дорог: соотношение величин двух основных показателей состояния инфраструктуры в развивающихся регионах и развитых странах, 1960–1995 годы	198
V.1.	Страны, в которых показатели реального дохода на душу населения снижались в течение по меньшей мере семи лет подряд, 1950–2001 годы	240

Пояснительные примечания

В таблицах, приводимых в настоящем докладе, используются следующие условные обозначения:

Две точки (..) указывают на отсутствие данных или на то, что соответствующие данные не приводятся отдельно.

Прочерк (---) означает, что соответствующая величина равна нулю или пренебрежимо мала.

Тире (–) означает, что соответствующий пункт не применим.

Знак минус (-) означает дефицит или уменьшение, если не указано иное.

Запятая (,) указывает на десятичную дробь.

Косая черта (/) между годами используется для обозначения сельскохозяйственного или финансового года (например, 1990/91 год).

Тире (–) между годами (например, 1990–1991 годы) используется для обозначения всего соответствующего периода, включая первый и последний годы.

«Доллары» означают доллары Соединенных Штатов, если не указано иное.

«Миллиард» означает тысячу миллионов.

«Тонны» означают метрические тонны, если не указано иное.

Годовые темпы роста или изменений означают среднегеометрические показатели за год, если не указано иное.

Ввиду округления сумма абсолютных и процентных показателей в таблицах может не совпадать с итоговыми показателями.

Используются следующие аббревиатуры:

БМР	Банк международных расчетов
БСК	(продукция) с большим сырьевым компонентом
ВВП	валовой внутренний продукт
ВНД	валовой национальный доход
ВНОК	валовое накопление основного капитала
ВТ	высокотехнологичный
ГАТТ	Генеральное соглашение по тарифам и торговле
ДЭСВ ООН	Департамент по экономическим и социальным вопросам Секретариата Организации Объединенных Наций

ЕБРР	Европейский банк реконструкции и развития
ЕС	Европейский союз
ЕЭК	Европейская экономическая комиссия
ЗЭП	зона экспортной переработки
ИКТ	информационно-коммуникационные технологии
ИПС	интегрированная производственная сеть
КСР	Комитет содействия развитию (ОЭСР)
ЛИБОР	лондонская межбанковская ставка предложения
МВП	мировой валовой продукт
МВФ	Международный валютный фонд
МНИИЭР	Международный научно-исследовательский институт экономики и развития (Университета Организации Объединенных Наций)
МОТ	Международная организация труда
МСТК	Международная стандартная торговая классификация
НАФТА	Североамериканское соглашение о свободной торговле
НБЭИ	Национальное бюро экономических исследований (Кембридж, Массачусетс)
НИОКР	научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НТ	низкотехнологичный
ОПЕК	Организация стран-экспортеров нефти
ОПР	официальная помощь в целях развития
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
ПИИ	прямые иностранные инвестиции
ППС	паритет покупательной способности
СиП	слияния и поглощения
СНГ	Содружество Независимых Государств
СП	сырьевая продукция
СТ	среднетехнологичный
ЭКЛАК	Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна
ЮНИДО	Организация Объединенных Наций по промышленному развитию
ЮНКТАД	Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию

Используемые обозначения и форма представления материала в настоящей публикации не означают выражения со стороны Секретариата Организации Объединенных Наций какого бы то ни было мнения относительно правового статуса той или иной страны, территории, города или района, или их властей, либо относительно делимитации их границ.

Термин «страна», используемый в тексте данного доклада, относится также, в соответствующих случаях, к территориям или районам.

Для целей анализа страны разбиваются на следующие группы и подгруппы:

Развитые страны (развитые страны с рыночной экономикой):

Европейский союз, Исландия, Норвегия, Швейцария, Канада, Соединенные Штаты Америки, Австралия, Япония, Новая Зеландия.

Ведущие развитые страны (Группа семи):

Германия, Италия, Канада, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки, Франция, Япония.

Европейский союз (ЕС):

Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Финляндия, Франция, Чешская Республика, Швеция, Эстония.

ЕС-10:

Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чешская Республика, Эстония.

ЕС-8:

Все страны, входящие в ЕС-10, за исключением Кипра и Мальты.

Страны с переходной экономикой:

Юго-Восточная Европа:

Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, бывшая югославская Республика Македония, Румыния, Сербия и Черногория, Хорватия.

Содружество Независимых Государств (СНГ):

Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Республика Молдова, Российская Федерация, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина.

Чистые экспортеры топлива:

Азербайджан, Казахстан, Российская Федерация, Туркменистан, Узбекистан.

Чистые импортеры топлива:

Все остальные страны СНГ.

Развивающиеся страны:

Страны Латинской Америки и Карибского бассейна, Африки, Азии и Тихоокеанского региона (за исключением Японии, Австралии, Новой Зеландии и азиатских государств-членов СНГ).

Подгруппы стран Латинской Америки и Карибского бассейна:

Страны Южной Америки:

Аргентина, Бразилия, Венесуэла (Боливарианская Республика), Колумбия, Парагвай, Перу, Уругвай, Чили, Эквадор.

Мексика и страны Центральной Америки:

Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа, Панама, Сальвадор.

Страны Карибского бассейна:

Барбадос, Гаити, Гайана, Доминиканская Республика, Куба, Тринидад и Тобаго, Ямайка.

Подгруппы стран Африки:

Страны Северной Африки:

Алжир, Египет, Ливийская Арабская Джамахирия, Марокко, Тунис.

Страны Африки к югу от Сахары, за исключением Нигерии и Южной Африки (обычно сокращенно именуемые «странами Африки к югу от Сахары»):

Все остальные страны Африки, за исключением Нигерии и Южной Африки.

Подгруппы стран Азии и Тихоокеанского региона:

Страны Западной Азии:

Бахрейн, Израиль, Иордания, Ирак, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовская Аравия, Сирийская Арабская Республика, Турция.

Страны Восточной и Южной Азии:

Все остальные развивающиеся страны Азии и Тихоокеанского региона (включая Китай, если не указано иное). В эту группу входят:

Страны Южной Азии:

Бангладеш, Индия, Иран (Исламская Республика), Непал, Пакистан, Шри-Ланка.

Страны Восточной Азии:

Все остальные развивающиеся страны Азии и Тихоокеанского региона.

Для целей конкретного анализа в главах II, III и IV (раздел «Макроэкономические дисбалансы и экономический рост») выборка развивающихся стран была разбита на следующие группы:

Азия:

Новые индустриальные страны первой волны:

Провинция Китая Тайвань, Республика Корея, Сингапур, специальный административный район Китая Гонконг^a.

Юго-Восточная Азия:

Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины.

Южная Азия:

Бангладеш^b, Индия, Монголия^a, Пакистан, Шри-Ланка.

Латинская Америка и Карибский бассейн:

Аргентина, Бразилия, Венесуэла (Боливарианская Республика), Колумбия, Мексика, Уругвай, Чили.

Страны Латинской Америки с низкими и средними доходами:

Боливия, Парагвай^a, Перу, Эквадор.

Центральная Америка и Карибский бассейн:

Гватемала, Гондурас^a, Доминиканская Республика, Коста-Рика, Куба^a, Никарагуа^a, Панама^a, Сальвадор, Тринидад и Тобаго^a, Ямайка.

Содружество Независимых Государств (СНГ):

Российская Федерация, Украина.

Центральная и Восточная Европа:

Албания^a, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чешская Республика.

Страны Африки к югу от Сахары:

Гана, Габон^a, Зимбабве, Камерун, Кения, Конго^a, Кот-д'Ивуар, Маврикий^a, Мозамбик, Нигерия, Объединенная Республика Танзания, Сейшельские Острова^a, Уганда, Эфиопия.

Ближний Восток и Северная Африка:

Алжир, Бахрейн^a, Египет, Израиль^a, Иордания, Ирак, Иран (Исламская Республика), Йемен, Кувейт^a, Ливан^a, Ливийская Арабская Джамахирия^a, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты^a, Оман^a, Саудовская Аравия, Сирийская Арабская Республика, Тунис.

Полуиндустриальные страны

Аргентина, Бразилия, Венесуэла (Боливарианская Республика), Колумбия, Мексика, Турция, Чили, Южная Африка.

Наименее развитые страны, не включенные в региональные группы:

Ангола, Афганистан, Бенин, Буркина-Фасо, Бурунди, Гаити, Гамбия, Гвинея, Гвинея-Бисау, Демократическая Республика Конго^b, Джибути, Замбия, Камбоджа, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Либерия, Мавритания, Мадагаскар, Малави, Мали, Мьянма, Непал, Нигер, Руанда, Сенегал, Сомали, Судан, Сьерра-Леоне, Того, Центральноафриканская Республика, Чад, Экваториальная Гвинея.

Разбивка стран по группам в тексте и таблицах делается исключительно в статистических или аналитических целях и не обязательно отражает оценку стадии, достигнутой конкретной страной или районом в процессе развития.

^a Добавляется в процессе анализа в главе III.

^b Не учитывается в главе III ввиду отсутствия данных.

Глава I

Тенденции роста и развития, 1960–2005 годы

Судя по многим показателям, неравенство в мире является значительным и продолжает усиливаться ...

Судя по многим показателям неравенство в мире является значительным и продолжает усиливаться. Сегодня средний гражданин Эфиопии в 35 раз беднее человека, родившегося в Европе или Соединенных Штатах Америки¹. В 1950 году уровень доходов жителя Эфиопии был в 16 раз ниже уровня доходов среднего гражданина промышленно развитой страны. Аналогичным образом, на сегодняшний день доход среднего гражданина Соединенных Штатов в 27 раз превышает доход среднего жителя Непала, тогда как около 1950 года этот доход был выше в 19 раз. Большинство беднейших стран мира отстают от развитых примерно в той же степени. Основная причина такой ситуации заключается в том, что в последние пятьдесят лет уровень доходов в промышленно развитых странах неуклонно повышался, тогда как во многих развивающихся странах этого не происходило. В развивающихся странах периоды роста сменялись длительными периодами стагнации и неустойчивости, особенно в середине 1970-х годов. В последние десятилетия устойчивые темпы роста наблюдались лишь в нескольких развивающихся странах, однако к их числу, что весьма примечательно, относятся две страны с наибольшей в мире численностью населения — Китай и Индия. Поскольку население только этих двух стран составляет почти половину населения земного шара, неравенство во всем мире начинает сокращаться (Milanovic, 2005). Однако если не учитывать эти страны, то неравенство во всем мире, как представляется, продолжает устойчиво возрастать, несмотря на то что уже сейчас оно является весьма значительным.

...но быстрый экономический рост Китая и Индии приводит к сокращению международного неравенства

Такое развитие событий противоречит традиционным экономическим воззрениям на временную динамику разрывов в уровнях дохода между странами в условиях интегрирующейся мировой экономики. В 1980-е и 1990-е годы появилась надежда, что предоставление большей свободы глобальному рынку приведет к ликвидации разрыва в уровнях дохода между бедными и богатыми странами. На деле же конвергенция доходов была достигнута лишь в ограниченном числе стран; во многих других странах этого не произошло, несмотря на то что все страны мира открыли глобальному рынку свои торговые и финансовые системы. При этом страны, добившиеся больших успехов, как правило, весьма осторожно проводили реформы в торговой и финансовой сферах. Попытки, направленные на устранение разрыва между богатыми и бедными странами путем предоставления помощи в целях развития, которые на протяжении нескольких десятилетий предпринимала Организация Объединенных Наций, а также многосторонние и двусторонние доноры, тоже дали более чем скромные результаты.

¹ Данные сравнения доходов на душу населения при оценке по паритету покупательной способности (см. таблицу I.1).

Неравенство имеет большое значение

Насколько большое внимание следует уделять росту глобального неравенства? Неравенство в рамках развивающихся стран представляет собой особенно большую проблему, не только в силу того, что оно свидетельствует о несправедливости, но и в особенности потому, что неравные возможности существенно затрудняют достижение Целей в области развития Декларации тысячелетия, поскольку экономический потенциал остается незадействованным. Богатые обычно бывают здоровее и образованнее. Более качественное образование и более высокий уровень благосостояния являются теми «активами», которые помогают людям добиться влияния в обществе и более полно реализовать экономические возможности. На другом конце спектра неравенство мешает тем, кто не имеет таких активов, преодолеть нищету. Одним словом, неравенство порождает неравенство. Кроме того, в настоящее время более широкое распространение получило мнение о том, что наличие значительных диспропорций в уровнях дохода в рамках соответствующих стран обычно мешает достижению устойчивого и долгосрочного экономического процветания. За последнее время было проведено несколько важных исследований, результаты которых были изложены, например, в докладе 2005 года Департамента по экономическим и социальным вопросам Секретариата Организации Объединенных Наций, озаглавленном «The Inequality Predicament» («Проблема неравенства») (United Nations, 2005a), а также в докладе «World Development Report 2006» («Доклад о мировом развитии за 2006 год») (World Bank, 2005a). В этих документах подробно рассматривалось отрицательное воздействие растущего неравенства доходов внутри соответствующих стран на развитие.

Мировое неравенство в доходах на семьдесят процентов объясняется разницей в уровнях доходов между странами

В отличие от упомянутых докладов, настоящий доклад посвящен причинам и возможным последствиям растущего неравенства между странами². Существует несколько причин для беспокойства и по поводу увеличения различий в уровне благосостояния населения разных стран мира. Во-первых, имеющиеся данные исследований в отношении неравенства в уровне между людьми во всем мире свидетельствуют о том, что примерно в 70 процентах случаев это неравенство объясняется различиями в уровне доходов между странами и «только» на 30 процентов зависит от неравенства, существующего внутри стран (Bourguignon and Morrisson, 2002; Milanovic, 2005). В тех же исследованиях отмечается, что до Второй мировой войны более значительную роль, по всей видимости, играло неравенство внутри стран. Хотя глобальное неравенство не умаляет важности разрыва в уровнях дохода в пределах отдельных стран, поразительно, что глобальное неравенство во все большей степени становится проблемой, обусловленной местом проживания конкретного человека.

² Неравенство в уровнях доходов между странами иногда называют «международным неравенством» в отличие от «глобального неравенства», которое является причиной неравенства не только между странами, но и внутри них (см. Milanovic, 2005). Таким образом, последнее понятие охватывает разницу в доходах отдельных граждан во всем мире. Как указывалось в настоящем докладе, проведенный анализ ограничивается выявлением различий между средними уровнями доходов на душу населения в разных странах.

Богатые страны имеют более широкий доступ на рынки капитала и отличаются меньшей уязвимостью к внешним потрясениям

Во-вторых, то, что мы наблюдаем на национальном уровне, относится и к глобальному уровню, на котором более благоприятные стартовые условия в богатых странах обеспечивают им преференциальный доступ на рынки капитала и делают их менее уязвимыми для колебаний на мировых рынках сырья. Такая ситуация объясняется отсутствием справедливых условий на мировых рынках. Глобальные инвесторы, как правило, предпочитают вкладывать деньги в странах, где сложились более благоприятные условия в том, что касается уровня благосостояния и организационной базы, гарантирующие меньший инвестиционный риск. Экономика и структуры экспорта бедных стран менее диверсифицированы, что намного повышает их уязвимость по отношению к колебаниям цен на сырье и потрясениям на международных финансовых рынках. Охрана патентов может увеличивать издержки бедных стран в процессе освоения инновационных технологий, как, например, при изготовлении новых медицинских препаратов. Кроме того, большая часть инвестируемых средств вкладывается в новейшие исследования, которые направлены на борьбу с болезнями, получившими более широкое распространение в богатых обществах.

Бедные страны имеют меньше возможностей повлиять на принятие экономических решений на международном уровне

В-третьих, экономическое и политическое влияние, как правило, взаимно усиливают друг друга. Получается, что и в этом отношении правила, регулирующие деятельность глобальных рынков, с высокой вероятностью могут оказаться менее выгодными для развивающихся стран, поскольку они обычно имеют меньше возможностей повлиять на переговорный процесс, по результатам которого устанавливаются эти правила. В Монтеррейском консенсусе Международной конференции по финансированию развития (Организация Объединенных Наций, 2002а) признается существование такой тенденции и дается четкое поручение международному сообществу расширить участие развивающихся стран в принятии международных экономических решений. Однако прогресс в этой сфере идет медленно, что отражается на способах и степени исправления недостатков, существующих на глобальных рынках. По этой причине ситуация на мировых рынках по-прежнему является менее благоприятной для развивающихся стран.

Увеличение глобальной асимметрии может нанести вред процессу роста

В-четвертых, увеличение глобальной асимметрии может в свою очередь нанести вред процессу роста и помешать бедным странам в полной мере воспользоваться плодами глобального развития и таким образом воспрепятствовать всесторонней реализации ими своего экономического потенциала. Это следует рассматривать как уменьшение уровня благосостояния в масштабах всей мировой экономики. Замедление темпов роста, в свою очередь, мешает усилиям по ликвидации нищеты и, как выяснилось, в некоторых случаях может стать одной из основных причин региональных конфликтов, внутренних междоусобиц и социальной нестабильности (Murshed, 2006).

Игнорирование растущего международного неравенства в доходах означает игнорирование всех вышеперечисленных явлений. В «Обзоре мирового эконо-

номического и социального положения» за 2006 год рассматриваются модели дивергенции темпов роста и неравенства в уровнях дохода между странами, анализируются причины их возникновения и возможные последствия. В данной главе перечисляются страны, которые отстают в развитии либо приближаются к уровню передовых государств. В последующих главах более подробно будут рассмотрены международные и внутренние причины неравенства, а также политические меры, которые могут применять те или иные страны, с тем чтобы не допустить увеличения отставания.

Начиная с 1980 года международное неравенство стремительно увеличивалось, и только в регионе Восточной и Южной Азии экономический рост шел более быстрыми темпами, чем в промышленно развитых странах

Данная глава начинается с анализа тенденций роста доходов в разных странах, объясняющих конкретные модели конвергенции и дивергенции. Чтобы понять причины появления этих моделей, как правило, бывает необходимо обратиться к далекому прошлому, однако ввиду ограниченности данных основное внимание будет уделяться тенденциям, имевшим место с 1960 года. Использование такой точки отсчета весьма символично, поскольку 19 декабря 1961 года Генеральная Ассамблея провозгласила Первое десятилетие развития Организации Объединенных Наций. Неравенство в уровне доходов между развитыми и развивающимися странами, как мы их теперь называем, нарастало в течение многих десятилетий. Дивергенция уровней дохода практически не увеличивалась после Второй мировой войны в период, называемый «золотым веком» (1950–1973 годы), когда всемирный экономический рост происходил на широкой основе и охватывал также большинство развивающихся стран. В противоположность этому в период между 1980-ми и 1990-ми годами международное неравенство между развитыми странами и всеми развивающимися регионами, за исключением Восточной и Южной Азии, резко возросло. Такие схемы дивергенции и конвергенции объясняются провалами и успехами в процессах роста, которые, по всей видимости, концентрировались в определенном времени и пространстве. Следовательно, в показателях уровня доходов и экономического роста также наметились более резкие расхождения в различных группах стран, находящихся по соседству.

Увеличение глобального неравенства отчасти объясняется процессом глобализации

Раздел настоящей главы, озаглавленный «Дивергенция темпов роста и развитие человеческого потенциала», дополняет анализ экономических аспектов, раскрывая связи, существующие между развитием человеческого потенциала и экономическим ростом; особый акцент в данном разделе делается на проблемах, создаваемых высоким уровнем международного неравенства и препятствующих достижению Целей в области развития Декларации тысячелетия. Последний раздел данной главы посвящен причинам и следствиям растущей глобальной асимметрии. В нем утверждается, что условия, сложившиеся на мировых рынках, являются несправедливыми, что растущее глобальное неравенство отчасти объясняется несовершенством рыночных механизмов, которое характерно для глобальных рынков и не устраняется надлежащим образом в результате применения глобальных стратегий и норм. При этом в данном разделе показано не только то, что развивающиеся страны по-прежнему очень

уязвимы перед внешними потрясениями, но и то, что их развитие довольно точно отражает тенденции и флуктуации в экономике развитых стран. Экономический рост развивающихся стран во многом зависит от того, что происходит в самой большой экономике мира, а именно в Соединенных Штатах. Однако в том случае, если быстрый рост стран Восточной Азии, и в особенности Китая, будет продолжаться, этот регион мира может стать двигателем глобального экономического роста. Разумеется, нельзя быть уверенным в том, что Китай сможет продолжить свою стремительную экспансию. Однако в том случае, если это произойдет, важно знать, сохранится ли нынешняя тенденция к увеличению глобальной асимметрии, или, напротив, неизменно высокие темпы роста в Китае также увеличат существующие в других развивающихся странах возможности для роста и тем самым сделают проблему неравенства менее острой.

Модели дивергенции темпов экономического роста

Оставаясь в рамках стандартной экономической теории, трудно объяснить дивергенцию темпов роста

Детерминанты экономического роста вновь начали привлекать повышенный интерес после того, как было замечено, что многие развивающиеся страны прошли через долгий период низких показателей роста и что появляется все больше данных, подтверждающих, что лишь нескольким странам удалось приблизиться к уровню развитых стран. Стандартная экономическая модель роста в первую очередь предусматривала учет роли сбережений и инвестиций и служила основой для прогнозов о том, что со временем уровни доходов в богатых и бедных странах станут одинаковыми. Для того чтобы объяснить отсутствие признаков такой конвергенции, данная модель была расширена за счет включения в нее других факторов роста, таких как человеческий капитал и эндогенный технический прогресс.

В рамках новой теории экономического роста, созданной на базе этих элементов, также затрагивалась проблема конвергенции уровня доходов в различных странах (см., например, Barro and Sala-i-Martin, 1992). Лауреат Нобелевской премии Роберт Лукас (2000) подсчитал, что распространение идей и технологий приведет к более равномерному распределению доходов между странами и к 2100 году сделает всех «в равной степени богатыми и преуспевающими». Другие исследователи, осуществив сложный экономический анализ, привели в подтверждение данного заявления аналогичные расчеты, которые показывали, что конвергенции можно ожидать в том случае, если дать полную свободу действия силам глобального рынка³. Случится это или нет — неизвестно, тем более что до истечения срока, указанного Лукасом, осталось еще 94 года, и только после этого станет ясно, точны ли его прогнозы. Пока же развитие в большинстве случаев идет в противоположном направлении, а при распределении доходов между странами возникают беспрецедентные разрывы, в значительной степени обусловленные низкими экономическими показателями наименее развитых стран. Дивергенция происходит не только между разви-

³ См., например, важную работу Sachs and Warner (1995), авторы которой утверждают, что в развивающихся странах, открытых для торговли, произойдет безусловная конвергенция уровня доходов с уровнем доходов богатых стран.

тыми и развивающимися странами, но и между развивающимися странами, которые добились успехов в плане экономического роста, и другими развивающимися странами, которые столкнулись с резким падением темпов роста.

Большой разрыв между развивающимися и развитыми странами

Ожидаемая конвергенция между развитыми и остальными регионами мира так и не произошла

Если проанализировать показатели за длительный период, то конвергенции между развитыми по состоянию на 1820 год регионами — Западной Европой и возникшими благодаря ей западными странами (Соединенными Штатами, Австралией и Новой Зеландией) — и остальным миром никогда не происходило. На всем протяжении девятнадцатого и двадцатого веков объем душевого валового внутреннего продукта (ВВП) тех стран, которые были наиболее развитыми в 1820 году, рос более быстрыми темпами. Единственным заметным исключением является Япония, темпы роста которой начали увеличиваться еще в 1890-х годах и которая после Второй мировой войны пережила период впечатляющего подъема, а к 1970-му году добилась того же уровня доходов, что и другие промышленно развитые страны.

В показателях паритета покупательной способности (ППС), которые обычно применяются для сравнений такого рода, развитые страны за период с 1820 по 2001 год смогли увеличить свой душевой ВВП в 19 раз (см. таблицу I.1)⁴. Экономические показатели в остальных регионах мира были гораздо более скромными. Средний уровень доходов в странах Восточной Европы за тот же период вырос в 9 раз, тогда как в странах Латинской Америки и Азии этот показатель увеличился в 8 и 7 раз, соответственно. Показатели благосостояния для африканских стран выросли гораздо меньше: их душевой ВВП в 2001 году увеличился всего в три с половиной раза по сравнению с 1820 годом. Следовательно, если взглянуть на весь указанный период, то становится ясно, что в последние два столетия имела место дивергенция средних уровней доходов в развитых и развивающихся странах.

В период между 1950 и 1973 годом разрыв в уровнях дохода увеличивался более медленными темпами

За четверть века, прошедшую после Второй мировой войны (1950–1973 годы), темпы увеличения данного разрыва замедлились. В этот период некоторые регионы (Восточная и Центральная Европа и Азия), а также Союз Советских Социалистических Республик сумели немного приблизиться к уровню развитых стран. Как отмечалось выше, это время иногда называют «золотым веком», поскольку в этот период быстрый рост охватил многие страны и регионы мира. То было время оптимизма, поскольку многие считали высокие экономические показатели большого числа регионов первыми признаками начала процесса устойчивого роста развивающихся стран и конвергенции между странами.

В указанный период во всех регионах средние темпы прироста душевого ВВП составляли как минимум 2 процента (нижняя часть таблицы I.1). Единственной крупной развивающейся страной с более низкими темпами прироста

⁴ Данные на основе работы Maddison (1995; 2001).

ВВП была Индия, в которой соответствующий показатель составлял 1,4 процента в год. Наиболее быстрыми темпами росла экономика Японии, достигшей впечатляющего показателя прироста ВВП на душу населения, равного 8,1 процента; далее шли Восточная Европа, Азия и Советский Союз, добившиеся показателей прироста в 3,4 процента и выше. Экономика стран Латинской Америки росла не столь быстро. Следует отметить, что только Латинской Америке и бывшему Советскому Союзу удалось в определенной степени приблизиться к уровню развитых стран в период до и во время Второй мировой войны (1913–1950 годы). Таким образом, развивающийся мир сумел добиться некоторой конвергенции в течение довольно длительного периода времени (см. таблицу I.1). Что касается Африки, то в ней дивергенция относительно развитых стран отмечалась даже в период «золотого века». В этом смысле можно говорить о «восходящей дивергенции роста» (см. вставку I.1), так как разрыв в уровне доходов для некоторых развивающихся стран увеличился, несмотря на то что они показывали довольно хорошие темпы роста, хотя и отставали от промышленно развитых стран.

Таблица I.1
Высокая степень дивергенции: развивающиеся и развитые страны, 1820–2001 годы

	<i>ВВП на душу населения (в международных долларах 1990 года при расчетах по методу Гирри-Камиса)</i>						<i>Отношение подушевого ВВП к подушевому ВВП развитых стран</i>						
	<i>1820 год</i>	<i>1913 год</i>	<i>1950 год</i>	<i>1973 год</i>	<i>1980 год</i>	<i>2001 год</i>	<i>1820 год</i>	<i>1913 год</i>	<i>1950 год</i>	<i>1973 год</i>	<i>1980 год</i>	<i>2001 год</i>	
Развитые страны	1 204	3 989	6 298	13 376	15 257	22 825							
Восточная Европа	683	1 695	2 111	4 988	5 786	6 027	0,57	0,42	0,34	0,37	0,38	0,26	
Бывший СССР	688	1 488	2 841	6 059	6 426	4 626	0,57	0,37	0,45	0,45	0,42	0,20	
Латинская Америка	692	1 481	2 506	4 504	5 412	5 811	0,58	0,37	0,40	0,34	0,35	0,25	
Азия	584	883	918	2 049	2 486	3 998	0,48	0,22	0,15	0,15	0,16	0,18	
Китай	600	552	439	839	1 067	3 583	0,50	0,14	0,07	0,06	0,07	0,16	
Индия	533	673	619	853	938	1 957	0,44	0,17	0,10	0,06	0,06	0,09	
Япония	669	1 387	1 921	11 434	13 428	20 683	0,56	0,35	0,30	0,85	0,88	0,91	
Африка	420	637	894	1 410	1 536	1 489	0,35	0,16	0,14	0,11	0,10	0,07	
	<i>-кратное увеличе- ние</i>	<i>Годовые среднегеометрические темпы роста подушевого ВВП (в процентах)</i>											
	<i>1820– 2001 годы</i>	<i>1820– 1913 годы</i>	<i>1913– 1950 годы</i>	<i>1950– 1973 годы</i>	<i>1973– 1980 годы</i>	<i>1980– 2001 годы</i>							
Развитые страны	19,0	1,3	1,2	3,3	1,9	1,9							
Восточная Европа	8,8	1,0	0,6	3,8	2,1	0,2							
Бывший СССР	6,7	0,8	1,8	3,3	0,8	–1,6							
Латинская Америка	8,4	0,8	1,4	2,6	2,7	0,3							

	-кратное увеличе- ние	Годовые среднегеометрические темпы роста подушевого ВВП (в процентах)					
		1820– 2001 годы	1820– 1913 годы	1913– 1950 годы	1950– 1973 годы	1973– 1980 годы	1980– 2001 годы
		Азия	6,9	0,4	0,1	3,6	2,8
Китай	6,0	–0,1	–0,6	2,9	3,5	5,9	
Индия	3,7	0,3	–0,2	1,4	1,4	3,6	
Япония	30,9	0,8	0,9	8,1	2,3	2,1	
Африка	3,5	0,4	0,9	2,0	1,2	–0,1	

Источники: Maddison (2001) и ДЭСВ ООН.

Примечание: Международные доллары 1990 года при расчетах по методу Гири-Камиса — это показатель паритета покупательной способности (ППС), используемый для оценки объемов производства и высчитываемый по специальной методике, которая была разработана в целях определения международных цен. Информация о вычислении ППС в долларах по методу Гири-Камиса доступна на веб-сайте по адресу: http://unstats.un.org/unsd/methods/icp/ipc7_h.htm.

Страны сгруппированы в соответствии со схемой, указанной в публикации Maddison (2001).

Активный экономический рост, охвативший многие развивающиеся страны, завершился к 1980-му году

Второй ценовой шок на нефтяном рынке, неожиданное повышение мировых процентных ставок в конце 1970-х годов и обвал цен на нефтяное сырье в 1980-х годах положили конец довольно успешному функционированию экономики. Перечисленные факторы привели к кризису задолженности 1980-х годов, который особенно больно ударил по странам Африки и Латинской Америки. Хотя уже в период между двумя нефтяными потрясениями все чаще отмечалось резкое падение темпов роста, особенно в странах Африки к югу от Сахары, именно сочетание внешних потрясений такого рода привело в 1980-х годах к огромному количеству случаев резкого падения темпов роста в развивающихся странах. Таким образом, в 1980-е годы возобновился процесс дивергенции, и страны Латинской Америки, Африки, Восточной Европы, а также Советский Союз начали все больше отставать от развитых стран, только на этот раз причина заключалась в отсутствии роста в их экономике.

Признаком такой «нисходящей дивергенции» стало падение среднегодовых темпов прироста ВВП на душу населения до значений ниже 1 процента для Латинской Америки и Африки и до отрицательных значений для бывшего Советского Союза. В последнем случае коллапс роста фактически произошел в 1990-х годах во время перехода от социалистической экономики к рыночной. Рост производства в Азии также замедлился, однако в этом регионе по-прежнему отмечались неплохие показатели роста доходов на душу населения, равные 2,4 процента. В Китае соответствующий показатель ежегодно увеличивался на 5,3 процента, а в Индии период характерных для этой страны низких, но устойчивых темпов роста ВВП на душу населения, сменился новым периодом быстрого и равномерного роста при 3 процентном увеличении ВВП. Растущая дивергенция темпов роста между странами обусловила значительное неравенство в распределении мировых доходов между странами (за исключением Китая) в течение всего указанного периода.

При распределении мировых доходов происходит поляризация по схеме «гора с двумя вершинами»

Если не учитывать Китай, то между 1960 и 1980 годами доля мирового населения, живущего в странах, где подушевой ВВП составляет меньше половины от среднемирового показателя, сохранилась на уровне 47 процентов. Однако к 2001 году эта доля увеличилась до 52 процентов (см. верхнюю часть диаграммы I.1). В этом отношении в одном из исследований говорится, что распределение мировых доходов между богатыми и бедными странами поляризуется по схеме «гора с двумя вершинами» (twin peaks) (Quah, 1996), или, как указывается в других работах, в процессе распределения исчезли страны «среднего класса» (Milanovic, 2005; Milanovic and Yitzhaki, 2001). Диаграмма I.1 лишь отчасти подтверждает этот тезис. Концепция исчезающего «среднего класса» применима, в частности, к группе стран с доходами выше среднего уровня.

Таким образом, после «золотого века» в динамике глобального распределения доходов появился новый важный элемент — растущая дивергенция внутри группы развивающихся стран. Многие страны из группы стран со средним уровнем доходов либо поднялись вверх на несколько ступеней и сократили отставание от богатых стран, либо спустились вниз и присоединились к группе стран с более низким уровнем доходов. Подобное развитие событий во многом объясняется тем, что успехи и неудачи в деле обеспечения экономического роста, как правило, характерны для определенных периодов времени, а также для отдельных регионов.

Вставка I.1

Определения некоторых ключевых понятий

Дивергенция доходов и роста: Дивергенция доходов и дивергенция экономического роста — это два разных, но взаимосвязанных понятия. Под первой понимается увеличение разрыва в доходах (или ВВП на душу населения) между двумя странами. Экономическая конвергенция, напротив, означает сокращение разрыва в доходах между двумя странами.

В свою очередь, дивергенция экономического роста означает расхождение в *темпах роста* двух экономик. Это может привести либо к конвергенции, либо к дивергенции доходов в зависимости от того, какая страна — догоняющая или лидирующая — имеет лучшие показатели. В результате сочетания различных исходных уровней доходов и темпов роста каждой экономики возникает несколько возможностей.

Бен-Дэвид (Ben-David, 1995) характеризует *восходящую экономическую конвергенцию* как ситуацию, при которой более бедная страна догоняет более богатую, тогда как *нисходящая экономическая конвергенция* имеет место в случаях, когда рост более богатой страны замедляется или становится отрицательным, что приводит к конвергенции ее темпов роста с темпами роста более бедной страны.

Восходящая дивергенция роста возникает тогда, когда у обеих стран наблюдаются неплохие темпы роста, но при этом у более богатой страны они выше.

Нисходящая дивергенция роста происходит в случаях, когда фиксируются низкие или отрицательные показатели роста страны или региона, и поэтому указанная страна или регион отстают от остальных. «Обзор мирового экономического и социального положения» за 2006 год в основном посвящен рассмотрению последствий такой дивергенции, с которыми в последние десятилетия пришлось столкнуться большинству развивающихся стран.

Клуб конвергенции: Под клубом конвергенции понимается группа стран, которые за какой-то период времени достигают схожих уровней ВВП на душу населения. Клубы конвергенции могут располагаться на любом конце спектра доходов либо в середине этого диапазона. Они могут появиться в результате восходящей либо нисходящей конвергенции. При нисходящей дивергенции лидер присоединяется к клубу более низкого уровня; при восходящей конвергенции у догоняющего темпы роста выше, и он в конце концов присоединяется к более богатому клубу.

Модель развития «гусиный клин»: Модель развития «гусиный клин» — термин, который впервые употребил Канаме Акамацу в статье, опубликованной в 1930-х годах в Японии, — используется для описания динамики процесса ликвидации отставания в контексте индустриализации отсталой страны. Согласно описанию, предоставленному Национальным институтом политических исследований Японии, динамика процесса ликвидации отставания охватывает три явления: во-первых, разработку новой продукции в определенной развивающейся стране, когда одна отрасль переходит от замещения импорта к производству для расширяющегося внутреннего рынка и затем к экспорту продукции; во-вторых, тенденцию процесса индустриализации к постепенному переходу от диверсификации и повышения качества потребительских товаров к производству инвестиционных товаров, то есть от довольно простых к более сложным продуктам; и, в-третьих, передислокацию отраслей из развитых в развивающиеся страны, по мере того как последние начинают их догонять. Для привлечения к модели «гусиного клина» внимания на международном уровне много сделал Окита (Okita, 1985). Соответствующая информация также имеется на веб-сайте по адресу: <http://www.grips.ac.jp/module/prsp/FGeese.htm>.

Коллапс роста: В зависимости от выбранной методологии и установленного порогового уровня, коллапс роста означает внезапное падение темпов роста ВВП. *Стагнация роста* определяется как постоянно низкие или отрицательные темпы экономического роста для определенного ряда лет (см. Reddy and Minoiu, 2005).

Зависимость от пути развития: Зависимость от пути означает, что результаты роста и развития зависят от конкретной исторически сложившейся последовательности событий в плане институционального строительства, макроэкономической политики, а также развития технологий и человеческого потенциала. По сути, зависимость от пути означает, что тенденции, которые сформировались в результате изменений или решений в прошлом, оказывают влияние на эффективность решений и изменений, осуществляемых в настоящее время. Можно определить конкретные формы зависимости от пути. Окампо и Парра (Ocampo and Parra, 2005), например, пишут о зави-

симости от пути в контексте процесса генерирования динамических эффектов масштаба, поскольку по всей видимости, существует тесная связь между изучением технологий и производственным опытом (то есть обучением в процессе производства в широком смысле этого термина). Результаты этих процессов будут, в свою очередь, зависеть от других процессов, таких как развитие сетей сбыта и повышение репутации фирмы (условной стоимости деловых связей).

Успехи и неудачи в обеспечении экономического роста были сконцентрированы во времени

После «золотого века» возникла двойная модель дивергенции

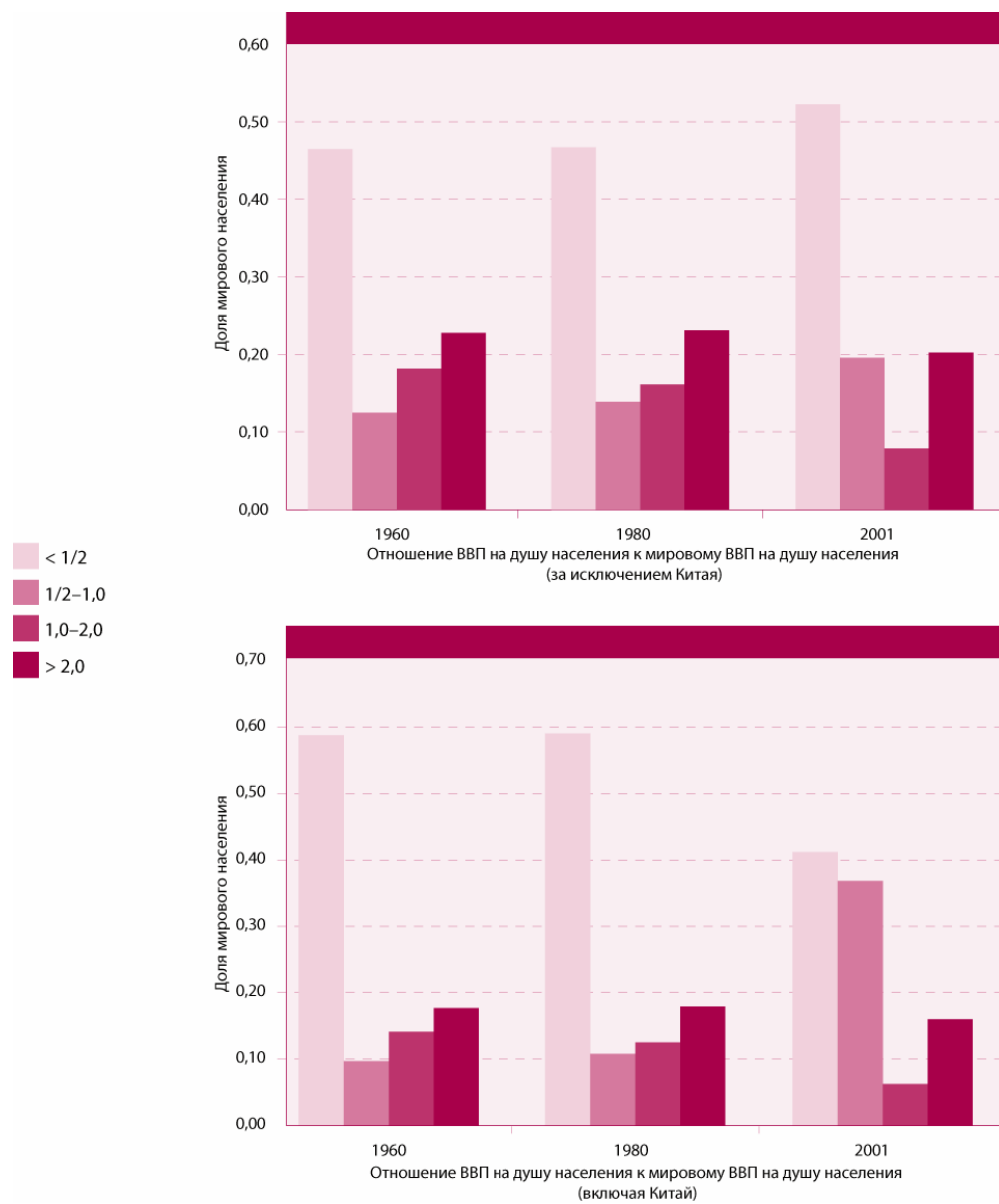
После периода «золотого века» модели роста развивающихся стран становились все разнообразнее. Возникла двойная модель дивергенции, в рамках которой, с одной стороны, развивающиеся страны как группа отставали от развитых стран по показателям экономического роста, а с другой стороны, внутри группы развивающихся стран отмечались разительные расхождения в темпах роста (диаграмма I.2). Различные темпы роста развивающихся стран или районов отчасти были обусловлены успехами таких стран, как Республика Корея, провинция Китая Тайвань, Сингапур и Специальный административный район (САР) Китая Гонконг, которые обошли по темпам роста все остальные страны. Однако явление двойной дивергенции, характерное для последней четверти двадцатого века, в гораздо большей степени было связано со значительным увеличением частоты случаев резкого снижения темпов роста и уменьшением числа стран, добившихся успеха в этой сфере.

В 1960-е и 1970-е годы устойчивый рост переживали примерно 50 развивающихся стран, однако впоследствии их число сократилось до 20

В 1960-е и 1970-е годы примерно 50 из 106 развивающихся стран, подвергнутых анализу, переживали период устойчивого роста (определяемого как скользящее среднее за четыре последовательных пятилетних периода, в течение которых прирост составлял более 2 процентов на душу населения). В отличие от этого, в последние 25 лет только 20 развивающихся стран демонстрировали устойчивый рост (диаграмма I.3 А). В период «золотого века» примеры устойчивого роста среди развивающихся стран встречались очень часто, однако в 1980-е годы они практически исчезли во всех регионах, за исключением Азии. В 1990-е годы количество случаев устойчивого роста вновь увеличилось, однако соответствующие показатели были гораздо ниже, чем во время «золотого века»⁵.

⁵ Приведенный здесь анализ в значительной степени основан на данных из работы Osampo and Parga (2005). В публикации Hausmann, Pritchett and Rodrik (2004) выявлена аналогичная модель. Авторы указанной публикации искали примеры быстрого ускорения экономического роста, который оставался устойчивым по крайней мере в течение восьми лет. Они представили сведения о том, в каком году началось увеличение темпов роста, и о странах, экономический рост которых ускорился в период 1950–1998 годов (ibid., table 2.1). Если по меньшей мере четыре из как минимум семи лет роста приходились на конкретную декаду, авторы публикации считали, что соответствующий эпизод относится к данной декаде. В результате они определили, что в 1960-е годы было 23 таких эпизода, в 1970-е годы — 30 эпизодов, тогда как на 1980-е и 1990-е годы пришлось только по 14 таких эпизодов.

Диаграмма I.1
Мировое неравенство в уровне доходов, 1960, 1980 и 2001 годы

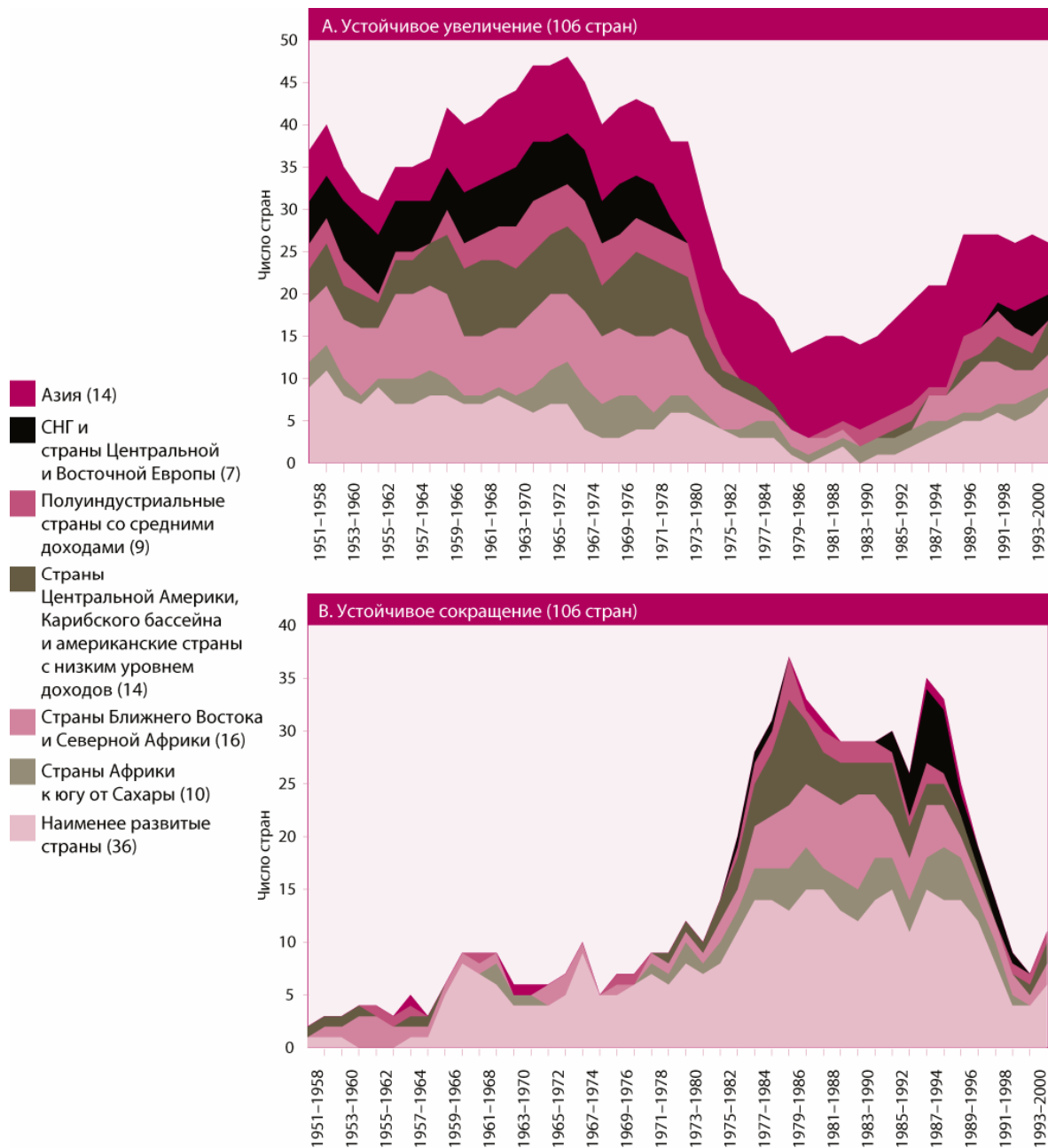
Источник: Всемирный банк, база данных “World Development Indicators 2005”;
 и ДЭСВ ООН.

Диаграмма I.2
**Темпы роста ВВП на душу населения в развивающихся странах
 и странах-членах ОЭСР, 1950–2001 годы**

Источник: Maddison (2001).

Диаграмма I.3
**Эпизоды устойчивого увеличения или сокращения подушевого ВВП
 в разбивке по числу стран в регионе или группе стран, 1951–2000 годы**

Источник: Maddison (2001).

Сокращение числа стран, переживающих периоды ускоренного роста, нашло свое отражение в увеличении числа эпизодов падения темпов роста или их «устойчивого сокращения» (определяемого как четыре последовательных пятилетних периода с отрицательным приростом ВВП на душу населения). Подобные случаи падения темпов роста были редкостью до первого нефтяного шока. Они участились в 1970-е годы, в период между двумя шоковыми скачками цен на нефть, и касались главным образом наименее развитых стран, особенно в Африканском регионе. Устойчивое сокращение темпов роста отмечалось во многих развивающихся странах в период «потерянного десятилетия» 1980-х годов и охватило также значительную часть 1990-х годов (диаграмма I.3 В)⁶.

Успехи и неудачи в сфере обеспечения экономического роста приходились на определенные периоды времени

В целом в последние 45 лет успехи и неудачи в сфере обеспечения экономического роста, как правило, приходились на определенные периоды времени. Существование единой модели во многих странах в один и тот же период времени вряд ли можно объяснить только действием внутренних факторов, которые неоднократно рассматривались в литературе, посвященной экономическому росту. В действительности важную роль в этом сыграли глобальные экономические тенденции. В последние десятилетия эти тенденции были обусловлены двумя масштабными внешними потрясениями, происшедшими около 1980 года: значительным повышением реальных процентных ставок, которое оказало непропорционально сильное воздействие на многие развивающиеся страны, а также резким и продолжительным ухудшением условий торговли для экспортеров ненефтяных сырьевых товаров.

Наиболее существенный спад в масштабах всей экономики произошел около 1980 года

Нефтяной шок 1973 года нарушил нормальное функционирование экономики развитых стран, послужив причиной инфляции и экономического спада, а также оказал серьезное влияние на развивающиеся страны (создав неблагоприятные последствия в виде спроса на экспорт из промышленно развитых стран, но обеспечив косвенные выгоды за счет временного облегчения условий внешнего финансирования). Однако динамика цен на нефть оказала разное воздействие на различные группы развивающихся стран, и поэтому вызвала снижение темпов экономического развития, а не более масштабный экономический спад, который произошел около 1980 года (см. таблицу I.1 и диаграмму I.4). Два серьезных и в значительной степени неожиданных потрясения объясняют всеобщий экономический спад в развивающемся мире. Первое из них представля-

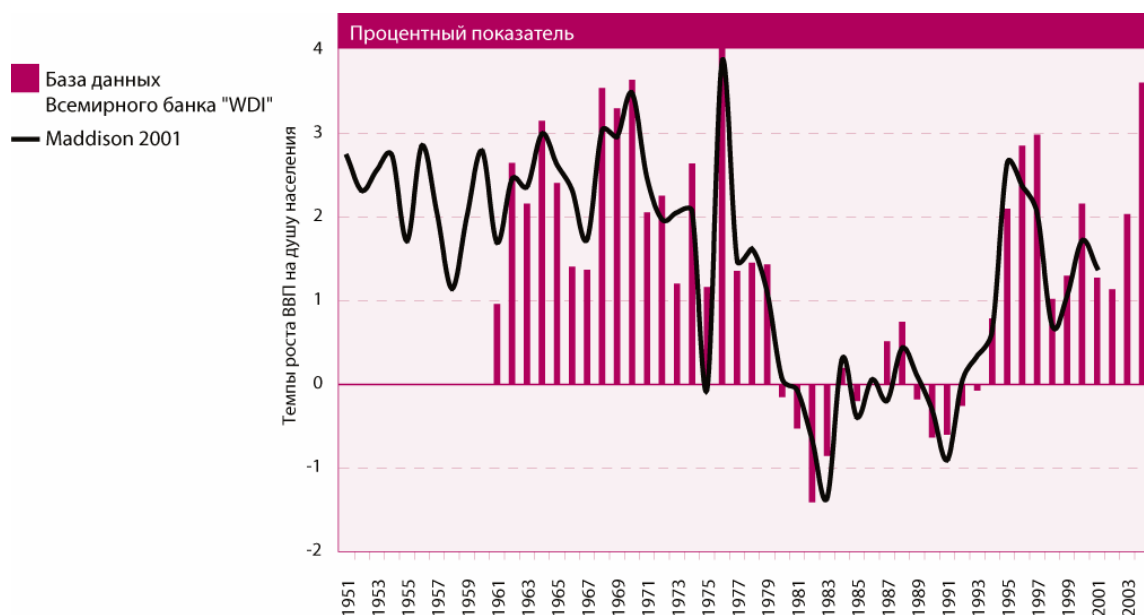
⁶ См. работы Ocampo and Parra (2005) и Reddy and Minoiu (2005), в которых были представлены аналогичные результаты. В последнем исследовании стагнация реальных доходов, которая определяется как малый или отрицательный рост реальных доходов на душу населения, постоянно наблюдаемый на протяжении значительного количества лет. Авторы данного исследования обнаружили, что из общего числа стран, информация по которым имелась в наличии, доля стран, переживших период стагнации, стремительно и постоянно увеличивалась в период между 1960-ми и 1990-ми годами с 12 процентов в 1960-х и 22 процентов в 1970-х годах до 50 и 38 процентов в 1980-х и 1990-х годах, соответственно.

ло собой долговременный эффект резкого повышения процентных ставок в 1979 году. Реальные процентные ставки в Соединенных Штатах (в качестве исходной взята процентная ставка по 10-летним векселям Казначейства) выросли с $-1,8$ в 1979 году до $3,6$ процента в 1981 году и достигли своего пика — $8,2$ процента — в 1984 году. Стоимость займов для развивающихся стран была еще выше, поскольку средняя премия за риск (свыше лондонской межбанковской ставки предложения (ЛИБОР)), которую выплачивали развивающиеся страны, в период между 1979 и 1981 годами увеличилась в реальном выражении с $2,5$ до $22,0$ процентных пунктов. Получив выгоды от имевшего место ранее облегчения условий внешнего финансирования, развивающиеся страны пережили неожиданное и серьезное потрясение, которое во многих случаях привело к значительным проблемам с платежными балансами. Вторым потрясением стало структурное ухудшение условий торговли. Реальные цены на нефтяные сырьевые товары упали более чем на 30 процентов и долго оставались на этом уровне после продолжительного периода неопределенных колебаний 1920–1980 годов (см. диаграмму I.5).

Оба эти потрясения — как связанное с условиями торговли, так и вызванное ростом процентных ставок — стали результатом макроэкономических корректировок, предпринятых развитыми странами. Вместе с тем они были обусловлены циклами «бум–спад» в сфере внешнего финансирования, ориентированного на развивающиеся страны. Сочетание этих двух явлений глобальной экономики оказало решающее воздействие на то, каким образом происходила дивергенция многих развивающихся стран.

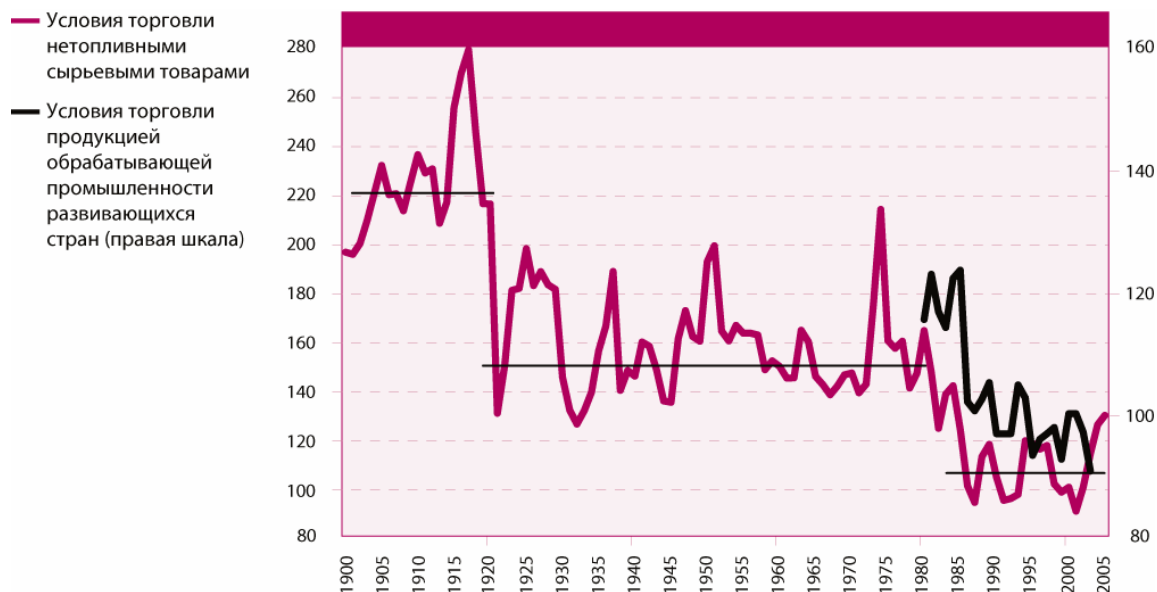
Диаграмма I.4

Показатели роста ВВП на душу населения в 106 развивающихся странах, 1951–2003 годы

Источники: Maddison (2001); и Всемирный банк, база данных "World Development Indicators 2005".

Диаграмма I.5
Условия торговли нетопливными сырьевыми товарами и продукцией обрабатывающей промышленности развивающихся стран, 1900–2005 годы

Источники: Grilli and Yang (1988); Ocampo and Parra (2003); и United Nations, 2003.

Примечание: Условия торговли для нетопливных сырьевых товаров соответствуют отношению составного индекса цен на сырьевые товары к индексу цен на продукцию обрабатывающей промышленности при условии исключения нефтяных товаров и принятия 2000 года за базовый год. Условия торговли продукцией обрабатывающей промышленности развивающихся стран рассчитывались как отношение индекса цен на продукцию обрабатывающей промышленности, экспортируемой развивающимися странами, к индексу цен на продукцию обрабатывающей промышленности, экспортируемой развитыми странами, при условии принятия 2000 года за базовый год.

Внутренняя ситуация и специфические условия конкретной страны во многом определяют ее способность приспосабливаться к глобальным флуктуациям

Однако сильное воздействие потрясений, происшедших на глобальных товарных и финансовых рынках, не означает, что специфические региональные и внутристрановые факторы не имеют значения. Существует тесная связь между соответствующими факторами странового и регионального характера и элементами, свойственными определенным фазам глобального цикла. Переживает ли страна стремительный рост в периоды экономического подъема во всем развивающемся мире, способна ли она уменьшить падение темпов роста или избежать такого падения во время понижательного цикла — все это зависит от взаимодействия внутренних условий, а также от того, каким образом динамика глобального или регионального рынка оказывает влияние на данную страну.

В этом смысле важную роль в уменьшении неблагоприятного воздействия внешних потрясений может сыграть, например, макроэкономическая политика. Это не всегда простая задача, поскольку пространство для политического маневра в деле устранения последствий таких потрясений в разных странах неодинаково. Данный тезис четко подтверждают результаты сравнения макроэко-

номической политики стран Латинской Америки и Восточной Азии, где после кризисов задолженности весьма различные политические предпочтения и ограничения оказывали влияние на выбор макроэкономических корректирующих мер.

Внутри регионов также существуют различия. Например, в экономике Камбоджи и Лаосской Народно-Демократической Республики — наиболее бедных стран Восточной Азии — имел место серьезный регресс, связанный с азиатским финансовым кризисом. В отличие от них Таиланд и Республика Корея, первыми пострадавшие от данного кризиса, довольно быстро оправались от него. Наряду с предоставленной им внешней финансовой помощью эти страны могли опираться на традиционную антициклическую макроэкономическую политику и институциональную структуру, в рамках которых можно было корректировать финансовые положения. Значительная девальвация валюты соответствующих стран способствовала росту уже созданных экспортных отраслей (см. главу III). Политические меры в Камбодже и Лаосской Народно-Демократической Республике отличались меньшей последовательностью и вызвали болезненную реакцию, поскольку валюта этих стран привязана к тайскому бату. Девальвация валюты Таиланда на 70 процентов обусловила сильнейшую инфляцию, что привело к резкому снижению реальных доходов, которому невозможно было препятствовать ввиду недостаточности внешнего финансирования, слабого развития финансовых систем, а также отсутствия инструментов для проведения антициклической финансово-бюджетной и кредитно-денежной политики. Проблема неравных возможностей для политического маневра более подробно рассматривается в главе IV.

Географическая концентрация успехов и неудач в деле обеспечения экономического роста

Успехи и неудачи в деле обеспечения экономического роста концентрируются в рамках регионов

Успехи и неудачи в деле обеспечения экономического роста, по-видимому, не только характерны для определенных периодов времени, но и часто происходят в одних и тех же регионах мира. Большинство случаев успешного роста имели место в Восточной Азии, тогда как в Африке чаще, чем в остальных регионах, отмечалось резкое падение темпов роста. Кроме того, в Латинской Америке показатели экономического роста различных стран данного региона были практически одинаковыми, однако отличались от показателей для других регионов мира. Таким образом, очевидно увеличение международного неравенства (дивергенция) при повышении сходства моделей роста внутри регионов (конвергенции). Существование «региональных клубов конвергенции» вызывает особый интерес, поскольку оно позволяет понять растущую значимость стартовых условий для объяснения неравномерности глобального развития. Возможности, установки, общественные институты и экономический потенциал различны в разных регионах, что объясняет постоянно возникающие различия в результатах экономической деятельности, которые при отсутствии необходимых сдерживающих мер приводят к сохранению глобальной асимметрии.

Международное неравенство в доходах на 84 процента объясняется различиями между регионами

Данные таблицы I.2 подтверждают, что быстрый рост экономики Китая в целом привел к уменьшению международного неравенства после 1980 года, однако, если не учитывать эту страну с самым большим населением в мире, то устойчивый рост неравенства продолжается. Эта повышательная тенденция в значительной мере обусловлена тем, что различия между географическими регионами увеличиваются. Как показывает таблица I.2, международное неравенство в доходах (в случае исключения Китая) на 84 процента объясняется различиями между регионами и только на 16 процентов — различиями внутри региональных групп (см. таблицу I.3)⁷. Вместе с тем несоответствия в уровнях дохода внутри регионов в последние десятилетия приобретают большее значение и в большей степени обуславливают неравенство в уровнях дохода между развивающимися странами.

Таблица I.2
Декомпозиция международного неравенства по методу Тейла, 1960–2001 годы

	Коэффициент международного неравенства Тейла			Вклад в международное неравенство (в процентах)		
	1960 год	1980 год	2001 год	1960 год	1980 год	2001 год
Все страны						
Между регионами	0,45	0,51	0,45	87	91	85
Внутри регионов	0,07	0,05	0,08	13	9	15
Общий показатель	0,51	0,56	0,53			
Все страны за исключением Китая						
Между регионами	0,35	0,42	0,48	84	89	84
Внутри регионов	0,07	0,05	0,09	16	11	16
Общий показатель	0,42	0,48	0,56			

Источник: ДЭСВ ООН на основе публикации Maddison (2001). Подробнее см. таблицу А.1 приложения.

Примечание: Индекс неравенства учитывает только неравенство между странами, но не внутри стран. Показатель неравенства взвешен для населения каждой страны.

⁷ В таблице А.1 приложения приводится более детальное разложение коэффициента Тейла, характеризующего международное неравенство и показывающего вклад каждого региона в общий уровень неравенства. В представленных показателях неравенства учитывается разница в уровнях дохода только между странами, а не внутри этих стран. Таблица также подтверждает, что международное неравенство в уровнях дохода в основном объясняется различиями между развитыми и развивающимися странами.

Таблица I.3
**Декомпозиция неравенства между развивающимися странами по методу
 Тейла, 1960–2001 годы**

	<i>Коэффициент Тейла, характеризующий неравенство между развивающимися странами</i>			<i>Вклад в неравенство между развивающимися странами (в процентах)</i>		
	<i>1960 год</i>	<i>1980 год</i>	<i>2001 год</i>	<i>1960 год</i>	<i>1980 год</i>	<i>2001 год</i>
Все страны						
Между регионами	0,25	0,26	0,08	81	74	35
Внутри регионов	0,06	0,09	0,15	19	26	65
Общий показатель	0,32	0,36	0,23			
Все страны за исключе- нием Китая						
Между регионами	0,17	0,17	0,12	70	64	38
Внутри регионов	0,07	0,10	0,19	30	36	62
Общий показатель	0,24	0,27	0,31			

Источник: ДЭСВ ООН на основе публикации Maddison (2001). Подробнее см. таблицу А.2 приложения.

Примечание: Индекс неравенства учитывает только неравенство между странами, но не внутри стран. Показатель неравенства взвешен для населения каждой страны.

По-видимому, клубы конвергенции создаются на концах спектра доходов

По-видимому, клубы конвергенции создаются на концах спектра доходов. Один из них — клуб более богатых наций — расположен главным образом в Западной Европе и Северной Америке, тогда как другой клуб — для более бедных стран — по преимуществу включает африканские страны, причем оба эти клуба постоянно привлекают новых членов. Как отмечается в одном из исследований (Ben-David, 1995, p. 12): «Клубы более богатых стран демонстрируют восходящую конвергенцию, при которой бедные члены клуба, по сути, приближаются к уровню наиболее богатых его членов. В группе наиболее бедных стран имеет место нисходящая конвергенция, при которой сокращение разрыва в уровнях дохода достигается за счет очень медленного роста более состоятельных членов клуба». Европейские страны, такие как Греция, Испания, Португалия, а с недавних пор и Ирландия, обеспечивают примеры восходящей конвергенции в направлении клуба промышленно развитых стран. Их географическое положение и геополитика в аспекте членства в Европейском союзе (ЕС) создали положительные эффекты перелива, а передача технологий, интенсификация торговли и политика интеграции в целом сыграли решающую роль в сокращении их отставания от лидеров. Страны Африки к югу от Сахары и субрегионы Латинской Америки (особенно те из них, которые включают несколько стран Андского региона и Центральной Америки) представляют собой примеры нисходящей конвергенции, при которой изначально более богатые страны регрессировали до уровня соседних стран с более низкими доходами.

Формирование географического клуба наглядно представлено на диаграмме I.6 А, В и С, где 164 страны сгруппированы в соответствии с отноше-

нием их доходов (ВВП) на душу населения к среднемировому значению. Каждая страна относится к одному из четырех клубов в зависимости от величины данного показателя. Страны с уровнем дохода, который составляет менее половины от мирового валового продукта (МВП) на душу населения, считаются относящимися к наименее состоятельному клубу, обозначенному на этой диаграмме. Клуб стран с доходами ниже среднего уровня включает страны, в которых подушевой ВВП составляет от половины среднемирового уровня доходов до среднемирового значения. В странах с доходами выше среднего уровня подушевой ВВП превышает среднемировой показатель, но не достигает удвоенного подушевого МВП. К богатым странам относятся те, у которых ВВП на душу населения более чем в два раза превышает среднемировой показатель.

Размер группы беднейших стран уменьшился в период 1960–1980 годов

Результаты, представленные в графической форме, подтверждают высказанное выше соображение, что конвергенция происходит на границах диапазона, то есть среди членов клуба богатых стран, с одной стороны, и среди членов клуба бедных стран — с другой; это позволяет говорить о все большей поляризации роста. В 1960 году группа беднейших стран состояла из 63 членов, 43 из которых находились в Африке, 18 — в Азии и 2 — в Латинской Америке. К 1980 году число стран, включенных в эту категорию, сократилось до 58, причем большую часть группы по-прежнему составляли страны Африки. Республика Корея, Таиланд, Тунис, Доминиканская Республика и Оман были в числе стран, покинувших беднейшую группу. Свазиленд, Корейская Народно-Демократическая Республика и Йемен также вышли из группы беднейших стран в первой половине указанного периода, однако впоследствии вернулись в нее.

В 1980-е и 1990-е годы число стран, входящих в группу с низким уровнем доходов, возросло

Поскольку в целом показатели экономического роста развивающихся стран в 1980-е годы и начале 1990-х годов были низкими, число членов группы стран с наиболее низким уровнем доходов к 2001 году увеличилось до 75, причем к данной группе присоединились несколько стран-членов Содружества Независимых Государств (СНГ), а также некоторые латиноамериканские страны. К последним относятся Боливия, которая пережила в 1980-х годах период гиперинфляции, а также Сальвадор и Никарагуа, пострадавшие в 1970-е и 1980-е годы от длительных гражданских междоусобиц. На другом конце спектра тоже произошла поляризация роста, в ходе которой число членов группы богатых стран и районов увеличилось с 22 в 1960 году до 29 в 2001 году, после того как в нее были приняты САР Китая Гонконг, Япония, Израиль, Республика Корея, Португалия, Пуэрто-Рико, Сингапур, Словения, Испания и Ирландия. В отличие от них Аргентина, Боливарианская Республика Венесуэла, Катар и Кувейт перешли в категорию стран с более низким уровнем доходов.

В 1960 году большинство стран и районов Восточной и Южной Азии относились к группе беднейших стран; исключением являлись провинция Китая Тайвань, Сингапур, Филиппины, Малайзия и Япония, которые уже тогда имели подушевой ВВП, составлявший более половины среднемирового показателя. К 2001 году почти все они покинули группу беднейших стран. Казалось, что субрегиональные клубы конвергенции уже сформировались. К 1980 году Республика Корея благодаря активной промышленной политике, ориентированной на

экспорт, и устойчивому росту сумела догнать экономики Малайзии и Филиппин, которые росли более медленными темпами. Подушевой ВВП также быстро рос в Таиланде и Корейской Народно-Демократической Республике, хотя и более скромными темпами, чем в Республике Корея.

Сформировался «гусиный клин» под предводительством Японии, за которой следовали новые индустриальные страны первой волны

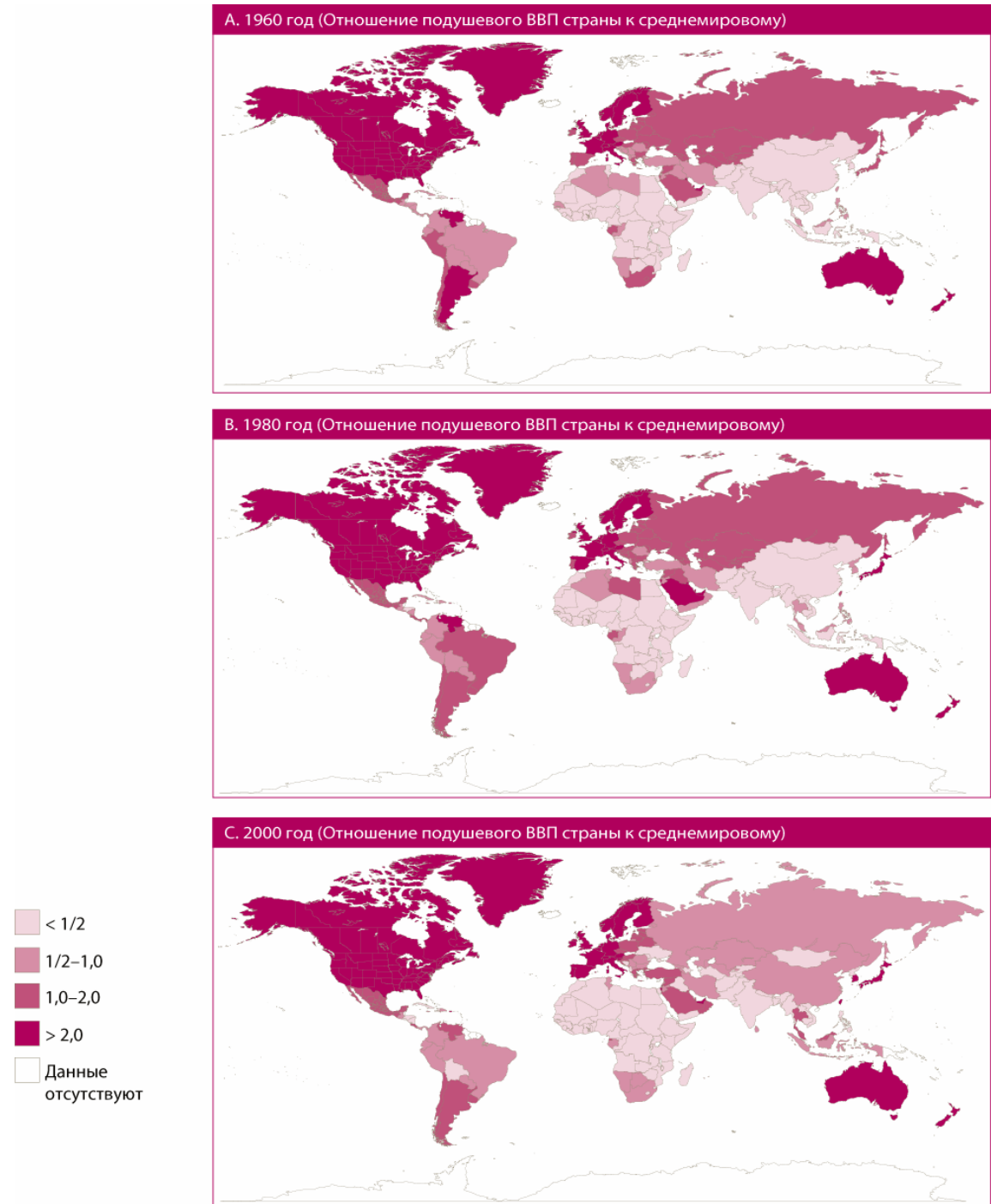
В течение этого долгого периода Сингапур, провинция Китая Тайвань и Япония достигли порогового показателя уровня доходов, установленного для клуба богатых стран. Япония присоединилась к клубу промышленно развитых стран уже к 1970 году, когда уровень ее ВВП на душу населения в три раза превышал среднемировой уровень доходов. В регионе сформировался «гусиный клин» (см. определение во вставке I.1); эту группу возглавляла Япония, за которой следовали новые индустриальные страны первой волны, а именно Республика Корея, провинция Китая Тайвань и Сингапур, и новые индустриальные страны второй волны — Малайзия, Таиланд, Индонезия и Вьетнам, а затем и Китай. Начав движение, эти «гуси» смогли продолжить полет даже после того, как их вожак (Япония) замедлил темп. Если продолжить метафору, то можно сказать, что в последние годы возник новый «гусиный клин», и Китай выдвинулся в лидеры. Вместе с тем именно благодаря подъему Китая и Индии, ставших наиболее динамичными центрами в эти годы, модель роста в Азии полностью изменилась.

В Южной Азии Бангладеш, Пакистан и Шри-Ланка практически постоянно демонстрировали устойчивые темпы роста на душу населения, равные 2 процентам и выше, в период 1980–2001 годов. Единственное серьезное разочарование в этом регионе было связано с Филиппинами, которым не удалось избавиться от статуса страны с доходами ниже среднего уровня.

Различные модели роста в Восточной Европе

То, что произошло на других континентах, немногим отличается от вышесказанного. Доминировавшая там тенденция к региональной конвергенции имела противоположную направленность: первоначально более состоятельные страны ввиду неудовлетворительных темпов роста демонстрировали нисходящую конвергенцию. В период между 1960–1980 годами и вплоть до 1990 года (на диаграмме I.6 этого не показано), когда произошел распад коммунистического блока, в странах СНГ и странах Восточной и Центральной Европы имела место восходящая конвергенция. Во время их перехода к рыночной экономике возникло два направления развития. С одной стороны, страны Центральной Европы и государства Балтии, которые к настоящему времени стали членами ЕС, сохранили свои позиции в группе стран с доходами выше среднего уровня. В остальных странах, напротив, произошло абсолютное падение подушевого ВВП, что привело к нисходящей конвергенции в направлении группы стран с более низким уровнем доходов.

Диаграмма I.6
 Географическое распределение подушевого ВВП по 164 странам,
 1960, 1980 и 2000 годы

Источники: Maddison (2001); и ДЭСВ ООН.

Неустойчивый рост в Латинской Америке

Что касается Латинской Америки и стран Карибского бассейна, то экономика Бразилии во время «золотого века» активно росла, демонстрируя темпы роста на душу населения 3,8 процента в год, и к 1980 году уровень доходов в стране превысил среднемировой показатель. То же происходило в Мексике. Аргентина, Гондурас и Перу, напротив, перешли в группы стран с более низким уровнем доходов. На диаграмме I.6 видно, что уровень доходов Аргентины сравнялся с уровнем доходов Бразилии, Чили, Колумбии, Уругвая и Мексики, у которых подушевой ВВП равнялся или в два раза превосходил МВП на душу населения либо находился в интервале между этими показателями. В 1960-м году средний уровень жизни в Аргентине более чем в два раза превосходил среднемировой показатель. «Потерянное десятилетие» 1980-х годов и ряд финансовых кризисов 1990-х годов во всем регионе в целом свели на нет многие из преимуществ, обусловленных более высокими темпами роста на предыдущем этапе и замедлением увеличения разрыва в уровнях дохода с промышленно развитыми странами, которое было достигнуто в предшествующий период оживления экономической деятельности (см. диаграмму I.6 С). В это время рост ВВП существенным образом замедлился во всех странах, исключая Чили.

Нисходящая конвергенция в Африке

В отличие от этого на Африканском континенте имела место *нисходящая* конвергенция уровней дохода, ставшая следствием медленного экономического роста практически всех стран на протяжении последних четырех десятилетий. Только южная часть континента, где расположены Ботсвана, Маврикий, Южная Африка и Намибия, а также Габон на западном побережье и Тунис на севере избежали членства в клубе стран с наименьшим уровнем дохода по состоянию на 2001 год. Среди этих стран постоянный рост в течение длительного периода времени наблюдался только в Ботсване, Маврикии и Тунисе. Успех Ботсваны объяснялся богатством ее природных ресурсов и надлежащим функционированием соответствующих институтов (см. главу IV). Маврикий, демонстрировавший в период 1970–2003 годов среднегодовой прирост подушевого ВВП, который составлял 4,2 процента, переориентировал стратегию своего развития, перенес акцент с первичного сектора экономики на укрепление промышленного сектора, которое в основном осуществлялось при помощи протекционистских мер (см. главу III). Положительные, но очень низкие показатели роста в этот период были зафиксированы в некоторых других странах, таких как Кения, Гана, Уганда, Мозамбик, Зимбабве и Мавритания.

Восходящая конвергенция в Западной Европе

Наконец, Западная Европа и ее западные ответвления тоже стали более однородными, однако в данном случае подобная однородность стала результатом *восходящей* конвергенции, при которой страны, бывшие менее состоятельными в 1960 году, к 2001 году сумели присоединиться к клубу. Темпы роста членов клуба промышленно развитых стран в последнее время снизились до среднегодового показателя, равного 2 процентам на душу населения.

Дивергенция темпов роста и развитие человеческого потенциала

Сохраняются огромные расхождения в ожидаемой продолжительности жизни и уровне образования

Значительное неравенство в уровнях дохода существует параллельно с огромными диспропорциями в других показателях благосостояния. В 2002 году ожидаемая продолжительность жизни ребенка, рожденного в Японии (82 года), Швейцарии (80 лет) или в Соединенных Штатах (77 лет) более чем в два раза превышала соответствующий показатель для ребенка, рожденного в Замбии (37 лет), Малави (38 лет) или Ботсване (38 лет). Возможности в сфере образования также весьма различны в разных странах. Если измерять уровень образовательной подготовки на основе количества лет, проведенных в учебных заведениях, то в странах Африки к югу от Сахары он составляет менее 4 лет, а в развитых странах — более 12 лет. Как и в случае с определением уровней дохода, эти важные различия в уровне образования и состоянии здоровья между гражданами разных стран значительно больше, чем между различными группами населения внутри одной и той же страны.

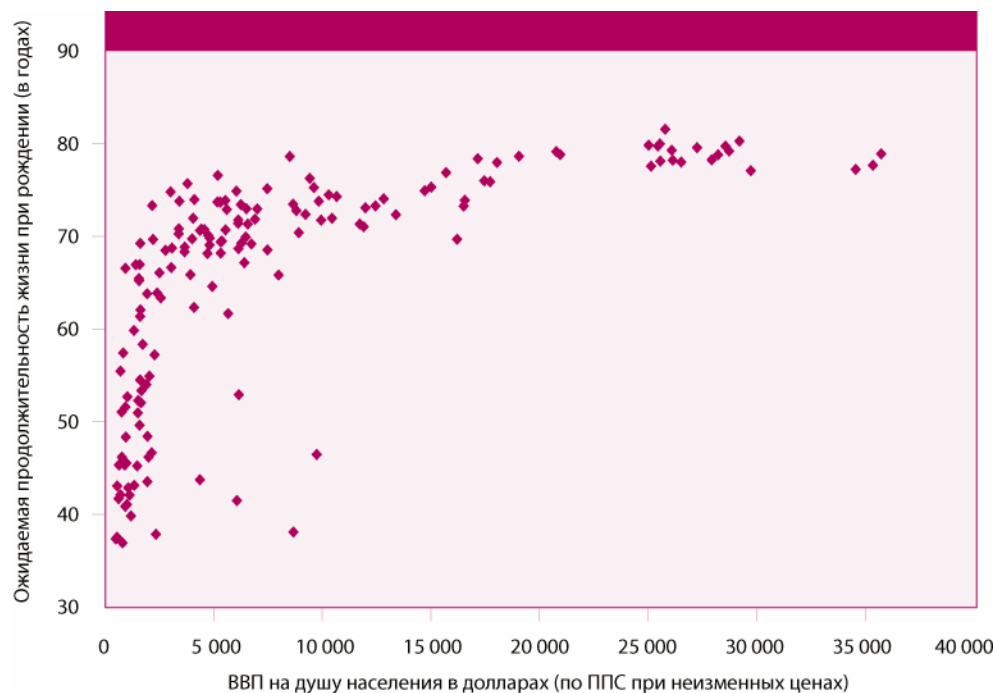
Тем не менее улучшения в сфере образования и здравоохранения наблюдаются чаще, чем рост уровня доходов

Хотя эти расхождения остаются весьма значительными, в последние сорок лет в большинстве регионов мира наблюдается увеличение ожидаемой продолжительности жизни и продолжительности получения образования. Фактически в сфере образования и здравоохранения была достигнута более значительная конвергенция между странами, чем в сфере доходов. Например, в 1960 году в 73 странах мира ожидаемая продолжительность жизни не достигала 50 лет, а в 45 странах она составляла 65 лет и больше. Эта «гора с двумя вершинами» к 2002 году исчезла. Данные по народонаселению Организации Объединенных Наций указывают на то, что число стран, где ожидаемая продолжительность жизни новорожденного не достигает 50 лет, сократилось до 32 (все они находятся в Африке к югу от Сахары), а число стран, где мальчик или девочка может дожить по меньшей мере до 65 лет, возросло до 128. В то же время неравенство в показателях ожидаемой продолжительности жизни на границах диапазона увеличилось в 1980-е и 1990-е годы, что в основном было обусловлено эпидемией ВИЧ/СПИДа, разразившейся в Африке и унесшей множество жизней. Очевиден прогресс в области образования: среднее количество лет, потраченное гражданами всех стран мира на образование, почти удвоилось в период между 1960 и 2002 годами, увеличившись с 3,4 до 6,3 года, а различия между странами сократились (Schady, 2005). Однако для многих стран после 1980 года темпы такой конвергенции показателей благосостояния значительно снизились, а с начала 1990-х годов конвергенция прекратилась (Программа развития Организации Объединенных Наций, 2005 год).

Таким образом, несмотря на то что глобальное неравенство в уровнях дохода отразилось на других показателях благосостояния, дивергенция в сфере образования и здравоохранения стала менее заметной. Какова в таком случае взаимосвязь между развитием человеческого потенциала и экономическим ростом? Если сопоставить показатели ожидаемой продолжительности жизни и детской смертности с уровнем доходов на душу населения в разных странах, то

оказывается, что при низких уровнях развития увеличение доходов заметно улучшает состояние здоровья нации, однако по достижении определенного порога в уровне доходов на душу населения (суммы, составляющей около 3 тыс. долл. в неизменных долларах 2000 года, согласно диаграмме I.7), данный процесс замедляется. Нелинейное соотношение такого рода обнаруживается и в сфере образования.

Диаграмма I.7
Зависимость между уровнем доходов и ожидаемой продолжительностью жизни, 2002 год

Источники: Всемирный банк, база данных “World Development Indicators 2005”; и ДЭСВ ООН.

Связи между экономическим ростом и развитием человеческого потенциала весьма сложны

Связи между экономическим ростом и развитием человеческого потенциала весьма сложны и по всей вероятности представляют собой двустороннюю зависимость: для того чтобы добиться устойчивого прогресса в любой из этих сфер, необходимо содействовать и тому, и другому⁸. Экономика страны может вступить в благоприятный цикл, когда рост и развитие человеческого потенциала взаимно усиливают друг друга, либо попасть в порочный цикл. На основе эмпирических данных в отношении 84 стран Ранис и Стюарт (Ranis and Stewart, 2005) выявили два дополнительных сценария функционирования экономики страны: для одного из них характерно активное развитие человеческо-

⁸ Этот момент также подчеркивается в работе Ranis and Stewart (2005) по итогам анализа соответствующей литературы.

го потенциала (РЧП) и слабый экономический рост (ЭР); его авторы назвали сценарием с РЧП-уклоном. Второй сценарий предусматривает слабое развитие человеческого потенциала и активный экономический рост; он был назван сценарием с ЭР-уклоном⁹. Большинство стран, отобранных для исследования, находились в условиях благоприятного или порочного цикла, и только одна страна оказалась в группе с ЭР-уклоном, а еще лишь несколько стран развивались по сценарию с РЧП-уклоном. В контексте моделей дивергенции темпов роста интересно выяснить, какие страны за четыре десятилетия переместились в направлении благоприятного цикла, либо не сделали этого и фактически перешли в другие группы стран, и какие государства сумели вырваться из порочного цикла.

В странах Восточной Азии сложился благоприятный цикл развития человеческого потенциала и экономического роста

Результаты исследований показывают, что только Республика Корея и Сингапур постоянно находились в условиях благоприятного цикла. Ряд других стран, главным образом расположенных в Азиатском регионе, с течением времени переходили в группу стран, вступивших в благоприятный цикл развития; примерами могут служить Китай в 1970-е годы, а также Вьетнам, Малайзия и Чили в 1990-е годы. Все эти страны упоминались выше как добившиеся успехов в сфере конвергенции. Многие другие страны после кризисов задолженности в Латинской Америке или финансовых кризисов 1990-х годов перешли из группы стран с благоприятным циклом развития в категорию стран с РЧП-уклоном. Результаты проведенного исследования также свидетельствуют о том, что большинство стран, которые в 1960-х годах находились в условиях порочного цикла, остались в нем, подтверждая рассматриваемую выше идею о ловушке плохо сбалансированного роста. Только те страны, которые ранее пострадали от гражданской войны, после урегулирования конфликтов перешли в другие категории с более высокими показателями экономического развития. Установленные факты свидетельствуют о том, что некоторые страны с РЧП-уклоном сумели перейти на стадию устойчивого экономического роста и добиться восходящей конвергенции, а страны с ЭР-уклоном, как правило, не могли достичь таких результатов. Тем не менее то обстоятельство, что не всем странам с более высоким уровнем развития человеческого потенциала удалось добиться более высоких показателей долгосрочного экономического роста, дает основание предполагать, что развитие человеческого потенциала является необходимым, но недостаточным условием экономического роста.

Развитие человеческого потенциала является необходимым, но недостаточным условием экономического роста

Диаграмма I.8 представляет собой попытку установить зависимость между конвергенцией и развитием человеческого потенциала в период 1960–2003 годов. Являясь несколько измененным вариантом диаграммы из работы Ranis and Stewart (2005), данная диаграмма предусматривает использование параметра конвергенции вместо показателя роста ВВП. Параметр конвергенции отражает различие между годовым изменением соотношения ВВП на душу населения в конкретной стране и среднего подушевого МВП. Показатель раз-

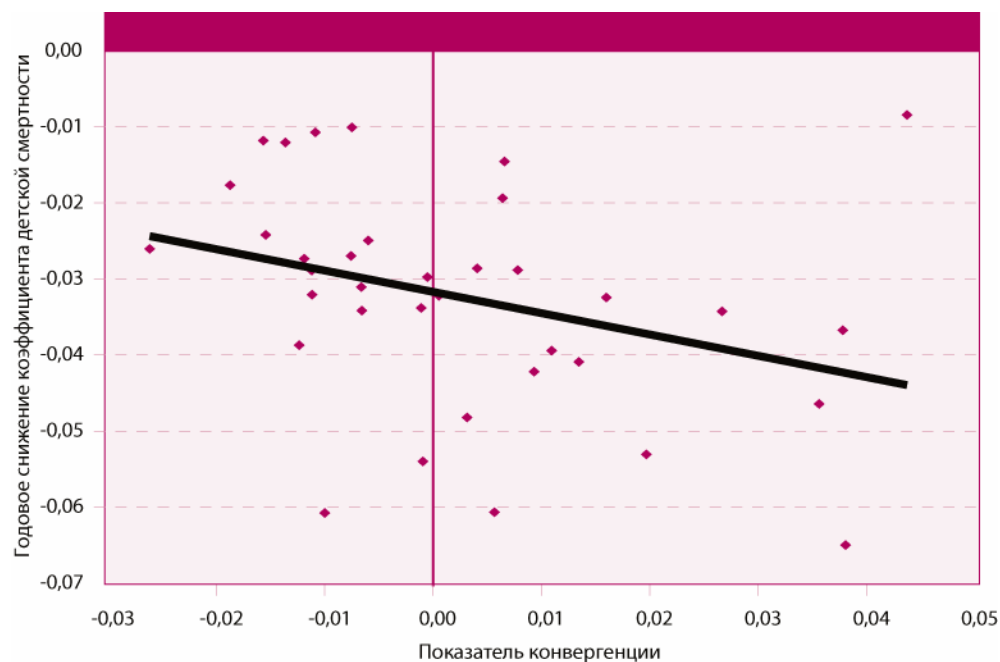
⁹ Вместо индекса общего развития человеческого потенциала использовался показатель скорости уменьшения коэффициента детской смертности.

вития человеческого потенциала позволяет оценить годовое изменение коэффициента детской смертности (число умерших детей на 1000 живорождений). Отрицательный наклон заставляет предположить, что ускорение конвергенции доходов ускорит и темпы снижения коэффициента детской смертности.

Увеличение неравенства в уровнях дохода между странами оказывает косвенное воздействие на развитие человеческого потенциала. Страна, в которой отмечается относительное снижение уровня доходов, в большей степени пострадает от глобальной асимметрии, например, в результате сокращения доступа к внешнему финансированию и уменьшения возможностей отстаивать собственные интересы на международной арене (см. ниже), что скажется на потенциале этой страны в области экономического роста. Снижение темпов роста, в свою очередь, может негативным образом повлиять на неравенство в уровнях дохода внутри страны, если оно приводит к уменьшению доходов государства и, следовательно, обуславливает меньшую доступность ресурсов, необходимых для инвестиций в развитие человеческого потенциала. Недостаточность инвестиций в человеческий капитал приведет к снижению темпов роста и к дальнейшей дивергенции.

Диаграмма I.8

Зависимость между конвергенцией уровней дохода и снижением коэффициента детской смертности, 1960–2003 годы

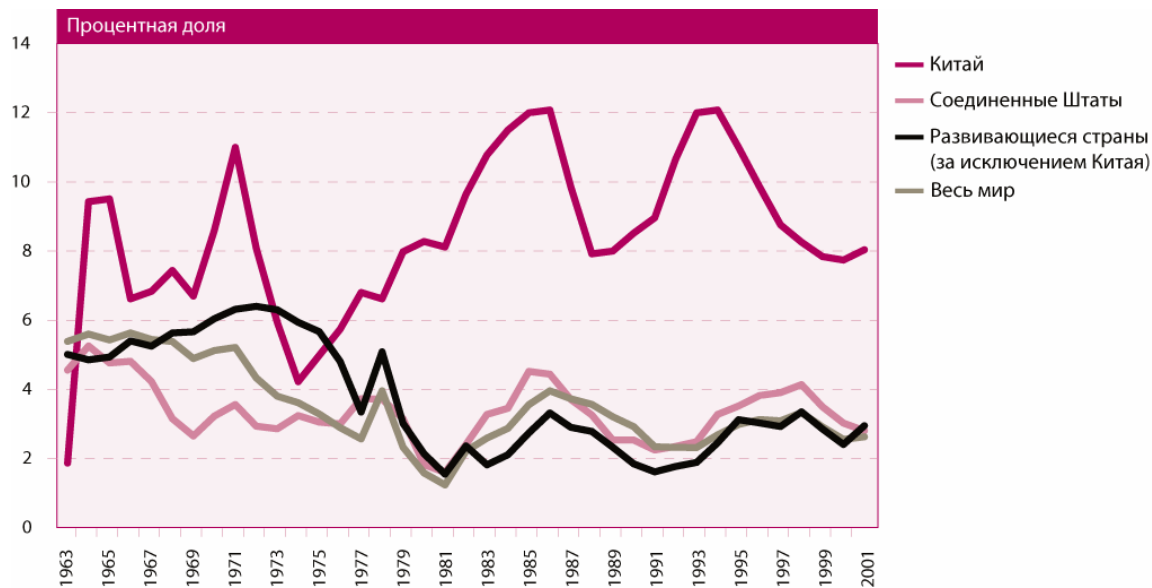
Источники: Всемирный банк, база данных “World Development Indicators 2005”; и ДЭСВ ООН.

Сохранение неравенства и его последствия для мирового развития

Некоторые наблюдатели, такие как Роберт Лукас (слова которого цитировались выше), утверждают, что мы уже пережили наихудшую стадию глобального неравенства. Поскольку в условиях глобализации технологии распространяются быстрее, а существующие во всем мире институты приобретают все больше общих черт, уровни доходов в конечном счете тоже станут одинаковыми. В этом смысле впечатляющий рост Китая в последние 20 лет можно рассматривать как первый серьезный перелом тенденции к увеличению глобального неравенства. Но является ли это подлинным переломом указанной тенденции? Нет никаких гарантий, что вскоре другие бедные страны данного региона, такие как Бангладеш или Пакистан, тоже вступят на путь быстрого и устойчивого роста и присоединятся к новому «гусиному клину», возглавляемому Китаем. Однако даже в том случае, если этого не произойдет, остается вопрос о том, какое воздействие окажет продолжающийся рост китайской экономики на мировое распределение доходов.

Последствия этого роста также трудно предсказать. Прежде всего следует рассмотреть вопрос о том, что произойдет, если Китай станет крупнейшей экономикой в мире. Поскольку экономический рост развивающихся стран тесно связан с общим направлением развития самой большой экономики в мире (см. диаграмму I.9), то бедные страны выиграют от появления более динамичного двигателя мирового экономического роста. Как сказано во вставке I.2, при сохранении нынешних тенденций Китай опередит Соединенные Штаты и станет самой большой экономикой в мире к 2036 году (или еще раньше, если измерять доход по ППС), но до этого его развитие в значительной степени стимулирует мировой экономический рост. Другие развивающиеся страны, особенно экспортеры сырьевых товаров, смогут извлечь выгоды из быстрого расширения торговли и улучшения ее условий, что может способствовать повышению конвергенции между развитыми и развивающимися странами. Однако подобные результаты нельзя предсказать с уверенностью. Можно усомниться в том, что Китай сумеет сохранить нынешние темпы роста, равные примерно 9 процентам в год. Поскольку вместе с повышением показателей роста должны увеличиться расходы на оплату труда, то в долгосрочной перспективе зависимость Китая от трудоемких отраслей обрабатывающей промышленности может исчезнуть, и его экономике придется пройти через серьезные структурные преобразования, что повлечет за собой изменения в структуре импорта страны и тем самым окажет воздействие на весь остальной мир. Если Китай не сможет добиться таких изменений, то в обозримом будущем его может ожидать стагнация, как это случилось с Японией. Одним словом, существуют самые разнообразные сценарии будущего развития.

Диаграмма I.9
Темпы роста объемов производства в глобальной экономике, в Китае, Соединенных Штатах и группе развивающихся стран (за исключением Китая), 1963–2001 годы^a

Источник: Всемирный банк, база данных “World Development Indicators 2005”.

^a Скользящие средние за пятилетние периоды.

Вставка I.2

Важно ли, какая страна является двигателем мирового экономического роста?

Развивающиеся страны следуют тенденциям глобального экономического роста, и особенно тенденциям экономического роста Соединенных Штатов Америки, однако колебания в них носят более заметный характер. Тот факт, что более ярко выраженная цикличность процессов роста в развивающихся странах оказывает длительное отрицательное воздействие на рост, соответствует тому, что говорится во многих источниках, посвященных неустойчивости экономического роста в развивающихся странах.

Если рост развивающихся стран обусловлен ростом мировой экономики в целом, то функционирование крупнейших экономик мира представляет интерес для понимания динамики дивергенции роста. На диаграмме I.9 представлено сравнение скользящих средних за пятилетние периоды для темпов роста ВВП в масштабах всей мировой экономики, в Китае, Соединенных Штатах и 153 развивающихся странах^a (за исключением Китая), начиная с 1963 года. Коэффициент корреляции между долговременными тенденциями роста ВВП Соединенных Штатов и долговременными тенденциями роста мирового ВВП равен 0,82; простой анализ опережений и отставаний

показывает, что экономика Соединенных Штатов опережает мировую экономику на один период, который в данном случае равен одному году. Китайская экономика также опережает мировую экономику по темпам роста ВВП на один или два года, однако такая ситуация сложилась лишь после 1970-х годов, хотя коэффициент корреляции у Китая в начале этого периода был гораздо меньше, чем у Соединенных Штатов.

Однако мировая экономика меняется. Учитывая экономический подъем в Китае и стремительное увеличение его объемов производства в последние два десятилетия, интересно проанализировать перспективы в плане глобального роста и дивергенции. Изменится ли наблюдаемая тенденция к увеличению дивергенции доходов между странами, если китайская экономика продолжит расширяться нынешними темпами? Станет ли Китай мировым двигателем роста? И приведет ли его рост к позитивным эффектам перелива для остальных развивающихся стран?

Самые приблизительные подсчеты показывают, что если экономический рост всех стран будет продолжаться такими же темпами, как сегодня, то к 2036 году китайская экономика станет крупнейшей в мире. Каковы будут последствия таких изменений для дивергенции роста и увеличивающегося глобального неравенства?

Самое непосредственное воздействие на экономический рост развивающихся стран будет осуществляться через торговлю и движение капитала. Китайская экономика становится все более открытой с начала проведения реформ в 1978 году. Доля экспорта и импорта Китая в ВВП возросла с 12 процентов в 1978 году до 42 процентов к 2003 году^b.

Проанализировать влияние растущей роли Китая в сфере международной торговли на развивающиеся страны нелегко. Для того чтобы остальные развивающиеся страны смогли по торговым каналам извлечь выгоду из успешного развития китайской экономики, они прежде всего должны специализироваться на производстве тех продуктов, которые требуются этой экономике. В то же время наращивание экспорта недостаточно — необходима специализация в динамичных секторах экономики, где можно извлечь преимущества из возрастающей отдачи и одновременно защитить экономику от резких и неблагоприятных изменений условий торговли (Hausmann, Hwang and Rodrik, 2006). Исследование Jenkins and Edwards (2004), посвященное оценке воздействия торговли Китая на 18 развивающихся стран (6 в Азии, 6 в Африке и 6 в Латинской Америке) показало, что страны, в которых объем торговли с Китаем был весьма значительным, в основном экспортировали сырьевые товары (продукцию сельского хозяйства и добывающих отраслей). Если данная тенденция сохранится, то в структуре стран-экспортеров не произойдет существенных изменений, в связи с чем им не удастся намного увеличить свою долю в добавленной стоимости производимой продукции. Растущий Китай действительно обеспечит высокий спрос на продукцию, экспортируемую из развивающихся стран, а также, возможно, высокий уровень цен на сырьевые товары, но будет ли рост устойчивым без значительных структурных преобразований? Другими словами, рост стран Латинской Америки и Африки,

вызванный повышением спроса, которое было обусловлено экономическим подъемом в Восточной Азии и особенно в Китае, будет по-прежнему зависеть от экспорта сырьевых товаров, если эти страны не приложат усилия к тому, чтобы покончить с такой специализацией, зависящей от пути развития.

Напротив, если сама китайская экономика пройдет через структурные преобразования, которые уже наблюдались в других странах Восточной Азии, и продолжит подъем по ступеням технологической лестницы, то Китай будет ввозить из стран, являющихся его торговыми партнерами, больше продукции трудоемких производств. Это создаст новые возможности для других развивающихся стран с большим резервом недоиспользованной рабочей силы, но на данный момент, как показывают Дженкинс и Эдвардс, китайская экономика является конкурентом для многих развивающихся стран, специализирующихся на трудоемком производстве. Дешевая продукция обрабатывающей промышленности Китая не только представляет для них угрозу на третьих рынках, однако и конкурирует с продукцией внутренних производителей. В этом смысле растущая роль Китая на мировом рынке может усилить дивергенцию темпов роста. Будущие перспективы зависят не только от структурных преобразований, которые произойдут в экономике Китая, но и от обусловленных ростом микроэкономических тенденций, связанных с затратами и производительностью.

В главе II настоящего Обзора представлены сведения о глубоких структурных преобразованиях в экономике Китая, которые осуществляются в соответствии с классической моделью развития и предусматривают переход от первичного к вторичному и третичному секторам. Тот факт, что такие структурные преобразования происходят, означает, что, по всей вероятности, экономический рост Китая будет все чаще создавать позитивные эффекты перелива для других развивающихся стран. В результате можно будет ожидать сокращения дивергенции темпов роста и доходов.

Что касается направляемых Китаем потоков ПИИ, то сейчас их объем не столь велик. Китай экспортирует меньше 0,5 процента от общемирового объема ПИИ (Jenkins and Edwards, 2004). Тем не менее по мере дальнейшего повышения открытости китайской экономики стремительно увеличиваются направляемые потоки ПИИ. В некоторых африканских странах (экспортерах нефти) в последние несколько лет расширилось присутствие китайского капитала, но инвестиции направлялись главным образом в добывающие отрасли. Тем не менее на сегодняшний день Китай, по всей вероятности, остается конкурентом для других развивающихся стран, которым удастся привлечь большую часть мировых потоков ПИИ, направляемых в развивающиеся страны.

^a Как определено в базе данных "World Development Indicators 2005", группа развивающихся стран состоит из стран с низкими доходами, с доходами ниже среднего уровня и с доходами выше среднего уровня.

^b Данные Статистического отдела Организации Объединенных Наций.

Условия, способствующие экономическому росту, зависят от конкретной страны, а стратегии создания таких условий несводимы к простым формулам

Проблема отчасти заключается в том, что отсутствует ясное понимание определяющих факторов экономического роста. Написание в последние двадцать лет огромного количества работ по данной теме прежде всего привело к тому, что экономисты заново открывают для себя сложности экономического роста. На новом этапе они пришли к общему мнению, что условия, способствующие экономическому росту, зависят от конкретной страны и что стратегии создания таких условий несводимы к простым формулам¹⁰. Те, кто считает, что определяющие факторы экономического роста необходимо рассматривать в историческом и институциональном контексте той или иной страны, отвергают простую идею, высказанную, например, в Вашингтонском консенсусе, что экономическое процветание зависит от правильной реализации конкретной совокупности национальных стратегий. Точное определение условий роста должно заключаться в поиске связывающих ограничений, таких как ограничения в области мобилизации достаточных финансовых ресурсов, низкий уровень развития человеческого капитала, слабая институциональная структура и отсутствие пространства для политического маневра в сфере устранения дефектов рыночного регулирования и последствий внешних потрясений. Разные стартовые условия и обстановка в конкретных странах предполагают различия в связывающих ограничениях, а стратегии устранения таких ограничений могут оказаться более успешными, чем всеобъемлющие реформы, осуществление которых требует преодоления политических препятствий и часто не приводит к экономическому росту.

В свете предыдущего обсуждения такой подход кажется разумным. Однако наблюдаемая в настоящее время региональная поляризация процессов роста также дает основания предполагать, что стартовые условия не только связаны со специфическими обстоятельствами каждой страны; они также взаимодействуют с условиями в регионе, где расположена данная страна, и динамикой мировой экономики. Анализ роли этих факторов не противоречит вышеупомянутому подходу и должен дополнять анализ специфических условий конкретной страны. По причинам исторического характера в странах могут сложиться аналогичные стартовые условия. Например, в колониальный период и в первые годы постколониального периода экономика стран Латинской Америки и Африки развивалась в направлении производства сырья и специализации в добывающих отраслях. К тому же ввиду общего колониального прошлого институциональные структуры могут иметь одинаковые исторические корни.

Страны с худшими стартовыми условиями сталкиваются с более серьезными трудностями, стремясь получить выгоды от мирового экономического роста

Важно помнить, что стартовые условия трудно изменить, и страны, которым досталось менее богатое «наследие», сталкиваются с более серьезными трудностями, стремясь получить выгоды от мирового экономического роста и порвать с прошлым. Следовательно, страны, имеющие аналогичный опыт и структуру, с большей вероятностью будут развиваться в одном и том же направлении. В связи с этим на ум приходит принцип кумулятивной каузации

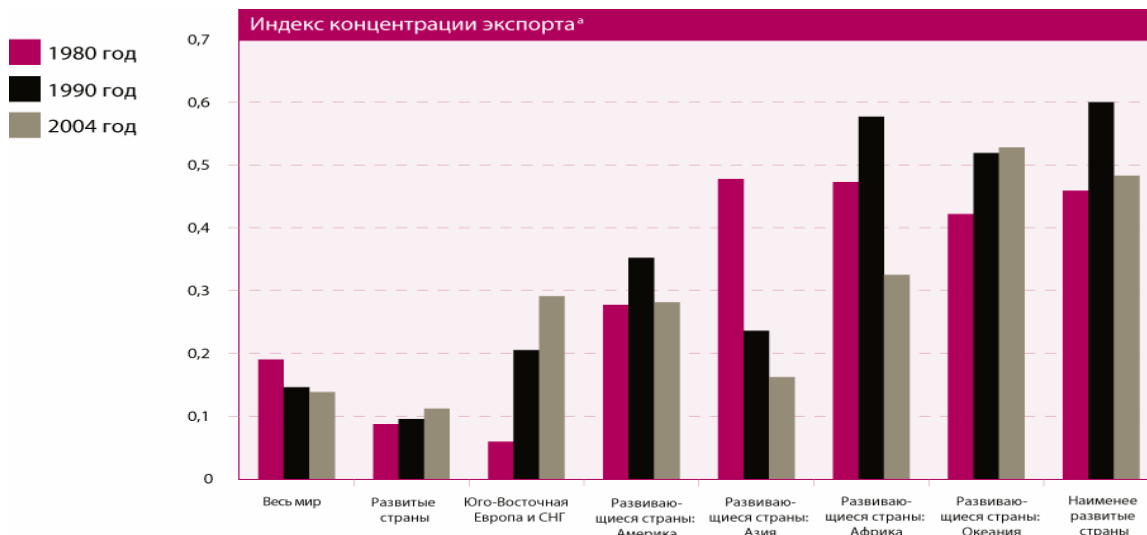
¹⁰ Многие из этих взглядов отражают отдельные положения важной работы Дэни Родрика и удачно изложены в публикациях Rodrik (2003), Hausmann, Rodrik and Velasco (2005) и World Bank (2005b), а также в специальном выпуске ежеквартального журнала МВФ Finance & Development (март 2006 года).

Гуннара Мюрдаля (Gunnar Myrdal), в соответствии с которым бедные страны будут становиться еще беднее, а богатые — еще богаче, до тех пор пока внешние факторы не приведут к вынужденным переменам (Myrdal, 1957). Другими словами, тенденции к автоматической конвергенции доходов не существует скорее, несовершенства мирового рынка усугубляют тенденции, ведущие к дивергенции. Такая глобальная асимметрия тоже оказывает влияние на пространство для маневра в политике стран, стремящихся к расширению возможностей роста.

Страны, получившие бедное и/или «несоответствующее» наследие, обычно находятся в менее выгодном положении в плане извлечения преимуществ из международной торговли и финансирования. Как и прежде, страны, зависящие от экспорта нескольких сырьевых товаров, будь то кофе, хлопок или полезные ископаемые, страдают от того, что цены на экспортируемые ими товары на мировом рынке весьма неустойчивы. Кроме того, в последние десятилетия цены на их товары упали по сравнению с ценами на продукцию обрабатывающей промышленности. Это ограничило ресурсы, имеющиеся у этих стран, а слабая институциональная структура не позволяла реализовывать надежные стратегии и мобилизовывать внутренние и внешние финансовые ресурсы для частных инвестиций и инвестиций в развитие человеческого потенциала и инфраструктуры, необходимых для проведения диверсификации. Диаграмма I.10 наводит на мысль о существовании тесной связи между высокой степенью зависимости от нескольких видов экспорта и более низким уровнем развития. Группа наименее развитых стран, в которую входят беднейшие страны, демонстрирует наименьшую степень диверсификации экспорта. Кроме того, в регионах с более низкими показателями роста, расположенных в Латинской Америке и Африке, коэффициент концентрации экспорта по-прежнему превышает соответствующий показатель в других регионах.

Диаграмма I.10

Диверсификация экспорта товаров по регионам, 1980, 1990 и 2004 годы

Источник: United Nations Conference on Trade and Development (2005).

Примечание: Страны сгруппированы в соответствии со схемой в публикации UNCTAD (2005).

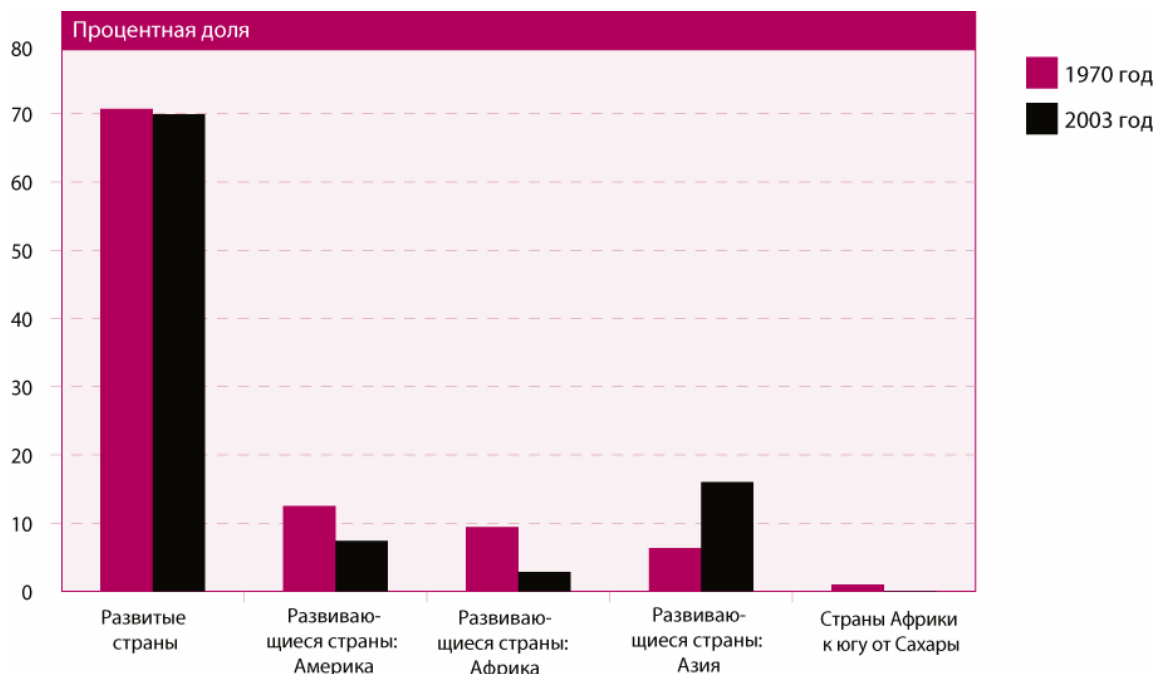
^a Измеряется с помощью индекса Херфиндала-Хиршмана, который был нормализован, с тем чтобы получить значения от 0 до 1 (максимальная концентрация или зависимость от экспорта только одного вида продукции).

Потоки капитала, направляемые в развивающиеся страны, концентрируются в странах с более высоким уровнем доходов

Разница в стартовых условиях усугубляется отсутствием справедливости на мировых рынках. Потоки капитала, как правило, концентрируются в более богатых странах. Большая часть этих потоков распределяется между развитыми странами, а капитал, направляемый в развивающиеся страны, обычно концентрируется в странах с более высокими уровнями доходов и показателями роста. Более двух третей прямых иностранных инвестиций (ПИИ) сконцентрировано в развитых странах (см. диаграмму I.11). Свыше 80 процентов ПИИ, направляемых в развивающиеся страны, идет в 12 стран, для большинства из которых характерен средний уровень доходов (однако в указанную группу входят также Индия и Китай), а остальные развивающиеся страны не получают почти ничего. Только страны Азии с быстро растущей экономикой получают постоянно увеличивающуюся долю мировых ПИИ. Результаты представленного в главе IV подробного анализа других видов потоков частного капитала, направляемых в развивающиеся страны, свидетельствуют о том, что в этой сфере обычно проявляется аналогичная закономерность в плане концентрации и проциклических тенденций. Проциклическая динамика потоков капитала создает дополнительные проблемы политического характера для стран-получателей, поскольку они мешают формированию пространства для проведения антициклической макроэкономической политики и могут способствовать финансовой нестабильности, особенно в странах со слаборазвитой финансовой системой.

Диаграмма I.11

Доля региональных притоков ПИИ в общемировых ПИИ, 1970 и 2003 годы

Источник: United Nations Conference on Trade and Development (2005).

Неравенство также проявляется в том, что касается мобильности рабочей силы. Неквалифицированные рабочие из развивающихся стран, которые могли бы больше зарабатывать в развитых странах, при попытке миграции сталкиваются с большим количеством препятствий.

Достижение более высокой степени глобальной справедливости возможно за счет реализации международных стратегий, позволяющих улучшить стартовые условия соответствующих стран и устранить несовершенства мирового рынка. В ходе всемирных торговых переговоров рассматриваются положения, обеспечивающие введение режима преференций для беднейших стран. Помощь в целях развития способна поддержать страны в деле улучшения их материальной базы и вложения средств в исправление изначальных недостатков в инфраструктуре, развитии человеческого потенциала и других областях. Были реализованы инициативы по списанию долгов с целью уменьшения бремени задолженности беднейших стран и приняты меры по обеспечению глобальной финансовой стабильности, такие как создание в 1999 году Форума по финансовой стабильности.

Глобальное неравенство оказывает влияние на процесс установления правил, определяющих условия функционирования мировых рынков

Однако глобальное неравенство не только сокращает возможности беднейших стран в плане извлечения выгод из более свободного режима торговли и финансовых потоков, но и оказывает влияние на процесс установления правил, определяющих условия функционирования мировых рынков. На международных финансовых рынках не были разработаны четкие механизмы урегулирования долгов, а существующие неформальные механизмы, как правило, приносят выгоды международным кредиторам, причем часто это происходит в ущерб инвесторам и налогоплательщикам из развивающихся стран. Инициативы, обеспечивающие более сбалансированное распределение расходов, в частности, посредством включения пунктов о коллективных действиях, были реализованы недавно и оказались совершенно неэффективными (см., например, Организация Объединенных Наций, 2005b). Форум по финансовой стабильности и Базельский комитет по контролю над банковской деятельностью собирают представителей центральных банков и министерств финансов стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), однако развивающиеся страны там не представлены. Право участвовать в голосовании в международных финансовых организациях, таких как МВФ и Всемирный банк, также дает определенные преимущества более развитым странам, поскольку при его предоставлении учитывается объем финансовых вкладов стран-членов.

Наряду с этим существует асимметрия в условиях проведения макроэкономической политики

Наряду с этим существует заметная асимметрия и в том, что касается пространства для политического маневра, необходимого для проведения макроэкономической политики. Большинство развивающихся стран не имеют возможности выпускать облигации в собственной валюте, а эффективность их кредитно-денежной политики в целом ограничена из-за слаборазвитого финансового рынка и рынка ценных бумаг¹¹. Подобные ограничения резко сокраща-

¹¹ См. главу IV, а также работы Осампо (2005b) и FitzGerald (2006), в которых этот аргумент рассматривается более подробно.

ют потенциал политиков в плане проведения антициклических макроэкономических мер. В результате экономика становится уязвимой перед внешними потрясениями, такими как колебания процентной ставки, выраженной в другой валюте, как это случилось в Латинской Америке в период финансовых кризисов и происходит сейчас во многих африканских странах. В отличие от стран Восточной Азии, латиноамериканские страны проводят главным образом проциклическую политику, что увеличивает размер циклов «бум-спад» и усиливает финансовую нестабильность, а также ее долговременное отрицательное воздействие на рост (см. главу IV).

Более бедные страны имеют меньше возможностей повлиять на институциональные правила, определяющие условия функционирования глобальных рынков, чем более богатые страны

Правила торговли, установленные в ходе Дохинского раунда многосторонних переговоров Всемирной торговой организации, могут обеспечить достижение результатов, выгодных для бедных стран. Однако в разных странах и регионах эти результаты будут различными, и, как уже говорилось выше, условия более свободной торговли, по всей вероятности, обеспечат меньше выгод для более бедных стран из-за бедности их «наследия». Переговоры в рамках Всемирной торговой организации можно назвать равноправными в том смысле, что каждая страна имеет один голос и наделена правом вето, поскольку решения принимаются консенсусом. На практике, однако, развивающимся странам трудно следить за переговорным процессом или вкладывать деньги в исследования, посвященные оценке последствий торговых реформ для их экономики, либо они просто не располагают необходимыми средствами, для того чтобы послать делегатов на переговоры. Бедные страны могут вынести проблему на обсуждение во Всемирной торговой организации, однако даже решение в их пользу не будет означать отмены несправедливых протекционистских мер (установленных в соглашении Всемирной торговой организации). Потенциал бедных стран, позволяющий принимать ответные меры в отношении влиятельных торговых партнеров, невелик и, по-видимому, не обеспечивает необходимых результатов: решения Всемирной торговой организации, вынесенные в их пользу, не доставят могущественным странам большого беспокойства. Это не значит, что все глобальное экономическое управление несправедливо само по себе, однако та роль, которую в нем играют развивающиеся страны, носит весьма ограниченный характер, изменить правила игры в их пользу сложно, поэтому устранение существующей асимметрии вызывает затруднения.

Выгоды от помощи в целях развития в первую очередь достаются не самым бедным странам. В частности, то обстоятельство, что предоставление двусторонней официальной помощи в целях развития (ОПР) во многом определяется политическими и экономическими целями стран-доноров, приводит к тому, что значительную долю перечисляемых средств получают более богатые развивающиеся страны. Кроме того, вопрос об эффективности помощи в плане стимулирования роста и развития вызывает горячие споры. Эта тема рассматривается в главе IV.

В результате по сравнению с более богатыми странами бедные страны имеют меньше возможностей повлиять на институциональные правила, определяющие условия функционирования глобальных рынков, а следовательно, и

на процессы, которые могут устранить растущее неравенство в мировом распределении доходов.

Национальные институты и стратегии тоже имеют значение

Все вышесказанное не означает, что внутренние факторы, включающие институциональную структуру и реализуемые стратегии, не являются важными. В действительности они имеют решающее значение, однако не являются чем-то данным или внешне обусловленным, а частично определяются через взаимосвязь с динамикой глобальных рынков. В последующих главах даются более развернутые ответы на ряд вопросов: каким образом странам Восточной Азии удалось преодолеть стадию медленного роста и в течение длительного периода времени демонстрировать впечатляющие показатели роста, в то время как страны Латинской Америки, которые в 1950-х годах были гораздо богаче, отстали от них? Почему быстрый экономический рост в регионе Африки к югу от Сахары характерен только для Ботсваны, тогда как Республика Корея и провинция Китая Тайвань «экспортируют» свой успех в соседние страны? Станет ли появление такого государства, как Япония, в Латинской Америке или в Африке к югу от Сахары стимулом для возникновения в этих регионах новых индустриальных стран первой или второй волны? В целом дивергенция темпов роста различных стран и регионов определяет глобальное развитие, что, в свою очередь, отражается на моделях дивергенции.

Опыт стран, добившихся успеха, и стран, потерпевших неудачу, одинаково полезен, поскольку он позволяет понять, каким образом можно обеспечить устойчивый рост и скорректировать неблагоприятные тенденции в процессах роста. В главе II анализируется характер взаимосвязи структурных преобразований в экономике и моделей долгосрочного экономического роста. Это даст возможность лицам, принимающим политические решения, определить, на какие структурные преобразования следует ориентироваться при разработке макроэкономической политики. В главе III представлены выводы, сделанные на основе опыта различных стран, который был получен ими за несколько десятилетий и касался связи между дивергенцией темпов роста, структурой торговли и потоков капитала, существующими в этой сфере тенденциями, а также моделями специализации. Протекционизм и торговая политика сыграли важную роль в укреплении и изменении моделей специализации. В связи с этим в главе III сделана попытка разобраться в причинах успеха стран Восточной Азии и проанализировать, какое пространство для политического маневра осталось у стран с учетом существующих многосторонних торговых соглашений.

Глава IV посвящена характеру условий для проведения антициклической макроэкономической политики, а также финансового пространства для инвестиций в долговременное развитие через физическую и социальную инфраструктуру. В ней также делается попытка определить, добились ли страны, способные проводить антициклическую макроэкономическую политику, больших успехов в деле обеспечения высоких темпов долговременного экономического роста и вкладывают ли эти страны больше средств в развитие человеческого потенциала и инфраструктуры, чтобы поддержать такой рост. В главе V рассматривается вопрос о том, какие учреждения и условия обеспечения благого управления имеют наибольшее значение для долгосрочного экономического роста, а следовательно, и для глобальной дивергенции или конвергенции. Далее в ней показано, что растущее глобальное неравенство и обусловли-

вающие его модели экономического роста также могут оказывать влияние на безопасность и характер возникающих конфликтов. В странах, специализирующихся главным образом на добыче невозобновляемых ресурсов, наблюдается наибольшее число конфликтов. Полученные данные указывают на то, что в странах с низким уровнем доходов на душу населения, которые не смогли добиться экономического роста, часто возникают нестабильность и конфликты.

Неспособность переломить тенденцию к усилению глобального неравенства может повлечь за собой широкомасштабные последствия для развития человеческого потенциала

Как уже говорилось, показатели экономического роста той или иной страны определяются не только факторами, действующими внутри ее географических границ; это особенно справедливо в условиях современной интегрированной мировой экономики. Причины, лежащие в основе дивергенции, также увеличивают трудности, связанные с выходом из нищеты, и повышают уязвимость по отношению к глобальным потрясениям. Поэтому по мере увеличения глобального неравенства повышается вероятность резкого падения темпов роста и возникновения конфликтов. Таким образом, проблема усиления глобального неравенства имеет самое непосредственное отношение к осуществлению повестки дня Организации Объединенных Наций в области развития. Она затрудняет достижение Целей в области развития Декларации тысячелетия и отрицательно сказывается на глобальной безопасности. Из этого следует, что если не удастся переломить тенденцию к усилению глобального неравенства, то это может иметь далекоидущие последствия для развития человеческого потенциала.

Глава II

Структурные преобразования и экономический рост

Экономический рост развивающихся стран связан с изменением структуры производства

Важным элементом классической теории экономики развивающихся стран стало понимание того, что экономический рост по самой своей природе связан с изменениями в структуре производства. Согласно этой точке зрения, индустриализация является локомотивом технического прогресса, а общий рост производительности главным образом представляет собой результат перемещения трудовых ресурсов из низкопродуктивных в высокопродуктивные отрасли. В настоящей главе рассматривается вопрос о том, насколько указанная позиция актуальна сегодня и, следовательно, каким образом масштабы и характер структурных преобразований объясняют расхождение между развивающимися странами в тенденциях развития.

В первом разделе представлены различные взгляды на процесс роста и сделан особый акцент на различия в движущих силах этого процесса в развитых и развивающихся странах. Во втором разделе показано, каким образом быстрорастущие регионы Азии смогли осуществить быстрый и масштабный переход от сельского хозяйства к промышленности и услугам, в то время как страны, добившиеся незначительных структурных преобразований в экономике, отстали. Сохраняет актуальность традиционная точка зрения, согласно которой большое значение для роста имеет накопление капитала, как это показано в следующем разделе, однако взаимнооднозначного соответствия здесь не существует. Важна также структура инвестиций — и не только потому, что индустриализация требует больших вложений в обрабатывающую промышленность, но и в силу того факта, что для поддержания развития промышленности требуются крупные инвестиции в сфере финансовых и деловых услуг. Кроме того, низкие показатели роста связаны с увеличением нестабильности инвестиций. Внешние потрясения и непоследовательная внутренняя политика приводят к усилению экономической неопределенности, которая сдерживает долгосрочные инвестиции, необходимые для осуществления динамичных структурных преобразований (данная тема детально рассматривается в главе IV).

В заключительном разделе дается анализ того, каким образом изменились занятость и производительность труда вместе с моделями роста и структурными преобразованиями в экономике развивающихся стран. Быстрорастущие экономики характеризуются устойчивым ростом производительности труда и перемещением трудовых ресурсов из секторов с низкой производительностью в секторы с высокой производительностью. Тем не менее важные изменения структуры занятости в сторону промышленности и сферы услуг наблюдаются и в регионах с низкими показателями роста. В таких случаях, однако, рост занятости не сопровождается повышением производительности, что указывает на использование трудовых ресурсов в низкопроизводительных видах деятельности, которое по большей части является недостаточно эффективным.

В связи с ограниченностью данных анализ, приведенный в настоящей главе, охватывает лишь выборку из 57 развивающихся стран. Они были разделены на 10 географических страновых групп (при этом Китай представляет собой «группу», состоящую из одной страны), а группа анализа была сформиро-

вана из восьми полуиндустриальных стран¹. И в этом случае ввиду проблем с данными сведения по ряду переменных величин (структура занятости) и относительно некоторых групп стран охватывают более короткие промежутки времени².

Экономический рост требует структурных преобразований

В развивающихся странах процессы роста и развития в гораздо меньшей степени связаны с внедрением технических новшеств и в гораздо большей — с изменением структуры производства

Рост производительности в развитых странах основан главным образом на технологических инновациях. Однако в развивающихся странах рост и развитие в гораздо меньшей степени связаны с внедрением технических новшеств и в гораздо большей — с изменением структуры производства в сторону увеличения доли более производительных видов деятельности. Подобные структурные преобразования могут быть достигнуты главным образом за счет принятия на вооружение и адаптации существующих технологий, замещения импорта и выхода на мировые рынки промышленных товаров и услуг, а также путем быстрого накопления материального и человеческого капитала. Немногим развивающимся странам удастся вести оригинальные научные исследования и опытно-конструкторские работы в ряде областей, однако значительная часть технологических инноваций по-прежнему сконцентрирована в промышленно развитых странах.

Такие фундаментальные различия в характере процесса экономического роста между развитыми и развивающимися странами по-прежнему являются предметом серьезных дискуссий в среде экономистов. Одним из важных достижений в сфере анализа в последние десятилетия стало недвусмысленное признание в так называемых «новых теориях роста» влияния внешних эконо-

¹ В число десяти географических групп входят: новые индустриальные страны первой волны (3): провинция Китая Тайвань, Республика Корея и Сингапур; Китай (1); Юго-Восточная Азия (5): Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Таиланд и Филиппины; Южная Азия (4): Бангладеш, Индия, Пакистан и Шри-Ланка; страны Латинской Америки с низким/средним уровнем доходов (3): Боливия, Перу и Эквадор; Центральная Америка и Карибский бассейн (5): Гватемала, Доминиканская Республика, Коста-Рика, Сальвадор и Ямайка; Центральная и Восточная Европа (6): Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия и Чешская Республика; Содружество Независимых Государств (2): Российская Федерация и Украина; страны Африки к югу от Сахары (10): Гана, Зимбабве, Камерун, Кения, Кот-д'Ивуар, Мозамбик, Нигерия, Объединенная Республика Танзания, Уганда и Эфиопия; Ближний Восток и Северная Африка (10): Алжир, Египет, Иордания, Ирак, Иран (Исламская Республика), Йемен, Марокко, Саудовская Аравия, Сирийская Арабская Республика и Тунис. В группу полуиндустриальных стран (8) входят: Аргентина, Бразилия, Венесуэла (Боливарианская Республика), Колумбия, Мексика, Турция, Чили и Южная Африка.

² Имеющиеся международные наборы данных (такие как Общая база данных Организации Объединенных Наций, база данных Всемирного банка по показателям мирового развития (World Bank World Development Indicators database) и база данных по статистике труда Международной организации труда) не позволяют получить непротиворечивые и сопоставимые последовательности данных по инвестициям и занятости в период до 1990 года в отношении достаточно большого числа стран. В связи с этим эмпирический анализ во втором и третьем разделах пришлось в определенных аспектах ограничить моделями, наблюдавшимися в течение 1990-х годов и позднее.

мических эффектов в сфере формирования человеческого капитала и технологических инноваций, динамических эффектов масштаба, связанных с практическим обучением в ходе производственного процесса, и институциональных факторов на процесс роста. Эти новые представления знаменуют собой отход от более традиционных постулатов о том, что накопление капитала является ключевым фактором экономического развития. Они также свидетельствуют о выполнении обещания относительно более тесной увязки политики с показателями экономического роста.

Тем не менее эмпирические исследования, которые базируются на подобных теоретических представлениях, в значительной степени опирающихся на сравнительные данные по странам, оставляют без ответа многие вопросы. В частности, посредством анализа не удалось выявить существенные критерии для определения того, какие из примерно 150 переменных величин, установленных в качестве статистически значимых в различных исследованиях, должны рассматриваться в качестве основных определяющих факторов экономического роста. Данные материалы не только не позволяют сделать окончательные выводы, но и не обеспечивают учет значимости специфических местных факторов, в особенности тех из них, которые связаны с институциональным развитием (см. главу V). Кроме того, в них не уделяется должного внимания тому обстоятельству, что влияние политики на темпы роста, как правило, различно в разных странах и в разные временные периоды (проблема, известная как нелинейность). Основной акцент делается на внутренние факторы, тогда как внешние факторы, объясняющие, почему массовые успехи и провалы в области обеспечения экономического роста характерны для определенных периодов времени и определенных регионов, игнорируются (см. главу I). Еще более важное обстоятельство в контексте тематики данной главы состоит в том, что основной акцент в подобных исследованиях делается на совокупных показателях роста и, в значительной степени, на поиске факторов, объясняющих технический прогресс, исходя из допущения, что факторы производства используются в полном объеме и предусматривают применение самых лучших технологий, имеющихся в соответствующей стране. Иными словами, акцент делается на основных видах деятельности, влияющих на процесс роста в развитых, а не в развивающихся странах, где недостаточное использование трудовых ресурсов (а иногда и других факторов производства) и сосуществование современных и традиционных производственных технологий являются скорее правилом, нежели исключением.

Важность промышленного развития является ключевым элементом классических теорий развития

С другой стороны, те экономисты, которые следуют традициям классических теорий развития, считают, что экономический рост развивающихся стран связан со структурными преобразованиями, предусматривающими смещение в сторону высокопроизводительных отраслей, и что индустриализация играет ключевую роль в этом процессе (Ros, 2000). Согласно этому мнению, развитие современного промышленного сектора вносит большой вклад в общий рост объемов производства с позиции *динамики* в силу более высоких темпов роста производительности в этом секторе в результате возрастания прибыли за счет

эффекта масштаба³, доходов от инноваций и обучения в ходе производственного процесса⁴. Недостаточная занятость рабочей силы в сельских районах, а также во все большей степени в неформальном секторе в городах обеспечивает сравнительно эластичное предложение рабочей силы, что позволяет этому процессу осуществляться в отсутствие значительных ограничений в отношении трудовых ресурсов.

Ранние эмпирические исследования уже продемонстрировали важность промышленного развития для достижения более высоких темпов долгосрочного экономического роста, указывая на то, что в моделях развития действительно отмечается «закономерность» (Kuznets, 1966; Chenery and Taylor, 1968; и Chenery, 1979). Модернизация сельского хозяйства также является значительным фактором, способствующим динамичному переходу от сельскохозяйственного к современному индустриальному обществу (см. главу V). По мере движения экономик по лестнице развития все большее значение приобретает сектор услуг. Кроме того, современная сфера услуг является источником роста производительности и играет ключевую роль в достижении индустриализации. По мере роста международной торговли услугами соответствующие секторы также создают новые возможности для развития экспорта (см. главу III).

Рост производительности и объемов производства взаимно усиливают друг друга

Понятия, аналогичные используемым в классических теориях развития, заложены, среди прочего, и в ранних теориях роста Вердорна (Verdoorn, 1949) и Калдора (Kaldor, 1957, 1978), не принадлежащих к числу неоклассических. Калдор (1978) предположил, что рост производительности и объемов производства взаимно усиливают друг друга. Положительное влияние увеличения производительности на рост производства подробно рассматривается в экономической литературе. Гораздо меньше внимания уделяется обратной обусловленности, в соответствии с которой рост производительности в свою очередь зависит от того, насколько быстро растет экономика в целом. С этой позиции производительность определяется как фактор, внутренне обусловленный расширением производственных секторов. Обучение в ходе производственного процесса, инновации и межсекторальные связи также входят в число факторов, положительно влияющих на производительность в ситуации ускорения темпов роста. Действительно, по мере развития экономики эти факторы приобретают все большее значение для роста производительности, поскольку увеличивается количество ресурсов, которые можно использовать для инвестиций в новые технологии и для обучения работников. Приобретение знаний на практике и

³ Для процесса промышленного производства характерно использование крупномасштабного оборудования, с помощью которого снижается стоимость единицы продукции по мере увеличения объема производства. На профессиональном языке экономистов этот феномен называется «эффектом масштаба». Потенциал в плане увеличения прибыли благодаря эффекту масштаба и росту производительности в промышленном секторе также может возникнуть в результате совершенствования организации производства, например, за счет специализации работников на выполнении более мелких операций, что увеличивает их потенциал в плане увеличения объема выработки.

⁴ Это понятие можно обнаружить в работах Адама Смита конца восемнадцатого века; свое дальнейшее развитие оно получило в начале двадцатого века в работах Алвина Янга (Young, 1928).

опыт, накапливаемый как предпринимателями, так и работниками в ходе производственного процесса также важны для роста производительности, причем значимость данных факторов повышается в условиях дополнительного роста.

Снижение уровня безработицы может привести к повышению темпов роста производительности

Если изначально ресурсы используются неполностью по причине безработицы и неполной занятости, то экономический рост не только приведет к улучшению использования имеющихся ресурсов, но и обеспечит ускорение темпов роста производительности, поскольку ресурсы переместятся из низкопроизводительных в высокопроизводительные области; эта идея созвучна классическим теориям развития. Напротив, медленный экономический рост имеет следствием растущее недоиспользование ресурсов и, таким образом, негативно влияет на производительность. В этом смысле связь, которая обычно прослеживается между низкими показателями производительности и медленным экономическим ростом может быть обусловлена не отсутствием технического прогресса, а, скорее, растущим недоиспользованием ресурсов, что характерно для медленно растущей экономики и отражает упомянутую выше обратную обусловленность. Иными словами, если ресурсы не используются в полном объеме или используются недостаточно эффективно, низкие показатели роста производительности могут быть скорее *результатом*, нежели определяющим фактором низких темпов роста объемов производства.

Масштабы и характер структурных преобразований объясняют расхождения в тенденциях роста между развивающимися странами

Основываясь на этих постулатах, можно разработать более широкую концепцию структурных преобразований и роста. В рамках этого подхода динамичные структурные преобразования включают в себя не только рост промышленности и современной сферы услуг. Они подразумевают способность постоянно создавать новые виды деятельности, а также наличие у новых видов деятельности соответствующего потенциала, позволяющего поглощать излишки рабочей силы и стимулировать интеграцию производственных секторов в рамках *внутренней* экономики (то есть укрепление внутренних связей) (см., например, работу Осампо, 2005b). С этой позиции промышленный сектор обычно обладает большим потенциалом в плане стимулирования более глубокой внутриэкономической интеграции путем переработки сырья и производства полуфабрикатов и привлечения целого ряда сопутствующих услуг. Степень интеграции внутренней экономики в свою очередь влияет на размер внутреннего рынка, так же как и на масштабы возможных технологических и иных эффектов перелива в сфере внутренней экономической деятельности, создаваемых экспортом и прямыми иностранными инвестициями (ПИИ), и таким образом оказывает влияние на масштабы, в которых та или иная страна может получить выгоду от международной торговли и инвестиций. В этом смысле интеграция в мировую экономику приводит к быстрому техническому прогрессу и способствует обеспечению высоких и устойчивых темпов роста только при условии, что она основывается на прочных *внутриэкономических* связях или помогает устанавливать их. Более подробно эти вопросы рассматриваются в главе III.

Модели роста и структурных преобразований, 1970–2003 годы⁵

Экономический рост развивающихся стран ускоряется в условиях увеличения роли промышленного сектора и сферы услуг и уменьшения роли сельского хозяйства

Экономический рост развивающихся стран ускоряется в условиях увеличения роли промышленного сектора и сферы услуг и уменьшения роли сельского хозяйства (см. диаграммы П.1 и П.2). Быстрый рост Китая, а также стран Юго-Восточной и Южной Азии был связан с резким уменьшением значимости сельского хозяйства и существенным расширением промышленного сектора и сферы услуг в период с 1970 по 2003 год. В противоположность этому наступивший после 1970-х годов длительный период медленного роста в полуиндустриальных странах, странах Центральной Америки и Карибского бассейна, а также странах Ближнего Востока и Содружества Независимых Государств (СНГ) был связан с процессом деиндустриализации (различной интенсивности). В этих группах стран зоны роста, как правило, были сконцентрированы в секторе услуг, а доля сельского хозяйства в объеме производства также сокращалась или оставалась неизменной.

Ясно также и то, что взаимосвязь между структурными преобразованиями и экономическим ростом не вполне идентична во всех странах мира. Быстрый экономический рост новых индустриальных стран первой волны сопровождался гораздо меньшими структурными преобразованиями, направленными на развитие промышленности, нежели, скажем, экономический рост в странах Южной Азии. Это в значительной мере может объясняться тем фактом, что многие этапы процесса индустриализации в новых индустриальных странах первой волны завершились до 1970 года — первого года периода, охваченного настоящим аналитическим исследованием. Наряду с этим расширение сферы услуг в странах Южной Азии было более динамичным по сравнению с Юго-Восточной Азией. Страны Африки к югу от Сахары, а также латиноамериканские страны с низкими и средними доходами смогли увеличить долю промышленного производства, однако рост доходов на душу населения в этих странах был незначительным или вообще отсутствовал. За период 1990–2003 годов страны Центральной и Восточной Европы продемонстрировали (в среднем) умеренные темпы роста, несмотря на деиндустриализацию; при этом ведущую роль в процессе роста играла сфера услуг.

В экономике Китая в короткий срок произошли впечатляющие структурные преобразования

Эти общие закономерности способны и далее скрывать важные различия между регионами и странами. Азиатские страны следовали динамической модели структурных преобразований. В этом плане наиболее показательным примером может служить Китай. Начиная примерно с 1978 года его экономическая система постепенно изменялась за счет перехода от централизованного планирования по советской модели к экономике, в большей степени ориентированной на рынок. Несмотря на его огромное население, в Китае в короткий срок произошли впечатляющие изменения доли различных секторов в объеме

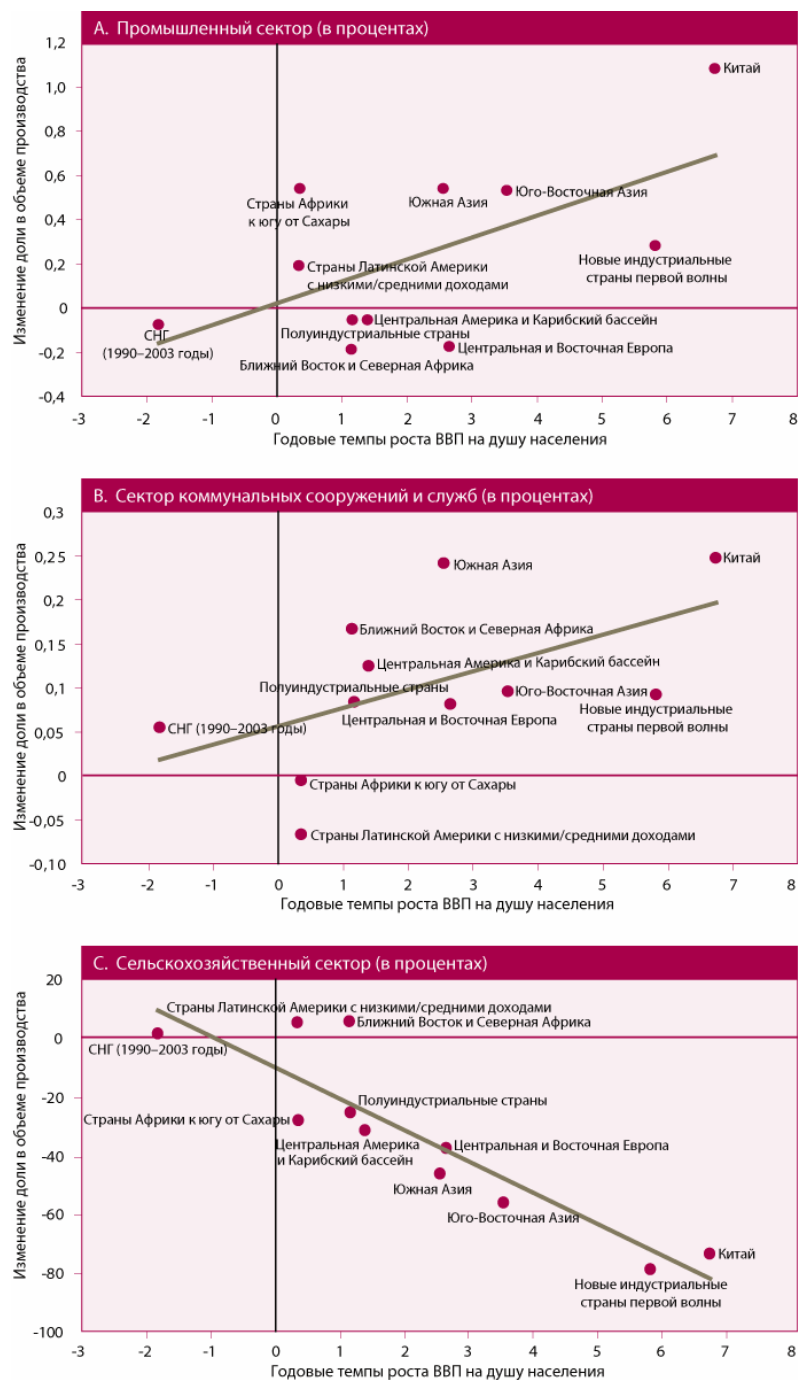
⁵ Анализ, приведенный в данном разделе, основан на материалах, представленных в работе Rada and Taylor (2006).

производства. С 1970 по 2003 год доля обрабатывающей и горнодобывающей промышленности в общем объеме производства выросла с 28 до 60 процентов, в то время как доля сельского хозяйства сократилась с 49 до 12 процентов. Столь масштабной трансформации китайской экономики способствовала реформа сельских учреждений (см. главу V) и агрессивная инвестиционная политика, стимулирующая развитие инфраструктуры в целях поддержки экспортных отраслей промышленности. Земельная реформа и развитие инфраструктуры ликвидировали основные ограничения, сдерживавшие рост сельского хозяйства, и помогли задействовать ранее не использовавшиеся экономические факторы. Если к этим тенденциям добавить политику постепенного открытия страны для мировых рынков, то можно обнаружить значительное сходство с той основанной на экспорте стратегией роста, которой следовали новые индустриальные страны первой волны.

В течение 1980-х годов новые индустриальные страны первой волны перешли к производству высокотехнологичной продукции

Новые индустриальные страны первой волны, как указывалось выше, пережили в 1960-е годы значительный рост промышленного производства, который последовал за реализацией первоначально принятой ими стратегии замещения импорта. К началу 1970-х годов, когда доля промышленного сектора существенным образом увеличилась, экономический рост приобрел экспортную ориентацию. Следует отметить, однако, что политика замещения импорта поддерживалась в целях развития новых отраслей. К середине 1980-х годов эти страны перешли к производству высокотехнологичной продукции (см. главу III) и активизировали развитие современной сферы услуг. Успеху новых индустриальных стран первой волны в осуществлении динамичных структурных преобразований на более позднем этапе в определенной степени благоприятствовали внешние события. Одно из таких событий — существенное повышение курса иены по отношению к доллару Соединенных Штатов благодаря Соглашению, достигнутому в Плазе в 1985 году, сыграло особенно важную роль в поддержке роста экспорта из этих стран. Когда азиатские новые индустриальные страны первой волны привязали курсы обмена валют к доллару, повышение курса иены увеличило их конкурентоспособность по сравнению с Японией на рынках более высокотехнологичной продукции и привлекло японских инвесторов в их экспортные отрасли. Этот феномен соответствует модели «гусиного клина», которая была создана для данного региона.

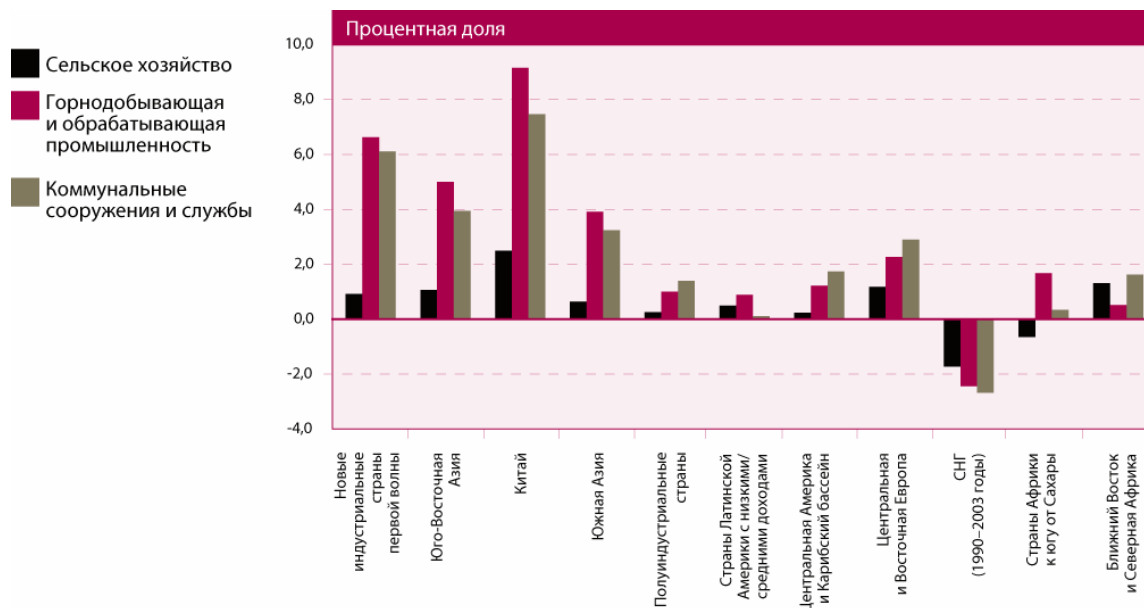
Диаграмма П.1
Экономический рост и структурные преобразования в промышленном секторе, секторе коммунальных сооружений и служб и в сельском хозяйстве отдельных регионов и групп стран, 1970–2003 годы

Источник: ДЭСВ ООН, сведения из базы данных “National Accounts Main Aggregates database” Статистического отдела Организации Объединенных Наций.

Диаграмма П.2

Годовые темпы роста объемов производства на душу населения в секторах сельского хозяйства, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, коммунальных сооружений и служб в отдельных регионах и группах стран, 1970–2003 годы

Источник: ДЭСВ ООН, сведения из базы данных “National Accounts Main Aggregates database” Статистического отдела Организации Объединенных Наций.

Южная Азия, и в особенности Индия, перешли к развитию сферы услуг на раннем этапе

Южная Азия продемонстрировала меньшую динамичность и масштабы структурных преобразований по сравнению с новыми индустриальными странами первой волны в Восточной Азии. В 1990-е годы доля обрабатывающей и горнодобывающей промышленности достигла рекордных значений в 22 процента от общего объема производства данного региона по сравнению с 14 процентами в 1970 году. Модель для этого региона отражает многие из событий, происшедших в Индии. В последнее время движущей силой роста экономики Индии служила быстро развивающаяся сфера услуг. В соответствии с традиционными моделями структурных преобразований, эта тенденция означает преждевременный сдвиг в сторону сферы услуг в условиях сравнительно низкого уровня доходов в стране. Однако услуги во все большей степени становятся пользующейся спросом (иными словами, годной для экспорта) деятельностью, основанной на передовых технологиях связи. Индия смогла развить этот новый вид деятельности, используя большой резерв неполностью занятых квалифицированных работников (см. вставку III.3).

Приостановка роста промышленности в Латинской Америке

Сравнительно высокие показатели экономического роста латиноамериканских стран в течение 1950–1960-х годов базировались на стратегии индуст-

риализации в условиях замещения импорта. Связанные с этой стратегией ограничения, которые стали заметны в большинстве стран региона начиная с 1960-х годов, привели многие из них к параллельному осуществлению политики поощрения диверсификации экспорта и региональной интеграции. Временное решение возникших проблем платежных балансов было найдено в 1970-е годы за счет облегчения доступа к получению ссуд коммерческих банков под низкий процент. При этом, однако, рост промышленности в большинстве стран прекратился в период 1970-х годов и последующие десятилетия. Преждевременная либерализация торговли (например, в ряде стран Южного конуса) привела в 1970-е годы к резкому падению объемов промышленного производства. В других странах серьезное воздействие на индустриальное развитие оказало отсутствие иностранного финансирования, а также стабилизационная политика, которая проводилась после разразившегося в начале 1980-х годов кризиса задолженности.

Последующие реформы в сфере торговли и финансов превратили экспорт в двигатель роста в большинстве стран Латинской Америки в период 1980-х годов, и в особенности в 1990-е годы. При этом, однако, рост экспорта не базировался на динамичных темпах индустриализации, а был основан либо на сохраняющейся и в некоторых случаях углубляющейся зависимости от экспорта сырьевых товаров, особенно в Южной Америке, либо на процессах сборочного производства, как, например, в Мексике и Центральной Америке (см. главу III; публикации Vos and Morley, 2006; United Nations, Economic Commission for Latin America, 2004; а также Ocampo, 2004). Периодически возникающие финансовые кризисы привели к повышению нестабильности роста и к дефициту долгосрочных инвестиций на цели динамичных структурных преобразований (см. главу IV). В результате этого в период 1970–2003 годов доля обрабатывающей и горнодобывающей промышленности в общем объеме производства сократилась. Рост сектора услуг в этом регионе был связан не столько с динамичной трансформацией, сколько с процессом деиндустриализации, который выдал излишки рабочей силы в (неформальный) низкопродуктивный обслуживающий сектор.

Деиндустриализация стала характерной особенностью структурных преобразований в Центральной и Восточной Европе, а также в бывшем Союзе Советских Социалистических Республик в период перехода к рыночной экономике

Согласно имеющимся данным, в период 1960–1970-х годов в странах Центральной и Восточной Европы и СНГ отмечались высокие темпы роста объемов валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения со среднегодовыми показателями на уровне 6,2 процента и 4,4 процента, соответственно. Промышленность стала опорой экономического роста. В рамках централизованно планируемого инвестиционного процесса основное внимание уделялось развитию отраслей тяжелой промышленности, что предусматривало массовое перемещение трудовых ресурсов из сельского хозяйства, однако такой подход в конечном счете не позволил добиться устойчивого развития. Описание ситуации в Польше, сделанное Подкаминером (Podkaminer, 2006, p. 311), по всей вероятности, применимо ко всему региону в целом: «В структурном отношении были допущены грубейшие ошибки при определении приоритетов политики развития, поскольку они предусматривали создание режима префе-

ренций для развития сельского хозяйства, добывающих и тяжелых отраслей промышленности (металлургии, судостроения, производства тяжелых вооружений, таких как танки, и основных химических веществ, например, удобрений) в ущерб сфере услуг и отраслям, базирующимся на современных технологиях и высококвалифицированном труде».

В 1980-е годы в полной мере проявились все проблемы, которые накапливались с течением времени. Страны данного региона столкнулись с колоссальными объемами амортизированных капиталов, инвестированных в крайне неэффективные промышленные предприятия-гиганты, которые не могли производить конкурентоспособные товары, пользующиеся спросом на международных рынках. В то же время буферное воздействие Совета Экономической Взаимопомощи на торговлю нефтью постепенно сошло на нет, и страны Центральной и Восточной Европы вынуждены были платить гораздо больше за нефть, импортируемую из государств бывшего Советского Союза. Обрабатывающий, горнодобывающий, строительный и транспортный секторы, которые являлись движущими силами роста в предыдущие десятилетия, сократились по абсолютным показателям, особенно в течение второй половины 1980-х годов. С падением Берлинской стены в 1989 году начался трудный процесс перехода к рыночной экономике, что привело к резкому и продолжительному падению объемов производства — феномену, который получил название «кризис переходного периода» (Kornai, 1993; 1994). Сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность стали теми отраслями, которые сильнее прочих пострадали от развала системы централизованного планирования. Потрясения переходного периода наиболее остро ощущались в Российской Федерации и Украине по причине краха производства в первой половине 1990-х годов, когда доля обрабатывающего и горнодобывающего секторов сократилась с 35 до 30 процентов. Восстановление обрабатывающей и горнодобывающей промышленности началось в конце столетия, и к 2003 году доля указанных отраслей достигла 33 процентов, однако этот подъем отчасти был обусловлен ростом объемов добычи нефти и газа ввиду высоких цен на энергоносители.

Показатели роста на Ближнем Востоке и в Северной Африке во многом объясняются тенденциями нефтяного рынка

Большинство стран Ближнего Востока и Северной Африки по-прежнему в значительной степени зависят от добычи нефти и полезных ископаемых. Серьезное воздействие на средние региональные показатели оказывают события в Исламской Республике Иран и Саудовской Аравии, так как на экономику этих двух стран приходится примерно 50 процентов ВВП региона и 30 процентов его населения. Показатели роста и закономерности структурных преобразований во многом объясняются тенденциями нефтяного рынка. Резкое увеличение объемов добычи в регионе в 1970-е годы было обусловлено значительным повышением цен на нефть, которое имело место дважды и осуществлялось под контролем Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК). 1980-е годы, напротив, стали периодом экономического застоя. Цены на сырую нефть в реальном выражении упали, достигнув примерно того же уровня, который существовал на рынке до первого «нефтяного шока». После временного повышения цен на нефть в 1990 году вплоть до 1999 года они продолжали снижаться, что ввергло многие страны-экспортеры нефти этого региона в глубокий кризис и привело к

высокому уровню безработицы. Впоследствии цены на нефть вновь резко выросли, послужив стимулом для мощного экономического подъема.

Структурные преобразования в странах-экспортерах нефти определялись указанными тенденциями нефтяных рынков. Добыча углеводородов доминировала в общем объеме производства, однако их доля в период 1970–2003 годов уменьшилась с 35 до 22 процентов. Это доля достигла небывало низкого уровня в 16 процентов в середине 1980-х годов в результате снижения цен на нефть. В 2003 году доля обрабатывающего сектора увеличилась с 12 процентов от общего объема производства, что явилось повышением на 4 процентных пункта по сравнению с всего лишь 8 процентами в 1970 году. Тунис является исключением среди стран региона, поскольку там имело место гораздо более активное развитие обрабатывающей промышленности. Он также стал одной из немногих африканских стран, которым удалось добиться устойчивого экономического роста на протяжении всего указанного периода.

В странах Африки к югу от Сахары отмечается отсутствие структурных преобразований

Включенные в выборку страны Африки к югу от Сахары не смогли вырваться из капкана низких темпов роста. Об этом также свидетельствует отсутствие структурных преобразований в их экономике. Сельское хозяйство остается опорой экономики, однако объем производства продукции этой отрасли на душу населения в период 1970–2003 годов сократился (см. диаграмму I.2). В большинстве стран ориентированные на рынок стратегии структурной перестройки, принятые в 1980-е и 1990-е годы, не смогли улучшить показатели роста и фактически привели к весьма незначительным структурным преобразованиям. Указанные стратегии не обеспечивали удовлетворительного решения проблем слабого уровня развития инфраструктуры и человеческого капитала, а также отсутствия надлежащим образом функционирующих рыночных институтов. Поскольку эти ограничивающие рост факторы не были устранены, экономика соответствующих стран не была диверсифицирована и осталась крайне уязвимой для внешних потрясений, ухудшения условий торговли и во многих случаях для внутренних конфликтов и гражданских беспорядков (см. главу V). Сравнительно высокие средние темпы роста обрабатывающей и горнодобывающей промышленности, зафиксированные по региону в целом, были в значительной мере обусловлены ситуацией в нефтяном секторе Нигерии и имели весьма отдаленное отношение к росту обрабатывающего сектора. Если учитывать Нигерию, то доля промышленности к концу указанного периода достигла 35 процентов; в случае ее исключения горнодобывающий и обрабатывающий секторы обеспечили лишь 17 процентов от общего объема производства остальных стран региона.

Инвестиционные модели и структурные преобразования

Накопление капитала более не рассматривается в качестве единственной движущей силы экономического роста, как это имело место в ряде ранних теорий экономического развития. Тем не менее это не означает, что инвестиции утратили свою значимость. Капитальные вложения необходимы для экономического развития и роста, так как они являются основным проводником технического прогресса и средством увеличения производительности. Они также иг-

рают ключевую роль в развитии инфраструктуры и строительстве городских центров, в которых концентрируются промышленное производство и сфера услуг. В сочетании с другими факторами накопление капитала также обеспечивает начало структурных преобразований. Следовательно, перестройка экономики требует изменения моделей накопления капитала, поскольку новые ресурсы направляются в новые отрасли экономики, увеличивая, таким образом, их вклад в общий объем производства.

Более высокие темпы экономического роста и степень конвергенции связаны с увеличением инвестиций на душу населения

Более высокие темпы роста и степень конвергенции тесно связаны с увеличением инвестиций на душу населения, хотя взаимнооднозначного соответствия между ними не существует. В новых индустриальных странах первой волны и в Китае, которые, как упоминалось ранее, испытали наиболее динамичные структурные преобразования, был зафиксирован самый крупный прирост инвестиций. В период с 1970 по 2003 год в расчете на душу населения объем вложений в основной капитал в этих странах увеличился в 15,6 и в 12,3 раза, соответственно (см. таблицу П.1). Рост инвестиций в других регионах был гораздо более медленным. Объемы инвестиций удвоились в Южной Азии и утроились в Юго-Восточной Азии, тогда как в Латинской Америке, странах Африки к югу от Сахары, странах Центральной и Восточной Европы, странах СНГ, а также на Ближнем Востоке и в Северной Африке они оставались практически на одном уровне.

Таблица П.1
Объемы инвестиций на душу населения в отдельных регионах и группах стран, 1960–2003 годы

	<i>Средний показатель валового накопления основного капитала на одного жителя (в долл. США по курсу 1990 года)</i>				<i>Увеличение в ... раз</i>
	<i>1960-е годы</i>	<i>1970-е годы</i>	<i>1980-е годы</i>	<i>1990–2003 годы</i>	
Новые индустриальные страны первой волны ^a	218	589	1 356	3 392	15,6
Китай ^a	20	37	75	244	12,3
Юго-Восточная Азия ^b	103	184	174 ^c	315	3,1
Южная Азия	36	40	53	85	2,3
Полуиндустриальные страны	608	855	794	766	1,3
Страны Латинской Америки с низким и средним уровнем доходов	..	341	328	333	1,0
Центральная Америка и Карибский бассейн	171	282	249	367	1,3
Центральная и Восточная Европа	673	..
СНГ	435	..

	Средний показатель валового накопления основного капитала на одного жителя (в долл. США по курсу 1990 года)				Увеличение в ... раз
	1960-е годы	1970-е годы	1980-е годы	1990–2003 годы	
Страны Африки к югу от Сахары	67	50	0,7
Ближний Восток и Северная Африка	..	498	397	330	0,7

Источник: ДЭСВ ООН, сведения из Общей базы данных Статистического отдела Организации Объединенных Наций.

^a Данные с 1965 года.

^b Исключая Индонезию в 1960-е и 1970-е годы.

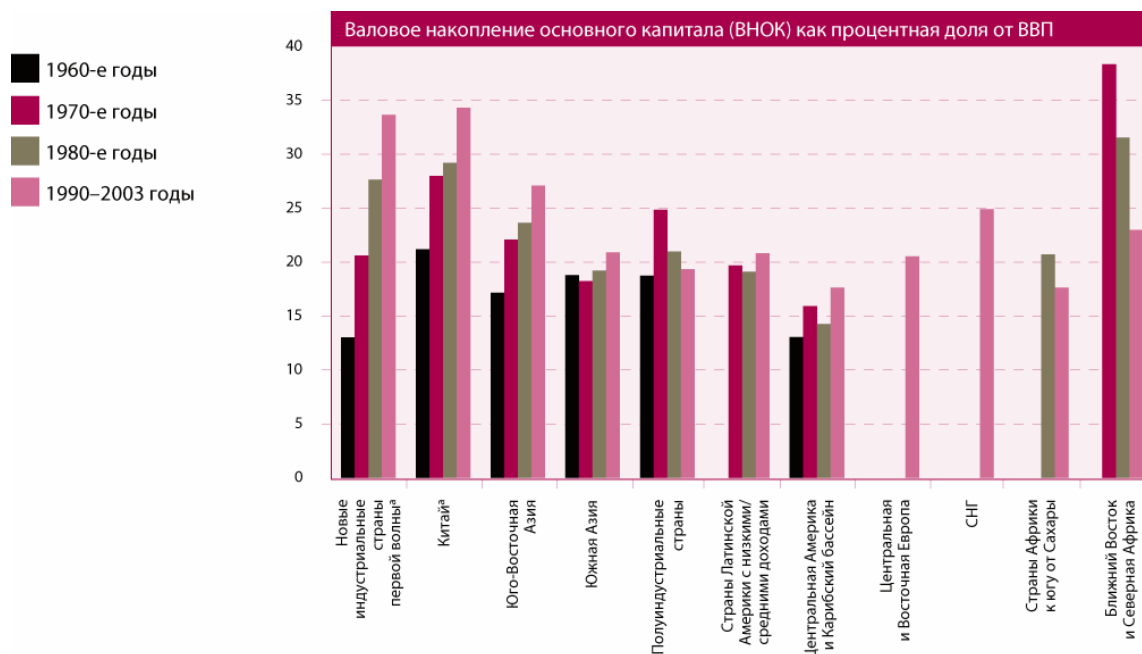
^c В случае исключения Индонезии средний показатель по Юго-Восточной Азии составляет 279 долл. США.

Сравнение ситуации в новых индустриальных странах первой волны и группе полуиндустриальных стран (главным образом в Латинской Америке) позволяет лучше понять масштабы экономической дивергенции не только по уровню доходов, но и по широкому спектру показателей. В 1960-е годы средний уровень инвестиций на душу населения в новых индустриальных странах первой волны составлял лишь около одной трети от соответствующего показателя в полуиндустриальных странах. В 1990-е годы зафиксированный уровень инвестиций в новых индустриальных странах первой волны был в четыре раза выше. Примером деятельности, направленной на сокращение отставания (но пока не позволяющей полностью ликвидировать существующий разрыв) по отношению к остальным странам Латинской Америки и Карибского бассейна (то есть тем странам, которые не входят в группу полуиндустриальных стран), может служить деятельность Китая, а также стран Юго-Восточной и Южной Азии.

Объемы инвестиций в странах Африки к югу от Сахары, на Ближнем Востоке и в Северной Африке резко сократились

При исчислении в форме доли от ВВП также отмечается значительный и устойчивый рост инвестиций в группах азиатских стран. Это же, хотя и в меньшей степени, относится к Южной Азии (диаграмма П.3). В 1990-е годы доля валового накопления основного капитала в новых индустриальных странах первой волны и в Китае увеличилась до 34 процентов от ВВП и достигла 27 процентов в Юго-Восточной Азии. В противоположность этому показатели валовых вложений в основные фонды в тот же период оставались практически неизменными, составляя в полуиндустриальных странах примерно 19 процентов, и лишь незначительно увеличились (при изначально более низких уровнях) в остальных странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Объемы инвестиций сократились в странах Африки к югу от Сахары и в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. В странах с переходной экономикой Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза модель поступления инвестиций была несколько иной, что проанализировано во вставке П.1.

Диаграмма П.3
Средние темпы роста инвестиций для отдельных периодов и регионов,
1960–2003 годы

Источник: ДЭСВ ООН, сведения из базы данных Всемирного банка “World Development Indicators 2005”.

^a Данные охватывают период 1965–2003 годов.

Более низкие темпы роста также обусловлены более высокой нестабильностью инвестиций

Более низкие показатели роста обусловлены не только небольшими масштабами структурных преобразований и меньшим объемом инвестиций, но и более высокой нестабильностью инвестиций. При измерении с помощью вариационного коэффициента (то есть стандартной девиации, деленной на среднюю величину за соответствующий период) нестабильность инвестиций гораздо выше в странах с низкими темпами роста доходов и гораздо менее очевидна в странах с высокими показателями роста (см. диаграмму П.4). Простая линейная регрессия между этими двумя переменными дает коэффициент корреляции, равный 71 проценту. Экономическая нестабильность и отсутствие определенности в сфере инвестиций, несомненно, наносят ущерб долгосрочному экономическому росту. В главе IV рассматриваются имеющиеся у правительств развивающихся стран варианты проведения макроэкономической политики, которая могла бы эффективным образом уменьшать экономическую нестабильность и создавала бы более благоприятную среду для инвестиций в долгосрочное развитие.

Накопление капитала служит катализатором структурных преобразований

Накопление капитала служит катализатором структурных преобразований. На диаграмме П.5 показано, что изменения долей сельскохозяйственного и

промышленного производства тесно связаны с ростом инвестиций, что согласуется с аргументами, приведенными в данной главе. Быстрое накопление капитала имело место в добившихся успеха азиатских странах и было ориентировано на их промышленный сектор. Как будет показано в следующем разделе, промышленность также внесла наиболее ощутимый вклад в общий рост производительности труда, обусловленный техническим прогрессом и развитием новых видов производства с помощью новых капитальных вложений.

Вставка II.1

Увеличение объемов инвестиций и крах экономик переходного периода

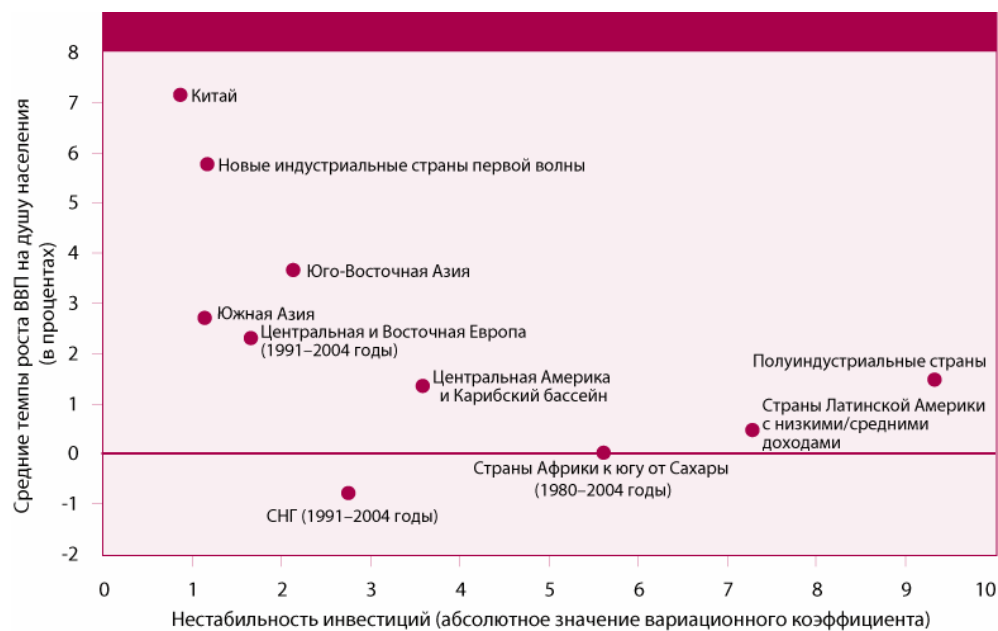
Центральная и Восточная Европа и Содружество Независимых Государств (СНГ) представляют собой особый случай с позиции инвестиционных тенденций в силу глубинных институциональных преобразований, которые пережили эти регионы. С начала экономических и политических реформ в этих странах существующие в них модели накопления капитала прошли несколько различных этапов. На ранних стадиях переходного процесса на динамику совокупных инвестиций повлияло сочетание серьезных экономических потрясений. Глубокий и длительный кризис переходного периода, который пережили все эти страны на первом этапе реформ, обусловил появление у большинства компаний излишков производственных мощностей по мере того, как становились очевидными огромные невозвратные издержки капитала как следствие цепной реакции, вызванной либерализацией экономики.

Унаследованная странами структура экономики, подразумевавшая централизованное планирование и приведшая к их чрезмерной индустриализации, и то обстоятельство, что структура промышленности в значительной степени концентрировалась вокруг крупных государственных предприятий, усугубляли данную проблему. Поскольку производственная база в целом устарела, требовались активная реструктуризация и новые инвестиции в производство со стороны компаний, для того чтобы предприятия могли выжить и развиваться в новой рыночной среде. Однако на ранних этапах переходного процесса практически не существовало рынков фондовых и долговых ценных бумаг; единственным имеющимся источником внешнего финансирования для большинства компаний были кредиты внутреннего банка. Зарождающиеся финансовые рынки (первыми появились рынки коммерческих кредитов) были неэффективными и функционировали в условиях значительной информационной асимметрии, поскольку надлежащие сведения об истории кредитоспособности компаний отсутствовали. Это несовершенство рынков создавало для предпринимательского сектора дополнительные препятствия в плане доступа к кредитам, еще сильнее ограничивая инвестиционные возможности компаний. В результате этого совокупные объемы инвестиций практически во всех странах с экономикой переходного периода уменьшались в течение длительного времени.

Примерно в середине 1990-х годов темпы роста инвестиций в большинстве стран Центральной и Восточной Европы восстановились после падения в первые годы реформ. Росту инвестиций способствовали восстановление уровня внутренних сбережений и новый приток прямых иностранных инвестиций, в значительной степени обусловленные перспективами вступления в Европейский союз (ЕС). Устойчивого восстановления уровня инвестиций в СНГ не произошло, поскольку доверие инвесторов к экономике этих стран было вновь подорвано финансовым кризисом 1998 года в России. Позднее темпы роста и объемы инвестиций восстановились благодаря высоким ценам на нефть.

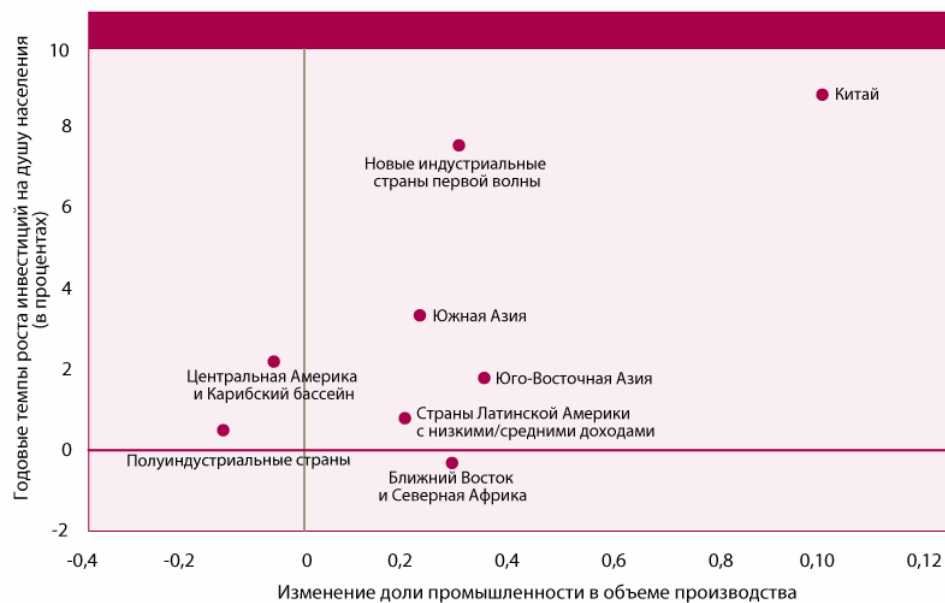
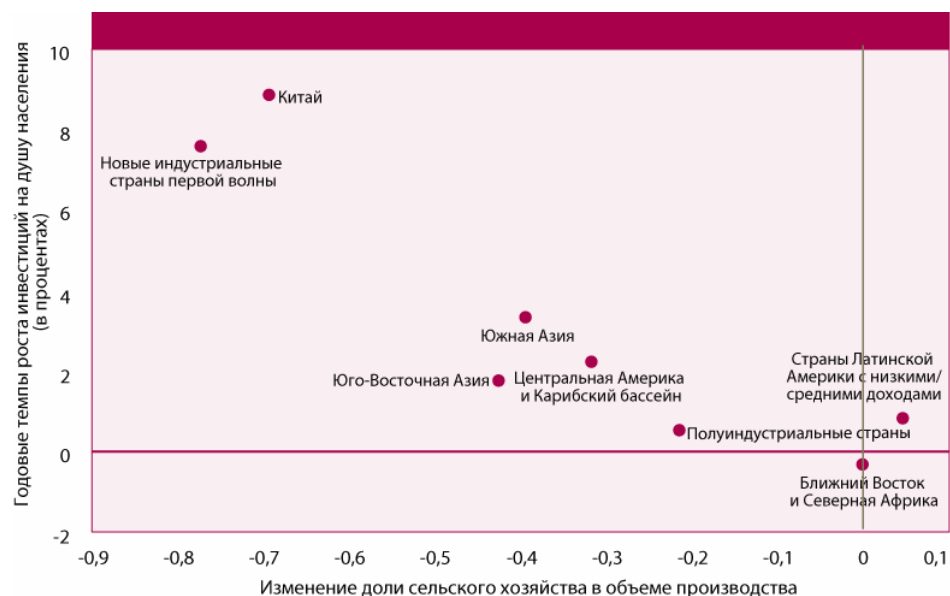
Диаграмма П.4

Нестабильность темпов роста инвестиций на душу населения и темпов роста подушевого ВВП: влияние нестабильности инвестиций на экономические показатели, 1970–2004 годы

Источник: ДЭСВ ООН, сведения из базы данных Всемирного банка “World Development Indicators 2005”.

Диаграмма П.5
Годовые темпы роста инвестиций на душу населения в сравнении с изменениями долей сельского хозяйства и промышленности в общем объеме производства отдельных регионов и групп стран, 1970–2003 годы

Источник: ДЭСВ ООН, сведения из базы данных Всемирного банка “World Development Indicators 2005” и базы данных “National Accounts Main Aggregates database” Статистического отдела Организации Объединенных Наций.

Примечание: Для Китая, новых индустриальных стран первой волны, Центральной Америки и Карибского бассейна, а также для стран Латинской Америки с низкими/средними доходами представлены данные за 1970–2003 годы; для Юго-Восточной Азии, Южной Азии и стран Ближнего Востока и Северной Африки представлены сведения за 1980–2003 годы.

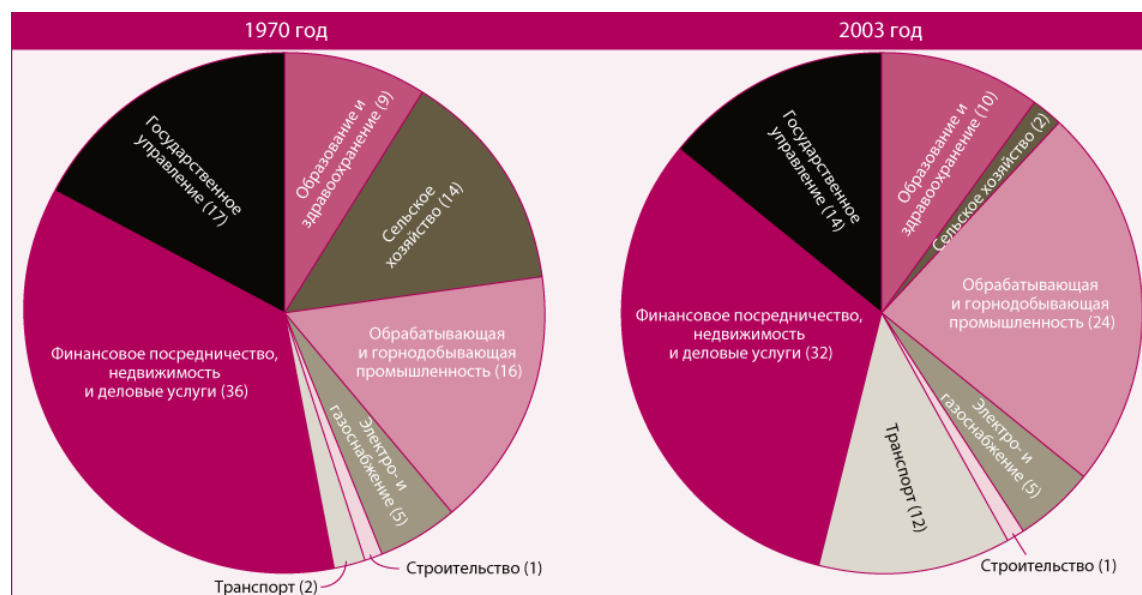
Для показателей роста значение имеет и структура инвестиций. Обзор эмпирических исследований Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) (United Nations Conference on Trade and Development, 2003) позволяет предположить, что инвестиции в машины и оборудование в большей степени способствуют росту, нежели инвестиции в строительство. Количество сопоставимых данных по структуре инвестиций в разбивке по товарным позициям — например, оборудование и здания — весьма невелико, и, следовательно, имеющиеся сведения носят несколько разрозненный характер. Кроме того, как утверждается в главе IV, «оптимальная» структура инвестиций также зависит от уровня развития экономики, а инвестиции в инфраструктуру оказывают существенное влияние на рост при сравнительно низком уровне доходов. Неразделимость проектов инфраструктурного строительства может потребовать больших объемов таких инвестиций, особенно на низком уровне развития. Это означает, что, находясь на более низких уровнях развития, страны должны использовать большую долю инвестиций в строительной сфере.

Инвестиции в финансовые и деловые услуги поддерживают развитие промышленности

Еще менее доступны данные по инвестициям в разбивке по секторам, в которые они направляются. Тем не менее можно утверждать, что ожидаемые структурные преобразования в развивающихся странах означают, что существенная доля инвестиций изначально будет направлена в промышленный сектор. На более высоких стадиях развития страны более склонны к инвестициям в (высокотехнологичный) производственный сектор, а также в сектор финансовых и деловых услуг. Например, в таких развитых странах, как Соединенные Штаты Америки и Япония, где на сферу услуг приходится свыше 60 процентов объема производства, большая часть инвестиций должна направляться в сектор услуг. В других развитых странах (таких как Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Республика Корея) около 60 процентов инвестиций идут в обрабатывающую промышленность, в сферу финансового посредничества, а также в сектор недвижимости и сектор деловых услуг.

Анализ таких инвестиционных моделей за определенный период времени для отдельных групп стран, рассматриваемых в этой главе, затруднителен по причине отсутствия данных. Тем не менее по некоторым странам такие данные имеются, и они могут служить иллюстрацией инвестиционных закономерностей в более крупных группах стран. Примером может служить Республика Корея. На диаграмме II.6 показано, что с течением времени в сфере распределения инвестиционных ресурсов в экономике Республики Корея акцент был перенесен с таких первичных отраслей, как сельское хозяйство, в промышленность и другие виды экономической деятельности, обеспечивающих создание более высокой добавленной стоимости. Доля инвестиций в сельское хозяйство сократилась с 14 процентов в общем объеме валового накопления основного капитала в 1970 году до 2 процентов в 2003 году, в то время как доля промышленного сектора возросла с 16 процентов в 1970 году до 24 процентов в 2003 году. В течение всего указанного периода доля других отраслей в общем объеме инвестиций была довольно стабильной. Вместе с тем следует подчеркнуть, что с начала 1970-х годов секторы финансового посредничества, недвижимости и деловых услуг получали значительную долю инвестиций. Этот факт свидетельствует о важности развития как финансовых, так и деловых услуг не только на продвинутом этапе, но и в начале процесса устойчивого роста.

Диаграмма П.6
**Инвестиции по секторам как процентная доля в валовом накоплении
 основного капитала в Республике Корея, 1970 и 2003 годы**

Источник: ДЭСВ ООН, на основе данных Национального статистического управления Республики Корея.

Занятость, производительность и структурные преобразования

Роста производительности труда можно добиться с помощью технического прогресса и/или перемещения ресурсов из низкопроизводительных секторов в секторы с более высокой производительностью

В рамках всей экономики роста производительности труда можно добиться с помощью технического прогресса и/или перемещения ресурсов из низкопроизводительных секторов в секторы с более высокой производительностью. Как упоминалось выше, тип роста производительности благодаря использованию последнего подхода, по-видимому, более важен для развивающихся стран. Однако внедрение новых технологий и структурная перестройка экономики могут вызывать проблемы в сфере занятости, если объем производства не увеличивается (так как по определению секторы с более высокой производительностью используют меньше рабочей силы на единицу продукции). Следовательно, для процесса структурных преобразований необходима достаточная динамика (рост производства) в секторах с более высокой производительностью, если поставлена цель создания обеспечивающих заработок рабочих мест для всех работников и предотвращения безработицы.

Процесс роста в развитых странах также вызвал резкие изменения в структуре занятости, связанные с переходом трудовых ресурсов из первичных отраслей в промышленность, а затем — в сферу услуг

Согласно данным, представленным в работе Maddison (2001), процесс роста в развитых странах также вызвал резкие изменения в структуре занятости, связанные с переходом трудовых ресурсов из первичных отраслей в промышленность, а затем — в сферу услуг. Например, в 1820 году в Соединенном Королевстве доля занятых в сельском хозяйстве составляла 37 процентов, а в Соединенных Штатах — 70 процентов. К 1998 году эта доля сократилась до 2 и 3 процентов, соответственно. Однако эти изменения в сфере занятости намного отставали от преобразований в структуре производства, поскольку производительность труда в сельском хозяйстве и других первичных отраслях обычно растет медленнее, нежели в промышленности, особенно на ранних стадиях развития.

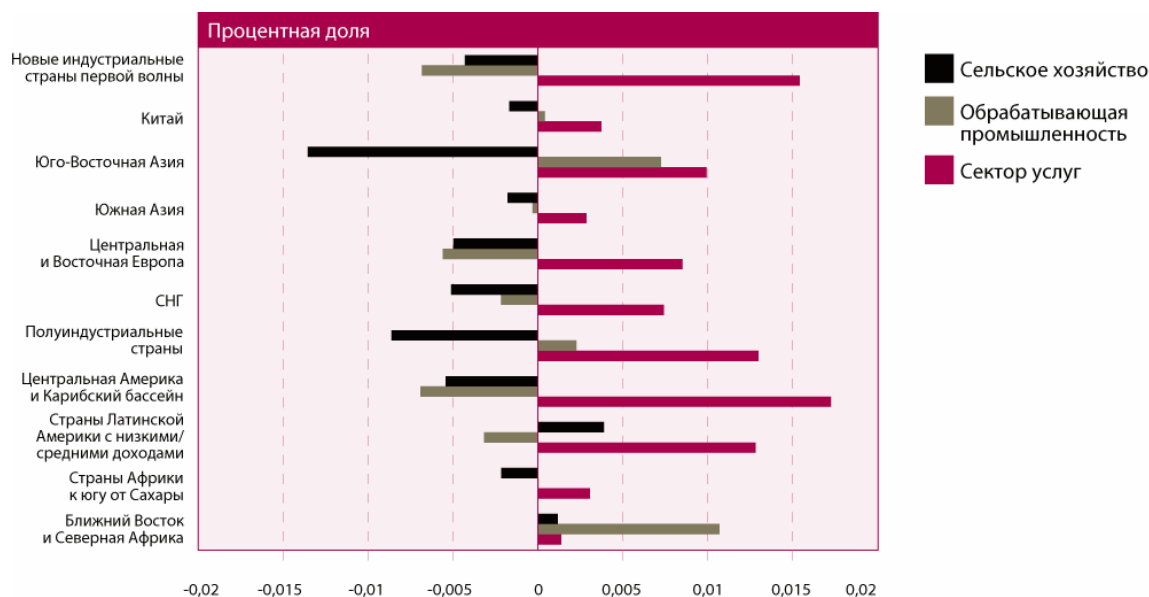
В странах, не имеющих излишков трудовых ресурсов, а также там, где сельскохозяйственный сектор имеет доступ к капиталам и технологиям, не отмечалось отставания темпов роста производительности в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью. Такая ситуация складывалась, например, в Аргентине, Канаде и Новой Зеландии, где земля не являлась сдерживающим фактором. Однако во многих других развивающихся странах сравнительно медленный рост производительности в сельском хозяйстве, возможно, отражал также быстрый рост численности населения и отсутствие возможностей трудоустройства в других секторах; оба этих фактора могут приводить к растущему недоиспользованию трудовых ресурсов в сельском секторе.

Посредством анализа указанных понятий, определяющих взаимосвязь между ростом производительности и повышением уровня занятости, в данном разделе выявляются те секторы экономики, которые в наибольшей степени способствовали увеличению производительности и занятости. Раскладывая по секторам по методу простого разложения общеэкономические показатели производительности труда и занятости, можно определить вклад отдельных секторов в общий показатель темпов роста производительности и занятости по отдельным странам и регионам. При таком разложении совокупный рост производительности представляет собой сумму показателей изменения производительности в каждом секторе экономики, взвешенных в соответствии с долей каждого сектора в объеме производства, плюс перемещение трудовых ресурсов из низко- в высокопроизводительные секторы (для получения подробной информации о методе оценки см. добавление к настоящей главе). Важно отметить, что данное разложение на элементы применяется в отношении трех укрупненных секторов: сельского хозяйства, промышленности (а именно, обрабатывающей и горнодобывающей промышленности) и сферы услуг (которая также включает в себя строительство и коммунальные услуги). Следовательно, перемещение ресурсов, которое имело место *внутри* данных секторов, не учитывается. Указанное ограничение является существенным, поскольку в рамках каждого из этих широких секторов высоко- и низкопроизводительные производственные единицы соседствуют друг с другом. Это особенно важно, если речь идет о сфере услуг, которая является наиболее значимым источником занятости в большинстве современных экономик (см. диаграмму П.7). В этом секторе низкопроизводительные виды деятельности, как правило, включают в себя неформальную торговлю и бытовое обслуживание, которые соседствуют с

такими высокопроизводительными видами деятельности, как современные финансовые и деловые услуги. Кроме того, в связи с ограниченностью данных значительная часть анализа сводится к изучению закономерностей динамики производительности труда в период с 1991 по 2003–2004 годы⁶. На диаграммах II.8 и II.9 представлены показатели по всем группам стран, рассматриваемым в данной главе. При этом по странам Азии имеются более длинные временные ряды. Эти сведения приводятся во вставке II.2⁷.

Диаграмма II.7

Вклад сельского хозяйства, промышленности и сектора услуг в создание рабочих мест в отдельных регионах и группах стран, с 1991 по 2003–2004 годы

Источник: ДЭСВ ООН, сведения по безработице в разбивке по видам экономической деятельности, полученные из базы данных Международного бюро труда “Global Employment Trends Model 2005”, а также информация по отраслевым объемам производства, полученная из базы данных Всемирного банка “World Development Indicators 2005”.

Перемещение трудовых ресурсов из низко- в высокопроизводительные секторы играло важную роль в одних случаях и весьма скромную — в других

Для наиболее преуспевающих стран характерны более высокие темпы роста производительности (диаграмма II.8). Во всех этих случаях развитие промышленности выступало основной движущей силой роста общей производительности труда (диаграмма II.9, часть А). Перераспределение трудовых ресурсов между укрупненными секторами, позволяющее оценить масштабы, в

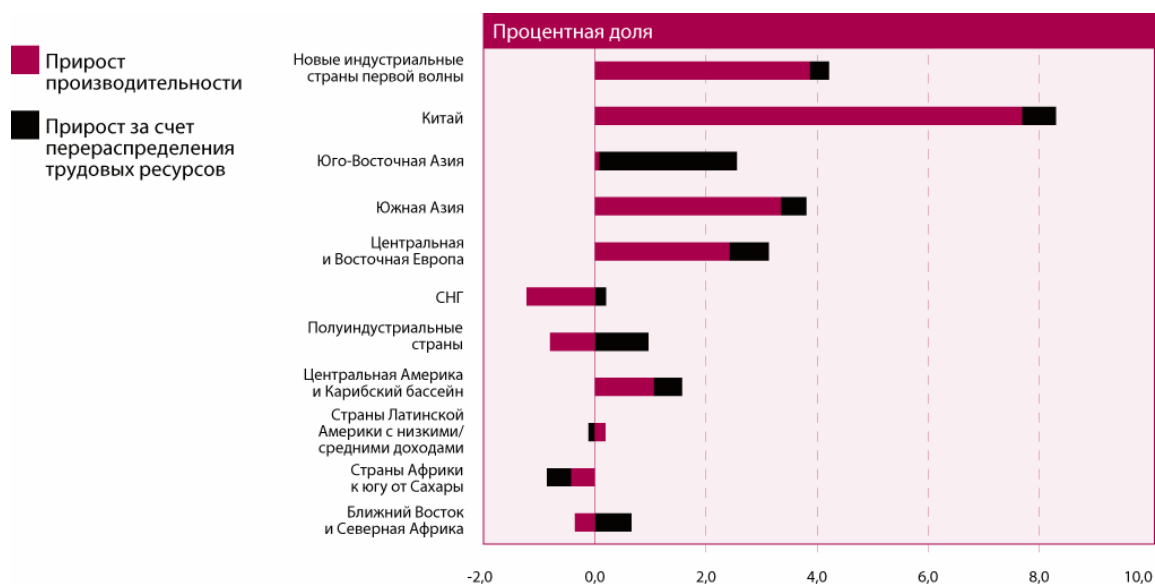
⁶ Сведения получены из базы данных Международного бюро труда “Global Employment Trends Model 2005” (GET).

⁷ Имеющиеся данные позволяют провести сравнительный анализ за период, начинающийся с 1979 года, для Китая, новых индустриальных стран первой волны и региона Юго-Восточной Азии, и с 1981 года — для стран Южной Азии, за исключением Индии. В отношении последней имеются сведения только за период с 1991 года.

которых перемещение работников в секторы с более высокой производительностью способствует росту общей производительности, в ряде случаев оказалось весьма значимым (в частности, в Юго-Восточной Азии и полуиндустриальных странах), однако сыграло весьма скромную роль в других ситуациях. Это служит отражением того факта, что во многих странах с медленно растущей экономикой перераспределение трудовых ресурсов определялось наличием проблем в сфере занятости в городских районах. В таких странах недостаточно динамичное развитие промышленности и сектора современных услуг выталкивало излишки трудовых ресурсов в неформальный сектор, замедляя рост производительности, особенно в сфере услуг.

Диаграмма П.8

Годовые темпы роста производительности труда в отдельных регионах и группах стран, с 1991 по 2003–2004 годы

Источник: ДЭСВ ООН, сведения по безработице в разбивке по видам экономической деятельности, полученные из базы данных Международного бюро труда “Global Employment Trends Model 2005”, а также информация по отраслевым объемам производства, полученная из базы данных Всемирного банка “World Development Indicators 2005”.

В некоторых регионах сфера услуг выступает в качестве «работодателя на крайний случай», что обуславливает медленный рост производительности в целом

Это означает, что в странах с медленно растущей экономикой влияние внутриотраслевого перераспределения ресурсов является более сильным, нежели влияние межотраслевого их перераспределения, и отражается, в частности, на темпах роста (или снижения) производительности в секторе услуг, которые определяются созданием рабочих мест в подсекторах с высокой или низкой производительностью (диаграмма П.9, часть В). Сектор услуг в таких ситуациях выступает скорее в качестве «работодателя на крайний случай», нежели в качестве динамичного фактора роста производительности. Следовательно,

медленный рост производительности в сфере услуг является лучшим показателем отсутствия динамики в процессах экономического роста. Так выглядит основная модель. В других случаях, однако, сельское хозяйство также выступает в качестве последнего из возможных работодателей. В этих условиях не отмечается ни существенного перераспределения трудовых ресурсов, ни высоких показателей производительности. Страны Латинской Америки с низкими/средними доходами являются наиболее показательным примером в плане реализации такого сценария (диаграмма П.9, часть С). В странах с низким уровнем доходов, особенно в странах Африки, расположенных к югу от Сахары, чрезвычайно низким показателям производительности в традиционном сельском хозяйстве соответствуют высокие показатели неполной занятости как в городских, так и в сельских районах, что ведет к низкому уровню производительности в целом.

В процессе структурных преобразований в регионах Азии отмечались высокие показатели производительности труда и быстрый рост занятости

Диаграммы П.8 и П.9 свидетельствуют о том, что три азиатских региона и Китай опередили все остальные регионы по годовым показателям роста производительности труда, продемонстрировав высокие темпы роста производительности труда во всех секторах наряду с большим положительным эффектом перераспределения трудовых ресурсов. Вследствие этого устойчивое увеличение уровня занятости в высокопроизводительных секторах сопровождалось динамичным перемещением трудовых ресурсов из низко- в высокопродуктивные виды деятельности. Юго-Восточная Азия в известной мере является исключением из этого сценария, хотя необходимо отметить, что на средние показатели производительности по этому региону в период 1990-х годов оказывал серьезное влияние глубокий экономический спад, наступивший в Индонезии во время азиатского кризиса. Китай, новые индустриальные страны первой волны и Юго-Восточная Азия, в отличие от других регионов, продемонстрировали сочетание быстрого роста производительности и высоких показателей чистого количества новых рабочих мест в масштабах всей экономики (диаграмма П.10). Кроме того, анализируя более длительный период, можно отметить, что в экономике азиатских стран в этом смысле были достигнуты весьма впечатляющие результаты (см. вставку П.2).

Диаграмма П.9
Вклад промышленности, сектора коммунальных сооружений, строительства и сферы услуг, а также сельского хозяйства в общеэкономический рост производительности труда в отдельных регионах и группах стран, с 1991 по 2003–2004 годы

Источник: сведения о занятости из базы данных Международного бюро труда “Global Employment Trends Model 2005” и информация относительно объемов производства из базы данных Всемирного банка “World Development Indicators 2005”.

Вставка II.2**Рост производительности и структурные преобразования в Азии**

Имеющиеся в наличии сопоставимые данные в отношении отдельных стран Азии позволяют провести анализ роста производительности и изменений отраслевой структуры занятости, который бы охватывал более длительный период. Интерес к более внимательному изучению экономических показателей азиатских стран обусловлен, среди прочего, впечатляющими результатами в плане увеличения производительности труда и изменения отраслевой структуры занятости, которые были достигнуты этими странами.

В Китае были зафиксированы самые высокие показатели в регионе: в период 1979–2002 годов среднегодовые темпы роста производительности труда составили 6,7 процента (см. таблицу). Начало увеличения производительности труда совпало по времени с реформой сельских учреждений в 1978 году, в рамках которой была введена система ответственности домашних хозяйств и предусматривалось предоставление фермерам права пользования на находящуюся в коллективном владении землю. Данная реформа также позволила им продавать часть производимой продукции на свободном рынке (см. главу V). Такие институциональные преобразования привели к резкому увеличению производительности в сельскохозяйственном секторе в первой половине 1980-х годов.

Встав на позицию постепенного проведения реформ, китайские власти открыли экономику для иностранного капитала и технологий, что способствовало росту производительности и усилило спрос на трудовые ресурсы в остальных секторах экономики. Значительный рост производительности труда наблюдался во всех секторах экономики, особенно в сфере обрабатывающей промышленности. Масштабное перераспределение рабочей силы, при котором она направлялась из низкопроизводительных секторов в секторы с высокой производительностью — в соответствии с традиционными тенденциями развития — в еще большей степени способствовало росту производительности в целом. За весь период 1979–2002 годов рост числа рабочих мест превысил увеличение численности рабочей силы на 1,3 процентных пункта (см. диаграмму). Хотя уровень занятости увеличился во всех секторах, наиболее мощный рост отмечался в сфере услуг, причем в этом секторе перераспределение трудовых ресурсов оказало максимальное воздействие на темпы роста производительности.

Разложение производительности труда на составляющие в развивающихся странах Азии, 1979–2002 годы

(Процентная доля)

	Среднегодовые темпы роста производительности			Эффект от перераспределения трудовых ресурсов			Общий среднегодовой показатель
	Обрабатывающая промышленность		Сфера услуг	Обрабатывающая промышленность		Сфера услуг	
	Сельское хозяйство	Сельское хозяйство		Сельское хозяйство	Сельское хозяйство		
Новые индустриальные страны первой волны	0,2	1,4	1,9	0,3	0,0	0,4	4,3
Китай	1,3	3,3	1,6	-0,4	0,3	0,6	6,7
Юго-Восточная Азия	0,2	0,7	0,4	-0,4	0,4	1,3	2,6
Южная Азия	-0,2	0,3	0,4	-1,0	0,1	1,1	0,7

Источники: данные о занятости Международного центра по изучению проблем развития Восточной Азии (<http://www.icsead.or.jp>); данные по отраслевым показателям объема производства из базы данных Системы национальных счетов Организации Объединенных Наций.

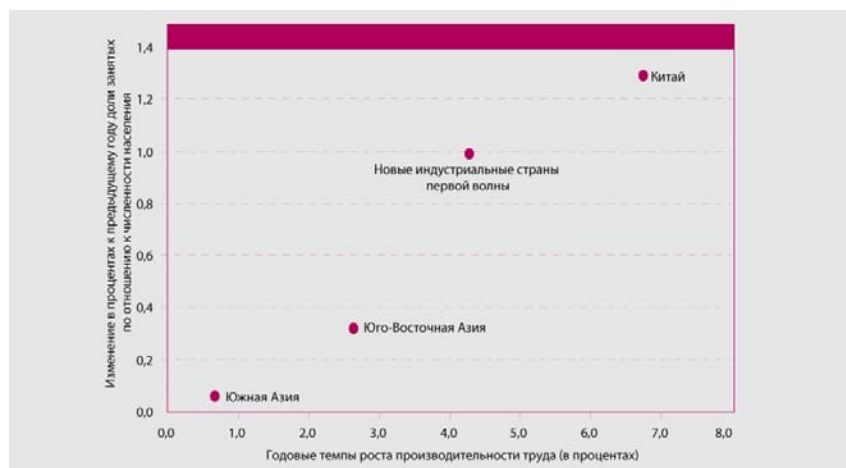
Примечание: см. добавление по методологии расчета показателей.

Успешный экономический рост новых индустриальных стран первой волны также поддерживался долгосрочной стратегией развития, в которой акцент делался на необходимости одновременных структурных преобразований и улучшения ситуации на всех уровнях экономической деятельности. Устойчивый рост производительности и наблюдавшаяся, в частности, в 1980–1990-х годах трансформация экономики в сторону более капиталоемких и требующих высококвалифицированной рабочей силы отраслей сопровождалась существенным повышением качества человеческого капитала. Средняя продолжительность обучения в регионе повысилась с 6,5 лет в 1975 году до более 10 лет в 2000 году. Уровень занятости (то есть доля занятых работников в общей численности народонаселения) увеличивался в течение всего указанного периода, несмотря на то обстоятельство, что в сельском хозяйстве — а в 1990-е годы и в обрабатывающей промышленности — наблюдалось сокращение рабочих мест. Все больше работников переходили в быстро расширяющийся сектор услуг, где создание значительного количества новых рабочих мест происходило одновременно с заметным ростом производительности труда, обусловленным, среди прочего, прогрессом на базе новых технологий и инвестиций.

Рост производительности труда был не столь впечатляющим — хотя и достаточно устойчивым — в Юго-Восточной Азии. Годовые темпы увеличения производительности труда в период 1979–2002 годов составляли в среднем 2,6 процента. Рост количества новых рабочих мест опережал рост численности населения только на 0,24 процентных пункта. Темпы роста производительности в промышленной сфере были выше, нежели в других секторах, в то время как на сферу услуг пришлось большинство созданных в регионе рабочих мест. В результате этого промышленный сектор не сыграл ведущей роли в увеличении общей производительности, как это случилось в Китае. Структурные преобразования заставляли сельское

хозяйство постоянно избавляться от излишков рабочей силы, в то время как в других секторах создавались рабочие места.

Годовые темпы роста производительности труда и изменение в процентах к предыдущему году доли занятых по отношению к численности населения в развивающихся странах Азии, 1979–2002 годы

Источники: Международный центр по изучению проблем развития Восточной Азии (<http://www.icsead.org.jp>); Статистический отдел Организации Объединенных Наций.

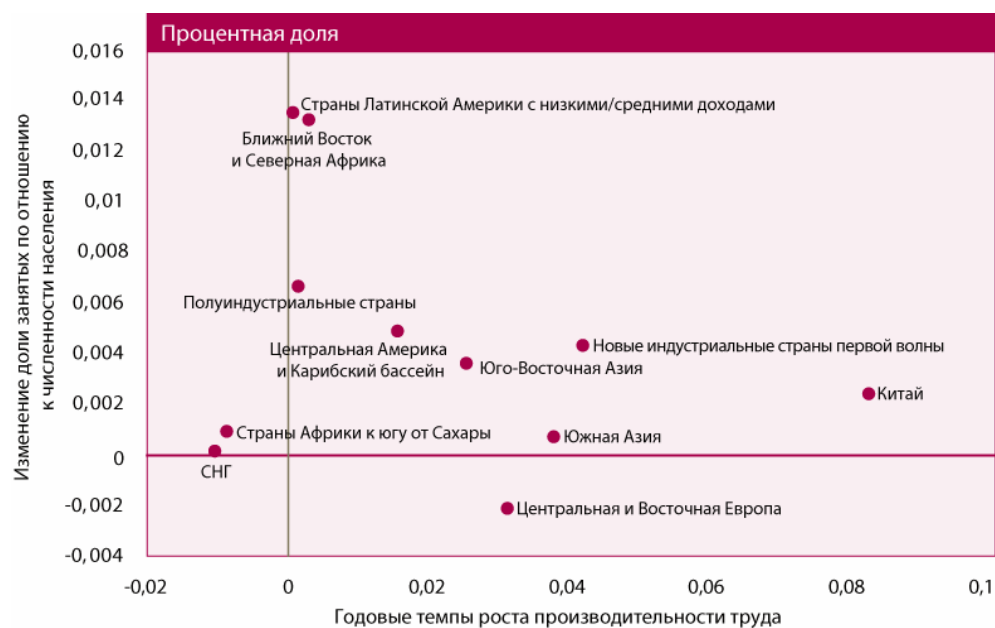
Данные, имеющиеся в отношении Южной Азии, свидетельствуют о том, что рост производительности труда в этом регионе особенно активизировался в 1990-е годы. Эта недавняя тенденция в определенной степени была обусловлена положительными побочными эффектами экономического роста в Китае и перестройки промышленной структуры в новых индустриальных странах первой волны по мере появления в регионе трудоемких отраслей обрабатывающей промышленности и, в частности, текстильной индустрии. Быстрое расширение сектора услуг, пользующихся спросом на мировом рынке, стало второй важной тенденцией, которая лежала в основе улучшения показателей производительности в этом регионе в 1990-е годы. В это же время в Индии разворачивался процесс деиндустриализации, в связи с чем у ряда наблюдателей возникли сомнения по поводу устойчивости процесса экономического роста в Индии. Так, Дасгупта и Сингх (Dasgupta and Singh, 2005) отмечают, что «экономическая история свидетельствует о том, что в развивающихся странах, где размер доходов на душу населения соответствует уровню Индии, движущей силой экономического роста, как правило, выступал сектор обрабатывающей промышленности». Действительно, как показывают имеющиеся данные, в экономике в целом в течение 1990-х годов было создано очень мало рабочих мест, несмотря на высокие темпы роста ВВП. В результате этого недоиспользование трудовых ресурсов остается весьма значительным, особенно в случае неквалифицированных рабочих, в связи с тем, что в расширяющемся секторе услуг рабочие места создаются главным образом для работников с более высокой квалификацией (см. вставку III.3).

Темпы роста производительности оставались умеренными в Центральной и Восточной Европе, а также в Центральной Америке и Карибском бассейне

Страны Центральной и Восточной Европы, а также Центральной Америки и Карибского бассейна продемонстрировали модели развития, представляющие собой нечто среднее между соответствующими моделями в странах Азии и тех регионах, в которых общие показатели производительности остались на весьма низком уровне. В указанных регионах в период 1991–2003 годов отмечались умеренные темпы роста производительности при гораздо более низких показателях чистого количества новых рабочих мест, в случае если их создание вообще имело место. Это особенно справедливо для Центральной и Восточной Европы, где рост производительности активизировался во второй половине 1990-х годов в результате восстановления экономики и вложения средств в новые технологии в условиях притока ПИИ. Основной движущей силой роста производительности труда стал технический прогресс в промышленной сфере; при этом показатели занятости в данном секторе ежегодно сокращались на 0,15 процента. В Центральной и Восточной Европе в период 1991–2003 годов уровень занятости в масштабах всей экономики ежегодно снижался на 0,75 процента, главным образом за счет массовых увольнений и реструктуризации предприятий промышленного и сельскохозяйственного секторов. Тем не менее доля занятых по отношению к численности населения увеличилась (см. диаграмму П.10) в результате уменьшения численности населения в период, последовавший за падением Берлинской стены.

Диаграмма П.10

Годовые темпы роста производительности труда и изменение в процентах к предыдущему году доли занятых по отношению к численности населения в отдельных регионах и группах стран, с 1991 по 2003–2004 годы

Источник: сведения о занятости из базы данных Международного бюро труда “Global Employment Trends Model 2005”; и информация относительно объемов производства из базы данных Всемирного банка “World Development Indicators 2005”.

За исключением Коста-Рики, страны Центральной Америки и Карибского бассейна также не преуспели в создании большого количества новых рабочих мест в промышленном секторе, который по всему региону в целом сокращал потребление трудовых ресурсов на 0,8 процента в год, что приводило к существенному уменьшению доли обрабатывающей промышленности в общей занятости. В целом, однако, уровень занятости в регионе возрос, поскольку сфера услуг абсорбировала безработных из остальных секторов экономики и действительно способствовала небольшому увеличению общей численности занятых. Это, однако, привело к снижению производительности в сфере услуг, что препятствовало быстрому росту производительности в промышленности.

В более бедных странах Латинской Америки увеличение производительности достигалось в ущерб созданию рабочих мест

В странах Латинской Америки с низким/средним уровнем доходов увеличение производительности в промышленности также достигалось в ущерб созданию рабочих мест. Фактически производительность труда в промышленном секторе росла главным образом потому, что уровень занятости уменьшался быстрее, нежели объемы производимой продукции. Темпы роста совокупной производительности труда по региону в целом оставались практически нулевыми ввиду отрицательных показателей роста производительности в сельском хозяйстве и сфере услуг, которые абсорбировали большую часть рабочей силы, оказавшейся излишней в различных секторах промышленного производства, и действительно способствовали обеспечению чистого прироста занятости. Как указывалось выше, только в этом регионе сельское хозяйство играло важную роль в поглощении избыточной рабочей силы, вытесненной из промышленного сектора (см. диаграмму II.9, часть С). Общая численность занятых увеличилась, однако это не сопровождалось ростом производительности (см. диаграмму II.7).

В полуиндустриальных странах, а также на Ближнем Востоке и в Северной Африке рабочие места создавались в тех секторах, где рост производительности был незначительным или вообще отсутствовал

В полуиндустриальных странах, а также в странах Ближнего Востока и Северной Африки секторы, поглощавшие большую часть рабочей силы, демонстрировали отсутствие роста производительности или ее снижение. Отраслевые показатели производительности в полуиндустриальных странах снизились как в промышленности, так и в сфере услуг, обусловив уменьшение совокупных (в масштабах всей экономики) показателей производительности на 0,1 и 0,9 процентных пункта, соответственно. Перераспределение трудовых ресурсов между секторами частично компенсировало это падение производительности; оно же объясняет отсутствие падения совокупной производительности в течение указанного периода. В целом по этим двум регионам процесс создания новых рабочих мест отличался динамизмом (см. диаграмму II.10), однако большинство рабочих мест было создано в сфере услуг, особенно в ее неформальном секторе⁸. Чили является исключением из этой схемы. Чилийская эко-

⁸ За первую половину 1990-х годов доля сферы услуг в общей структуре занятости увеличилась с 50 до 61 процента. Согласно выводам Сталлингс и Уэллера (Stallings and Weller, 2001), около 60 процентов новых рабочих мест, созданных в Латинской Америке в 1990-е годы, предусматривали выполнение низкооплачиваемой работы в неформальном

номика продемонстрировала мощные темпы роста производительности труда на уровне 3,1 процента в год, что было обусловлено прежде всего повышением производительности как в промышленности (1,4 процента), так и в сфере услуг (1,4 процента).

В странах Африки к югу от Сахары большая часть занятого населения по-прежнему сосредоточена в низкопроизводительном сельскохозяйственном секторе

Наименее желательной является ситуация, при которой отсутствует как чистый прирост занятости, так и рост производительности. В этом случае отрицательные значения, как правило, приобретают и отраслевой вклад в рост производительности, и эффект от перераспределения трудовых ресурсов. Именно в таких условиях разворачивались процессы экономического роста в СНГ и странах Африки к югу от Сахары (см. диаграмму П.10). Российская Федерация и Украина в первой половине 1990-х годов пережили острейший спад объемов производства и резкое уменьшение уровня занятости. При этом объемы производства сокращались быстрее, чем уровень занятости, что привело к абсолютному снижению уровня производительности труда. В последнее время темпы увеличения объемов производства частично восстановились, что обусловило положительные показатели роста производительности труда за весь указанный период. В странах Африки к югу от Сахары большая часть занятого населения (70 процентов) по-прежнему сосредоточена в низкопроизводительном сельскохозяйственном секторе. Перемещение работников, занимавшихся сельскими видами деятельности, в городские районы предусматривало их направление в столь же низкопроизводительные секторы услуг и промышленной деятельности, что привело к снижению производительности в этих секторах и обусловило отрицательный эффект перераспределения трудовых ресурсов. При этом сохраняется колоссальный разрыв в уровнях производительности между секторами. Выработка на одного работника в сельскохозяйственном секторе в девять раз ниже, чем во всех остальных секторах экономики.

Выводы

Разноплановость моделей экономического роста развивающихся стран прослеживается также в контексте различного характера структурных преобразований. Изучение моделей структурных преобразований, существовавших в последние четыре десятилетия, ясно указывает на то, что для стран Восточной и Южной Азии с быстро растущей экономикой характерна активная ее трансформация. Отставание в экономическом развитии отмечается в странах, где имеют место сравнительно небольшие структурные преобразования; в частности, оно характерно для стран Африки к югу от Сахары. Низкие темпы долгосрочного роста в странах Латинской Америки и Карибского бассейна со средним уровнем дохода, а также в странах Центральной и Восточной Европы, Ближнего Востока и бывшего Советского Союза связаны с процессом деиндустриализации. В этих странах рост — и в особенности рост занятости — был сконцентрирован в низкопроизводительных секторах сферы услуг, а в сельском

секторе экономики при низкой производительности труда. Рабочие места за пределами неформального сектора создавались главным образом в торговле и, в меньшей степени, в сфере финансовых и деловых услуг.

хозяйстве и промышленности практически отсутствовал. Высокие темпы роста в Восточной и Южной Азии, напротив, были связаны с резким уменьшением значимости сельского хозяйства и активным ростом как промышленного сектора, так и современной сферы услуг.

В странах Восточной и Южной Азии с быстрорастущей экономикой отмечается устойчивый рост производительности труда, сопровождающийся перемещением трудовых ресурсов из низко- в высокопроизводительные секторы

В этих странах с растущей экономикой также отмечается устойчивый рост производительности труда, сопровождающийся перемещением трудовых ресурсов из низко- в высокопроизводительные секторы, включая современную сферу услуг. В регионах с низкими темпами роста перераспределение занятости в пользу сферы услуг проявилось весьма отчетливо. Однако в отличие от сферы услуг в странах Азии, для соответствующих секторов в странах Африки к югу от Сахары, странах Латинской Америки и бывшего Советского Союза было характерно снижение производительности, поскольку многие работники в связи с отсутствием новых рабочих мест в других секторах экономики пытались найти работу в сфере услуг с низкой производительностью и слабыми связями с более динамично развивающимися отраслями экономики.

Динамичные структурные преобразования предусматривают укрепление экономических связей внутри экономики

Динамичные структурные преобразования предусматривают укрепление экономических связей *внутри* экономики, — иными словами, интеграцию *национальной* экономики — и рост производительности во всех ее основных секторах. Уровень интеграции национальной экономики также влияет на то, насколько больших выгод те или иные страны могут добиться от международной торговли и инвестиций. В следующих главах дается анализ того, в какой степени внешняя среда, макроэкономическая политика и структуры управления повлияли на различия в моделях структурных преобразований.

Добавление

Техническое примечание по разложению на составляющие показателей роста производительности труда и доли занятых по отношению к численности населения

Разложение производительности труда на составляющие используется в данной работе с целью определить тот вклад, который вносят сельское хозяйство, промышленность и сектор услуг в увеличение производительности труда в масштабах всей экономики. Применяемый подход соответствует описанию, приведенному в работе Sygquin (1986). На диаграмме II.9 сумма показателей темпов роста производительности в каждом секторе и значений соответствующих эффектов перераспределения трудовых ресурсов должна равняться совокупным темпам роста производительности труда. Соответствующим тождеством для разложения на составляющие показателей роста производительности труда является $\sum X_0^i = X_0$, где член X_0^i представляет уровни производства по секторам ($i = 1, 2, \dots, n$).

Допустим, что $\theta_0^i = X_0^i / X_0$ — это доля сектора i в реальном объеме производства за нулевой период. Аналогичным образом, для занятости это выражение принимает вид $\epsilon_0^i = L_0^i / L_0$ при $\sum L_0^i = L_0$. Уровень производительности труда в секторе i составляет X_0^i / L_0^i , а темпы его увеличения определяются как $\xi_L^i = (\hat{X}^i - \hat{L}^i)$. После некоторых манипуляций мы получаем следующее точное выражение для темпов роста производительности труда в масштабах всей экономики:

$$\xi_L = \sum [\theta_0^i (\hat{X}^i - \hat{L}^i) + (\theta_0^i - \epsilon_0^i) \hat{L}^i]$$

Рост производительности труда ξ_L можно разложить на две составляющих. Одной из таких составляющих является сумма средневзвешенных показателей роста производительности труда по секторам в обычном исчислении, а именно $\sum \theta_0^i (\hat{X}^i - \hat{L}^i)$. Весовыми коэффициентами служат доли в объеме производства θ_0^i . Второй член $\sum (\theta_0^i - \epsilon_0^i) \hat{L}^i$ отражает «эффекты перераспределения». Если $\theta_0^i > \epsilon_0^i$, то доля сектора i в объеме производства больше, нежели его доля в занятости, и это означает, что в данном секторе показатель среднего уровня производительности труда является достаточно высоким. Рост занятости в этом секторе (или отрицательное значение \hat{L}^i в каком-либо секторе при $\theta_0^i < \epsilon_0^i$) повысит совокупный показатель роста производительности.

Во втором примере (представленном на диаграмме II.10 и во вставке II.2) проводится разложение показателя увеличения доли занятых по отношению к численности населения в масштабах всей экономики на показатели роста этого соотношения для каждого сектора и доли каждого сектора в общей занятости. Коэффициент занятости определенного сектора возрастет, если регистрируемый в нем объем производства на душу населения превысит темпы роста производительности труда в данном секторе. Исходная концепция взята из работы Passinetti (1981). Для успешного функционирующей экономики характерны как устойчивый рост производительности, так и повышение общего уровня занятости. Для изучения деталей можно начать с тождества $\phi_0 = L_0 / P_0 = \sum (L_0^i / X_0^i) (X_0^i / P_0)$, где P_0 представляет собой численность населения, а ϕ_0 — долю населения, занятого по состоянию на начало периода. Коэффициенты трудоемкости (обратная величина от средних уровней произво-

дительности труда) для каждого сектора определяются как $b_0^i = L_0^i / X_0^i$, а объем производства на душу населения по каждому сектору — как $\chi_0^i = X_0^i / P_0$. Показатель роста доли занятого населения ϕ может быть выражен как $\hat{\phi} = \sum \varepsilon_0^i (\hat{\chi}^i + \hat{b}^i)$, где ε_0^i — это доля каждого сектора в общей занятости. Показатель роста производительности труда в каждом секторе выражается как $\xi_L^i = (X^i - L^i)$, следовательно, показатель увеличения коэффициента трудоемкости превращается в $\hat{b}^i (1 + X^i) = -\xi_L^i (1 + L^i)$. Окончательное выражение для $\hat{\phi}$ имеет вид $\hat{\phi} = \sum \varepsilon_0^i (\hat{\chi}^i - \xi_L^i)$. Иными словами, показатель роста соотношения численности занятых и общей численности населения является средне-взвешенной разностью между показателями роста отраслевого объема производства на душу населения и производительности. Секторы с более высокой долей в общей занятости ε_0^i оказывают более сильное влияние на среднюю величину. Можно ожидать, что $\hat{\chi}_i > \xi_L^i$ в случае «динамичного» сектора и что обратное будет справедливо для сектора со снижающейся активностью или «зрелого» сектора.

Глава III

Привела ли торговая интеграция к углублению дивергенции?

Нередко утверждают, что интеграция в глобальную экономику посредством увеличения потоков товаров, услуг, капитала, технологий и рабочей силы (по общему мнению, последняя представляет собой наименее мобильный фактор производства в данной группе) расширяет возможности для развития и роста и таким образом дает мощный стимул к сокращению разрыва в уровнях дохода между развитыми и развивающимися странами. Истории конвергенций, связанных с интеграцией, обычно имеют отношение к опыту послевоенной Японии, ряда стран на периферии Западной Европы, начиная с конца 1950-х годов, а также к опыту, совсем недавно приобретенному новыми индустриальными странами Восточной Азии. Во всех этих случаях наличие прочной взаимосвязи между инвестициями и торговлей, безусловно, способствовало увеличению показателей экономического роста, которые превысили показатели роста ведущих промышленно развитых стран.

Экономическая интеграция не является чудодейственным средством для обеспечения быстрого и устойчивого роста

Однако интеграция не является чудодейственным средством для обеспечения быстрого и устойчивого роста. С середины 1980-х годов большинство развивающихся стран начали открываться для взаимодействия с глобальными экономическими силами, что привело к самым разным результатам, в том числе в ряде случаев к отходу от прежних достижений. В последнее время развивающиеся страны, особенно наименее развитые из них, демонстрируют высокие экономические показатели, добившись максимальных за последние десятилетия средних темпов роста. Это обусловлено, среди прочих факторов, улучшением политической обстановки и результатами проводимой политики, отсутствием серьезных внешних потрясений и международной ситуацией, для которой характерны увеличение объема официальной помощи в целях развития (ОПР), облегчение бремени задолженности бедных стран с крупной задолженностью (БСКЗ), низкий уровень процентных ставок во всем мире и существенное повышение цен на сырьевые товары. Однако действие последнего фактора может быть неустойчивым в долгосрочной перспективе, о чем свидетельствуют товарные циклы прошлых лет (United Nations, 2006).

Основное внимание в настоящей главе уделяется торговой интеграции и той роли, которую играют в этом процессе прямые иностранные инвестиции (ПИИ) (финансовая интеграция будет рассматриваться в главе IV). В данной главе говорится о большом значении конкретных стратегий, которым следуют страны, стремящиеся интегрировать свою экономику в глобальные рынки товаров и услуг, поскольку именно эти стратегии в существенной степени определяют размеры выгод, приобретаемых этими странами в результате увеличения торговых потоков. Временной фактор (понимаемый не только с позиции готовности страны присоединиться к глобальным рынкам и активно участвовать в их деятельности, но и в аспекте возможностей, доступных в период интеграции) и скорость проведения интеграции (постепенно или путем быстрой либерализации) также являются значимыми обстоятельствами. Тем не менее во взаимосвязанном мире об эффективности стратегий, реализуемых на уровне

страны, нельзя судить в отрыве от всего остального, поскольку она зависит от базовых структурных характеристик мировой экономики. Успех в торговле зависит от того, какая продукция и услуги производятся, как они производятся, и создает ли их производство достаточное количество связей с остальной экономикой страны, обеспечивая возможности для ее динамичной трансформации, в то время как поступающий из-за рубежа стимул к росту распространяется на всю внутреннюю экономику. ПИИ, если правильно распорядиться ими и включить их в стратегию, направленную на постоянное обновление технического потенциала страны, способны принести ей долговременные выгоды. Эти факторы, включая варианты стратегий, позволяющих использовать более эффективные модели интеграции и способствующих повышению конвергенции, будут проанализированы ниже.

Данная глава организована по следующему принципу: в первом разделе рассматривается влияние, которое оказывают модели специализации и диверсификация экспорта на рост. Затем оценивается значение притоков ПИИ для определения базовых моделей специализации и стимулирования роста в странах-получателях. Анализ, проведенный в этих двух разделах, позволяет подчеркнуть важность стратегий развития производственного сектора экономики в деле содействия структурным преобразованиям, оказания поддержки освоению новых видов деятельности, продукции и процессов в экономике, а также повышения местного технического потенциала. Этим темам посвящен следующий раздел. В контексте данной главы стратегии развития производственного сектора экономики понимаются как стратегии, охватывающие мероприятия, цель которых состоит в стимулировании структурных преобразований в экономике и перемещении ресурсов, с тем чтобы развивать более продуктивные виды деятельности в сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности и сфере услуг. В заключительном разделе указан ряд областей, где для обеспечения большей конвергенции необходимо дальнейшее международное сотрудничество.

Влияние международной торговли на дивергенцию роста

Ускорение роста ВВП и ускорение роста экспорта часто взаимосвязаны

Более быстрый рост валового внутреннего продукта (ВВП) часто бывает связан с быстрым ростом экспорта. Экспорт связан с экономическим ростом несколькими способами (United Nations Conference on Trade and Development, 1992). Во-первых, экспорт является составляющей совокупного спроса и поэтому оказывает прямое мультиплицированное воздействие на внутреннее производство. Во-вторых, рост объемов (чистого) экспорта снижает давление, оказываемое курсами иностранных валют, с которым приходится сталкиваться многим развивающимся странам, и увеличивает пул ресурсов, необходимый для финансирования инвестиций и роста. В-третьих, снимая ограничения на увеличение производства, которые могут налагаться внутренним спросом, экспорт позволяет использовать эффект масштаба при крупных операциях, повышая доходность. Наконец, экспорт, в особенности экспорт промышленных товаров, способен по нескольким каналам оказывать содействие техническим преобразованиям, что зачастую сопровождается быстрым ростом.

Для экономического роста важна структура экспорта

Однако, несмотря на эти убедительные доводы теоретического характера, статистические данные в отношении причинных связей между общим ростом экспорта и экономическим ростом весьма неоднородны и, по всей видимости, варьируются в зависимости от страны и временного периода. Показатели роста, как представляется, связаны с конкретной структурой экспорта, которую выбирает та или иная страна на данном отрезке времени. В частности, выбор, приводящий к преобразованиям в структуре производства страны, что позволяет создать производственные связи между секторами экономики и увеличить добавленную стоимость, и участие в растущих глобальных рынках зачастую имеют отношение к улучшению показателей экономической деятельности.

Анализируя связи между торговлей и экономическим ростом в развивающихся странах, а также роль, которую международная торговля может сыграть в углублении дивергенции между странами в плане роста, необходимо учитывать два фактора. Первый из них — это темпы роста глобальных рынков по отношению к экспорту развивающихся стран. Часто быстрорастущими (или динамичными) экспортными рынками являются рынки товаров и услуг с высокой эластичностью спроса по доходу, то есть тех товаров и услуг, спрос на которые растет быстрее, чем повышается доходность на рынках импорта. Развивающиеся страны могут расширить свои экспортные возможности на этих рынках путем диверсификации экономики (создавая новые услуги или товары за счет их дифференциации, новых разработок и т. д.) или посредством внедрения новых видов производственной деятельности, которая прежде осуществлялась в промышленно развитых странах (самый большой источник глобального спроса на импорт), используя как преимущество меньшие издержки производства (в частности, затраты на оплату труда). Например, в последние годы отмечался довольно быстрый рост экспорта текстиля и одежды, что отчасти было обусловлено перемещением производственных мощностей из развитых в развивающиеся страны.

Рынки высокотехнологичных товаров нередко растут быстрее

Второй фактор охватывает динамичное повышение экономичности в результате увеличения масштабов производства, что в свою очередь приводит к увеличению доходности; он характерен для высокотехнологичных секторов экономики. В этом отношении можно ожидать, что выбор специализации, при которой делается упор на более технологичные секторы экономики, ускорит экономический рост. На практике два указанных фактора связаны между собой, поскольку более технологичная продукция зачастую представляет собой продукцию, на которую увеличивается спрос на глобальных рынках (см. ниже). Имеющиеся данные в отношении торговли услугами также свидетельствуют о том, что быстрее прочих растут рынки экспорта услуг, требующих высокой квалификации и больших знаний.

Разумеется, определенное влияние оказывают и другие тенденции. Глобализация производственных процессов и возникновение интегрированных производственных сетей (ИПС) привели к увеличению объемов торговли отдельными видами продукции, «создавая» таким образом новые рынки. Условия многосторонней торговли также оказали влияние на эволюцию рынков либо воспрепятствовали их возникновению. Например, если говорить о доступе на

рынки, то в отношении сельскохозяйственной продукции и продукции низкотехнологичных производств, на которых трудится низкоквалифицированная рабочая сила, установлены более высокие тарифные и нетарифные барьеры, нежели в отношении более технологичной продукции; в то же время экспорт услуг, оказываемых физическими лицами, временно находящимися в конкретной стране (в результате международной трудовой миграции), является строго регламентированным и ограниченным.

Расширить свое присутствие на глобальных рынках можно посредством специализации или диверсификации

Развивающаяся страна может выбрать одну из двух стратегий экспортной деятельности в их широком определении. Одна из этих стратегий предусматривает повышение уровня специализации по мере того, как страна увеличивает степень своего проникновения на рынки, то есть расширяет свое присутствие на тех рынках, где она уже является признанным экспортером. Другая стратегия вынуждает диверсифицировать производственную структуру страны, с тем чтобы эта страна могла участвовать в деятельности рынков (динамичных или иных), на которых она прежде не проявляла активности. И в том и в другом случае стратегия экспортной деятельности нередко предусматривает борьбу с другими участниками рынка за принадлежащие им доли рынка. Диверсификация в сторону производства товаров и услуг с большим потенциалом для расширения глобального рынка, высокая добавленная стоимость и высокие темпы роста производительности «расширяют сферу использования возрастающей отдачи от увеличившихся рынков и повышают вклад торговли в обеспечение роста» (Аукуз, 2003, р. 2).

Хотя внешняя интеграция важна, создание связей внутри экономики имеет основополагающее значение

На практике две указанные стратегии скорее взаимно поддерживают, нежели противоречат друг другу. Многочисленные данные позволяют предположить, что большинство стран проходит через постоянно усложняющиеся этапы диверсификации, достигая уровня индустриальной зрелости, на котором возрастает значимость деятельности в сфере услуг (Imb and Wacziarg, 2003). Разумеется, одной диверсификации недостаточно для обеспечения устойчивого роста, если возможности роста производительности в новых секторах ограничены, а потенциал в плане создания связей внутри остальной экономики невысок. Соответственно, Уэйд (Wade, 2004) различает «внешнюю интеграцию» и «внутреннюю интеграцию» и утверждает, что в большинстве ситуаций, когда удавалось добиться успеха, была выработана политика, благодаря которой внешняя и внутренняя интеграция взаимно укрепляли, а не подрывали друг друга. Следовательно, как модели специализации, так и модели интеграции в мировую экономику имеют значение для дивергенции темпов роста.

Рынки некоторых товаров доступнее других рынков...

Для развивающихся стран более доступны возможности производить и экспортировать основные виды сырья, продукцию обрабатывающей промышленности с большим сырьевым компонентом, а также продукцию трудозатратного производства. Однако то обстоятельство, что возможности расширения глобальных рынков для такой продукции являются довольно ограниченными,

может в свою очередь оказать сдерживающее влияние на долгосрочный рост, если страна не проводит структурных преобразований своей экономики за пределами указанных секторов. Кроме того, одновременное появление на подобных рынках новых участников легко может привести к насыщению рынков, поскольку многие рынки сырьевых товаров растут довольно медленно. Другими словами, то, что дало позитивные результаты в одной стране или в ограниченном числе стран, не обязательно приведет к тем же результатам, если несколько стран одновременно попытаются применить одну и ту же стратегию диверсификации торговли. Такие эффекты ошибочного перенесения свойств частного на целое возникают в случаях избыточного предложения товаров, что может привести к снижению цен и ухудшению условий торговли. Данный феномен может приобретать особое значение на товарных рынках, для которых характерна низкая эластичность спроса по доходу, о чем свидетельствует эволюция средних цен на нетопливные сырьевые товары, снизившихся на 49 процентов по сравнению с ценами на промышленные товары, экспортируемые развитыми странами, в период 1980–2000 годов. Недавнее повышение цен на нетопливное сырье не смогло компенсировать это понижение. По состоянию на конец 2005 года средние цены на нетопливное сырье в реальном исчислении по-прежнему были ниже уровня 1980 года (см. United Nations, 2006). Кроме того, цены на сырьевые товары демонстрируют явную неустойчивость, что может негативным образом сказаться на эффективности диверсификации в сторону производства сырья. Подобная неустойчивость цен зачастую имеет следствием отсутствие стабильности в доходах и курсах иностранных валют, которая необходима для обеспечения долгосрочных инвестиций и более быстрого роста.

...но в долгосрочной перспективе они не всегда обеспечивают устойчивый и быстрый рост экономики

Ошибочное перенесение свойств частного на целое также имеет место в некоторых подсекторах производства с товарными характеристиками. Фактически экспортеры продукции отдельных производств, на которых трудится низкоквалифицированная рабочая сила, уже столкнулись со снижением цен на экспортируемые ими товары. Совершенствование технологий и возросшая конкуренция на рынках электроники и электротоваров — продукции, которая часто ассоциируется с высокотехнологичным содержанием и требует привлечения высококвалифицированной рабочей силы, — тоже привели к снижению цен на некоторые виды продукции (United Nations Conference on Trade and Development, 2002). В то же время другим странам, по всей видимости, удалось улучшить для себя условия торговли при продолжающейся диверсификации их экономической структуры.

Опыт стран, в которых отмечается быстрый экономический рост, показывает, что успех зависит не только от увеличения объемов экспорта, но и от выгоды, извлеченной из динамичного повышения эффективности, обусловленного увеличением масштабов производства, от создания производственных связей в рамках национальной экономики и от изменения структур производства с течением времени в контексте поиска товаров и услуг, которые обеспечивают потенциал для роста. Ввиду недостатка данных влияние моделей специализации в области экспорта услуг на темпы роста будет рассмотрено отдельно.

Динамика развития глобальных рынков и изменения в структуре экспорта товаров

В последние 40 лет объемы торговли товарами стремительно увеличивались. В период между 1962 и 2000 годами среднегодовой показатель роста глобальной торговли товарами в стоимостном выражении составлял 10,4 процента, а в объемном выражении — 6 процентов. При этом в первой половине указанного периода отмечался более быстрый рост как в стоимостном, так и в объемном выражении¹. Несмотря на то что развитые страны по-прежнему доминируют на всех экспортных рынках, не связанных с нефтью, развивающиеся страны стремительно расширяют масштабы своего участия в деятельности глобальных рынков, особенно со второй половины 1980-х годов. Что еще более важно, произошел заметный сдвиг в структуре экспорта развивающихся стран (как группы) от сырьевых к промышленным товарам (см. диаграмму III.1)².

Развитые страны повысили степень своего участия в деятельности глобальных рынков промышленных товаров

Расширение масштабов участия развивающихся стран произошло на глобальных рынках низко-, средне- и высокотехнологичной продукции, которые в среднем были более динамичными по сравнению с рынками сырья и продукции с большим сырьевым компонентом (определения, методы и источники данных указаны в добавлении к настоящей главе). Фактически в период 1965–2000 годов доля первых трех категорий товаров в глобальном экспорте возросла, тогда как сырьевые товары и товары с большим сырьевым компонентом на мировом рынке утратили свои позиции (см. таблицу III.1). Данная тенденция была особенно заметна в отношении сырьевых товаров из-за низкой эластичности по доходу для этих продуктов, сокращения доступа на рынки, научно-технического прогресса и изменений в ценах (см. вставку III.1).

Особенно впечатляющим стало проникновение развивающихся стран на рынки низкотехнологичной продукции: к 2000 году они обеспечивали 50 процентов всего мирового экспорта этой группы товаров. Такой результат был в значительной степени обусловлен усилиями Китая, новых индустриальных стран первой волны и Юго-Восточной Азии. В совокупности они поставляют на глобальный рынок 32 процента низкотехнологичной продукции. Масштабы участия в деятельности рынков среднетехнологичной продукции тоже возросли, причем усилия вновь были сконцентрированы в нескольких регионах: в новых индустриальных странах, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. При этом увеличение доли на рынке высокотехнологичной продукции в подавляющем большинстве случаев было обусловлено деятельностью в этом секторе новых индустриальных стран первой волны и стран Юго-Восточной Азии. С другой стороны, доля развивающихся стран на рынках сырья в среднем снизилась ввиду повышения степени проникновения на эти рынки развитых стран. Поскольку аналитическая работа, проведенная в этой главе, базируется на показателях стоимости, а не объемов (см. добавление), то на ее результаты могли

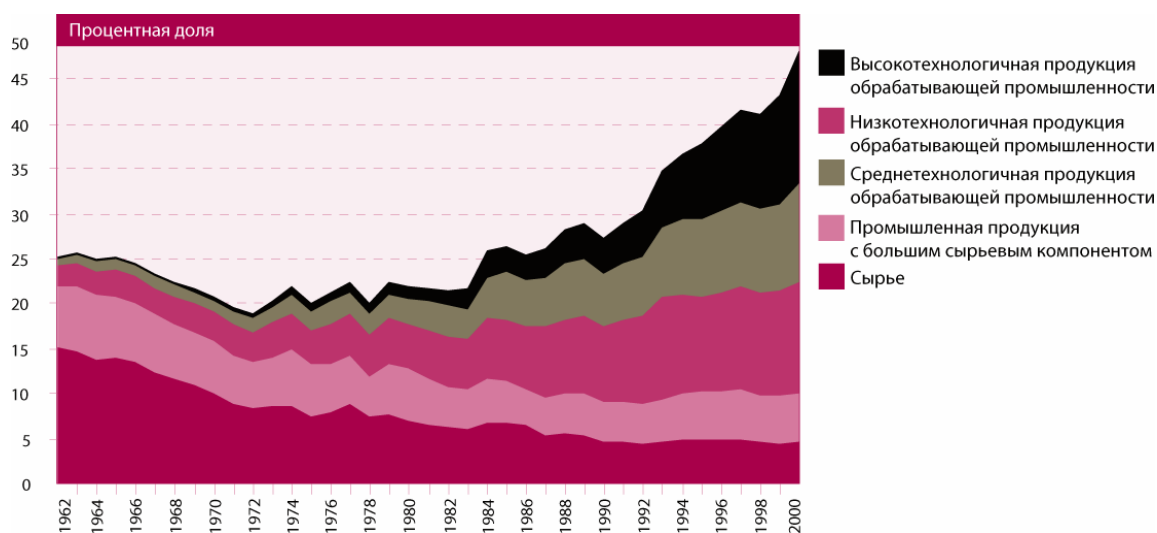
¹ В период 1962–1980 годов среднегодовой показатель роста мировой товарной торговли достиг 15,7 процента в стоимостном выражении и 7,1 процента в объемном выражении. Соответствующие показатели для периода 1981–2000 годов составляли 5,8 процента и 5,1 процента.

² В рамках анализа, результаты которого представлены в данной главе, страны с переходной экономикой были включены в группу развивающихся стран.

повлиять расхождения в тенденциях движения цен в товарном экспорте развитых и развивающихся стран. Еще одним фактором могут являться довольно высокий уровень протекционизма и политика предоставления субсидий, осуществляемая развитыми странами на рынках сельскохозяйственной продукции. В целом развивающимся странам удалось диверсифицировать структуру производства и в результате повысить степень своего участия в деятельности более динамичных глобальных рынков.

Диаграмма III.1

Стоимость экспорта развивающихся стран в виде процентной доли от стоимости экспорта развитых стран, в разбивке по категории товаров, 1962–2000 годы

Источник: ДЭСВ ООН на основе публикации Feenstra and others (2005) и базы данных по мировой торговле товарами.

Таблица III.1

Доля продукции^a в мировой товарной торговле, в разбивке по категориям, 1965–1970, 1980–1985 и 1995–2000 годы

(Процентная доля)

	1965–1970 годы	1980–1985 годы	1995–2000 годы
Сырье	22,8	15,5	6,7
Продукция с большим сырьевым компонентом	20,8	18,0	14,6
Низкотехнологичная продукция	16,2	17,4	18,8
Среднетехнологичная продукция	31,9	36,1	35,4
Высокотехнологичная продукция	8,3	13,0	24,5

Источник: ДЭСВ ООН на основе публикации Feenstra and others (2005).

^a Оценка произведена в соответствии с текущим курсом доллара США.

Вставка III.1**Могут ли быть динамичными рынки сырья и промышленной продукции с большим сырьевым компонентом?**

Несмотря на то что общий рост мировой торговли сырьевыми товарами и промышленной продукцией с большим сырьевым компонентом был довольно медленным, отдельные продукты демонстрировали заметную динамику; это означает, что их экспорт растет быстрее мирового экспорта (см. таблицу А.4 приложения). Необходимо сделать оговорку о том, что приведенные здесь данные по экспорту скорее охватывают стоимостные показатели, а не показатели объема, а это может означать, что тенденции в движении цен больше повлияли на доходы от экспорта, чем изменения его объема.

Однако в период 1962–1980 годов темпы роста экспорта для всех видов сырьевых товаров (за исключением одного) и всех видов промышленной продукции с большим сырьевым компонентом, указанных в таблице А.4, были несколько ниже темпов роста экспорта динамичных товаров других категорий. В период 1980–2000 годов этот разрыв увеличился, а средний показатель производительности динамичных товаров с большим сырьевым компонентом в значительной степени зависел от продукции на урановой основе (см. таблицу А.4 приложения). Если ее исключить, то для остальной продукции средние темпы роста экспорта были ниже, чем для других категорий промышленных товаров.

Вышесказанное не является достаточным доказательством того, что при перемещении ресурсов в сферу производства сырья и промышленной продукции с большим сырьевым компонентом невозможно добиться более быстрого повышения продуктивности, или того, что деятельность в указанных секторах непременно предусматривает низкую квалификацию и/или является низкотехнологичной и сопровождается незначительными эффектами перелива (см. добавление). Аналогичным образом, участие развивающихся стран в экспорте среднетехнологичной и высокотехнологичной продукции не обязательно означает, что эти страны приобрели знания и опыт, для того чтобы оказаться на передовых рубежах технического прогресса или в непосредственной близости от них. За редким исключением уровень расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), а также численность работников, занимающихся развитием науки и техники, в таких странах не соответствуют требованиям, которые обусловлены технологией изготовления экспортируемой ими продукции.

Как отмечается в главе V, эффективно работающий сельскохозяйственный сектор зачастую является необходимой предпосылкой для последующего экономического развития. Кроме того, несколько стран добились успеха в деле диверсификации на базе промышленной переработки своих природных ресурсов. Опыт Чили показывает, что можно поддерживать высокие показатели объема экспорта и темпы роста ВВП за счет специализации в сфере экспорта ценной

продукции с большим сырьевым компонентом, включая продукцию горнодобывающей промышленности и сельскохозяйственного производства (однако для обеспечения устойчивого роста в долгосрочной перспективе Чили необходимо на постоянной основе развивать производство товаров со все более высокой добавленной стоимостью). В Африке Ботсвана сумела достичь высоких темпов роста благодаря экспорту алмазов и мясных продуктов (Acemoglu, Johnson and Robinson, 2003). Сельское хозяйство также сыграло важную роль в процессах индустриализации Малайзии и Таиланда, а экспорт товаров с большим сырьевым компонентом помог обеим странам преодолеть экономический спад, наступивший вслед за финансовым кризисом в Азии (Bonaglia and Fukasaku, 2003). Среди развитых стран примерами могут послужить Финляндия и Швеция. Однако эти две страны перестали специализироваться только на производстве сырьевых товаров и постепенно освоили другие секторы, в которых существовали более стабильные условия торговли и отмечался более быстрый рост производительности.

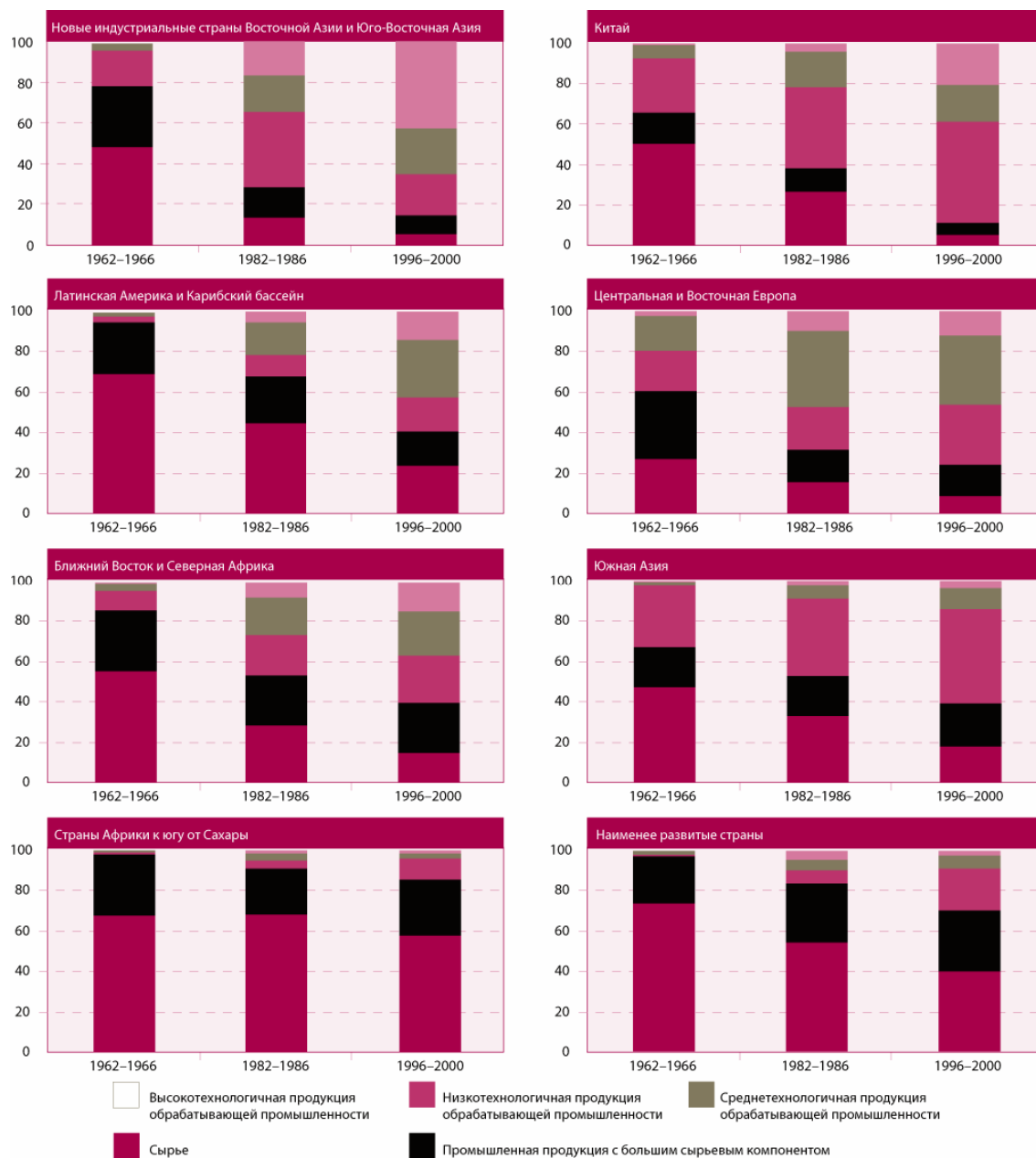
Структура экспорта развивающихся стран быстро изменилась

Таким образом, структура экспорта развивающихся стран в последние 40 лет быстро менялась (см. диаграмму III.2): отдельные группы стран раньше и быстрее, чем другие, диверсифицировали его в сторону увеличения доли продукции, не связанной в первую очередь с эксплуатацией природных ресурсов. Примерами могут являться новые индустриальные страны первой волны и страны Юго-Восточной Азии, которые диверсифицировали экспорт, сначала увеличив долю низкотехнологичной продукции, а затем долю высокотехнологичных товаров. Полной противоположностью этим странам являются страны Африки к югу от Сахары — регион, который медленнее всех осуществляет диверсификацию посредством отхода от экспорта сырьевых товаров. Остальные регионы занимают промежуточное положение между этими двумя полюсами, с различной скоростью осваивая новые рынки экспорта.

Сравнительно более быстрый рост доли промышленных товаров в мировой торговле подразумевает, что те регионы, которые недостаточно быстро или в недостаточном объеме переключились на производство и экспорт этой продукции, пережили относительное замедление темпов роста экспорта и, в целом, утратили принадлежавшие им доли мирового рынка. Все регионы уступили часть своей доли мирового рынка новым индустриальным странам первой волны, странам Юго-Восточной Азии и Китаю (см. таблицу A.3 приложения), что еще больше увеличило разницу в темпах роста между развивающимися странами.

Диаграмма III.2
 Доля отдельных категорий экспорта развивающихся стран, не связанного с нефтью, в общем экспорте регионов^а, в разбивке по регионам развивающихся стран или группам стран, 1962–2000 годы

(Процентная доля от общего экспорта региона)

Источник: ДЭСВ ООН на основе публикации Feenstra and others (2005) и базы данных по мировой торговле товарами.

Примечание: Определения и методы см. в добавлении к главе III. Информацию относительно группировки стран см. в пояснительных примечаниях.

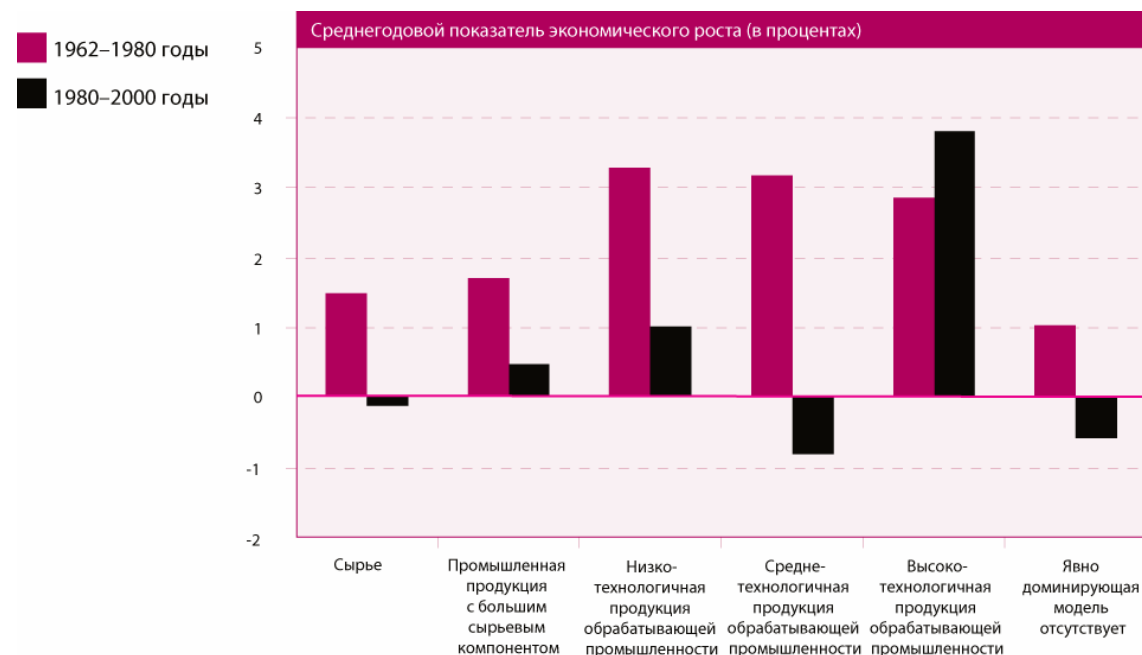
^а Общий экспорт региона в конкретный период времени рассчитывается как среднее арифметическое суммарного экспорта отдельных стран в каждой категории.

Товарная торговля, модели специализации и экономический рост

На диаграмме III.3 показана дивергенция темпов роста на душу населения между группами стран, сформированных в соответствии с доминирующими моделями структуры экспорта и специализации. Информация по отдельным странам дана в таблице А.5 приложения.

Диаграмма III.3

Зависимость роста ВВП на душу населения от доминирующей модели торговой специализации в 105 развивающихся странах, 1962–2000 годы

Источник: Таблица А.5 приложения.

Хотя дивергенция роста в 1962–1980 годы была не столь заметной ...

Дивергенция темпов роста в период между 1962 и 1980 годами, хотя она и имела место, была не столь заметной, как в последние два десятилетия двадцатого века. В 1960-е и 1970-е годы средние показатели экономического роста стран, специализирующихся в производстве сырья и промышленной продукции с большим сырьевым компонентом, были ниже и соответствовали половинным значениям показателей роста в других странах-экспортерах. Кроме того, лишь небольшое число экспортеров сырьевой продукции и продукции с большим сырьевым компонентом в течение этого периода сумели превзойти среднегодовой показатель прироста подушевого ВВП развитых стран (3,1 процента) (см. таблицу III.2).

...число экспортеров промышленных товаров увеличивалось более быстрыми темпами

Группа стран, специализирующихся в производстве всех групп промышленных товаров помимо продукции с большим сырьевым компонентом, увеличивалась примерно теми же темпами. Приближение к подушевому ВВП разви-

тых стран стало частым явлением среди различных групп стран, не занимающихся экспортом продукции с большим сырьевым компонентом: 47 процентов из них (23 из 49 стран) сумели в этот период превысить средний показатель прироста ВВП на душу населения в развитых странах. Такое приближение, однако, осуществлялось более быстрыми темпами в группе стран-экспортеров среднетехнологичной продукции: в 12 из 24 стран (что соответствует 50 процентам) показатель прироста составлял более 3,1 процента. Тем не менее снижение подушевого ВВП также имело место среди стран-экспортеров, не занимающихся экспортом продукции с большим сырьевым компонентом (Афганистан, Либерия, Кувейт и Нигер). Здесь действовали иные движущие силы, которые, возможно, определялись спецификой обстоятельств. Как представляется, в двадцати шести странах в этот период не отмечалось каких-либо тенденций к диверсификации. Средние темпы роста в пересчете на душу населения в этих странах были самыми медленными в рассматриваемых группах стран (см. таблицу А.5 приложения).

Таблица III.2

Уровень прироста ВВП на душу населения в развивающихся странах в разбивке по доминирующей модели специализации экспорта, 1962–2000 годы

Количество стран

	<i>Количество стран, имеющих соответствующую специализацию</i>	<i>Подушевой прирост ВВП</i>		
		<i>превышающий средний показатель развитых стран</i>	<i>превышающий среднемировой уровень</i>	<i>превышающий 3 процента</i>
1962–1980 годы				
Сырье	12	1	6	1
Промышленная продукция с большим сырьевым компонентом	18	3	5	3
Низкотехнологичная продукция	17	8	13	8
Среднетехнологичная продукция	24	12	17	16
Высокотехнологичная продукция	8	3	5	3
Явная тенденция отсутствует	26	2	5	3
Общее количество	105	29	51	34
1980–2000 годы				
Сырье	7	0	0	0
Промышленная продукция с большим сырьевым компонентом	21	3	4	1
Низкотехнологичная продукция	31	8	13	4
Среднетехнологичная продукция	12	0	0	0
Высокотехнологичная продукция	10	7	8	7
Явная тенденция отсутствует	24	0	2	0
Общее количество	105	18	27	12

<i>Количество стран, имеющих соответствующую специализацию</i>	<i>Подушевой прирост ВВП</i>		
	<i>превышающий средний показатель развитых стран</i>	<i>превышающий среднемировой уровень</i>	<i>превышающий 3 процента</i>
Для справки:			
1962–1980 годы			
Среднегодовой показатель прироста мирового валового продукта на душу населения	2,2		
Среднегодовой показатель прироста ВВП на душу населения в развитых странах	3,1		
1980–2000 годы			
Среднегодовой показатель прироста мирового валового продукта на душу населения	1,3		
Среднегодовой показатель прироста ВВП на душу населения в развитых странах	2,2		

В период 1980–2000 годов расхождения между развивающимися странами увеличились

В период 1980–2000 годов расхождения между развивающимися странами, по всей видимости, увеличились. Отмечалось явное снижение темпов роста доходов на душу населения среди всех групп экспортеров, за исключением стран, экспортирующих высокотехнологичную продукцию. Ни одна из стран, относящихся к группам экспортеров сырья и среднетехнологичной продукции, не превысила по темпам роста средний показатель прироста подушевого ВВП в развитых странах (2,2 процента), который, в свою очередь, был ниже, чем в предыдущий субпериод. Что касается экспортеров сырьевой продукции, то увеличение доли участия в деятельности медленно растущих рынков оказалось недостаточным для противостояния негативным тенденциям, таким как снижение средних товарных цен, которое происходило в течение этого периода. Среди экспортеров продукции с большим сырьевым компонентом самые высокие темпы среднегодового роста доходов на душу населения отмечались в Экваториальной Гвинее, что в значительной степени было обусловлено открытием и разработкой нефтяных месторождений страны.

Темпы экономического роста большинства стран, в которых в этот период отсутствовала четная модель диверсификации, оказались ниже среднемировых показателей. Данная группа стран состоит главным образом из наименее развитых стран и/или стран, переживших в указанный период конфликт или гражданскую войну. В таких случаях высока вероятность того, что в число ограничивающих факторов вошли структурные и институциональные ограничения (см. главу V).

В период 1980–2000 годов хороших показателей добились некоторые новые экспортеры низкотехнологичной продукции обрабатывающей промышленности

По контрасту с предыдущим периодом в 1980–2000 годах дивергенция темпов роста между тремя группами экспортеров продукции, не включающей товары с большим сырьевым компонентом, также носила явный характера. В этот период особенно преуспели новые члены группы экспортеров низкотехнологичной продукции, такие как Индия, Шри-Ланка и Вьетнам, темпы роста которых в исчислении на душу населения превысили 3 процента — минимальный уровень, достижение которого считается необходимым для того, чтобы в развивающейся стране началось сокращение масштабов нищеты, — в то время как некоторые другие страны (18) показали средние темпы роста ВВП на душу населения, превышавшие соответствующий показатель в развитых странах. Однако в большинстве этих стран в указанный субпериод показатели экономического роста были ниже показателя роста мирового валового продукта (МВП) на душу населения. Причина такой ситуации состоит не только в специфических условиях каждой страны. Рынок для этой продукции, по всей видимости, предоставляет меньше возможностей для быстрого роста в результате ошибочного перенесения свойств частного на целое или из-за введения квот и других торговых ограничений (значительную часть промышленной продукции стран этой группы составляют текстиль и одежда), которые дают преимущества одной группе стран в ущерб другим.

Число стран, специализирующихся на экспорте среднетехнологичной продукции, сократилось вдвое. Новыми членами этой группы стали Мексика (ранее экспортировавшая высокотехнологичную продукцию), Венгрия (экспортировавшая низкотехнологичную продукцию) и Объединенные Арабские Эмираты (экспортировавшие продукцию с большим сырьевым компонентом). Среди 12 стран или районов, которые вышли из этой группы, только Коста-Рика и Специальный административный район (САР) Китая Гонконг перешли в группу экспортеров высокотехнологичной продукции; все остальные страны или районы провели диверсификацию в секторы, которые, как часто полагают, обладают более низким технологическим содержанием (см. таблицу А.5).

Для перехода к экспорту высокотехнологичной продукции необходимо прилагать постоянные усилия

Сказанное выше позволяет предположить, что для перехода страны к производству высокотехнологичной продукции, по всей видимости, необходимы постоянные усилия для приобретения технического потенциала и квалификации, а не поэтапная индустриализация, то есть предварительное освоение производства низкотехнологичной и среднетехнологичной продукции. Малайзия перешла в группу экспортеров высокотехнологичной продукции из группы экспортеров продукции с большим сырьевым компонентом, в то время как Китай, Республика Корея, провинция Китая Тайвань и Таиланд перешли к высокотехнологичной продукции от низкотехнологичных товаров.

Большинство стран-экспортеров высокотехнологичной продукции росли быстрее, чем страны, развитые в экономическом отношении

Присутствие в группе стран-экспортеров среднетехнологичной продукции нескольких стран-чистых экспортеров топлива позволяет предположить, что их общий рост в значительной степени определялся экономикой нефтяной промышленности, — а в случае Ливийской Арабской Джамахирии еще и торговым эмбарго, — поскольку цены на нефть были весьма неустойчивыми и снижались в указанный период; однако и экономические показатели деятельности экспортеров нетопливных товаров были неудовлетворительными. В случае Латинской Америки и стран Карибского бассейна свое отрицательное воздействие на экономический рост оказал кризис задолженности и его медленное разрешение, однако возможно существование и других движущих сил. При этом в период 1980–2000 годов большинство экспортеров высокотехнологичной продукции демонстрировали особенно высокие показатели: 7 из 10 стран добились средних темпов роста ВВП на душу населения, превышавших темпы роста развитых стран. Большинство стран, относящихся к этой группе (Китай, САР Гонконг, Малайзия, Республика Корея, Сингапур, провинция Китая Тайвань и Таиланд) уже в 1960-х и 1970-х годах участвовали в деятельности быстрорастущих рынков. Они успешно продвигались вверх по технологической лестнице, и их непрерывный экономический рост был весьма выгоден в период, когда развивающиеся страны переживали общую стагнацию. В течение этих двух субпериодов среди остальных экспортеров только Индонезия, Оман и Турция росли быстрее, чем развитые страны.

Интересно отметить, что в последние десятилетия способность азиатских стран добиваться роста с помощью экспорта технологически продвинутой продукции, как представляется, разительно отличала их от других стран и регионов. Например, подавляющее большинство стран Латинской Америки, несмотря на диверсификацию экспорта в сторону промышленных товаров, не сумели достичь высоких темпов роста, особенно в последние десятилетия.

Экономический рост связан со способностью получить долю добавленной стоимости в производственной цепочке

Такой результат может быть обусловлен действием двух основных факторов. Прежде всего, влияние стратегии конкретной страны на ее развитие зависит не только от того, насколько успешным был ее выход на рынки, но и от ее способности получить долю добавленной стоимости в производственной цепочке (United Nations Conference on Trade and Development, 2002). Расширение экспорта среднетехнологичной и высокотехнологичной продукции теперь тесно переплетено с ростом интегрированных производственных систем многонациональных компаний, которые обеспечивают большой объем импорта. Таким образом, способность освоить определенные виды деятельности (например, операции сборки) может не привести к быстрому или устойчивому росту, если подобная деятельность обеспечивает ограниченную добавленную стоимость и к тому же не интегрирована должным образом в национальную экономику³. Во

³ Палма (Palma, 2004) полагает, что промышленные производства, которые не принадлежат к числу прочно интегрированных во внутреннюю экономику, утрачивают способность стимулировать экономический рост. Окампо (Ocampo, 2005b) называет такие модели специализации «поверхностными».

многих случаях такой результат был обусловлен стратегиями, которые страны разработали в отношении ПИИ (эта тема будет рассмотрена ниже).

Например, довольно хорошие экспортные показатели сектора *maquila* в Мексике и Центральной Америке в сфере производства одежды и электроники в значительной степени обусловлены низкой оплатой труда, льготным режимом доступа на рынок Соединенных Штатов и его близостью, однако это не привело к повышению темпов роста совокупного объема производимой продукции. По контрасту в сфере экспорта технологий в Азии существуют прочные связи как на национальном, так и на региональном уровне.

Постепенная и непрерывная интеграция предпочтительнее подхода «большого взрыва»

Во-вторых, воздействие, оказываемое интеграцией в мировую экономику, зависит не только от вида продукции, которую экспортирует страна, но и от условий, при которых происходит интеграция, а также от политики, осуществляемой на этапе интеграции. Интеграция стран Латинской Америки, Африки, Центральной и Восточной Европы ознаменовалась резким изменением их стратегии развития. Она происходила в форме «большого взрыва», которому предшествовал кризисный период. Напротив, более быстрый экономический рост стран Восточной Азии был тесно связан с постоянными усилиями со стороны государства и промышленных корпораций, направленными на модернизацию производства экспортных товаров, что привело к появлению устойчивых тенденций к индустриализации.

Стремительная реструктуризация в форме «большого взрыва» в медленно развивающихся регионах продемонстрировала свой разрушительный характер, став причиной утраты ранее существовавшего производственного потенциала и сведя к минимуму возможность возникновения прочных производственных связей. Например, в 1980-х годах доля промышленного производства в ВВП стран Африки к югу от Сахары сократилась и установилась в 1990-х годах на довольно низком уровне. Ряд стран Латинской Америки, включая Аргентину, Бразилию и Мексику, пережили резкое снижение производительности в традиционных трудоемких отраслях, таких как производство текстиля и одежды, которое сократилось после либерализации торговли. В отличие от этого показатели производительности улучшились в промышленности, производящей среднетехнологичную продукцию, например транспортное оборудование, в отношении которой даже в период недавних реформ в ряде стран по-прежнему принимались протекционистские меры (Cimoli and Katz, 2002).

Модели специализации в сфере экспорта услуг и экономический рост

Развитие страны доминирует на динамично развивающихся глобальных рынках услуг

Хотя основную часть общего объема мировой торговли по-прежнему составляет торговля товарами, за последнюю четверть века доля услуг увеличилась с 17 процентов в 1980 году до примерно 20 процентов в 2004 году. Таким образом, сектор услуг обеспечивает расширяющиеся возможности для диверсификации экспорта, которые имеют большое значение. Тем не менее, хотя экспорт услуг может быть связан с ростом, эта связь, по всей видимости, явля-

ется более прочной в развитых странах, поскольку они доминируют в самых динамичных секторах глобального рынка экспорта услуг.

Анализ международной торговли услугами затруднен из-за недостатка всесторонних данных, сопоставимых на международном уровне. Имеющаяся информация, которая базируется на данных платежных балансов, охватывает только трансграничные потоки и может создавать неверное представление об истинных масштабах торговли услугами, как ее определяет Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС), в частности, торговли по форме 3 (коммерческое присутствие) и форме 4 (присутствие физических лиц) (World Trade Organization, 2006). В последнем случае, однако, учитывается только временная миграция, что не позволяет установить в полном объеме последствия движения рабочей силы для экономического роста (см. вставку III.2)⁴.

Вставка III.2

Международная трудовая миграция и экономический рост

Международная трудовая миграция может воздействовать на экономический рост несколькими путями; некоторые из них кратко рассматриваются ниже^а. В зависимости от национальных особенностей и условий трудовая миграция может оказывать как позитивное, так и негативное влияние. В конечном счете вклад миграции в экономический рост зависит от того, каков баланс между плюсами и минусами. На основе имеющейся информации трудно со всей определенностью утверждать, к чему привела трудовая миграция — к углублению дивергенции в темпах роста или к усилению конвергенции.

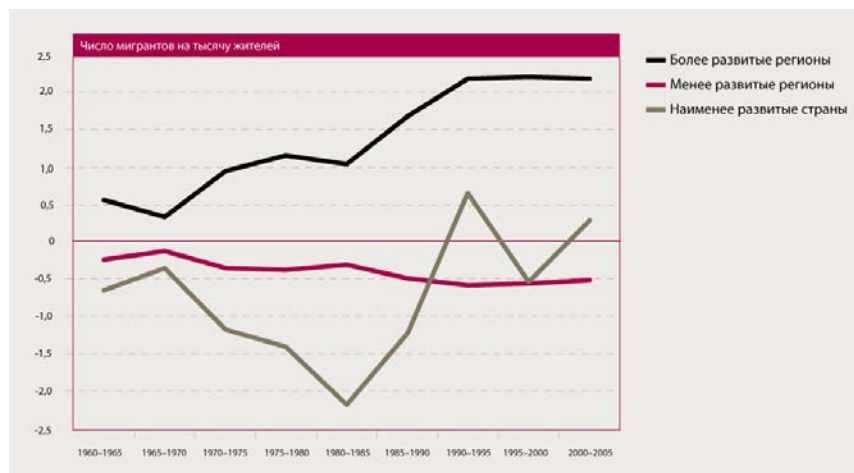
Основная модель миграции предусматривает приток мигрантов из стран с низким уровнем доходов в страны с высокими доходами (см. диаграмму), а в развивающихся странах поток мигрантов направлен из стран с более низким уровнем развития в быстрорастущие страны (хотя по состоянию на настоящий момент в них не всегда имеет место высокий уровень доходов). Для стран, из которых выезжают мигранты, миграция может означать потерю людских ресурсов и капитала, которые можно было бы с пользой употребить на цели роста и развития. Нередко звучат утверждения, что в случаях, когда уезжают высококвалифицированные и образованные специалисты, «утечка умов» может оказывать негативное воздействие на

⁴ Генеральное соглашение по торговле услугами определяет четыре вида предложения услуг: а) трансграничное предложение услуг, когда услуги поставляются за границы страны; б) потребление за рубежом, когда потребитель приезжает на территорию поставщика услуг; в) коммерческое присутствие, когда поставщик услуг организует подразделение или дочернюю компанию на территории потребителя услуг; г) присутствие физических лиц, когда индивидуальный поставщик услуг временно переезжает на территорию потребителя, с тем чтобы предоставить ему соответствующие услуги. Данные платежных балансов полностью охватывают только торговлю по форме 1 и 2. В них не отражена торговля по форме 3, а о торговле по форме 4 дается лишь весьма приблизительное представление. Наконец, многие страны, особенно развивающиеся страны, предоставляют подробную информацию только по трем большим секторам сферы услуг: транспорту, туризму и прочим услугам.

экономический рост не только потому, что вместе с ней теряются знания, но и потому, что такая потеря влияет на производительность труда тех, кто остался, ввиду сокращения возможностей учиться у квалифицированных работников. В зависимости от масштабов «утечки умов» страна бывает вынуждена больше полагаться на малоквалифицированную и неквалифицированную рабочую силу, что может поставить под угрозу имеющиеся у нее перспективы обеспечения более быстрого роста, как уже говорилось в этой главе. Кроме того, страны несут издержки в виде невозмещенных инвестиций в образование, а также потери, связанные с невыплатой подоходных налогов, поскольку такие работники обычно заняты в официальном секторе экономики и получают довольно высокие зарплаты (United Nations, 2004b). Самые высокие показатели «утечки умов» (доля уехавших работников высокой квалификации в потенциальном объеме образованной рабочей силы в странах, которые покидают мигранты) наблюдаются в странах Карибского бассейна, Центральной Америки, а также Западной и Восточной Африки. Издержки могут быть весьма значительными. Например, подсчитано, что эмиграция одного дипломированного специалиста означает для Африки потерю 184 тыс. долл. и что одна только Южная Африка в период 1997–2001 годов в результате миграции высококвалифицированной рабочей силы потеряла 5 млрд. долл. (Pang, Lansang and Haines, 2002). С другой стороны, миграция квалифицированной рабочей силы может приводить к положительным побочным эффектам для стран, из которых выезжают мигранты, поскольку она создает торговые и финансовые связи (Lucas, 2001). Например, индийские инженеры и программисты, работавшие в Соединенных Штатах (в Силиконовой долине) способствовали созданию в Индии сектора компьютерного и информационного обслуживания (см. вставку III.3), а несколько преуспевающих иммигрантов китайского происхождения стали для Китая важным источником инвестиций и возможностей в плане предпринимательской деятельности.

В отношении неквалифицированной рабочей силы предполагается, что миграция излишней рабочей силы может положительно влиять на рынки труда стран, из которых выезжают мигранты, уменьшая безработицу и давление, приводящее к понижению уровня заработной платы. По всей видимости, именно такой была ситуация в Швеции и Ирландии в конце девятнадцатого и начале двадцатого века, однако сейчас в развивающихся странах она носит не столь явный характер, поскольку там, несмотря на растущие масштабы миграции, реальная заработная плата остается низкой или даже сокращается. Кроме того, сама численность неквалифицированных работников-мигрантов также может оказывать негативное воздействие на рост. Например, отдельные сельские районы Мексики, для которых характерны высокие показатели эмиграции, страдают от нехватки рабочих рук, что усугубляет нищету в этих районах, а на макроэкономическом уровне вынуждает увеличивать импорт продовольствия.

Коэффициент чистой миграции, 1960–2005 годы

Источник: База данных по населению ДЭСВ ООН.

Для стран, из которых выезжают мигранты, отток мигрантов означает приток финансов в виде поступающих от мигрантов денежных переводов. Приток официально зарегистрированных денежных переводов в развивающиеся страны в 2005 году достиг примерно 167 млрд. долл. Он представляет собой важный источник иностранной валюты для развивающихся стран, хотя приблизительно 30–45 процентов таких потоков берут начало в других развивающихся странах. В абсолютных значениях большие страны (такие как Китай, Индия и Пакистан) и/или развивающиеся страны со средним уровнем доходов (например, Мексика, Марокко и Филиппины) являются самыми крупными получателями таких переводов, однако именно для небольших стран (таких как Гаити, Лесото и Тонга) денежные переводы составляют значительную часть ВВП и могут оказывать более серьезное воздействие на экономику (World Bank, 2006).

Денежные переводы часто идут на потребление, обеспечивая базовые средства к существованию, и таким образом оказывают положительное воздействие на уменьшение масштабов нищеты. На уровне домохозяйств они также способствуют инвестициям в образование и здравоохранение. Денежные переводы влияют на экономический рост за счет повышения совокупного спроса и мультипликационных эффектов (United Nations, 2004b). В противоположность этому большой приток денежных переводов может привести к повышению курсов валют и тем самым подорвать конкурентоспособность страны в сфере экспорта и снизить темпы роста. Например, в Сальвадоре и Гондурасе большой приток денежных переводов привел к повышению реального курса валюты, что свело на нет положительное воздействие реформ торговой политики на доходность экспорта этих стран (Sánchez, 2005).

Мигранты восполняют нехватку рабочей силы на рынках труда принимающих стран и таким образом ликвидируют ограничения в отношении экономического роста. Кроме того, рабочие-мигранты оказывают положительное воздействие на рост экономики, увеличивая платежеспособный спрос как потребители и, в ряде случаев, как инвесторы. Эмпирические исследования свидетельствуют о том, что мигранты оказывают лишь весьма ограниченное отрицательное воздействие на уровень заработной платы и занятости коренного населения даже там, где их доля в составе рабочей силы довольно велика. В любом случае подобный негативный эффект зависит от конкретного сегмента рынка труда, в котором действуют рабочие-мигранты: нередко в более благоприятных условиях оказывается местная рабочая сила низкой квалификации, а не квалифицированные работники. Например, было подсчитано, что приток иммигрантов в Соединенные Штаты в 1980-х и 1990-х годах привел к снижению заработной платы типичного работника из числа местного населения на 3,3 процента. Негативное воздействие на заработную плату было более заметным в случаях, когда речь шла о заработной плате лиц, не окончивших среднюю школу (8,2 процента), нежели в отношении зарплат выпускников колледжей (3,8 процента) (Boijas and Katz, 2005). Тем не менее можно утверждать, что подобное негативное воздействие не является статичным, а меняется со временем по мере приобретения работниками квалификации и изменения экономических потребностей принимающей страны (United Nations, 2004b).

В странах, где сокращается численность коренного населения (зачастую это развитые страны), международная миграция может поддерживать экономический рост и содействовать решению проблем финансирования государства всеобщего благосостояния. Например, в 2001 году мигранты обеспечили три четверти прироста населения Европейского союза (ЕС). Если принять во внимание демографические тенденции, существующие в этих странах, и увеличившийся коэффициент зависимости (отношение числа лиц нетрудоспособного возраста к числу лиц трудоспособного возраста), то можно предположить, что в ближайшие 20 лет потребность в иностранных рабочих как части трудовых ресурсов по-прежнему будет расти (Feld, 2005). Однако в том случае, если развитым странам придется пережить миграционный шок (3-процентный ежегодный прирост численности иностранных рабочих), воздействие коэффициентов зависимости будет носить ограниченный характер, несмотря на 50-процентное увеличение численности иностранных рабочих с 6 процентов в 2001 году до 9 процентов от совокупной рабочей силы в 2025 году (World Bank, 2006). В действительности для поддержания функционирования ныне существующей системы социального обеспечения с учетом стареющего населения необходимо, чтобы к 2050 году в ведущих развитых странах доля мигрантов составляла не менее 42 процентов от совокупной рабочей силы (Karur and McNale, 2005).

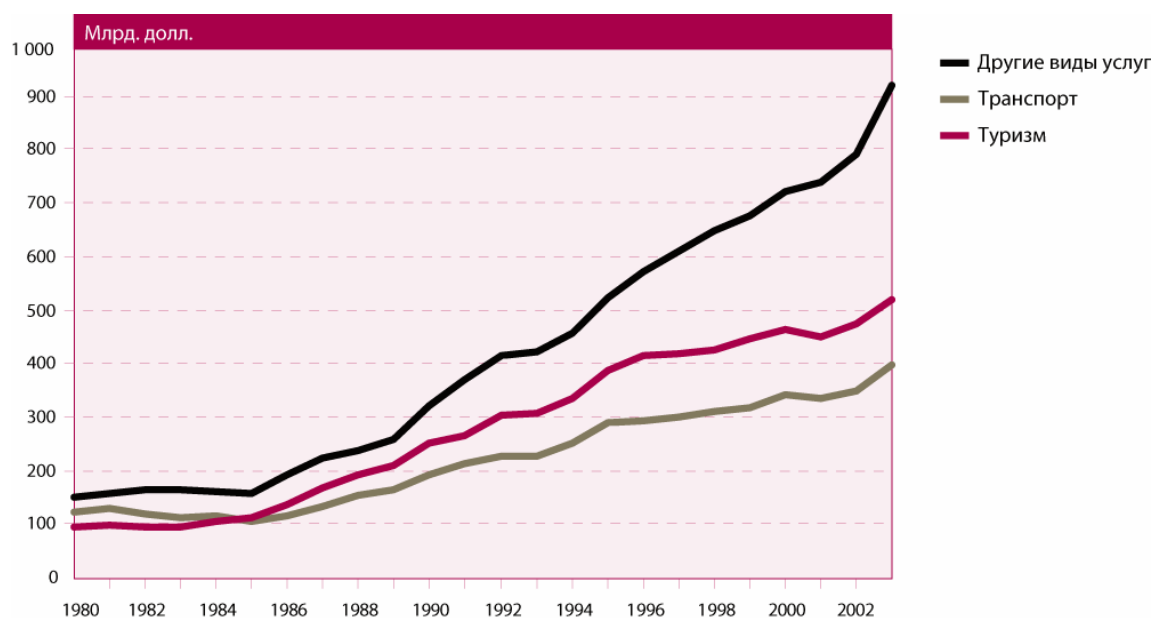
Помимо экономических издержек и выгод существуют положительные и отрицательные социальные последствия миграции для обществ, посылающих и принимающих мигрантов, а также для самих мигрантов, хотя эти последствия гораздо сложнее оценить. Интеграция в общество мигрантов и их семей сопряжена с трудностями из-за различий в культуре и происхождении, а также ввиду того, что в принимающем сообществе мигрантов могут воспринимать как конкурентов в сферах занятости и услуг, предоставляемых государством. Кроме того, если в условиях роста экономики рабочие-мигранты сравнительно легко поглощаются рынками труда, то в случае замедления экономического роста процент безработных среди них нередко превышает процент безработных среди местного населения.

В последние годы временной миграции уделяется все больше внимания со стороны международного сообщества — как это имело место в 1960-х годах во многих европейских странах в рамках программ приглашения рабочей силы, — поскольку она представляет собой один из способов избежать ряда недостатков и издержек, связанных с долговременной миграцией. Тем не менее временное перемещение рабочей силы по-прежнему строго регламентируется и ограничивается. Нормативные положения такого рода не предусматривают равного обращения со всеми мигрантами. Принимающие страны, как правило, снимают часть ограничений на иммиграцию для квалифицированных специалистов, но ограничивают въезд неквалифицированных рабочих. Однако исследования показывают, что и развитые, и развивающиеся страны выиграли бы в экономическом отношении, если бы такие ограничения были снижены. Например, Уинтерс (Winters, 2002) предполагает, что повышение квоты на временную рабочую силу (квалифицированную и неквалифицированную) в развитых странах на 3 процента увеличило бы мировое благосостояние на 156 млрд. долл. в год, причем 70 млрд. долл. из этой суммы досталось бы развивающимся странам.

Развивающиеся страны активнее проникают на глобальные рынки услуг

Участие развивающихся стран в мировом экспорте услуг активизировалось, что привело к увеличению их коэффициента проникновения на рынок с 19 процентов в 1980 году до 23 процентов в 2004 году. В период 1980–2003 годов мировой экспорт в трех основных секторах услуг (транспорт, туризм и другие виды услуг) продемонстрировал различную динамику роста (см. диаграмму III.4).

Диаграмма III.4
Мировой экспорт услуг в разбивке по секторам, 1980–2003 годы

Источник: База данных “UNCTAD Handbook of Statistics”.

В течение всего этого периода «другие виды услуг», которые включают связь, компьютерное и информационное обслуживание, страхование, финансовые и другие деловые услуги, являлись самым быстрорастущим сектором экономики. Участие развивающихся стран в деятельности в этом секторе возросло с 14,8 процента в 1980 году до 18,3 процента в 2003 году (см. таблицу А.6 приложения, в которой приводится информация относительно экспорта услуг по всем подсекторам платежных балансов⁵). Экспорт транспортных услуг на протяжении всего этого периода рос наименее быстрыми темпами, в то время как показатели экспорта туристических услуг были неустойчивыми: в 1980-е годы этот сектор бурно рос, однако затем его рост замедлился. На развивающиеся страны приходится приблизительно 28 процентов мирового экспорта туристических услуг. Для многих развивающихся стран туризм является важным источником иностранной валюты и занятости. Для малых островных развивающихся стран, так же как и для ряда наименее развитых стран он может выступать в качестве «главного и подчас единственного локомотива социально-экономического развития устойчивого характера» (Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, 2006 год, с. 15). Кроме того, данный сектор может способствовать уменьшению уязвимости перед внешними воздействиями посредством диверсификации экспорта за счет отхода от традиционного экспорта сырья, который связан с медленно растущими или сокращающимися рынками.

⁵ Более детальный обзор, в котором также приводится список некоторых крупных экспортеров из числа развивающихся стран, см. в Gabriele (2004), pp. 29–40.

В большинстве исследований, посвященных анализу влияния торговли услугами на экономический рост, основное внимание уделяется результатам либерализации торговли, и особенно повышению экономической эффективности вследствие увеличения объема импорта услуг⁶. Эмпирические исследования в области экспорта услуг часто ограничиваются каким-либо отдельным сектором услуг или изучением конкретных случаев (см, например, Nielson and Taglioni, 2004; и публикацию Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, 2006 год). Гораздо меньше усилий прилагалось с целью оценки наличия и степени значимости статистических отношений между экспортом услуг и ростом ВВП в развитых и развивающихся странах.

Экспорт услуг, по-видимому, приносит больше преимуществ развитым странам

Как показывает анализ, проведенный в одной из таких работ, несмотря на то что экспорт услуг оказал существенное влияние на экономический рост, воздействие экспорта товаров было гораздо более значительным. Кроме того, если в 1980-х годах связь между ростом экспорта услуг и ростом ВВП была более устойчивой в развивающихся странах, то в 1990-х годах данная тенденция приобрела обратную направленность: в развивающихся странах указанная связь во многом утратила прочность, укрепившись при этом в развитых странах. Последний феномен может объясняться влиянием разных моделей специализации экспорта, созданных в этих двух группах стран (Gabriele, 2004), в результате применения которых развитые страны доминируют на самых динамичных мировых рынках услуг⁷.

Услуги, требующие высокой квалификации, обеспечили больше возможностей для ускорения роста

Имеющиеся данные в отношении моделей специализации экспорта услуг, по-видимому, подтверждают гипотезу о том, что развитые страны в 1990-х годах извлекли выгоду из специализации в быстро расширяющейся сфере высокотехнологичных услуг, требующих высокой квалификации. В противоположность этому основной объем экспорта услуг развивающихся стран приходился на медленно растущие секторы транспортных и туристических услуг. Однако более детальный анализ позволяет установить, что некоторые крупные развивающиеся страны добились для себя значительной доли рынка в более динамичных подсекторах и росли довольно быстрыми темпами. Вполне возможно, что эта тенденция привела к увеличению дивергенции темпов роста между странами. Так, например, доля развивающихся стран в экспорте услуг связи принадлежит нескольким крупным странам, в группе которых весьма активную позицию занимает Индия. Определенную роль в этой сфере играют и другие добившиеся успехов полуиндустриальные страны Азии и Латинской Америки⁸.

⁶ Последние обзоры соответствующей литературы см. в публикациях Nielson and Taglioni (2004) и Stiglitz and Charlton (2004).

⁷ В данном исследовании, однако, поскольку в нем анализировалось только воздействие всего объема экспорта услуг на рост, а не воздействие отдельных секторов.

⁸ Этот сектор, требующий квалифицированного труда и способный обеспечивать высокий эффект перелива в другие секторы экономики, также может служить источником примеров успешной торговли внутри развивающихся стран. Например, крупная мексиканская компания, предоставляющая услуги мобильной связи, владеет лицензиями на оказание таких услуг на всей территории Центральной Америки, в Андском регионе и в Бразилии, являясь главным поставщиком услуг в указанном регионе в том, что касается абонентской

Сектор компьютерных и информационных услуг — самый быстрорастущий сектор услуг — также служит иллюстрацией справедливости этого утверждения: большая и постоянно растущая доля развивающихся стран на этом рынке экспорта (достигшая 20 процентов в 2003 году) принадлежит всего нескольким игрокам, причем объемы экспорта Индии — крупнейшего экспортера среди стран, не относящихся к числу развитых, — в три раза превышают объемы экспорта Израиля, который занимает второе место (см. вставку III.3)⁹. Еще несколько развивающихся стран (таких как Аргентина, Китай, Коста-Рика, САР Гонконг, Малайзия, Сингапур и провинция Китая Тайвань) также утвердили свое присутствие на этом рынке (см. таблицу А.7 приложения).

В целом, как это имеет место в случае торговли товарами, страны, экономика которых растет более быстрыми темпами, специализировались на экспорте услуг с большей динамикой роста и с более высокими потенциальными эффектами перелива. Некоторые развивающиеся страны, используя свои внутренние возможности и поддерживая их соответствующими политическими мерами, смогут постепенно перейти к более динамичному экспорту услуг, однако другим странам, по всей видимости, будет трудно последовать их примеру. Хотя эти страны все еще находятся на ранней стадии наращивания необходимого потенциала, они могут эффективно участвовать в деятельности в других секторах сферы услуг и таким образом способствовать диверсификации своей экономики (см. главу II). О важности разумной политики не только на уровне страны, но и на международном уровне говорится в двух последних разделах этой главы.

Вставка III.3

Экспорт компьютерных и информационных услуг: гусиный клин в Южной Азии?

Высокая результативность деятельности ряда развивающихся стран в сфере экспорта компьютерных и информационных услуг, как представляется, открывает новые перспективы в плане развития не только для этих стран, но и для стран, которые могут последовать их примеру.

В 2003 году в мировой классификации стоимости экспорта Индия занимала второе место, лишь ненамного отставая от Ирландии, в то время как Израиль занял шестое место (см. таблицу А.7 приложения). Эти три страны заслуживают особого упоминания в связи с тем, что им удалось догнать страны, относящиеся к первому уровню основных экспортеров программных продуктов^а.

^а Кармел (Carmel, 2003) предлагает четырехуровневую классификацию экспортеров программных продуктов, в которой Российская Федерация и Китай находятся на втором уровне, а остальные экспортеры (указанные в таблице А.7 приложения) относятся к третьему уровню. Менее крупные экспортеры, такие как Куба, Сальвадор, Иордания, Египет, Бангладеш и другие, образуют четвертый, начальный уровень.

базы. Более подробный отчет и другие исследования конкретных случаев см. в Nielson and Taglioni (2004).

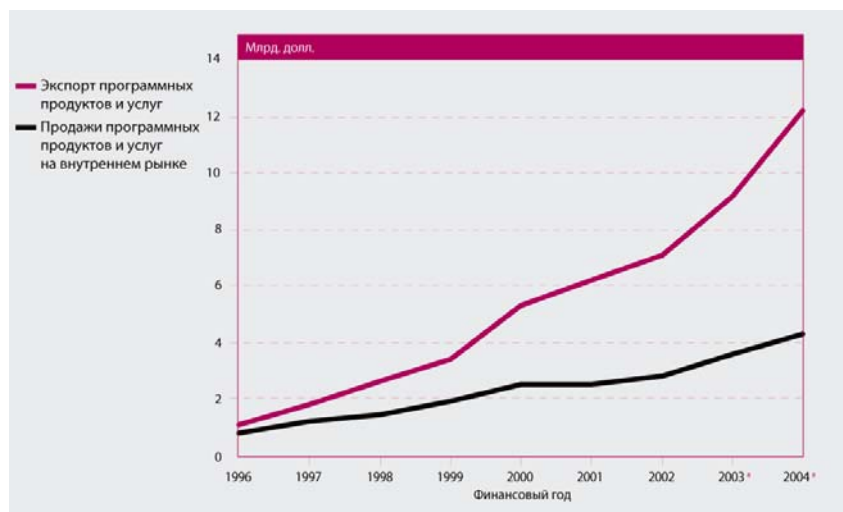
⁹ В трактовке данных по этому сектору, однако, следует проявлять особую осторожность, поскольку многие страны предоставляют сведения об этих видах экспорта под рубрикой «другие деловые услуги» (как это делала Индия до 2000 года).

Развитие сектора производства программных продуктов в Индии в значительной степени зависело от экономической политики прошлого и настоящего. До начала 1990-х годов на этот сектор оказывало благотворное воздействие невмешательство государства, которое контролировало большую часть экономики страны, как напрямую — через государственные предприятия, — так и путем жесткого регулирования частного сектора (Singh, 2003, p. 18). В то же время существовавшая в Индии система образования была в большей мере ориентирована на высшее образование, особенно в инженерно-технической сфере. Возникшее в результате этого несоответствие между уровнем квалификации рабочей силы, поступающей на внутренний рынок труда, и уровнем квалификации работников, на которых существует спрос, способствовало увеличению масштабов эмиграции квалифицированных работников, главным образом в Соединенные Штаты. Кроме того, излишняя рабочая сила высокой квалификации поглощалась такими государственными предприятиями, как «Компьютер мэйntenанс корпорейшн» и «Электроник корпорейшн оф Индия, Лтд.». В результате либерализации экономики в 1990-е годы и глобального роста промышленности по производству программного обеспечения лица, ранее работавшие на упомянутых предприятиях, стали играть решающую роль в становлении этого сектора в Бангалоре (Kochhar and others, 2006, p. 27). Имея такую базу, и опираясь в своей деятельности на хорошее знание английского языка, лица, работающие в этом секторе экономики, смогли использовать в своих интересах устойчивый рост внешнего спроса, что позволило им добиваться грандиозных успехов в сфере экспорта программного обеспечения и услуг, начиная с середины 1990-х годов. К концу 1990-х годов индийские компании обеспечили себе достаточно хорошее положение на рынке, для того чтобы заключать большое количество контрактов в связи с проблемой появления вируса Y2K (проблемой 2000 года), а также введением евро.

В 1990-е годы государственная политика продолжала играть важную роль. Центральное правительство и правительства штатов начали проведение адресных мероприятий в растущем секторе экономики, например, создавая особые экспортные зоны и технопарки программного обеспечения, в которых разрешается беспошлинный ввоз аппаратных средств, предоставляется освобождение от налога с оборота и акцизных сборов, а также обеспечиваются рабочие помещения и доступ к источникам энергии на условиях субсидирования. На данном секторе также благотворно сказалась общая политика либерализации, особенно в области телекоммуникаций, а также проекты, связанные с электронным управлением, и целевое финансирование. Наряду с этим развитию данного сектора способствовало увеличение притоков ПИИ и «обратная утечка умов» в форме притока капиталов и знаний от индийских экспатриантов и лиц, вернувшихся на родину.

В результате устойчивого развития на протяжении десяти лет индийский сектор информационных технологий (ИТ) утвердился на международном уровне как надежный и динамично развивающийся бренд. Все большее значение также приобретают продажи на внутреннем рынке, благодаря чему увеличивается количество ориентированных на перспективу связей с другими отраслями (см. диаграмму). Зарплаты в этом секторе резко увеличились, что свидетельствует о нехватке квалифицированной рабочей силы и о необходимости повысить объем инвестиций в образование, с тем чтобы поддержать конкурентоспособность страны.

Индийский рынок ИТ: программные продукты и услуги, 1996–2004 годы

Источник: Архив НАССКОМ, доступный на веб-сайте по адресу: <http://www.nasscom.org> (по состоянию на 22 марта 2006 года).

^a По приблизительным подсчетам.

Пакистан по-прежнему является мелким экспортером, хотя он в некоторых аспектах обладает теми же преимуществами, что и Индия. В последнее время отмечается устойчивый рост соответствующего сектора страны, однако более долгосрочные перспективы зависят от того, сможет ли Пакистан преодолеть ряд серьезных препятствий. Одним из самых важных препятствий является недостаток обученных специалистов. Другая проблема обусловлена поздним возникновением ИТ-сектора Пакистана, поскольку страна упустила возможности для обучения и роста в конце 1990-х годов и теперь имеет дело с сильными конкурентами в лице индийских компаний, занявших прочное положение на рынке. Кроме того, существуют проблемы политической безопасности и отсутствия признанной марки в секторе программного обеспечения.

Признавая наличие этих затруднений, правительство Пакистана в рамках Плана политических мер и деятельности в области ИТ 2000 года приняло ряд мер, в число которых вошли повышение расходов на обучение в сфере ИТ, создание ИТ-парков, а также повышение доступности сети Интернет и расширение электронного управления. С целью увеличения объемов экспорта из этого сектора правительство страны в 1996 году организовало Комиссию по экспорту программного обеспечения Пакистана, с тем чтобы она направляла научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую работу в этой области, определяла новые возможности рынка и обеспечивала благоприятные условия для развития бизнеса. Как и в Индии, благотворное влияние на этот сектор также оказывает «обратная утечка умов», хотя и в несколько меньшей степени.

С учетом политики, направленной на оказание поддержки, устойчивых темпов роста этого сектора и повышенного интереса к нему иностранных инвесторов — что не в последнюю очередь обусловлено возникающими затруднениями в Индии — будущее сектора программных и компьютерных услуг Пакистана выглядит многообещающе. Остаются проблемы, связанные с сохраняющимися негативными представлениями о ситуации в области безопасности и с наличием сильного конкурента в лице Индии, давней соперницы Пакистана в данном регионе. Тем не менее есть возможность научиться успешному ведению деятельности на опыте Индии и привлечь ПИИ из этой страны. Примером может служить соглашение, заключенное в 2005 году между индийским гигантом в области производства программного обеспечения «Тата консалтенс сервисиз, Лтд.» и пакистанской компанией «Техлоджикс, Инк.» Первым шагом этого совместного предприятия должно стать создание центра подготовки для технических работников в Лахоре, Пакистан; при этом конечной целью «Тата консалтенс сервисиз» является организация производства программного обеспечения в Пакистане. При удачном исходе это совместное предприятие может стать предвестником использования в Южной Азии модели развития, получившей название «гусиный клин», — феномена, принесшего огромные выгоды молодым экономикам Восточной и Юго-Восточной Азии.

Прямые иностранные инвестиции и дилемма «конвергенция-дивергенция»

Большинство развивающихся стран уже давно считают ПИИ потенциально значимым источником финансовых ресурсов, поскольку они не только являются довольно стабильным источником капитала, но и могут обеспечить появление в стране современных технологий, организационных навыков и распределительных сетей (эффектов перелива). Если исходить из предположения о том, что в условиях дефицита ресурсов отдача является максимальной, то более бедные страны с небольшим капиталом, обильными природными ресурсами и высокой численностью неквалифицированной рабочей силы должны привлекать к себе транснациональные корпорации (ТНК), превращая ПИИ в потенциально мощный фактор конвергенции доходов.

Однако начиная с 1960 года направления потоков ПИИ редко соответствовали этим ожиданиям. Такие потоки в основном были направлены из одной промышленно развитой страны с избыточными капиталами в другую, и даже в тех случаях, когда потоки ПИИ переливались в развивающиеся страны, они отличались высокой концентрацией во времени и пространстве и помимо выгод приводили к издержкам. Недавнее резкое увеличение потоков ПИИ, по всей видимости, не изменило эту ситуацию.

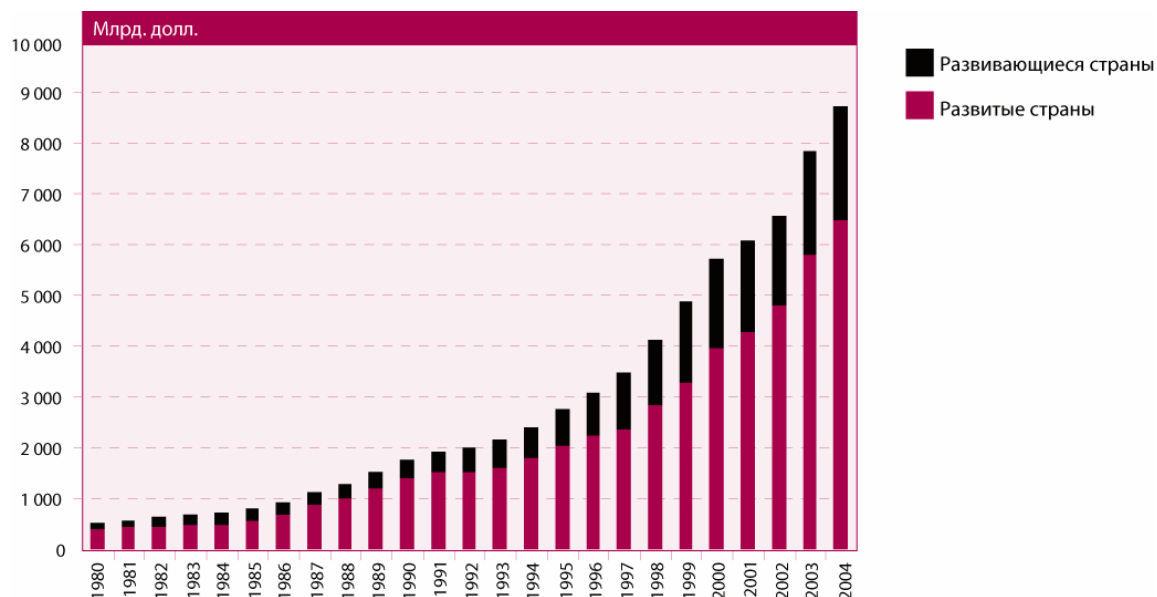
Направления потоков ПИИ и их объем

С начала 1980-х годов темпы роста ПИИ намного превышали темпы роста производства и торговли, что отчасти было обусловлено изменениями (о которых будет сказано ниже) в процессах промышленного производства и управлении корпоративными финансами, а также событиями на рынках ценных бумаг, более активным снятием ограничений на потоки ПИИ и увеличением масштабов приватизации, в числе прочих факторов. В результате стремительного роста потоков ПИИ их мировой объем с начала 1980-х годов увеличился почти в 20 раз и достиг примерно четверти от мирового ВВП. Однако, как уже было сказано в главе I, эти потоки по-прежнему были сосредоточены главным образом в развитых странах (см. диаграмму III.5).

С середины 1980-х годов приток ПИИ в развивающиеся страны резко возрос

Параллельно с быстрым ростом потоков ПИИ в мире в период между первой половиной 1980-х и второй половиной 1990-х годов произошло 10-кратное увеличение среднегодовых притоков ПИИ в развивающиеся страны. Потоки ПИИ были сконцентрированы в нескольких странах. С начала 1980-х годов на восемь ведущих получателей ПИИ пришлось три четверти притока ПИИ в эти страны. Однако в иерархии стран и регионов произошли изменения, главным из которых стало превращение Китая в страну-получателя ПИИ: приток ПИИ в него увеличился с 1,1 процента от объема мирового притока ПИИ в 1990 году до более 6 процентов в конце 1990-х годов.

Диаграмма III.5
Приток ПИИ в развитые и развивающиеся страны, 1980–2004 годы

Источник: База данных ЮНКТАД по статистике прямых иностранных инвестиций.

Отраслевая структура портфеля ПИИ изменилась как в развитых, так и в развивающихся странах. В развитых странах приток ПИИ все чаще направляется в сферу услуг. В результате сейчас на сферу услуг приходится около трех четвертей мирового объема ПИИ по сравнению с 40 процентами в 1980 году. Между 1990 и 2003 годом доля промышленных предприятий в общем объеме инвестиций группы развивающихся стран выросла с 25 до 37 процентов, тогда как доля развивающихся стран в мировом объеме ПИИ в обрабатывающую промышленность в тот же период увеличилась с одной пятой до примерно одной трети. Такая тенденция особенно четко проявляется в ряде секторов, в частности, в сфере производства одежды, электроники и автомобилестроении, которые входят в число наиболее динамично развивающихся секторов торговой системы.

В различных развивающихся странах и регионах ПИИ направляются в разные секторы экономики

В различных развивающихся странах и регионах ПИИ направляются в разные секторы экономики. Страны Латинской Америки и Карибского бассейна с конца 1980-х годов привлекали ПИИ не только в сферу крупномасштабной разработки природных ресурсов и сферу услуг посредством проведения приватизации, но и в трудозатратное промышленное производство, такое как производство текстиля и одежды (особенно в странах Центральной Америки, в Доминиканской Республике и в Мексике). В Африке ПИИ шли в основном на разработку природных ресурсов, в частности, на добычу топлива и полезных ископаемых. Тем не менее некоторым африканским странам удалось привлечь ПИИ и в сферу промышленного производства: примерами могут служить Лесото (инвестиции в производство текстиля и одежды) и Южно-Африканская

Республика (инвестиции в автомобилестроение). При этом Восточная и Юго-Восточная Азия сумели привлечь больше ПИИ в обрабатывающую промышленность (производство электроники и текстиля), чем остальные развивающиеся регионы. В этом смысле концентрация недавнего резкого роста ПИИ в нескольких странах, а также структура их распределения по секторам, по-видимому, являются источником дальнейшей дивергенции экономики (Mody, 2004, pp. 1201–1205).

Концентрация и дивергенция потоков ПИИ

До 1980-х годов растущие потоки ПИИ между развитыми странами были тесно связаны с быстрым развитием производства, особенно в капиталоемких и высокотехнологичных секторах экономики этих стран, что сопровождалось стремительным ростом доходов и их конвергенцией (Humer, 1976; Rowthorn, 1992). Эти потоки главным образом были ориентированы в двух направлениях и зачастую поступали в одни и те же секторы. Инвестиционные потоки состояли из вложений, производимых крупными компаниями, которые уже имели прочные связи в экспортной сфере и для которых контроль над производственными активами за рубежом обеспечивал более надежное средство получения или увеличения ренты на неидеально функционирующих конкурентных рынках. Подобные внутриотраслевые ПИИ в основном были обусловлены размерами рынка и наличием сложного технологического производства (Driffield and Love, 2005)¹⁰. Большинство развивающихся стран находились на периферии этих процессов и могли предложить транснациональным корпорациям лишь весьма ограниченные возможности в плане инвестиций. Однако расширение местных рынков привлекло транснациональные корпорации в те секторы, где довольно интенсивно использовалась малоквалифицированная рабочая сила и технологии среднего уровня, например, в химическую промышленность и в сферу транспорта. Это, в частности, происходило в ряде крупных развивающихся стран и обычно имело место в тех случаях, когда тарифные барьеры обеспечивали более надежные рынки, что, в свою очередь, способствовало концентрации потоков ПИИ в этих странах¹¹. Поскольку за стремительным увеличением ПИИ в современном секторе услуг, включая банковское обслуживание и услуги по продаже товаров, стоят во многом аналогичные экономические силы, смещение потоков в пользу развитых стран сохраняется с 1980 года

¹⁰ То, каким образом распределялись доходы, полученные благодаря потокам инвестиций между развитыми странами, до сих пор является предметом споров между учеными. Например, в некоторых работах утверждается, что наибольшие доходы получает внутренняя экономика инвестора (то есть доходы обусловлены предоставлением ПИИ) и лишь небольшая часть выгод или выгоды смешанного типа достаются стране-получателю (см. van Pottelsberghe de la Potterie and Lichtenberg, 2001). Для страны-получателя главной для увеличения эффектов перелива является поглощающая способность ее экономики (Blomström, Lipsey and Zejan, 1992). Следует отметить, что сравнительные затраты на рабочую силу в расчете на единицу продукции также могут играть свою роль в определении направлений некоторых потоков ПИИ между развитыми странами; при этом, хотя такие инвестиции дают возможность увеличить занятость в стране-получателе, эффекты перелива в технологической сфере менее вероятны (см. обсуждение этой темы в публикации Driffield and Taylor (2002)).

¹¹ До середины 1970-х годов на Мексику и Бразилию приходилось более половины финансовых потоков, направлявшихся в промышленное производство развивающихся стран. Полезные сведения о характере и влиянии таких инвестиций с примерами из опыта Бразилии см. в работе Evans (1979).

и в последнее время нередко осуществляется через слияния и поглощения (СиП).

Приток и совокупный объем ПИИ сконцентрированы в развитых странах

В основном динамика ПИИ, как представляется, носит кумулятивный характер, причем размеры существующих портфелей ПИИ оказывают серьезное воздействие на размеры последующих потоков. Кроме того, давление, обусловленное укрупнением, и тенденции к конвергенции создали сильный эффект соседства: транснациональные корпорации находят в непосредственной близости от своей штаб-квартиры несоразмерно большое количество мест для инвестиций. Эта тенденция укрепилась благодаря созданию таких зон свободной торговли, как ЕС и зона, возникшая на основе Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА). Аналогичным образом, Япония, став донором в 1980-х годах, направляла большое количество инвестиций в экономику ряда соседних стран азиатского региона (Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, 1996 год). Поскольку эти региональные блоки весьма велики, производственные мощности могут быть достаточно большими для реализации основных видов деятельности, прежде осуществлявшейся в стране происхождения родительской компанией, и, возможно, для замены торговли. Таким образом, прямые инвестиции и торговля между региональными блоками чаще всего представляют собой альтернативные варианты. И наоборот, внутри этих региональных блоков прямое инвестирование и торговля дополняют друг друга. В них часто находят свое отражение процессы разделения труда внутри одних и тех же компаний, в результате чего промышленные предприятия разных стран, состоящих в одном блоке, совместно работают над созданием одного продукта. Альтернативным вариантом является специализация предприятий в производстве разных товаров для экспорта во все страны блока или за его пределы.

Изменения в политической обстановке привели к увеличению потоков ПИИ

В период с начала 1980-х годов несколько новых тенденций способствовали быстрому увеличению потоков ПИИ во всем мире и поставили перед политиками развивающихся стран новые задачи, обеспечив новые возможности, но при этом фундаментальным образом не изменили тенденцию к направлению инвестиций в развитые страны. Во-первых, благодаря стремительной и ширококомасштабной либерализации политики в отношении ПИИ не только в развитых, но и в развивающихся странах значительные изменения произошли во взаимоотношениях между государствами и транснациональными корпорациями. В группе развивающихся стран такие изменения предусматривали сокращение налогов, предоставление большей защиты инвесторам и расширение системы стимулирования. На международном уровне на необходимости подобных изменений также настаивали участники многосторонних форумов; кроме того, их включали в условия двухсторонних и региональных соглашений и договоров. В большинстве случаев пересмотр законов, касающихся ПИИ, был связан с увеличением пакета мер (включавших приватизацию государственного имущества), направленных на повышение роли рыночных сил в распределении ресурсов. Например, в Латинской Америке притоку ПИИ в сферу услуг в значительной мере способствовали программы приватизации.

Дезинтеграция производственного процесса способствовала увеличению объемов ПИИ в промышленное производство

Во-вторых, крупные корпорации ввели новую практику в управлении своими активами за рубежом. С одной стороны, произошел переход от «простых» интеграционных стратегий к «сложным», связанный главным образом с производственной деятельностью. Если прежде компания, расширяясь и открывая свои филиалы за рубежом, воспроизводила все свои операции в одном месте за пределами страны, то теперь операции, предусмотренные отдельными звеньями цепи создания добавленной стоимости, выполняются в разных местах и оцениваются в соответствии с тем, в какой мере они способствуют достижению целей компании, выступающей как единое целое, а не по прибыльности этих операций для страны-хозяйки (Hanson, Mataloni, Jr., and Slaughter, 2001)¹². Эти тенденции привели к направлению значительной части ПИИ в сферу промышленного производства Азии, Центральной Америки и Мексики. В противоположность этому расширение по горизонтали (при котором большая часть производимой продукции продается внутри страны-хозяйки) тесно связано с увеличением потоков ПИИ в сферу услуг.

В соответствии с еще одним изменением корпоративной стратегии предпочтение отдается слияниям и поглощениям, а не вложениям в новые предприятия¹³. В большинстве развивающихся стран эта тенденция связана с программами приватизации. Помимо этого она во многих аспектах связана с более масштабными изменениями в корпоративном управлении, которое предусматривает мобилизацию средств путем эмиссии обычных акций и выпуска корпоративных долговых расписок. В отличие от движения по направлению к вертикальной дезинтеграции, когда одним из основных определяющих факторов становятся сравнительные затраты на рабочую силу в расчете на единицу продукции, повышение активности рынка ценных бумаг обеспечивает более тесную связь ПИИ с краткосрочными финансовыми соображениями, что вносит потенциальный элемент неустойчивости в международные производственные отношения¹⁴.

¹² По одной из оценок, на долю торговли на базе специализации внутри вертикальных производственных сетей приходится до 30 процентов мирового экспорта, причем за последние 25 лет ее объем вырос на 40 процентов (см. Hummels, Ishii and Yi (1998)).

¹³ Следует отметить, что на практике слияния происходят нечасто. По оценкам Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (United Nations Conference on Trade and Development, 2000, p. 99) на них приходилось всего 3 процента от общего количества СиП, произошедших между 1987 и 1999 годами, причем полные поглощения составляли более половины всех случаев. В развивающихся странах, по всей видимости, большее распространение получил выкуп доли меньшинства (от 10 до 49 процентов собственности). С другой стороны, поскольку проблемы, связанные с измерением, не позволяют получить точную оценку, вполне возможно, что случаи выкупа доли меньшинства составляли от половины до двух третей мировых потоков ПИИ в 1990-е годы.

¹⁴ В отношении последней тенденции см. работы Kregel (1996), Plender (2003) и Kamaly (2003). Связанная с этим конвергенция потоков капитала заключается не только в СиП. В одном из исследований, проведенных Всемирным банком, отмечается следующее: «Поскольку прямые инвесторы владеют заводами и другим имуществом, которое является недвижимым, иногда предполагается, что приток прямых инвестиций более стабилен, чем другие виды потоков капитала. Однако так бывает не всегда. Хотя прямой инвестор обычно владеет каким-либо недвижимым имуществом, в принципе ничто не может помешать ему

ПИИ в обрабатывающей промышленности: международные производственные сети и экономический рост

ПИИ в промышленность требуют наличия производственной базы и внутренних рынков

Необходимыми условиями для привлечения ПИИ в сферу производства (и получения от них выгод) являются наличие активно функционирующей производственной базы, устойчивых местных рынков и динамично развивающегося предпринимательского сектора. У стран, в которых процессы роста приостановились или привели к экономическому краху, либо стран с разрушенной производственной базой возможность принять участие в соответствующей деятельности и извлечь выгоду из самых динамичных элементов международной производственной системы весьма невелика. Поэтому происходившее в последнее время быстрое расширение ориентированной на экспорт производственной деятельности, связанное с ПИИ, главным образом затронуло несколько стран Восточной Азии, причем Китай стал самым крупным получателем ПИИ в производственном секторе. Этот вид ПИИ по линии север-юг в некоторой степени был продолжением существовавших прежде потоков инвестиций между развитыми странами. Толчком для него стали стандартизация технологических процессов в ряде секторов, активный поиск возможностей снизить затраты на рабочую силу в расчете на единицу продукции на более конкурентоспособных рынках, а также произошедший во многих развивающихся странах сдвиг в сторону более либеральных условий для ведения бизнеса. Эти же силы способствовали росту регионального компонента потоков ПИИ в Восточной Азии, где ведущую роль стали играть возникающие транснациональные корпорации из новых индустриальных стран первой волны. Поскольку производство продукции в этих секторах требует средней либо высокой квалификации и применения сложных технологий, доля этой продукции в экспорте развивающихся стран резко возросла.

Участие в МПС и приток ПИИ взаимосвязаны

Значительная часть таких ПИИ связана с участием в международных производственных сетях (МПС)¹⁵. В некоторых случаях производство организуют крупные транснациональные корпорации, выпускающие стандартный набор товаров в нескольких местах (как это происходит в электронной и транспортной промышленности). В других случаях в производство включается группа мелких и средних предприятий, расположенных в различных странах и связанных друг с другом международными субподрядами (как в сфере производства одежды).

полностью использовать его для покрытия внутренней задолженности. Разумеется, прямой инвестор может получать займы, чтобы экспортировать капитал и тем самым способствовать быстрому оттоку капитала» (Claessens and others, 1995, p. 22). Тем не менее, в отличие от большинства вложений во вновь создаваемые производства, СИП, по всей видимости, теснее связаны с циклами «бум-спад», так как финансовые кризисы на формирующихся рынках создают новые возможности для поглощений (см. United Nations Conference on Trade and Development, 1999, pp. 118–119; и Mody, 2004, pp. 1209–1210).

¹⁵ Подобные сети не представляют собой ничего нового: они возникли в некоторых районах Восточной Азии в 1960-х годах и стали еще более значимой характеристикой международного разделения труда в 1970-е годы (см. Helleiner, 1973).

Сравнение опыта разных стран позволяет установить, каким образом сочетались торговые потоки и потоки ПИИ в различных моделях специализации: страны Восточной Азии и Центральной Америки добились заметных успехов в производстве электроники и электротоваров; эти же страны, вместе со странами Северной Африки, принимают участие в деятельности сетей по производству одежды, и только крупные страны Латинской Америки и Республика Корея занимают значимые позиции в сфере производства транспортного оборудования.

Вклад МПС в экономический рост зависит от создания эффектов перелива технологического и организационного характера

Ключевым фактором, определяющим, уменьшат ли подобные ПИИ глобальное неравенство в доходах, является создание такой динамичной связи между инвестициями и экспортом, которая возникла в странах Восточной Азии, добившихся успеха несколько ранее, и привела к устойчивой диверсификации производства посредством отхода от деятельности, требующей только неквалифицированного труда. Многое зависит от того, приведут ли ПИИ, поступившие через производственные сети, к увеличению технологических и организационных переливов в развивающиеся страны и стимулируют ли они частное инвестирование на местах. На сегодняшний день имеющиеся данные не подтверждают заявление о наличии такой связи в других развивающихся странах.

МПС способствуют ускоренному росту экспорта и импорта, но не оказывают существенного влияния на рост совокупного дохода

МПС ассоциируются с увеличением объемов экспорта и повышением уровня занятости в странах-участницах. Однако то обстоятельство, что компоненты одного и того же конечного продукта могут не один раз пересекать национальные границы, приводит к некоторому завышению общей стоимости торгового оборота (Krugman, 1995). Что еще более важно, имеются убедительные данные, позволяющие предполагать, что увеличение доли импорта во внутреннем продукте и потреблении стало результатом участия в МПС. Таким образом, активный рост экспорта промышленных товаров из развивающихся стран, особенно из стран, которые участвуют в деятельности МПС, может происходить без соответствующего увеличения доходов и добавленной стоимости. Например, было подсчитано, что в Мексике в последние двадцать лет импорт продукции для последующей обработки в некоторых отраслях составляет от половины до двух третей от общего объема продаж филиалов транснациональных корпораций Соединенных Штатов (United Nations Conference on Trade and Development, 2002). При этом, однако, увеличение добавленной стоимости в промышленном производстве этой страны является весьма незначительным. Аналогичные модели были выявлены в некоторых странах Северной Африки, Центральной Америки и в отдельных регионах Азии, включая Камбоджу, САР Гонконг и Филиппины.

Выгоды от участия в МПС, по всей видимости, распределяются неравномерно

Степень увеличения размера добавленной стоимости в результате участия в производственных сетях определяется расходами на самый распространенный и наименее мобильный компонент, а именно расходами на рабочую силу, в

то время как иностранные владельцы получают прибыль от факторов, мобильных в международном масштабе, таких как капитал, управление и ноу-хау. В этом отношении в ряде исследований предполагается, что сочетание повышенной мобильности капитала и быстрого вступления неквалифицированных рабочих в глобальные резервы рабочей силы может ослаблять позицию более бедных стран на рынке и укреплять весьма асимметричные отношения между олигополистическими рыночными структурами, располагающимися на вершине цепочки создания добавленной стоимости, и конкурирующими рыночными структурами, находящимися в самом ее низу (United Nations Conference on Trade and Development, 2002; Milberg, 2004).

Возможности для создания эффектов перелива в результате участия в МПС ограничены

Наконец, способность МПС создавать возможности для более явных эффектов перелива вызывает сомнения. Во-первых, маловероятно, что участие в выполнении трудозатратных операций, не требующих высокой квалификации и входящих в цепочку создания добавленной стоимости производственных сетей, привлекает ПИИ, рассчитанные на высокий технологический уровень. В связи с этим неясно, каких переливов следует ожидать от использования подобных схем¹⁶. Кроме того, возможности возникновения эффектов перелива в результате участия в МПС сокращаются не только потому, что пакет технологий, необходимых на каком-то одном участке, уменьшается, но и потому, что трансграничные связи укрепляются за счет ослабления внутренних связей. В итоге для стран, которые используются транснациональными корпорациями в первую очередь в качестве базы для экспорта на рынки третьих стран, модернизация в технической сфере может оказаться более сложной задачей, чем для стран, где ПИИ носят более традиционный характер, распространяясь в горизонтальном направлении и вынуждая к поиску новых рынков¹⁷. Тем не менее в любом случае все примеры успешной технической модернизации с использованием ПИИ, в том числе в рамках МПС, показывают, что для привязки ПИИ к внутренней экономике страны требуется значимая политическая составляющая (см. ниже раздел, посвященный политике в различных секторах экономики).

Могут ли ПИИ способствовать ускорению экономического роста развивающихся стран?

Структурный аспект нарастающих потоков ПИИ почти не дает повода полагать, что они могут являться силой, способствующей конвергенции промышленно развитых и развивающихся стран, или даже самих развивающихся стран, однако на макроэкономическом уровне они дают заметные преимущества, которые могут свидетельствовать о наличии больших возможностей для роста, позволяющего ликвидировать отставание от лидеров. К началу 1990-х годов,

¹⁶ Следует отметить, что данные в отношении ПИИ, направляемых из одних развитых стран в другие, показывают, что в случаях, когда ПИИ определяются разницей в факторных затратах, они не создают эффектов перелива в стране-получателе (см. Driffield and Love, 2005).

¹⁷ Ввиду того, что ПИИ, требующие поиска рынков, сильнее зависят от внутренней экономики, правительство страны-получателя действительно приобретает больше возможностей отстаивать свои права на избирательное использование ПИИ для создания эффектов перелива и связей с отечественной промышленностью.

после десяти с лишним лет макроэкономических корректировок и микроэкономических реформ, сложилось мнение, что нарастающие потоки ПИИ являются признаком общего улучшения инвестиционного климата во многих развивающихся странах. Кроме того, предполагалось, что эти потоки ПИИ будут способствовать дальнейшему улучшению ситуации, стимулируя внутреннее инвестирование.

ПИИ и процессы накопления капитала внутри стран идут в противоположных направлениях

Однако с начала 1990-х годов в ведущих развитых и развивающихся странах ПИИ и процессы накопления капитала внутри стран шли в разных направлениях, поскольку потоки ПИИ возросли, а нормы инвестирования и его объемы сокращались либо оставались на прежнем уровне (United Nations, 2006, p. 16). Например, если оценивать ПИИ как долю от ВВП, то во всех крупных странах Латинской Америки (в Аргентине, Бразилии, Колумбии и Мексике) и в ряде крупных африканских стран (в Кот-д'Ивуаре, Марокко, Южной Африке и Тунисе) в период 1980–1990-х годов они выросли, тогда как совокупный объем инвестиций остался на прежнем уровне или уменьшился. Возможно, что условия, привлекающие иностранных предпринимателей, не вполне благоприятны для ускоренного накопления капитала в принимающей стране при наличии двух групп инвестиционных решений, которые определяются разными мотивами. Не вполне ясно, способствуют ли ПИИ внутренним капиталовложениям или вытесняют их; это зависит от специфических особенностей страны. Тем не менее в некоторых исследованиях было высказано предположение, что тенденция к вытеснению получила большее распространение в развивающихся странах¹⁸.

Вклад ПИИ в экспорт зависит от сектора, в который они направляются

В контексте указанной взаимосвязи сведения об экспорте также весьма неоднородны и в той же степени зависят от сектора, в который направляются ПИИ. Как отмечалось ранее, значительная часть ПИИ идет в нетоварные секторы, в частности в сферу услуг. В противоположность этому участие в МПС,

¹⁸ В отношении ряда регионов и периодов времени имеются сведения о том, что ПИИ могут вытеснить внутренние капиталовложения. Недавнее исследование, проведенное в 32 развивающихся странах и касавшееся периода 1970–1996 годов, показало, что признаки вытеснения были наиболее очевидными в Латинской Америке, тогда как в Азии ПИИ активно стимулировали внутренние инвестиции, а на ситуацию в Африке ПИИ не оказывали существенного влияния (Agosin and Mayer, 2000). В ходе более полного исследования, охватившего 98 развивающихся стран в период 1980–1999 годов, была выявлена значимая взаимосвязь между ПИИ и внутренним инвестированием в 52 странах. В 29 из них имело место чистое вытеснение, а в 23 — стимулирование инвестиций, причем страны Латинской Америки снова оказались наиболее уязвимыми перед вытеснением (Kumar and Pradhan, 2002). Гоуз (Ghose, 2004) указывает, что в период 1990–1997 годов масштабы вытеснения ПИИ местных капиталовложений во всех развивающихся регионах, включая страны Африки к югу от Сахары, возросли по сравнению с периодом 1983–1989 годов; возможная причина этого заключается в увеличении доли слияний и поглощений в потоках ПИИ. Необходим более детальный анализ ситуации в каждой стране, и хотя количество таких аналитических работ, на которые можно опереться, невелико, проведенные исследования, как правило, показывают смешанную картину (см. Harrison and McMillan (2002) на примере Кот-д'Ивуара, а также Braunstein and Epstein (2004) на примере Китая).

как уже говорилось выше, ускоряет рост экспорта, но также может оказывать давление на платежные балансы из-за возросшего импорта.

Воздействие ПИИ на платежные балансы стран-получателей может быть весьма различным в зависимости от модели распределения потоков ПИИ по секторам, от доли прибыли транснациональной корпорации в добавленной стоимости, степени зависимости от импорта, от обслуживания внешнего долга транснациональными корпорациями и от того, какая часть конечного продукта реализуется на внутренних рынках (Акууз, 2004). Таким образом, существует опасность, что при увеличении объемов перевода прибыли и оттока капитала в иной форме в связи с ПИИ их воздействие на платежный баланс в долгосрочной перспективе станет негативным.

Воздействие ПИИ на платежный баланс зависит от нескольких факторов

Даже в тех случаях, когда деятельность, связанная с ПИИ, приводит к дефициту валюты, такие инвестиции все же могут улучшить платежный баланс, если они создадут значимые внешние эффекты, повышающие экспортный потенциал экономики в целом. Аналогичным образом, даже в тех случаях, когда приток ПИИ приводит к неблагоприятному платежному балансу, получение чистой выгоды все же возможно при наличии значительных технологических переливов, возникающих вследствие ПИИ и присутствия транснациональных корпораций. Тем не менее эмпирические данные в отношении создаваемых ПИИ позитивных эффектов перелива не позволяют делать окончательные выводы (Addison, Guha-Khasnobis and Mavrotas, 2006)¹⁹.

Чтобы получать выгоды от притока ПИИ, страны должны иметь необходимую поглощающую способность

Чтобы страны могли получить выгоду от ПИИ, находящиеся в них компании и институты должны иметь необходимую поглощающую способность. Страны, в которых параллельно притоку ПИИ вкладываются значительные средства в создание внутреннего потенциала (например, Сингапур и Ирландия), добились наибольших успехов в мобилизации притока ПИИ. И наоборот, если ПИИ обусловлены существенными налоговыми льготами или становятся результатом применения политических мер, ведущих к возникновению торговых диспропорций (таких как квоты на текстиль и одежду) и не сопровождаются одновременным наращиванием местного потенциала и созданием связей между иностранными филиалами и местными компаниями, то возможности получения долгосрочных выгод от ПИИ оказываются весьма ограниченными.

ПИИ являются причиной как дивергенции, так и конвергенции

Из вышесказанного, по всей видимости, следует, что ПИИ были движущей силой как в процессе глобальной дивергенции, так и в процессе конвергенции. С одной стороны, получение ПИИ, в том числе через МПС, может сочетаться с более выгодными договоренностями между национальными и меж-

¹⁹ По сути эффекты перелива определяются как экономические преимущества в плане производительности, которые достаются отечественным компаниям в этом же секторе или в других секторах экономики. Общий обзор сведений по данному вопросу см. в публикациях Aitken and Harrison (1999); Gorg and Greenaway (2001); и Blomström and Kokko (2003).

дународными экономическими силами. С другой стороны, оно также совместимо с разделением труда, предусматривающим более высокую степень иерархической дифференциации, при котором бедные страны приобретают конкурентоспособность на базе избыточной и дешевой рабочей силы или имеющихся природных ресурсов.

Статистические данные о связях между ПИИ, накоплением капитала и ростом не позволяют сделать окончательных выводов

Даже если признать подобное противоречие в возможных результатах, остается открытым вопрос о том, каким образом между ПИИ, накоплением капитала и ростом может установиться связь, позволяющая создать благоприятный цикл для развивающихся стран. Согласно некоторым оценкам, сведения о наличии позитивной корреляции между запаздыванием ПИИ и ростом дают достаточное оснований считать ПИИ двигателем роста, но только при условии ведения страной открытой политики (Blomström, Lipsey and Zejan, 1992). Однако другие исследователи либо не видят признаков того, что ПИИ является независимым ускорителем роста, даже при таких условиях (Carkovic and Levine, 2002; Mody, 2004, Nunnenkamp and Spatz, 2004), либо полагают, что эффект от них очень невелик и исчезает в случае усиления контроля в отношении определенных характеристик страны (Rodrik, 1999, p. 37).

В целом влияние получения ПИИ на рост, как представляется, зависит от многих условий и является нелинейным. ПИИ могут оказывать воздействие на рост, однако и быстрый рост также определяет приток ПИИ (Addison, Guha-Khasnobis and Mavrotas, 2006). Большое количество данных позволяет предположить, что необходимо преодолеть некий пороговый уровень в доходах, развитии человеческого капитала, технологических знаний и предпринимательства, для того, чтобы имело место значительное положительное воздействие²⁰. Следовательно, политику по привлечению и управлению ПИИ нельзя планировать без учета начальных условий и структурных ограничений, существующих в экономике в любой конкретный момент времени.

Политика, направленная на развитие производственного сектора, диверсификацию и рост экспорта

Все быстрорастущие страны применяют стратегии развития производственного сектора

Несмотря на интенсивные дискуссии между экономистами по поводу обоснования и эффективности вмешательства государства в производственный сектор, общепризнанно, что все страны, добившиеся успеха, о которых говорилось в предыдущих разделах, опирались на ту или иную стратегию развития производственного сектора в целях содействия индустриализации и/или оказания поддержки проведению структурных преобразований в экономике. Фактически все развивающиеся страны, поздно вступившие на путь индустриализации

²⁰ См., в частности, Borensztein, De Gregorio and Lee (1995); de Mello (1997); и Lim (2001). Об этом же свидетельствуют многие показатели занятости: имеется мало данных о позитивных эффектах в сфере занятости, обусловленных получением ПИИ, в странах с низким уровнем доходов, однако существует информация о более заметных достижениях в странах с более высокими доходами (см. Spiezia, 2004).

ции, использовали аналогичные модели вмешательства, применяли в сопоставимых масштабах протекционистские меры в отношении новых отраслей промышленности и стремились поддерживать аналогичные секторы, особенно в 1950-е и 1960-е годы. До известной степени сказанное справедливо и в отношении последних десятилетий (например, недавно такие меры были приняты в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)). Однако некоторые виды вмешательства такого рода невозможно осуществить в текущих политических условиях. В действительности, как обсуждается ниже, в современном контексте либерализации торговли во всем мире сфера действия стратегий в производственном секторе является весьма ограниченной.

Для успешных стран характерно быстрое выявление неэффективных стратегий и последующий отказ от них

Разумеется, не все мероприятия завершались абсолютным успехом. Даже в странах, где все складывалось удачно, не все политические меры приводили к ожидаемым результатам. Важная особенность опыта таких стран, отличавшая их от других стран, по всей видимости, заключалась в том, что они быстро отказывались от неэффективных стратегий, а также быстро и в широких масштабах диверсифицировали структуру экспорта, внедряясь в динамично развивающиеся секторы глобальной сферы услуг и товарной торговли. При этом больший акцент на внешней направленности в экономике этих стран не означал полного попустительства или неограниченной либерализации. В последние годы в более свободной от ограничений экономической среде такие успешные страны, как Республика Корея и провинция Китая Тайвань, продолжали эффективно поддерживать становление новых секторов (Wade, 2005). Еще одной отличительной чертой успешного вмешательства является активная вовлеченность и/или участие частного корпоративного сектора, который по мере накопления опыта и освоения новых технологий и в условиях роста конкуренции все чаще действует во взаимосвязи с государством.

Политика в производственном секторе способствует структурным преобразованиям в экономике

Политику в отношении сектора промышленного производства и других производственных секторов стоит рассматривать как ряд вмешательств в экономику, имеющих целью создание возможностей для изменения структуры производства при перемещении ресурсов в сторону более динамичных видов деятельности, которые не обязательно должны осуществляться в секторе обрабатывающей промышленности. В этом смысле подобная политика охватывает меры, направленные на всю экономику в целом, например, макроэкономические политические меры (рассматриваемые в главе IV); горизонтально направленные или многосекторные политические меры, такие как инвестиции в физическую инфраструктуру, средства поощрения и помощь в техническом развитии; а также стратегии избирательной направленности, затрагивающие конкретные секторы или компании. Важность и влияние первых двух видов вмешательства являются общепризнанными. Дискуссия идет вокруг мероприятий избирательной направленности (Wade, 2005). Среди прочего, лица, критикующие такие мероприятия, утверждают, что они препятствуют эффективному распределению ресурсов, которое диктуется рынками, функционирующими надлежащим образом, в то время как данное условие не всегда характерно для

развивающихся стран. Наряду с этим критики отмечают, что государства нередко совершают дорогостоящие ошибки. Однако устранения диспропорций на рынках может быть недостаточно для того, чтобы осуществить структурные преобразования, необходимые для ускоренного и устойчивого роста (World Bank, 2005b). Подтверждением этому тезису служит медленный экономический рост многих развивающихся стран в 1990-е годы, в том числе сохраняющаяся стагнация в странах Африки к югу от Сахары.

Инновации важны для роста

Как уже говорилось в главе II, экономический рост зависит от проведения структурных преобразований в экономике. Изменения такого рода становятся возможными благодаря инновациям в широком смысле этого слова, то есть благодаря продукции, услугам или процессам, которые до этого не имели места в экономике, их распространению в масштабах всей экономики, а также возникновению связей между разными компаниями и секторами (Osamro, 2005b). В отсутствие инноваций экономика остается в зависимости от методов производства, не предусматривающих использование передовых технологий, и не может добиться диверсификации в сторону более динамичных видов деятельности. Для таких видов деятельности характерны возрастающая отдача, использование новых технологий и обучение в процессе производства, что, в свою очередь, повышает доходность капиталовложений и способствует увеличению инвестиций и ускорению роста.

Инновации лежат в основе конкурентоспособности страны

В развитых странах решающее значение для экономического роста имеют инновации, раздвигающие технологические границы по всему миру, однако в развивающихся странах инновации зачастую связаны с реализацией видов деятельности и привлечением технологий, ранее разработанных в промышленно развитых странах, посредством замещения импорта, стимулирования экспорта или сочетания того и другого. Как показано выше и в главе II, увеличение темпов роста связано со структурными преобразованиями, которые отражаются на составе экспорта соответствующих стран. Существуют надежные эконометрические данные, свидетельствующие о том, что чем выше в стране уровень доходов, тем больше она занимается диверсификацией. Специализация или концентрация на отдельных отраслях происходит на более поздней стадии процесса развития (Imbs and Wacziarg, 2003). В основе конкурентоспособности страны лежат скорее инновации, нежели имеющиеся у нее факторы производства. Соответственно, страны, наделенные аналогичными факторами производства, могут достичь сравнительных преимуществ в различных секторах и отраслях. Клинджер и Ледерман (Klinger and Lederman, 2004) показывают, что открытия — так они называют эпизоды, когда та или иная страна начинает экспортировать новый продукт, — не связаны непосредственным образом с факторами производства. Кроме того, деятельность развивающихся стран необязательно ограничивается открытиями в секторах, соответствующих уровню их развития. Например, Родрик (Rodrik, 2006b) утверждает, что экспортная корзина Китая имеет гораздо более сложную структуру, чем можно было бы ожидать от страны с таким уровнем доходов.

Приобретение знаний требует расходов, зависит от внешних факторов и вынуждает преодолевать барьеры

Успешные исследования в области экономической теории, особенно касающиеся инноваций и изменений в технической сфере, подтверждают, что действие одних только рыночных сил не приведет к оптимальному росту. Приобретение знаний или освоение новых технологий, способствующих экономическому росту, представляют собой процесс обучения, требующий расходов, зависящий от внешних факторов и вынуждающий преодолевать барьеры. Величина первоначальных расходов при неопределенном спросе (или неопределенных результатах), а также существование внешних факторов — выгод, полученных от несения этих расходов, которые необязательно достанутся первоначальному инвестору, — заставляет компании отказаться от идеи внедрения новых продуктов или процессов. Кроме того, для обеспечения рентабельности многих проектов требуются дополнительные инвестиции в целый ряд областей, зачастую с настолько высокими фиксированными расходами, что частные предприниматели отказываются принять их на себя в отсутствие достаточно большого рынка для предоставляемых ими услуг, который трудно гарантировать *ex ante*²¹. Процесс создания репутации на новых рынках также требует первоначальных расходов со стороны производителя в той или иной местности. Данный процесс может вызвать значительные эффекты перелива, влияющие на другие компании, которые в этом случае смогут извлечь выгоды из успеха лидера (причем им не придется разделять с ним или с ней расходы в случае неудачи).

Если приобретение знаний является ключевым фактором, определяющим конкурентоспособность компании, то в период, когда данная компания наращивает технический потенциал и несет расходы по ведению НИОКР, которые необходимы для обеспечения ее конкурентоспособности на международном рынке, ей может быть гарантирована временная защита и могут быть предоставлены соответствующие стимулы (Sharifo, 2005). Аналогичным образом, может потребоваться вмешательство со стороны государства, для того чтобы гарантировать предпринимателю, рискнувшему вложить деньги в нетрадиционную деятельность, что связанные с этим доходы не исчезнут раньше времени из-за возникшей конкуренции. Наконец, государственная политика также может сыграть определенную роль в решении вопроса об обеспечении согласованности внешних эффектов, способствуя координации частных капиталовложений и выходу на новые рынки или создав инфраструктуру с высокой социальной отдачей, но низкой прибылью для частных лиц.

Участие частного сектора очень важно для выявления ограничений

Хотя практическое осуществление некоторых политических мер может подтолкнуть предпринимателей к погоне за рентой, это не должно мешать взаимодействию государства и частного сектора. Скорее, следует сделать акцент на разработке процесса, в рамках которого предоставляемая государствам поддержка в деле освоения новых видов деятельности определялась бы на основе постоянных консультаций и сотрудничества с частным сектором. Такие

²¹ Дополнительный анализ процесса наращивания технического потенциала, необходимого для преодоления отставания, см. в публикации Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (United Nations Industrial Development Organization, 2005).

консультации должны быть нацелены на выявление связывающих ограничений, из-за которых частный сектор воздерживается от вложения средств в новые виды деятельности. Реальные политические инструменты, которые будут использоваться, зависят от контекста (Rodrik, 2004b).

Из приведенных рассуждений вытекают два вывода: государственная политика важна для обеспечения диверсификации, а обновление экономической структуры страны требует наращивания технического потенциала. Третий фактор, кратко упомянутый выше, — качество государственного вмешательства — следует подвергнуть анализу. Изучение этих трех факторов поможет лучше понять феномен дивергенции результатов, достигнутых разными странами.

Создание динамичных сравнительных преимуществ: политика и ее результаты

Все успешные стратегии экономического роста с опорой на экспорт (например, в новых индустриальных странах первой волны) часто предусматривали предшествующую стадию замещения импорта наряду со стратегией активной диверсификации экспорта. Эти страны использовали ряд методов вмешательства, таких как протекционистские меры в отношении формирующихся отраслей, субсидирование экспорта и определение экспортных целей, выдвижение требований, касающихся эффективности выполнения операций, распределение кредитов, введение норм, определяющих местный компонент, крупные инвестиции в человеческий капитал и повышение квалификации, а также наращивание потенциала для НИОКР на местах, причем такие мероприятия предусматривали нестрогий режим защиты интеллектуальной собственности, что позволяло копировать технологии и проводить инженерный анализ.

Существуют разные подходы к привлечению иностранных инвесторов

Хотя связи с иностранными частными инвесторами действительно существовали, применяемые подходы были весьма разнообразными. В Республике Корея при полной поддержке правительства широко применялись соглашения о доле отечественного компонента и отбор технологий. Аналогичные меры нередко использовались в провинции Китая Тайвань, где до конца 1980-х годов существовал список отраслей, закрытых для иностранных инвестиций, — и это несмотря на более активное участие ПИИ в экономике Тайваня, нежели в экономике Республики Корея. В противоположность этому в Сингапуре, где традиция предпринимательской деятельности на местах не получила развития, процесс индустриализации, ориентированной на экспорт, в значительной степени зависел от транснациональных корпораций. Тем не менее применяемые стратегии затрагивали конкретные виды деятельности в сфере промышленного производства и услуг через организацию ряда учебных центров и государственное финансирование учреждений, занимающихся НИОКР, для привлечения соответствующих транснациональных корпораций²². Подход, применявшийся новыми индустриальными странами второй волны, предусматривал обеспечение большей открытости для ПИИ, ориентированных на экспорт, посредством предоставления ряда финансовых стимулов, смягчения законов, касающихся

²² По контрасту в САР Гонконг, где был создан один из наиболее открытых режимов в отношении ПИИ, показатели модернизации производственного сектора являются очень низкими.

владения собственностью и денежных переводов, а также создания зон переработки на экспорт. Коста-Рика и Мексика в 1990-х годах пошли по тому же пути.

Стратегии в производственном секторе экономики помогли создать новые производственные мощности в странах Латинской Америки и Азии

В числе прочих мер Китай применил сложный комплекс неортодоксальных политических шагов, в котором сочетались тарифы, нетарифные барьеры, выдача лицензий на деятельность в особых экономических зонах, связанный с этим возврат пошлин и другие стимулы для инвестиций в производство ориентированной на экспорт продукции. Страны Латинской Америки также применили ряд конкретных мер, часть из которых соответствовала мерам, принятым новыми индустриальными странами первой волны; в их число вошли защита формирующихся отраслей и направление субсидированных кредитов в приоритетные секторы экономики. В целом, однако, они добились более скромных успехов. Тем не менее этот регион успешно вышел на мировой рынок продукции обрабатывающей промышленности и занял второе место в развивающемся мире после Восточной Азии. Подобное достижение свидетельствует о том, что стратегии в отношении производственного сектора, применявшиеся странами Латинской Америки в прошлом, создали производственные мощности, позволившие этим странам принять участие в деятельности по развитию экспорта на более поздних этапах и получить прибыль от его развития. Однако, как отмечалось ранее, либерализация в форме «большого взрыва» сократила их потенциал в этой сфере и предусматривала развитие секторов со слабыми связями с отечественной экономикой (United Nations, Economic Commission for Latin America and the Caribbean, 2003 и 2004; Ocampo, 2004). Наряду с этим подобная либерализация привела к сокращению масштабов деятельности в областях, имеющих решающее значение, например, расходов на НИОКР (Lall, 2003).

Разрыв между техническим потенциалом стран Восточной Азии и другими развивающимися регионами увеличивается

В большинстве стран Африки к югу от Сахары усилия по обеспечению промышленного развития и структурных преобразований не дали хороших результатов. Технический потенциал региона по-прежнему невысок (Lall, 2000). Кроме того, продолжает увеличиваться разрыв между техническим потенциалом стран Восточной Азии и другими развивающимися странами в целом и странами Африки к югу от Сахары — в частности. Если не уделить внимания этой проблеме, то разрыв в уровне технологий может привести к дальнейшей дивергенции темпов роста развивающихся стран.

Разочаровывающие результаты политических мер объясняются влиянием нескольких факторов

Разочаровывающие результаты политических мер в производственном секторе экономики некоторых стран можно объяснить влиянием внешних факторов (внешних потрясений в виде стихийных бедствий или резкого повышения международных процентных ставок) и факторов структурного характера (фрагментацией местных рынков, слаборазвитой предпринимательской базой и т. д.), поскольку эти факторы оказывают негативное влияние на реализацию выбранных стратегий и разработку политики. В частности, в странах с не-

большой численностью населения из-за отрицательного эффекта масштаба, связанного с маленьким размером экономики, труднее осуществить диверсификацию с меньшими затратами (Guillaumont, 2005).

В других случаях организационные условия, предусматривавшие многостороннее или двустороннее сотрудничество, возможно, сыграли свою роль в ограничении экономического развития рамками определенных моделей специализации. Например, некоторые страны не сумели использовать доходы, полученные благодаря преференциальному режиму, для диверсификации своей экономики посредством отхода от секторов, в которых удается извлечь лишь временные выгоды, или для повышения конкурентоспособности соответствующих отраслей, с тем чтобы они сохранили жизнеспособность в отсутствие особых льгот или договоренностей. К их числу относятся многие страны, получавшие выгоды от введения в ЕС особого режима в отношении сахара и бананов или от введения квот в соответствии с Соглашением по изделиям из различных видов волокон и последующими соглашениями. Однако некоторым другим странам удалось использовать имеющиеся преимущества с выгодой для себя: так, Маврикий обновил и реформировал свой сектор производства сахара, а также успешно осуществил диверсификацию экономики в сторону производства текстиля и одежды; страны Карибского бассейна, такие как Сент-Люсия и Сент-Винсент и Гренадины, сумели диверсифицировать свою экономику, с тем чтобы отойти от экспорта бананов и освоить сектор туризма (Gillson, Hewitt and Page, 2004). Отсюда следует, что установки лиц, определяющих политику, их дальновидность и качество принятых ими политических мер также имеют большое значение. В некоторых случаях причиной политических неудач среди прочих факторов становились отсутствие легитимности и последовательности в реализуемых стратегиях, неясность целей и неправильный выбор политических инструментов (см. главу V).

Внешняя ориентация, либерализация торговли и экономический рост

Вопрос о воздействии либерализации торговли на экономический рост активно обсуждается

Вопрос о воздействии либерализации торговли и открытости на экономический рост активно обсуждается. Существовавшие с конца 1970-х годов более высокие показатели роста и ориентация экономик Восточной Азии на внешний рынок в условиях их сравнения со странами Латинской Америки и Африки дали аналитикам повод рекомендовать либерализацию торговли в качестве одной из мер, способствующих экономическому росту. В работе Шапиро (Shapiro, p. 5) дается следующее разъяснение: «Предполагалось, что антиэкспортная направленность политики замещения импорта и отсутствие конкуренции на внутреннем рынке препятствуют инновационной деятельности и стимулируют погоню за рентой. Подобная неэффективность на микроуровне, в свою очередь, привела к дисбалансу на макроуровне и замедлила темпы роста. Конкуренция в сфере экспорта и импорта может иметь динамичный эффект, стимулируя обучение и инновации».

В 1990-х годах вклад торговли в экономический рост, по всей видимости, уменьшился

Вместе с тем пока не вполне ясно, способствует ли либерализация торговли увеличению темпов роста. Внимательное изучение эконометрических исследований, проведенных в начале 1990-х годов, в которых утверждалось, что либерализация ведет к ускорению экономического роста, позволило установить, что полученные результаты базировались на не соответствующих требованиям показателях либерализации торговли и что использованные эконометрические методологии не являлись надежными. Оценка данных, собранных в 1990-х годах — в период, для которого была характерна более высокая степень экономической интеграции, — не дает повода утверждать, что в это время положение в странах с более открытой экономикой было лучше, чем в странах, где экономика носила более закрытый характер. Кроме того, было установлено, что ни одна из мер, связанных с открытым режимом торговли (тарифные и нетарифные барьеры, доли торговли и их изменение, индексы или фиктивные показатели занятости и открытости), не имеет значимой связи с ростом (Rodriguez, 2006с).

К аналогичному заключению пришли Доурик и Голли (Dowrick and Golley, 2004), установившие, что в период между 1960 и 1980 годами увеличение торгового оборота способствовало росту производительности в бедных странах, темпы которого в два раза превышали темпы роста в более богатых странах. Однако в период 1980–2000 годов, когда режим торговли стал более открытым, ситуация полностью изменилась, и предельное воздействие торговли на рост производительности оказалось благоприятным для богатых стран, став действительно негативным для бедных стран²³. Теперь, как представляется, развивающиеся страны торгуют больше, но зарабатывают при этом меньше.

Еще один способ, позволяющий изучить воздействие либерализации торговли на благосостояние страны заключается в том, чтобы установить, сокращает ли ликвидация обусловленных политикой барьеров разброс в уровне доходов между странами, идущими по пути либерализации. Слотер (Slaughter, 1998) применил методологию, позволявшую сравнить модель конвергенции в странах, идущих по пути либерализации, до и после основных этапов этого процесса, с моделью, существовавшей в контрольной группе стран, аналогичной во всех прочих отношениях, и не обнаружил систематической связи между либерализацией торговли и конвергенцией доходов.

Даже в тех случаях, когда либерализация приводила к расширению экспорта или совпадала с ним по времени, ее влияние на общий рост в разных странах было различным. Некоторые страны, как представляется, при помощи экспорта добились более высоких темпов роста ВВП по сравнению с другими странами (Palma, 2006). Это подтверждает тезис, приведенный в данной главе:

²³ Доурик и Голли (2004) считают, что для объяснения полученных ими результатов необходимы дополнительные исследования. Сами они предполагают, что в более поздний период изменился характер передачи технологий через многонациональные корпорации и что в рамках принятого в последнее время подхода «политика, подходящая для всех», отсутствует целый ряд дополнительных политических мер, способствовавших успешной либерализации в более ранний период. Оба эти предположения согласуются с аргументами, высказанными в этой и последующих главах.

для экономического роста важна модель интеграции, подкрепленная диверсификацией и структурными преобразованиями в экономике.

Одной либерализации торговли недостаточно: нужны дополнительные реформы

Недавние эмпирические исследования указывают на то, что воздействие либерализации торговли на экономический рост зависит от дополнительных реформ, проводимых страной для того, чтобы воспользоваться преимуществами, предоставляемыми международной торговлей (см. также главу V). Кроме того, оно зависит от целого ряда структурных характеристик (Chang, Kaltani and Loayza, 2005). Из других работ видно, что в странах с низким подушевым ВВП воздействие либерализации торговли на рост является весьма незначительным, но увеличивается при повышении уровня развития и сокращается при высоком уровне доходов (Calderón, Loayza and Schmidt-Hebbel, 2005). Основываясь на результатах исследования, которое провели Чан, Калтани и Лоайза (Chang, Kaltani and Loayza), можно утверждать, что либерализацию торговли следует рассматривать не как верный способ достижения экономического роста, а, скорее, как один из элементов общей стратегии развития (см. также World Bank, 2005b). На основе результатов исследования, которое провели Кальдерон, Лоайза и Шмидт-Хеббель (Calderón, Loayza and Schmidt-Hebbel), можно предположить, что время проведения либерализации торговли также имеет значение, но при этом причинно-следственная связь между либерализацией и ростом остается неясной.

Время и скорость проведения либерализации имеют значение

Многие страны, в которых либерализация торговли была проведена слишком быстро (методом «большого взрыва») либо преждевременно, вопреки ожиданиям тех, кто способствовал этому процессу, стали жертвами деиндустриализации и столкнулись с заметным увеличением объемов импорта, причем экономический рост ускорился далеко не всегда²⁴. Преждевременная либерализация ставила под угрозу процесс наращивания производственных мощностей. С другой стороны, если протекционистские меры применять дольше, чем это необходимо, они могут привести к негативному стимулированию или антистимулированию и стать причиной неэффективности. Кроме того, одних протекционистских мер недостаточно, и они способны помешать развитию. Как утверждает Уэйд (Wade, 2004, p. xlviii): «Протекционистские меры должны быть частью более масштабной промышленной стратегии содействия развитию потенциала отечественных компаний и увеличения доли внутренних инвестиций, всегда осуществляемой в контексте рыночной экономики, ориентированной на частное предпринимательство».

²⁴ Следует отметить, что некоторые из этих стран, где рост импорта в 1990-х годах был весьма устойчивым, в 1980-е годы пережили резкое сокращение импорта, обусловленное валютными ограничениями, кризисом задолженности и вызванной этим корректировкой платежного баланса. В 1980-х годах на темпы роста негативно влияло сокращение импорта.

В некоторых странах либерализация торговли привела к деиндустриализации

Феномен деиндустриализации особенно очевиден в тех секторах производства, которые обеспечивают промежуточные продукты и компоненты и таким образом способствуют разрыву связи между экспортной деятельностью и местной промышленностью, а также уменьшают возможное позитивное воздействие экспорта на рост экономики в целом. В ряде случаев, однако, установленные сроки являлись не единственным сдерживающим фактором: промышленность соответствующих стран не стала по-настоящему конкурентоспособной, как уже упоминалось выше, из-за неправильно разработанной стратегии, которая предусматривала дальнейшие протекционистские меры либо предоставление субсидий, но не обеспечивала надлежащей дисциплины. В других случаях либерализация торговли попросту не сопровождалась оказанием соответствующей поддержки компаниям, которые столкнулись с новыми конкурентами. Определенную роль в подрыве конкурентоспособности сыграла и непродуманная макроэкономическая политика, в особенности завышение курса местной валюты (см. главу IV).

Развитые страны провели либерализацию торговли после обеспечения устойчивости промышленного производства

Сказанное не означает, что либерализация торговли не играет никакой роли в обеспечении конкурентоспособности. Многочисленные ситуации, в которых развивающимся странам удалось добиться успеха, свидетельствуют о том, что мировые рынки предоставляют таким странам большие возможности. Тем не менее либерализация торговли должна быть тщательно встроена в стратегию развития производственного сектора страны. Интересно отметить, что нынешние развитые страны использовали либерализацию торговли избирательно и в сочетании с другими политическими мерами²⁵. Практически ни одна из них не вводила режима свободной торговли в процессе индустриализации или в тот период, когда они стремились приблизиться к уровню передовых экономик, если речь идет о странах, поздно вступивших на путь индустриализации. Либерализация торговли началась только после того, как промышленное производство заняло устойчивую позицию (Chang, 2003). Даже в наше время развитые страны активно участвуют в предоставлении поддержки тем отраслям производства, где научно-технический прогресс весьма интенсивен, путем оказания помощи в проведении НИОКР и принятия других политических мер в сфере производства. Кроме того, свободная торговля ограничивается в тех секторах экономики, которые развитые страны считают чувствительными к колебаниям или заслуживающими особого отношения; наиболее очевидными примерами таких отраслей являются сельское хозяйство и трудозатратное производство (например, производство одежды).

²⁵ САР Гонконг представляет собой исключение, которое заслуживает внимания. Его экономика приняла довольно либеральный режим, а также изменила свою структуру, сменив стратегию роста, основанную на развитии производства, на стратегию, базирующуюся на развитии сферы услуг.

В рамках надлежащей стратегии обязательно учитывается специфический контекст

В рамках надлежащей стратегии обязательно учитывается специфический контекст. Она зависит, среди прочего, от уровня развития, технических возможностей, размера экономики, наличия природных ресурсов, потенциала правительства и установившихся отношений между государством и предпринимателями. Такая стратегия направлена не только на развитие промышленного производства, но и на разумное использование возможностей, существующих благодаря имеющимся в конкретной стране природным ресурсам, а также на развитие современных услуг. Стратегии можно считать успешными, если они обеспечивают потенциал, позволяющий стране постоянно диверсифицировать структуру производства, создавать прочные связи внутри экономики, постепенно наращивать технические возможности и развивать активно функционирующий частный сектор, включая мелкие и средние кампании (United Nations, Economic Commission for Latin America and the Caribbean, 2000 и 2004).

Существует ли пространство для реализации стратегий развития производственного сектора в настоящее время?

Пространство для реализации стратегий сократилось, но не исчезло

Необходимость в последовательных стратегиях проведения структурных преобразований в тех или иных странах не отпала. В условиях стремительного технического прогресса требования, предъявляемые при вступлении в группу развитых стран, возросли по сравнению с периодом индустриализации стран первой волны. Такая тенденция увеличивает для развивающихся стран необходимость в наращивании внутреннего потенциала в целях оказания поддержки формированию новых секторов экономики самостоятельно или с помощью иностранного капитала. Однако те политические подходы, которые в прошлом использовались развивающимися странами, добившимися успеха, теперь могут оказаться неприменимыми или нежелательными. Стартовые условия могут быть различными, а возможности для диверсификации могут со временем меняться. Кроме того, претерпела изменения политическая ситуация на глобальном и национальном уровнях. На глобальном уровне осуществляется регулирование действий и секторов, которые ранее не были охвачены регламентирующими положениями. На национальном уровне имел место процесс автономной либерализации, который был вызван условиями, выдвинутыми многосторонними финансовыми организациями и двусторонними донорами, либо осуществлялся на добровольной основе, например, посредством участия в соглашениях о свободной торговле (ССТ), которые содержат условия, выходящие за рамки требований, согласованных на международном уровне. Некоторые меры теперь не разрешается применять, тогда как другие по-прежнему допустимы. Возможно, пространство для реализации стратегий сузилось, но, безусловно, не исчезло.

В прошлом многосторонние правила торговли предоставляли государству большую свободу действий

Существовавшие в прошлом условия многосторонней торговли действительно предусматривали меньше ограничений. Со временем в Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) были включены пункты, наделяющие

развивающиеся страны исключительными правами особого характера. В оригинальном тексте Соглашения (статья XXXVI, пункт 8) говорилось, что развивающиеся страны не должны ожидать взаимности по взятым на себя обязательствам; это означало, что развивающиеся страны не должны делать уступки, несовместимые с их потребностями в области развития. Принцип невзаимности подразумевал, что развивающиеся страны могут принимать на себя обязательства по соблюдению условий ограниченного доступа на рынок и ограниченного связывания тарифов. Кроме того, положения соглашений по нетарифным мерам регулирования (лицензирование импорта, субсидии и компенсационные меры, технические торговые барьеры и т. д.) были применимы только в отношении стран, подписавших эти соглашения (что может служить примером следования так называемому кодовому подходу, использовавшемуся во время Токийского раунда многосторонних торговых переговоров в 1973–1979 годах). Была введена разрешительная оговорка, допускавшая, в числе прочих мер, предоставление развивающимся странам тарифных льгот через Всеобщую систему преференций, что означало явный отход от принципа наибольшего благоприятствования, на котором основывалось указанное Соглашение.

Подход, предусматривающий наличие единого пакета обязательств, сокращает возможности выбора для развивающихся стран

Во время Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров (1986–1994 годы) кодовый подход сменился подходом, предусматривающим наличие единого пакета обязательств. Развивающиеся страны больше не могли уклоняться от участия в некоторых соглашениях. Соответственно, им пришлось принять дополнительные условия, предусмотренные, в частности, Соглашением по связанным с торговлей инвестиционным мерам, Соглашением по субсидиям и компенсационным мерам, Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности и Генеральным соглашением по торговле услугами.

Ограничения необходимо рассматривать с позиции их вклада в развитие

Устанавливая минимальный уровень защиты прав интеллектуальной собственности, Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности запрещает или ограничивает такие действия, как копирование, принудительное лицензирование и инженерный анализ, которые широко применялись некоторыми развивающимися (и развитыми) странами как средство, позволяющее приблизиться к уровню более развитых государств. Подобные ограничения следует сопоставить с возможными выгодами, которые обеспечивает указанное Соглашение с позиции стимулирования инновационной деятельности на местах и развития местных брендов, а также в контексте притока ПИИ и передачи технологий. Кроме того, все больше двусторонних и региональных соглашений о свободной торговле содержат положения об интеллектуальной собственности, которые, как правило, выходят за рамки обязательств, предусмотренных настоящим Соглашением²⁶.

²⁶ В частности, Соединенные Штаты добились обеспечения более высокой степени защиты при оформлении патентов. Примечательно, что в условиях наличия обязательств по созданию режима наибольшего благоприятствования, предусмотренных Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, принятие принципа

Соглашение по связанным с торговлей инвестиционным мерам не допускает использования в отношении иностранных инвесторов таких мер, связанных с эффективностью деятельности и влияющих на торговлю, как выдвижение требований, касающихся местного компонента и сбалансированности торговли. При этом разрешается выдвигать требования в отношении экспорта и передачи технологий. Подобные меры широко применялись в таких странах, как Китай, для создания местного потенциала в высокотехнологичных отраслях, например, в производстве полупроводников и в сфере информационных технологий (ИТ). Интересно отметить, что, несмотря на меньшие успехи Мексики в сфере промышленного производства, сформулированные в рамках НАФТА правила со всей определенностью запрещают только что упомянутые условия (Houde and Yannaca-Small, 2004). Все соглашения о свободной торговле, подписанные Соединенными Штатами после введения правил НАФТА, включают аналогичный пункт. Сказанное справедливо и в отношении двусторонних инвестиционных договоров в целом (см. Cosbey and others, 2004).

С другой стороны, Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам делает незаконным предоставление субсидий, финансовых кредитов и стимулов, вынуждающее получателей добиваться достижения определенных контрольных показателей в сфере экспорта или связанное с реальными или ожидаемыми экспортными поступлениями. Субсидии, связанные с применением отечественной продукции, тоже запрещены. Кроме того, субсидии, направляемые в определенную отрасль производства или группу отраслей, могут стать предметом иска (то есть оспорены другой страной), если будет доказано, что они наносят вред какой-либо из сторон, подписавших указанное Соглашение. В противоположность этому субсидии, выделяемые на НИОКР или оздоровление окружающей среды либо предоставляемые районам, находящимся в особенно неблагоприятном положении, не создают права на иск. Страны, где ВВП на душу населения составляет менее 1000 долл. США, освобождаются от выполнения этих обязательств, однако дифференцированный режим для других развивающихся стран ограничивается пролонгированным периодом, в ходе которого он будет поэтапно ликвидирован.

Некоторые формы вмешательства по-прежнему соответствуют требованиям Всемирной торговой организации

Хотя Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам ограничивает вмешательство государства в проведение мероприятий по стимулированию экспортной деятельности, некоторые схемы по-прежнему не противоречат требованиям Всемирной торговой организации и потому разрешены. В соответствии с правилами Всемирной торговой организации более не допускается существование особых режимов в некоторых зонах экспортной переработки, если Комитет по субсидиям и компенсационным мерам не продлит срок их дейст-

обеспечения более высокой степени защиты патентов при заключении соглашений с Соединенными Штатами может вынудить развивающиеся страны обеспечить такую же защиту своих патентов в третьих странах. Например, соглашение о свободной торговле между Соединенными Штатами и Марокко включает положения, позволяющие обеспечить защиту новых способов использования существующих лекарств, для которых срок первоначального патента уже истек (Cosbey and others, 2004).

вия²⁷. Возможно сохранение условий, касающихся освобождения от пошлин, а также некоторых форм поддержки экспортной деятельности, включая государственные экспортные кредиты. Кроме того, можно изменять определенные элементы структуры стимулирования экспорта при условии приведения их в соответствие с требованиями Всемирной торговой организации, с тем чтобы добиться достижения тех же целей. Например, компаниям, работающим в особых экспортных зонах, может быть позволено обслуживать внутренние рынки, а часть льгот, которыми пользуются компании в таких зонах, может быть предоставлена всем отечественным компаниям (Keck and Low, 2004). Кроме того, страны по-прежнему могут направлять субсидии в конкретные отрасли экономики, если только какая-либо другая страна не выразит свое недовольство и не представит доказательства того, что ей был нанесен материальный ущерб (хотя в тех случаях, когда речь идет о странах с низкими показателями проникновения на рынок, доказать это, по всей вероятности, будет сложно) (Chang, 1999).

По условиям Всемирной торговой организации протекционистские меры в отношении новых отраслей промышленности и платежного баланса все еще разрешены, но они должны соответствовать дополнительным процессуальным требованиям. Тем не менее ни одна страна с 1967 года не ссылалась на положения о применении протекционистских мер в отношении новых отраслей; это, по всей вероятности, было обусловлено тем, что указанные положения предусматривают предоставление компенсации потерпевшим сторонам. В результате развивающиеся страны предоставляют более широкую защиту новым отраслям промышленности, включая в платежный баланс соответствующие положения. По итогам Уругвайского раунда переговоров были сделаны следующие дополнения²⁸: прежде чем принимать какие-либо меры, страны должны проконсультироваться с Международным валютным фондом (МВФ) в связи с соображениями, касающимися платежного баланса (Keck and Low, 2004). Хотя способы устранения проблем должны соответствовать проблемам платежного баланса, страны по-прежнему могут выбирать сектор, в котором они будут принимать надлежащие меры.

Повышение уровня связывания тарифов и их снижение способствуют сокращению пространства для политического маневра

Тенденции в регулировании тарифов также сокращают пространство для политического маневра. В число этих тенденций входят повышение уровня связывания тарифов в развивающихся странах, их постепенное снижение с течением времени, а также недавнее возникновение и/или использование моделей дальнейшего сокращения тарифов. Связывание предполагает наличие у той или иной страны твердого намерения не повышать тарифы выше установленного уровня. В большинстве развивающихся стран существуют расхождения между применяемыми и предельными тарифами, причем применяемые тарифы не достигают соответствующих им предельных уровней. Однако соблюдение обязательства относительно непревышения заданного предельного уровня сокращает имеющиеся у стран возможности гибкого использования тарифов в качестве инструмента промышленной политики: отрасли и секторы, которые

²⁷ Лишь некоторые страны и программы подлежат рассмотрению в контексте продления этих сроков (см. World Trade Organization, 2001).

²⁸ Уже в ходе Токийского раунда было отдано предпочтение мерам, основанным на регулировании цен, а не количественным ограничениям.

нуждаются в содействии, со временем меняются, тогда как максимальные уровни тарифов остаются неизменными. В недавних предложениях, высказанных в ходе Дохинского раунда переговоров в рамках Всемирной торговой организации был сделан акцент на желательности полного связывания тарифов как одной из целей обеспечения доступа на рынок несельскохозяйственной продукции (World Trade Organization, 2005).

Гармонизация тарифов и уменьшение их разброса не позволяют использовать тарифную структуру в качестве политического инструмента

Формирующийся консенсус по поводу принятия нелинейной формулы, направленной на гармонизацию тарифов в разных странах и уменьшение разброса тарифов на различную продукцию, представляет собой еще одну тенденцию, которая ведет к сокращению поля возможных политических решений. Данный подход уменьшает для страны возможность маневра в плане использования существующей в ней тарифной *структуры* в качестве политического инструмента. Развивающимся странам требуется сочетание сравнительно низких и высоких тарифов, применяемых в разных секторах в разные периоды времени с целью содействия структурным преобразованиям в экономике. Таким образом, большой разброс тарифов может оказаться необходимым. Кроме того, оптимальный уровень и структура тарифов меняются со временем, поэтому существует потребность в том, чтобы «сочетать соблюдение правил всеми сторонами с гибкой политикой в сфере промышленного развития» (Акууз, 2005, р. 26).

Требуется дополнительное пространство для реализации политических мер

В целом пространство для активной политики в секторе производства сократилось, однако по-прежнему существуют возможности для стимуляции освоения новых видов деятельности и решения проблем координации. Тем не менее может потребоваться дополнительная гибкость, позволяющая обеспечить диверсификацию производства и обновление технической базы. В частности, больше внимания, чем раньше, по всей вероятности, следует уделять нормам, которые поддерживают развитие новых *экспортных* отраслей, а также связи между динамичным сектором экспорта и другими видами экономической деятельности внутри страны, и тем самым способствуют интеграции *внутреннего* рынка. Дополнительное пространство может потребоваться и для придания соглашениям по правам интеллектуальной собственности большей направленности на развитие. Таким образом, указанным вопросам необходимо уделить больше внимания при определении особого и дифференцированного режима для развивающихся стран в многосторонних торговых соглашениях. В более широком смысле, как подчеркивалось в Сан-Паульском консенсусе (документ TD/412, часть II), принятом на одиннадцатой сессии Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД), состоявшейся в Сан-Паулу, Бразилия, с 13 по 18 июня 2004 года, важно найти надлежащий баланс между пространством для маневра в национальной политике и международными принципами и обязательствами.

На пути к повышению конвергенции

Повышение степени интеграции в мировую экономику, по всей видимости, усилило дивергенцию доходов в различных странах, несмотря на то что некоторые развивающиеся страны смогли добиться довольно быстрого экономического роста и сократить отставание от развитых стран по уровню доходов.

Диверсификация экспорта

Структура производства и модели интеграции важны для экономического роста

Роль международной торговли в увеличении дивергенции темпов роста разных стран определяется в первую очередь различиями в видах товаров и услуг, которые производят эти страны, а также в имеющихся у них возможностях обеспечить рост экспорта этих товаров и услуг на международных рынках. Кроме того, важен способ интеграции страны в глобальную экономику, поскольку он отражает наличие (или отсутствие) изменений в моделях специализации, происходящих со временем, а также связей экспортного сектора с остальной экономикой (внутренней интеграции, о которой уже говорилось выше).

Несмотря на то что экспортеры высокотехнологичной продукции добились увеличения темпов роста, для многих развивающихся стран диверсификация в сторону экспорта высокотехнологичных товаров может оказаться вариантом, который в ближайшем будущем нельзя будет реализовать на практике. Многие страны не имеют требуемого технического потенциала, подразумевающего наличие достаточно квалифицированной рабочей силы для выполнения соответствующих действий. Кроме того, вступление в этот сектор с необходимостью вызывает больше затруднений при отсутствии других благоприятных условий, таких как географическая близость и наличие транспортной и коммуникационной инфраструктуры между производственно-хозяйственными единицами — преимущество, которое используют нынешние участники восточноазиатской региональной группы. В том случае, если сразу несколько стран пойдут по этому пути, может произойти быстрое насыщение рынка, приводящее к падению цен (это пример так называемого эффекта перенесения свойств частного на целое).

Расширение доступа на рынки необходимо для скорейшей конвергенции развивающихся стран

Тем не менее большинство развивающихся стран вполне конкурентоспособны в сфере сырьевых товаров и используют их как платформу для перехода к производству других товаров. Со временем, когда условия многосторонней торговли становятся более благоприятными, эти страны проводят диверсификацию в сторону экспорта низкотехнологичной продукции или продукции с большим сырьевым компонентом. В этом отношении расширение доступа на рынки для экспорта сельскохозяйственной и низкотехнологичной продукции из развивающихся стран, сокращение протекционистских мер тарифного и нетарифного характера в этих секторах, а также устранение поддержки, предоставляемой внутреннему производителю, и экспортных субсидий в сельском хозяйстве, приводящих к диспропорциям в сфере торговли, могут увеличить рыноч-

ные возможности развивающихся стран, способствуя ускорению экономического роста и конвергенции доходов. Однако, договариваясь о расширении доступа на рынки сельскохозяйственных товаров, развивающиеся страны также не должны забывать о долгосрочных структурных преобразованиях в экономике. Им следует предвидеть переход к производству промышленных товаров и избегать стагнации, которая часто связана с производством сырьевой продукции, а также поверхностной интеграции, которая может быть вызвана диверсификацией в сторону простого сборочного производства. Диверсификация в сторону новых видов деятельности может потребовать предоставления определенных видов защиты или поддержки в период наращивания потенциала и приобретения компаниями конкурентоспособности.

Расширение возможностей в сфере торговли услугами в ходе многосторонних торговых переговоров

Международная торговля услугами, особенно в сфере туризма, а также в том, что касается транспорта и некоторых других видов деловых услуг, для оказания которых требуются значительные затраты труда, предоставляет определенные возможности ряду развивающихся стран. Как и в сфере торговли товарами, свою роль в разблокировании пути к получению выгод от торговли услугами играют многосторонние торговые переговоры. Однако в отличие от торговли товарами торговля услугами нередко требует одновременного присутствия поставщика и потребителя услуг, а из этого следует, что увеличение объемов торговли услугами должно сопровождаться увеличением мобильности производства.

Форма 4 предоставляет большие возможности для увеличения масштабов экспорта услуг

Торговля услугами в соответствии с формой 3 (коммерческое присутствие) Генерального соглашения по торговле услугами по самой своей природе связана со всеми потенциальными выгодами и ограничениями, присущими ПИИ. Либерализация нормативных положений, касающихся международной трудовой миграции (форма 4), возможно, является самым перспективным подходом, позволяющим повысить объемы экспорта услуг из развивающихся стран, поскольку она предоставляет им возможность использовать свое сравнительное преимущество — избыточную рабочую силу. Подобная либерализация может обеспечивать те же выгоды, что и полномасштабная миграция, например, приток денежных переводов и приобретение новых технических и управленческих навыков, но при этом она помогает избежать ряда издержек, таких как постоянная «утечка умов» из страны происхождения или негативная политическая реакция принимающей страны. Однако барьеры, существующие в отношении формы 4, по-прежнему являются самыми высокими, поэтому на финальном этапе Дохинского раунда торговых переговоров Всемирной торговой организации она станет приоритетной для развивающихся стран на переговорах по торговле услугами.

Содействие участию в деятельности глобальных рынков и интеграции внутреннего рынка

Следует избегать политических ошибок прошлого

Динамика рынка меняется со временем, а мировые тенденции на рынках товаров и услуг оказывают серьезное влияние на жизнеспособность определенных стратегий. В связи с этим страны должны проявлять осмотрительность, идя на быстрое повторение мер, которые в прошлом привели к успеху. Им следует избегать ошибок, связанных с отдельными стратегиями, которые были приняты ранее. Выбор стратегии, связанной с моделью интеграции, которой должна следовать страна, столь же важен, как и выбор определенного рынка. При содействии ПИИ или без них необходимо создать связи внутри экономики путем обеспечения не только рабочей силы, но и товаров и услуг, что, по-видимому, является необходимой предпосылкой достижения устойчивого роста. Внутренняя интеграция имеет основополагающее значение.

Таким образом, стратегии производственного сектора имеют большое значение

Необходима политическая среда, способствующая структурным преобразованиям

Существует очень мало данных, позволяющих предположить, что развивающиеся страны, просто сделав экономику открытой и добившись ее стабилизации, а также увеличения притоков ПИИ, вступят на путь быстрого и устойчивого роста. Успешный послевоенный опыт Восточной Азии и ее интеграция в мировую экономику стали следствием надлежащего выбора торговых целей и отраслевых стратегий, которые постоянно и последовательно оказывали содействие наращиванию технического потенциала этих стран. Несмотря на то что пространство для проведения соответствующих мероприятий с течением времени сократилось, по-прежнему существуют возможности в плане активной реализации государственных стратегий, причем не только в развивающихся странах со средним уровнем доходов, но и в особенности в странах с низким уровнем доходов, а также в наименее развитых странах. Вместе с тем нельзя допускать дальнейшего сокращения пространства для принятия политических решений; возможно, часть существующих ограничений следует пересмотреть с позиции их истинной ценности для роста и развития. В связи с этим важно, чтобы решения, принятые на Дохинском раунде многосторонних торговых переговоров, способствовали созданию международной политической обстановки, более благоприятной для динамичных структурных преобразований в развивающихся странах и для предотвращения дальнейших действий, сдерживающих экономические реформы в этих странах. Таким образом, многосторонний торговый режим может обеспечить ценный инструмент, который поможет странам вернуться на путь, ведущий к повышению конвергенции.

Добавление

О данных и методологии

Статистический отдел Департамента по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций поддерживает функционирование статистической базы данных по торговле товарами (КОМТРЕЙД), которая включает получаемые ежегодно статистические сведения о торговле (ее объеме, стоимости и торговых партнерах), предоставляемые соответствующими статистическими органами разных стран или районов. Однако статистические управления не всегда предоставляют торговую статистику по каждому виду товаров ежегодно и не всегда используют одну и ту же стандартную классификацию товаров. Подобная ограниченность данных может создать затруднения при проведении долгосрочного анализа тенденций на уровне товарных потоков и сравнительного анализа на уровне страны. Национальное бюро экономических исследований (НБЭИ), объединив КОМТРЕЙД с другими имеющимися базами данных по торговле и использовав различные методы оценки, создало на основе общей стандартной классификации — второго пересмотренного варианта Международной стандартной торговой классификации (МСТК) (Организация Объединенных Наций, 1975 год) — комплексную базу данных по двусторонней торговле во всем мире в период с 1962 по 2000 год, охватившую 163 страны (Feenstra and others, 2005). Указанная база данных доступна на веб-сайте по адресу: www.nber.org/data. Она была использована при проведении анализа, представленного в настоящей главе.

Период анализа: Указанный период был разделен на два субпериода (1962–1980 и 1980–2000 годы), с тем чтобы показать, какие структурные преобразования происходили в это время и как они влияли на рост.

Расчетная денежная единица: Данные представлены в долларах США по текущему курсу. В отношении значительного числа стран не существует сопоставимых комплексных баз данных по объему торговли на товарном уровне. В наличии имеются расчетные данные о ценах на основные сырьевые товары, тогда как данные о ценах на промышленные товары отсутствуют. Особенно сложно оценить информацию относительно объема промышленных товаров, поскольку качество продукции со временем меняется и является различным в разных странах. Чтобы частично компенсировать влияние колебания цен, использовались средние показатели для довольно длительных периодов наблюдения (вместо показателей по одному году).

Регионы: В настоящей главе применяется такое же разбиение стран на большие группы, как и в главе II, однако эти группы включают большее количество стран в тех случаях, когда в наличии имелись непротиворечивые данные за период с 1962 по 1980 год. Таким образом, в целом были проанализированы данные по 105 странам^a. В отношении деления стран на группы см. пояснительные примечания.

Классификация продукции по технологическому содержанию: Продукция была разделена на пять категорий в соответствии с содержанием сырьевого компонента и технологическим содержанием на базе методологической классификации, разработанной Лаллом (Lall, 2001). Продукция, относящаяся к разделу 3 (топливо и энергия) и разделу 9 (продукция, не включенная в другие категории) МСТК была исключена из анализа. Хотя полностью избежать некото-

^a Бангладеш была исключена из группы стран Южной Азии ввиду отсутствия данных по торговле в период 1962–1980 годов.

рой произвольности в этом отношении невозможно, классификация Лалла строится на показателях технологической активности в промышленном производстве. В число указанных пяти категорий входят:

1. Сырьевая продукция (СП), включающая продукты и живых животных, а также необработанное сырье (кроме топлива), серебро, платину, медь, никель, алюминий, свинец, цинк и олово.

2. Продукция обрабатывающей промышленности с большим сырьевым компонентом (БСК), включающая главным образом переработанные пищевые продукты и табачные изделия, простые изделия из древесины, очищенные нефтепродукты, красители, кожу (но не кожаные изделия), драгоценные камни и органические химические вещества. Данная продукция может быть простой, а ее производство — трудозатратным (простые пищевые продукты или обработка кожи) или широкомасштабным и требующим высоких затрат капитала и высокой квалификации (современные пищевые продукты, прошедшие обработку). Конкурентное преимущество этой продукции обычно, но не всегда возникает благодаря наличию в стране соответствующих природных ресурсов.

3. Низкотехнологичная продукция (НТ), включающая главным образом текстильные изделия, одежду, обувь и другие кожаные изделия, игрушки, простые изделия из металла и пластмасс, мебель и стеклянные изделия. Эта продукция, как правило, производится на основе стабильных технологий, получивших широкое распространение, которые в значительной степени определяют средства производства, не требуют серьезных расходов на НИОКР и высокой квалификации, а также обеспечивают низкий эффект масштаба. В структуре затрат на производство такой продукции основное место нередко занимают расходы на оплату труда. Продукция, как правило, не отличается разнообразием, по крайней мере в том случае, если речь идет о продукции массового производства (исключая модные товары). Препятствия, с которыми приходится сталкиваться при освоении этого производства, сравнительно невелики; конкурентные преимущества такой продукции обусловлены ценой, а не качеством или торговой маркой.

4. Среднетехнологичная продукция (СТ), включающая продукцию тяжелой промышленности, например автомобили, промышленные химические вещества, машинное оборудование и в целом стандартные электрические изделия и электронное оборудование. Для производства такой продукции обычно необходимы сложные, но нечасто меняющиеся технологии и средний уровень расходов на НИОКР при высоком уровне инженерных знаний и навыков проектирования и больших масштабах производства. Для продукции машиностроительной промышленности главным является потенциал в плане проектирования изделий и дальнейшего развития, а также наличие обширных сетей поставщиков и субподрядчиков. Барьеры на пути освоения этого рынка, как правило, высоки ввиду потребностей в капитале и значимости обучения для работы на оборудовании, проектирования и (для некоторых видов продукции) обеспечения разнообразия изделий. Нововведения и обучение в инженерном сегменте все чаще предусматривают сотрудничество участников цепочки создания добавленной стоимости — производителей, поставщиков и, в ряде случаев, потребителей (для крупных единиц оборудования).

5. Высокотехнологичная продукция (ВТ), включающая сложные электрические и электронные изделия (в том числе оборудование электросвязи), продукцию авиакосмической промышленности и точные приборы, химические продукты тонкого органического синтеза и фармацевтические препараты. Такая продукция требует передовых и быстро меняющихся технологий, а также

сложных навыков, поэтому ее освоение сопряжено с преодолением самых высоких барьеров. Для освоения производства самой инновационной продукции необходимы большие инвестиции в НИОКР, наличие передовой технической инфраструктуры и тесное сотрудничество между компаниями, университетами и исследовательскими институтами. Вместе с тем многие виды производственной деятельности, особенно в сфере электроники, на завершающем этапе могут предусматривать использование простых технологий, поэтому низкая оплата труда может стать важным фактором создания конкурентоспособности. Высокое соотношение стоимости и веса этих изделий (например, для электронных изделий отношение стоимости единицы продукции к ее весу выше, чем для продукции автомобилестроения) позволяет разбить цепь создания добавленной стоимости на сегменты, расположив их на большом расстоянии друг от друга.

Модели торговой специализации: Модели торговой специализации/диверсификации анализируются в отношении пяти групп продукции, определение которых было приведено выше. Диверсификация в широком смысле слова определяется как сокращение доли сырьевых товаров и увеличение доли продукции обрабатывающей промышленности в общем объеме товарного экспорта страны или региона.

Динамичные продукты и секторы: Существует несколько определений динамичной продукции. Для целей настоящей работы динамичные продукты и секторы определяются как продукты и секторы, доля которых на глобальном экспортном рынке за установленный период времени увеличилась.

Показатель торговой специализации (диверсификации): Цифры, приведенные в таблице А.5 приложения, дают представление о разворачивании процесса диверсификации во времени и об относительной доле конкретной страны в общем объеме экспорта (развивающихся стран) по каждой категории продукции по состоянию на конец периода проведения анализа. Таким образом, данный показатель характеризует изменение доли каждой из пяти категорий продукции в общем объеме экспорта конкретной страны, помноженное на долю страны в общем экспорте этой категории продукции для развивающихся стран. Показатель торговой специализации рассчитывается по формуле:

$$\text{Индикатор торговой специализации} = \left[\left(\frac{X_{ij}}{\sum_{i=1}^n X_{ij}} \right)_{t+1} - \left(\frac{X_{ij}}{\sum_{i=1}^n X_{ij}} \right)_t \right] * \left[\frac{X_{ij}}{\sum_{j=1}^n X_{ij}} \right]_{t+1} * 100,$$

где X = стоимость экспорта, i = товары, j = соответствующая страна, t = период времени.

Для определенной категории продукции данный показатель может быть сравнительно небольшим, если изменения в структуре экспорта конкретной страны оказались довольно значительными, но страна не смогла получить свою долю рынка относительно экспорта развивающихся стран в этой категории продукции. Как и было задумано, эта мера обеспечивает сочетание диверсификации экспорта с проникновением на рынок. Страны классифицируются как экспортеры сырьевой продукции, промышленной продукции с большим сырьевым компонентом или низко-, средне- либо высокотехнологичной продукции в зависимости от конкретной категории продуктов, в которой данный показатель достиг самых высоких значений, то есть от категории, в которой специализация была наиболее заметной по отношению к общему объему товарного экспорта развивающихся стран.

Глава IV

Макроэкономическая политика и дивергенция темпов роста

Мнения относительно «правильной» макроэкономической политики для развивающихся стран изменились

Обычно считается, что стабильная макроэкономическая обстановка благоприятствует долговременному росту. Вместе с тем экономисты придерживаются различных мнений относительно степени и типа стабильности, которые должны служить целью макроэкономической политики. Есть также разногласия и в отношении того, должна ли экономическая стабильность быть центральной задачей макроэкономической политики или же эта политика должна напрямую служить более широким целям развития.

В реальности за последние десятилетия направленность макроэкономической политики в развивающихся странах изменилась. До 1980-х годов она главным образом включалась в более широкие национальные стратегии развития, ориентированные на рост экономики. Эта ситуация изменилась в свете серьезной макроэкономической нестабильности, которая проявилась во многих развивающихся странах примерно в 1980 году, и смещения модели основного подхода к макроэкономической политике в развитых странах от кейнсианского метода антициклического управления спросом, направленного на полную занятость, к более консервативной, осторожной монетаристской точке зрения, имеющей своей целью контролирование инфляции. Макроэкономическая политика в развивающихся странах также стала более прицельной, и ее основной направленностью стало достижение низкого уровня инфляции и избежание серьезных бюджетных и внешних диспропорций. Краткосрочная экономическая стабилизация в этом более узком смысле слова рассматривалась как ключ к долговременному экономическому росту.

Эта новая «ортодоксальность» в макроэкономической политике преобладала в 1980-е и 1990-е годы, но ее эффективность в содействии повышению темпов роста все чаще ставится под сомнение. Хотя многим развивающимся странам, применявшим такую политику, удалось снизить темпы инфляции и восстановить баланс доходов и расходов, они не сумели добиться значительного и устойчивого экономического роста. Очень часто стратегия экономической стабилизации стимулировала применение «проциклического» типа макроэкономической политики, что наносило ущерб государственному и частному инвестированию и тем самым отрицательно влияло на рост экономики.

Макроэкономическая политика должна ориентироваться на рост, при этом ее конечной целью должно быть обеспечение полной занятости

Критики ортодоксальной схемы макроэкономической политики выступали за возвращение к более широкому эволюционному подходу к политике макроэкономической стабилизации, основанному на объединении краткосрочных антициклических бюджетных и денежно-кредитных мер с долгосрочной политикой развития (см., например, работы Ocampo, 2005a; и Stiglitz and others, 2006). Они подчеркивали, что макроэкономическая политика должна ориентироваться на экономический рост, при этом ее конечной целью должно быть обеспечение полной занятости. Из-за различий в уровне развития и качестве

учреждений структура макроэкономической политики для развивающихся стран должна существенно отличаться от подобной структуры для развитых стран в плане задач, инструментов, стратегических установок и критериев макроэкономической стабильности. Необходим также более широкий подход к макроэкономической политике, поскольку, как утверждается в главе II, процесс экономического роста в развивающихся странах отличен по своей природе от процесса роста в развитых странах. В развитых странах рост производительности в основном зависит от технологических инноваций. В развивающихся странах рост производительности скорее достигается за счет успешного перемещения рабочей силы из секторов с низкой производительностью в секторы с высокой производительностью, а также за счет накопления человеческого и физического капитала. Поскольку такая деятельность непосредственно влияет на инвестиционные решения и процесс распределения ресурсов по секторам экономики, воздействие макроэкономической политики на рост будет гораздо заметнее в развивающихся странах, чем в более развитых. Как говорится в главе III, воздействие роста будет в дальнейшем зависеть от того, каким образом макроэкономическая политика будет скоординирована с политикой в секторах торговли и производства.

Настоящая глава начинается с краткого обсуждения некоторых фактов, касающихся макроэкономической стабильности и ее связи с показателями экономического роста в развивающихся странах, в частности тех фактов, которые относятся к взаимосвязи между инфляцией и ростом, макродисбалансом и ростом, а также развитием финансовой системы и ростом. Нестабильная внешняя среда может ограничить эффективность макроэкономической политики в отношении обеспечения стабильности и условий для роста. Согласно анализу, представленному во втором разделе, многие развивающиеся страны с 1970-х годов сталкиваются с весьма сильной изменчивостью условий внешнего финансирования, создающей серьезные проблемы для поддержания макроэкономической стабильности и, кроме того, влияющей на проведение правительствами макроэкономической политики. Проциклический характер потоков капитала сделал и макроэкономическую политику более проциклической. Это означает, что когда ситуация в экономике улучшается, международные инвесторы охотнее вкладывают средства в данной стране, а правительства готовы увеличить расходы, но при ухудшении экономического климата зарубежные финансисты менее склонны предоставлять новые средства как раз тогда, когда в них больше всего нуждаются. В отсутствие ресурсов правительствам приходится сокращать расходы, и это может привести экономику к спаду. В третьем разделе рассматривается вопрос о том, действительно ли проциклическая макроэкономическая политика оказывает отрицательное воздействие на долгосрочный экономический рост и действительно ли страны с более успешными показателями экономического роста достигли этого отчасти с помощью антициклического краткосрочного макроэкономического урегулирования.

В четвертом разделе рассматривается значение государственных инвестиций в развитие инфраструктуры и человеческого потенциала для долгосрочного экономического роста и дивергенции роста среди развивающихся стран. Для ликвидации существующего между ними большого разрыва многим развивающимся странам, особенно беднейшим, приходится мобилизовывать большие объемы государственных ресурсов, чтобы обеспечить необходимые капиталовложения в инфраструктуру и предоставление социальных услуг. Как пра-

вило, требуется некоторое время, чтобы проявилось позитивное воздействие таких капиталовложений на производительность и экономический рост, поскольку для завершения работ по созданию инфраструктуры может потребоваться несколько лет, а промежуток между временем, когда дети поступят в школу, и временем, когда они придут на рынок труда как высокопроизводительные работники, может оказаться еще более продолжительным. Таким образом, правительству придется мобилизовать значительные ресурсы в настоящий момент для будущих экономических выгод, а это требует введения дополнительного «межвременного» измерения в управление государственным бюджетом. Мобилизация внутренних ресурсов путем налогообложения и более эффективного размещения имеющихся бюджетных ресурсов может создать определенное дополнительное фискальное пространство для таких расходов, но это требует тщательного регулирования в рамках антициклической макроэкономической политики. Для стран с низким уровнем дохода масштаб мобилизации внутренних ресурсов скорее всего будет недостаточным для покрытия потребностей в инвестициях, и важную роль здесь должен сыграть эффективный и достаточный объем официальной помощи в целях развития (ОПР). В конце главы приводится резюме последствий для дивергенции экономического роста и последствий для национальной и международной политики в сокращении этой дивергенции.

Макроэкономическая стабильность и дивергенция темпов роста

Дивергенция темпов роста тесно связана с макроэкономической неустойчивостью

Макроэкономическая стабильность оказывает существенное влияние на долгосрочные показатели роста экономики. Вместе с тем макроэкономическую стабильность следует рассматривать в более широком плане, потому что она подразумевает больше, чем просто сохранение ценовой стабильности и устойчивого бюджетного сальдо. Она также связана с избеганием резких колебаний в масштабах экономической активности и занятости и, кроме того, в особенности в развивающихся странах, с поддержанием устойчивого платежного баланса и избеганием завышения валютного курса. Частота финансовых кризисов в развивающихся странах указывает на то, что макроэкономическая стабильность, кроме всего прочего, предполагает поддержание четко регулируемого внутреннего финансового сектора, устойчивых балансов банковской системы и разумной структуры внешнего долга.

Макроэкономическая стабильность и экономический рост, как правило, взаимно усиливаются. Значительный и устойчивый экономический рост упрощает достижение большей макроэкономической стабильности, в частности путем повышения устойчивости внутреннего и внешнего государственного долга. И наоборот, повышение стабильности, в широком смысле, снижает инвестиционную неопределенность и, следовательно, способствует более высоким темпам долговременного роста.

На диаграмме II.4 в главе II показано, что страны с меньшей инвестиционной неустойчивостью, как правило, характеризуются более высокими долгосрочными темпами роста, тогда как из диаграммы I.2 в главе I следует, что не-

устойчивый рост объемов производства в развивающихся странах был заметно выше в течение двух десятилетий после 1960-х годов. Возросшая неустойчивость заметна также в других макроэкономических показателях, таких как темпы инфляции (см. таблицу IV.1), но степень неустойчивости в разных группах развивающихся стран существенно различается.

Таблица IV.1

Неустойчивость объемов производства и темпов инфляции с разбивкой по регионам, 1960–2003 годы

Коэффициент вариации

	1960-е годы	1970-е годы	1980-е годы	1990–2003 годы
Рост ВВП				
Развитые страны	0,12	0,51	0,51	0,35
Развивающиеся страны				
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	2,03	0,41	0,20	0,32
Южная Азия	0,62	1,16	0,24	0,28
Ближний Восток и Северная Африка	..	0,89	1,22	0,56
Европа и Центральная Азия	29,65
Латинская Америка и Карибский бассейн	0,37	0,25	1,53	0,84
Страны Африки к югу от Сахары	0,46	0,81	1,00	0,68
Темпы инфляции (ИПЦ)				
Развитые страны	0,69	0,68	1,02	0,87
Развивающиеся страны				
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	3,70	0,82	1,00	1,25
Южная Азия	0,96	0,90	0,50	0,64
Ближний Восток и Северная Африка	1,41	0,83	0,87	1,34
Европа и Центральная Азия	3,65
Латинская Америка и Карибский бассейн	1,88	2,25	5,06	6,08
Страны Африки к югу от Сахары	1,75	1,06	1,54	10,97

Источник: ДЭСВ ООН, сведения из базы данных Всемирного банка “World Development Indicators 2005”.

Примечание: Неустойчивость измеряется коэффициентом вариации, который является стандартным отклонением, деленным на среднее значение. Неустойчивость производства взвешивается для ВВП стран в каждой группе. Инфляция относится к колебаниям индекса потребительских цен (ИПЦ), а коэффициент вариации для инфляции по региону является невзвешенным.

В 1960-е годы для большинства развивающихся стран были характерны устойчивый рост и относительно стабильная макроэкономическая обстановка. Повышение макроэкономической неустойчивости в 1970-е и 1980-е годы можно отчасти объяснить различными потрясениями в глобальной экономике, такими как крах бреттон-вудской системы международных валютных договоренностей в начале 1970-х годов, два нефтяных кризиса в начале и конце этого де-

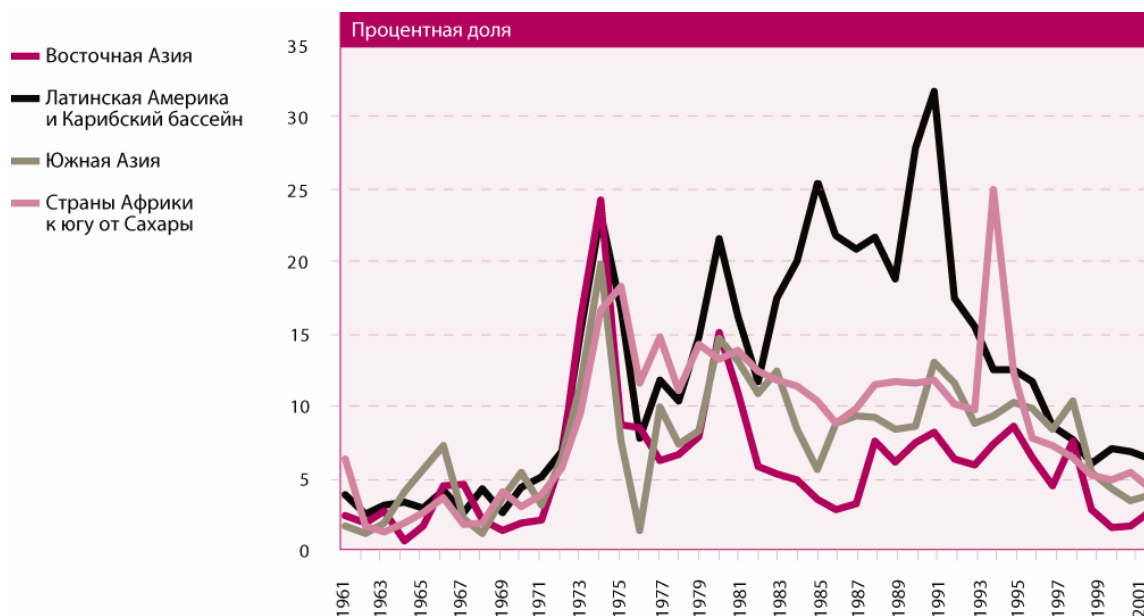
сятилетия и резкое повышение мировых процентных ставок около 1980 года. Степень уязвимости в отношении этих потрясений и способность справиться с ними в разных странах была различной. Следует заметить, что хотя экономика быстро развивающихся восточноазиатских стран не была, естественно, защищена от кризисов, им удалось достичь гораздо большей макроэкономической стабильности в том широком смысле, в котором мы используем этот термин, чем странам Латинской Америки и африканским странам, расположенным к югу от Сахары, экономика которых развивалась более медленными темпами. По всей видимости, в 1990-е годы (по крайней мере, до 1997 года) макроэкономическая неустойчивость в странах Латинской Америки и африканских странах к югу от Сахары несколько ослабла, но осталась на более высоком уровне, чем в 1960-е и 1970-е годы, хотя и в условиях гораздо более медленного экономического роста. Новая серия финансовых кризисов в конце 1990-х годов явилась частью новой волны макроэкономической нестабильности во многих частях развивающегося мира, включая также некоторые из динамично развивающихся стран Восточной Азии. К середине 2000-х годов оживление мировой торговли и рост цен на сырьевые товары стали компонентами периода как исключительно высоких темпов экономического роста, так и макроэкономической стабильности в развивающемся мире, т. е. сочетания, которое не наблюдалось с 1960-х годов.

Инфляция и экономический рост

В 1970-х и 1980-х годах темпы инфляции в развивающихся странах существенно различались, но в 1990-х годах понижающаяся тенденция в темпах инфляции стала характерной для всех этих стран

В 1960-е годы в большинстве развивающихся стран инфляция сохранялась на стабильно низком уровне (см. диаграмму IV.1). В начале 1970-х годов в развивающихся странах всех регионов наблюдался всплеск темпов инфляции. С тех пор они являются довольно непостоянными, демонстрируя значимые различия по регионам. Большинство стран Азии сумели удержать инфляцию на умеренных уровнях. Инфляция в странах Латинской Америки стремительно увеличивалась и достигла особенно высокого уровня в период кризиса задолженности, который привели к нескольким случаям гиперинфляции. Достигнув своего пика в 1991 году, темпы инфляции в Латинской Америке впоследствии существенно снизились. В странах Африки к югу от Сахары инфляция резко повысилась в первой половине 1970-х годов, но после этого стала снижаться, хотя для нее все еще характерны серьезные годовые колебания. В более общем плане темпы инфляции в развивающихся странах в течение 1990-х годов начали повсеместно снижаться, что явилось частью общемировой тенденции.

Диаграмма IV.1
Медианные показатели инфляции в отдельных регионах, 1961–2003 годы

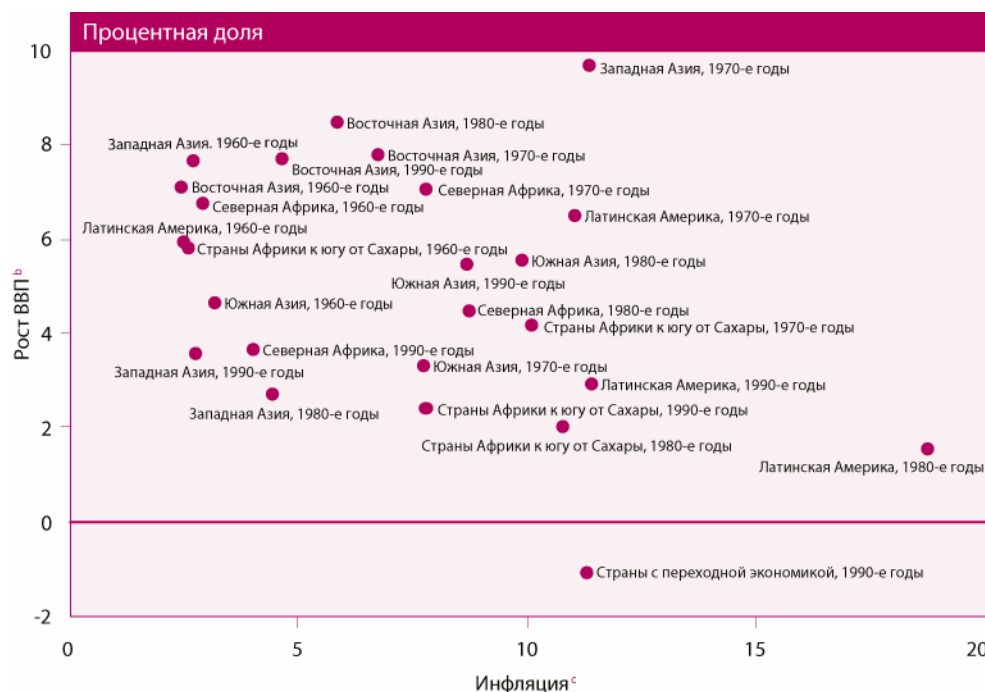

Источник: ДЭСВ ООН, сведения из базы данных Всемирного банка “World Development Indicators 2005”.

*Более низкие темпы инфляции ассоциируются с более высокими темпами
долгосрочного роста*

Для большинства регионов развивающихся стран с относительно низкой и стабильной инфляцией в 1960-е годы и в последнее время, начиная с 2000 года, это совпало с внушительными показателями экономического роста. Напротив, для большинства регионов с высокими и неустойчивыми темпами инфляции в 1970-е и 1980-е годы характерны были и гораздо более низкие показатели роста (см. диаграмму IV.2).

Диаграмма IV.2
Показатели инфляции и роста с разбивкой по регионам и временным периодам, 1961–2003 годы^a

Источник: ДЭСВ ООН, сведения из базы данных Всемирного банка “World Development Indicators 2005”.

^a Период, обозначенный «1990-е годы», охватывает данные с 1990 года по 2003 год, если таковые имеются.

^b Взвешенные средние значения: данные по Западной Азии за 1960-е годы охватывают только период с 1967 по 1969 год; данные по Южной Азии за 1970-е годы охватывают только период с 1974 по 1979 год, а данные за 1960-е годы не включают Исламскую Республику Иран; данные по Северной Африке за 1960-е годы охватывают период с 1961 по 1969 год.

^c Темпы инфляции рассчитываются как медианное значение по региону, которое в свою очередь вычисляется на основе медианных показателей темпов инфляции по каждой стране за данный период.

По-видимому, эти данные подтверждают широко распространенное мнение, что высокая инфляция неблагоприятно влияет на рост в долгосрочной перспективе, поскольку порождает более высокую степень экономической неопределенности, не способствует заключению долгосрочных контрактов и повышает страховые премии за риск по процентным ставкам, тем самым понижая объемы частных инвестиций. Поскольку высокая инфляция также обычно ассоциируется с высокой относительной изменчивостью цен, становится все труднее интерпретировать ценовые сигналы, что ведет к искажениям в распределении ресурсов по секторам. Кроме того, высокая инфляция мешает правильному межвременному распределению ресурсов, так как оказывает неблагоприятное воздействие на процентные ставки и систему налогообложения (Fischer and Modigliani, 1978; Briault, 1995).

Отрицательная взаимосвязь между инфляцией и долговременным ростом, тем не менее, не является прочной

Высокая инфляция соотносится с более низкими темпами роста, но — как свидетельствуют эконометрические исследования — эта взаимосвязь не является прочной, а причинная связь не носит окончательного характера. В частности, умеренная инфляция не обязательно ведет к снижению темпов роста. Например, в период между 1960 и 2000 годами рост объемов производства в Таиланде был гораздо ниже, чем в Республике Корея, хотя при этом средние темпы инфляции в последней стране были выше. В Ботсване были отмечены более высокие темпы инфляции, чем во многих других странах Африки к югу от Сахары, но темпы экономического роста в этой стране были заметно выше. Кроме того, многие страны прошли через длительные периоды низких темпов инфляции и низких темпов роста, тогда как другим удалось сочетать высокие темпы роста объемов производства с умеренными — а в некоторых случаях даже относительно высокими — темпами инфляции. Последняя ситуация имела место в Бразилии в период с 1968 года по 1980 год и в Турции в 1981–1990 годах. Кроме того, по мнению некоторых наблюдателей, опыт ряда развивающихся стран дает основания полагать, что возможно сохранение умеренных темпов инфляции, порядка 15–20 процентов, в течение более длительных периодов без возникновения макроэкономической нестабильности или причинения ущерба экономическому росту (Dornbusch and Fischer, 1993). При этом колебания цен не должны быть слишком большими. Сильные колебания цен в условиях низких средних уровней инфляции могут отрицательно сказаться на росте в долгосрочной перспективе.

Слабая взаимосвязь между низкими темпами инфляции и более быстрыми темпами экономического роста отражена на диаграмме IV.2, из которой видно, что если отбросить некоторые эпизоды (а именно, ситуацию в Латинской Америке во время кризиса задолженности в 1980-е годы и в странах с переходной экономикой в 1990-е годы), между этими двумя переменными отсутствует какая-либо статистически значимая корреляция. Отсюда можно сделать вывод: хотя инфляция играет важную роль, необязательно ставить целью достижение очень низких темпов инфляции, чтобы макроэкономическая стабильность сопровождала долгосрочный рост.

Макроэкономические дисбалансы и экономический рост

Макроэкономическое регулирование — это не просто вопрос восстановления бюджетного баланса

На стабилизационную политику во многих развивающихся странах оказали серьезное влияние основные идеи модели «финансового программирования» Международного валютного фонда (МВФ) (Polak, 1957). Эта модель долгое время служила основой при определении ориентиров макроэкономической политики, встроеной почти во все стабилизационные программы МВФ, осуществлявшиеся в развивающихся странах. Один из центральных принципов, лежащих в основе этого подхода, состоит в том, что основными факторами, приводящими к проблемам с платежными балансами, являются чрезмерные государственные расходы и потребность в кредитах. Следовательно, для того чтобы восстановить внешний дефицит, придется прибегнуть к фискальной перестройке и мерам по снижению внутреннего спроса на займы.

Вместе с тем на практике макроэкономические балансы развивающихся стран не демонстрируют какой-либо четкой схемы движения в тандеме к «двойному дефициту». На диаграмме IV.3 представлен дефицит государственного бюджета, состояние внешних расчетов и дефицит накоплений в частном секторе для четырех групп развивающихся стран с использованием той же классификации стран, которая была применена в главе II. Согласно правилам макроэкономической отчетности, сумма всех трех балансов для экономики страны в целом должна равняться нулю.

Четыре графика показывают, что государственный бюджет и состояние внешних счетов не находятся во взаимнооднозначном соответствии. Наиболее часто встречается схема параллельной динамики дефицитов *частного* сектора экономики (дефицита накоплений) и балансов по внешним счетам. Также, хотя и не столь часто, имеют место случаи отрицательной корреляции дефицитов частного сектора и государственного бюджета. Таким образом, оказывается, что типичная взаимосвязь между бюджетным дефицитом и дисбалансами по текущим счетам, предполагаемая при финансовом программировании, встречается редко. По-видимому, в 1980-х и 1990-х годах меры строгой экономии бюджетных средств скорее ассоциировались с ростом объемов частных заимствований, чем с ухудшением состояния внешних счетов.

Сильные колебания размеров частных и внешних чистых заимствований не мешали сопровождающемуся конвергенцией экономическому росту новых индустриальных стран первой волны и (в меньшей степени) стран Юго-Восточной Азии. В 1979–2002 годах новые индустриальные страны первой волны сохраняли стабильные и практически сбалансированные финансовые счета как долю валового внутреннего продукта (ВВП) (диаграмма IV.3, часть А). Вследствие этого колебания в макроэкономических дисбалансах можно почти полностью объяснить параллельной динамикой балансов по внешним счетам и дефицита накоплений в частном секторе. Изменения балансов частного и внешнеторгового секторов были относительно велики, при этом резкие колебания вверх и вниз превышали 10 процентов от ВВП. Эти колебания возникали в связи с вполне конкретными событиями. Например, в 1980-е годы в частном секторе образовались избыточные накопления (что видно по отрицательным показателям на графике), когда в регионе накопились иностранные активы, так как экспорт из региона стимулировался за счет регулирования валютного курса, начало которому положило Соглашение, достигнутое в Плазе в 1985 году. Ситуация изменилась на противоположную в конце 1980-х годов, так как спрос в частном секторе вырос, и в первой половине 1990-х годов, когда конкурентоспособность региона снизилась из-за возросшей конкуренции со стороны Китая. Частный сектор испытывал дефицит вплоть до кризиса 1997 года. Этот кризис привел к резкому повышению активного сальдо по внешним счетам, сопровождавшемуся резким ростом активного сальдо в частном секторе, вызванным обвалом совокупного внутреннего спроса. Последний, однако, вскоре быстро восстановился, чему в некоторой степени помогла умеренная антициклическая бюджетная установка. Динамика колебаний финансовых балансов чаще всего не выходила за пределы 1 процента от ВВП и, следовательно, оставалась в рамках общего процесса макроэкономического регулирования.

Диаграмма IV.3
Макроэкономические балансы: новые индустриальные страны первой волны в Азии, 1979–2002 годы; страны Юго-Восточной Азии, 1979–2002 годы; полуиндустриальные страны, 1976–2002 годы; и страны Африки к югу от Сахары, 1980–2002 годы

Источник: ДЭСВ ООН, на основании данных, имеющихся на веб-сайте по адресу: <http://www.icsead.or.jp/>, которые были получены из Общей базы данных Организации Объединенных Наций и базы данных Системы национальных счетов Статистического отдела Организации Объединенных Наций.

^a Средневзвешенные значения по Сингапуру, Республике Корея и провинции Китая Тайвань.

^b Средневзвешенные значения по Индонезии, Малайзии, Таиланду и Филиппинам.

^c Средневзвешенные значения по Аргентине, Бразилии, Венесуэле (Боливарианской Республике), Колумбии, Мексике, Турции, Чили и Южной Африке.

^d Средневзвешенные значения по Гане, Зимбабве, Кении, Нигерии, Объединенной Республике Танзании, Уганде и Эфиопии.

^e Рассчитано как остаточное, но постоянное для частных инвестиций минус накопления.

^f Равняется текущему счету платежного баланса.

Азиатский кризис поразил также Юго-Восточную Азию, где в 1997 и 1998 годах произошел резкий обвал спроса в частном секторе (диаграмма IV.3, часть B). Восстановление экономики в этом регионе, и особенно в Индонезии, происходило гораздо более медленными темпами, чем в новых индустриальных странах первой волны. В целом, как в новых индустриальных странах и Китае, в 1980-х и 1990-х годах компенсирующие колебания в частных и внешних заимствованиях преобладали над макроэкономическим регулированием, а уровень государственных займов оставался относительно стабильным, хотя периоды бюджетного дефицита наступали чаще.

Дефицит государственного бюджета, напротив, был заметнее в процессе регулирования в полуиндустриальных странах (диаграмма IV.3, часть C). В 1980-х годах доступ к внешним займам прекратился, а избытки накоплений *частного* сектора потребовались для финансирования дефицита бюджетных средств. Во всех случаях это привело к сокращению спроса в частном секторе, а в некоторых случаях к использованию инфляционного налога для создания избытка накоплений в частном секторе. Накопление капитала в частном секторе было, соответственно, низким, в основном, из-за макроэкономической нестабильности.

В странах Африки к югу от Сахары колебания как в частных, так и в государственных чистых заимствованиях компенсировали изменения в балансах по внешним счетам (диаграмма IV.3, часть D). В 1980-х годах дефицит государственного бюджета оставался достаточно стабильным, так как финансировался в основном за счет иностранной помощи. Когда дефицит государственного бюджета был снижен в результате реализации программ строгой экономии, сократились и излишки частных накоплений (а частные заимствования возросли). Кроме того, в этом регионе дефициты частного сектора и по внешним счетам в конце концов стали изменяться согласованно, при этом дисбалансы по внешним счетам так и не удалось снизить несмотря на политику строгой экономии, проводившуюся в 1990-е годы.

Финансовое развитие, экономический рост и макроэкономическая стабильность

В течение последних четырех десятилетий на дивергенцию темпов роста также оказывало влияние развитие финансового сектора

В последние четыре десятилетия на дивергенцию роста среди развивающихся стран, а также различные характеристики макроэкономической стабильности оказало влияние и развитие финансового сектора. Финансовое посредничество поддерживает процесс роста, мобилизуя сбережения домашних хозяйств и иностранные сбережения для инвестирования компаниями, обеспечивая распределение этих средств наиболее производительным образом, диверсифицируя риски и обеспечивая ликвидность, с тем чтобы компании могли эффективно эксплуатировать новые мощности. Таким образом, развитие финансового сектора включает создание и расширение институтов, инструментов и рынков, которые поддерживают этот инвестиционный процесс и процесс роста. Вместе с тем финансовое посредничество оказывает значительное внешнее воздействие в этом контексте, которое, как правило, является положительным (как например, предоставление информации и обеспечение ликвидности), но при сис-

тематических финансовых кризисах, которые характерны для рыночных систем, может оказаться и отрицательным.

Финансовая либерализация в развивающихся странах не привела к ожидаемому росту сбережений и уровней инвестиций

В 1960-е и 1970-е годы для финансовых секторов большинства развивающихся стран были характерны системы, базирующиеся на банках, правила, влияющие на распределение банковских ссуд, важная роль принадлежащих государству коммерческих банков и банков развития, закрытые счета движения капитала, процентные ставки с фиксированным максимумом и активная валютная интервенция. В последующие десятилетия эта традиционная «жесткая» структура финансового сектора была ликвидирована в процессе финансовой либерализации, осуществленной в большинстве развивающихся стран. Ожидалось, что снятие ограничений с финансовой деятельности приведет к повышению уровня сбережений и инвестиций, ускорению темпов роста и снижению макроэкономической нестабильности. Однако во многих случаях эти цели не были достигнуты.

Это стало очевидно после ряда финансовых кризисов, которые разразились во многих развивающихся странах начиная с 1980-х годов. Есть также свидетельства, что после финансовой либерализации снизился уровень финансирования многих крупных компаний в производственных секторах и малых и средних предприятий в целом, что в конечном счете создало серьезную проблему для устойчивого роста (FitzGerald, 2006). Например, данные по четырем африканским странам (Уганда, Кения, Малави и Лесото) показывают, что большая «финансовая глубина» не обязательно приводит к повышению объема сбережений или доступа к кредитам коммерческих банков в сельских районах, за исключением тех, у которых уже есть обеспечение (Mosley, 1999).

Традиционные финансовые институты, такие как коммерческие банки, также обычно предвзято относятся к мелким заемщикам из-за высоких удельных издержек управления кредитами и отсутствия реального обеспечения, что приводит к низкой прибыли и высокой степени риска. Это является серьезной проблемой для всех развивающихся стран, поскольку на малые предприятия приходится основная доля производства и на них трудится большая часть населения.

Эти «бреши» традиционно закрывали банки государственного сектора, но в процессе проведения финансовых реформ во многих странах эти банки были ликвидированы и только частично заменены новыми программами микрокредитования. В то же время в азиатских странах с быстро развивающейся экономикой финансовая либерализация осуществлялась постепенно, и государственным банкам развития и целевым программам кредитования оказывалась поддержка в течение более длительного времени, что способствовало процессу экономического роста¹.

¹ См., например, World Bank (1993) о роли государственного вмешательства в деятельность финансовых рынков во время «Азиатского чуда» и Организация Объединенных Наций (2005b, глава I, раздел «Долгосрочное финансирование») о роли банков развития в обеспечении долгосрочного финансирования в развивающихся странах.

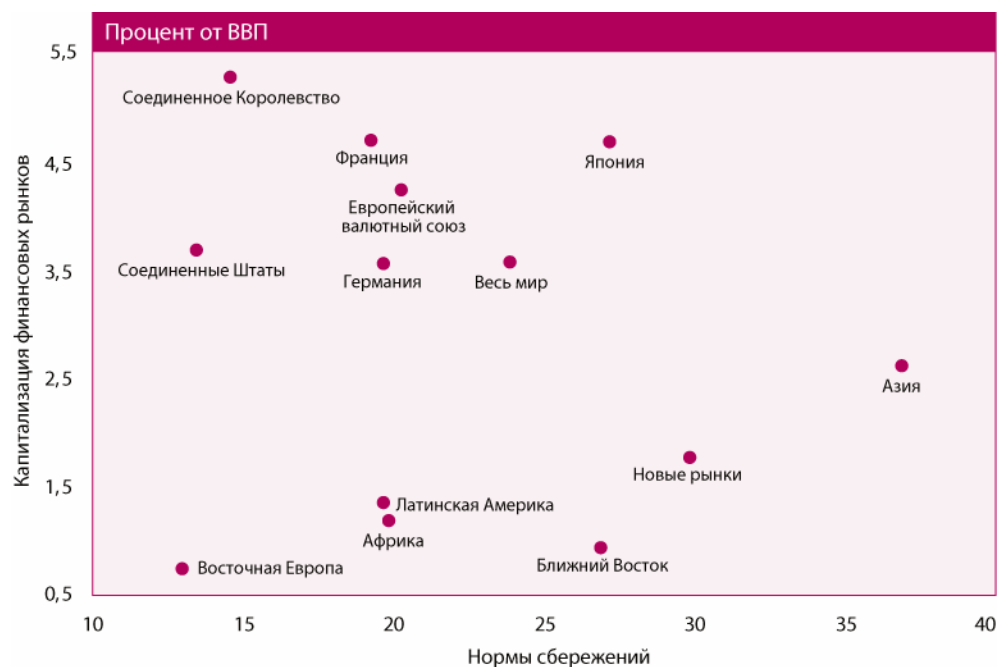
Увеличение «финансовой глубины» не привело к росту показателей накоплений

По этим причинам эмпирические исследования не смогли установить прочной причинной связи между финансовой либерализацией и показателями роста². Существует также недостаточно свидетельств того, что увеличение «финансовой глубины» как таковой (или, собственно говоря, финансовая либерализация) приводило к более высоким показателям накоплений, которые считаются основным вкладом в повышение объема инвестиций и тем самым способствуют росту. Есть две причины для такого вывода. Во-первых, при осуществлении финансовой реформы происходит перемещение накоплений из активов, таких как собственность или валютные запасы, в банковские депозиты и рыночные ценные бумаги. Это повышает зафиксированную «финансовую глубину», не повышая показателей накоплений. Во-вторых, финансовая либерализация расширяет доступ к потребительскому кредиту в виде кредитных карт и других типов ссуд частным лицам. Это, в свою очередь, может *снизить* совокупные сбережения домашних хозяйств, если недостаточный доступ к ликвидным средствам является основным ограничением, с которым сталкиваются домашние хозяйства при росте потребительских расходов в условиях более «жесткого» финансового режима. Диаграмма IV.4 свидетельствует об отсутствии убедительных доказательств того, что увеличение «финансовой глубины» (измеряемое самой широкой возможной мерой — полной рыночной капитализацией) повышает нормы сбережений, а следовательно, инвестиции или темпы роста. Нормы сбережений, по-видимому, зависят от других факторов, таких как влияние демографии и налогообложения на пенсионное обеспечение, финансирование здравоохранения и образования и структура собственности корпораций или даже организация семьи.

Опыт финансовой либерализации в разных странах подсказывает, что *процесс* либерализации, так же как и его *результаты*, очень разнообразны. Кроме того, в большинстве развивающихся стран, где в пределах более широкой либерализованной макроэкономической структуры существуют как рыночные, так и нерыночные недостатки, есть множество факторов помимо объема и стоимости кредита, которые влияют на инвестиционные решения компаний.

² См. например, часто цитируемые исследования King and Levine (1993) и Prasad and others (2003), а также критический обзор литературы в работе FitzGerald (2006).

Диаграмма IV.4
Капитализация финансовых рынков и нормы сбережений в отдельных странах и регионах, 2003 год

Источник: International Monetary Fund (2005) Global Financial Stability Report, 2005, Washington D.C.: International Monetary Fund (April), statistical annex table 3; и база данных МВФ "World Economic Outlook database".

Примечание: Под капитализацией финансовых рынков подразумевается сумма капитализации фондовых рынков, непогашенных долговых обязательств и банковских активов в виде доли от ВВП. Под нормами сбережения подразумеваются валовые национальные накопления в виде доли от ВВП.

Отсутствие внутреннего рынка облигаций затрудняет финансирование государственной инфраструктуры или частных проектов модернизации и делает финансовую систему более уязвимой

Одной из важных характерных черт недостаточно развитых финансовых рынков во многих развивающихся странах является отсутствие устоявшегося внутреннего рынка для государственных и корпоративных облигаций, деноминруемых в национальной валюте. Эта особенность может стать причиной многих проблем для инвестирования, а также для финансовой стабильности в контексте финансовой либерализации. Отсутствие внутреннего рынка облигаций затрудняет финансирование государственной инфраструктуры и крупных частных проектов модернизации. Оно также вынуждает компании использовать краткосрочный кредит для финансирования долгосрочных инвестиций, тем самым накапливая несоответствие срочности активов и пассивов в своих балансах, или больше занимать на международных рынках, чтобы финансировать долгосрочные капиталовложения, что приводит к несоответствиям сроков погашения в иностранной валюте. Сочетание этих сроковых и валютных несоответствий усугубляет финансовую хрупкость в периоды снижения валютных курсов и повышения процентных ставок, что обычно совпадает из-за проциклического характера

ности внешнего финансирования. Недостаточное развитие внутренних рынков облигаций и связанная с этим финансовая хрупкость уменьшают в свою очередь сферу действия валютных интервенций для противодействия внешним потрясениям.

Значение развития внутренних рынков облигаций стало очевидным во время азиатского кризиса, благодаря чему в финансовой политике этому вопросу стало уделяться больше внимания. В результате с конца 1990-х годов внутренние рынки облигаций быстро развиваются не только в Азии, Латинской Америке и новых независимых государствах Европы, но также, хотя и в меньшей степени, в Африке (см. диаграмму IV.5)³.

Внутренняя финансовая либерализация часто ассоциируется с интеграцией в глобальный рынок капитала, т. е. с внешней финансовой либерализацией. В принципе, это должно сделать международную массу ликвидных средств доступной для внутренней финансовой системы, вследствие чего она должна стать более стабильной. Однако, как видно из подробного анализа в следующем разделе, высокая степень неустойчивости притока международного капитала в сочетании со сроковыми и валютными несовпадениями в портфеле всех экономических субъектов делает страны-получатели уязвимыми для потрясений и кризисов, которые могут быть и масштабными, и частыми.

Из-за макроэкономической нестабильности повышаются несоответствия в доходах от проектов, а также растет число неприятных проблем выбора, с которыми сталкиваются банки, что не располагает их к принятию рискованных решений. Реальные выгоды от макроэкономической стабильности возникают не только от возросших объемов денежных сбережений и от большей доступности кредита, но и от благоприятного воздействия на распределение рисков между заемщиками и кредиторами (Villanueva and Mirakhor, 1990). Таким образом, темпы самой либерализации, по-видимому, играют решающую роль в том смысле, что резкое повышение ставки ссудного процента, происходящее из-за снятия ограничений на процентные ставки, может сделать некоторые компании нерентабельными, так как им придется платить более высокую цену за средства, занятые ранее по более низкой ставке.

Сосредоточение внимания в макроэкономической политике только на низкой инфляции и на восстановлении бюджетного баланса может оказаться недостаточным для достижения желаемых показателей увеличения роста

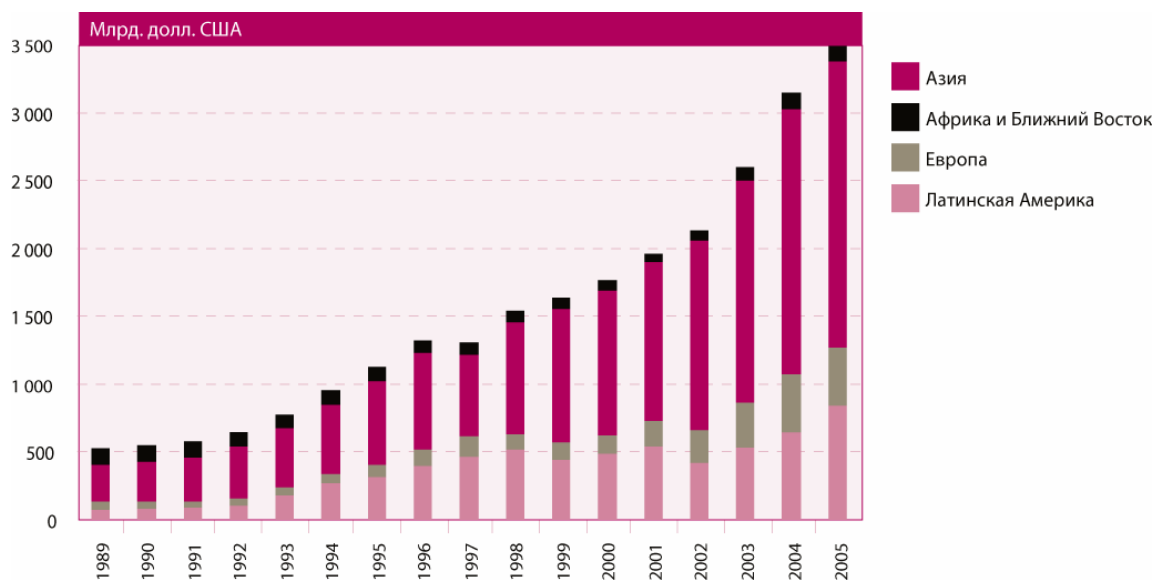
В общем, между макроэкономической стабильностью и долгосрочным ростом существует двусторонняя взаимосвязь. Сосредоточение внимания в макроэкономической политике только на низкой инфляции и на восстановлении бюджетного баланса может оказаться недостаточным для достижения желаемых показателей увеличения роста, особенно если акцент на ограничения в денежной сфере и благоразумие в расходовании бюджетных средств будут в краткосрочной перспективе подавлять экономическую активность и ограничивать более широкую политику в области развития. Кроме того, как видно на графике, роль финансовой корректировки в восстановлении макроэкономиче-

³ Рост внутреннего рынка облигаций также оказался существенным, если его выразить в процентах от ВВП: в Азии, Европе и Латинской Америке он вырос на 13–16 процентных пунктов. Только в Африке при выражении в этих же показателях наблюдалось снижение на 0,5 процентных пункта.

ских дисбалансов, по всей видимости, ограничена и во многом зависит от того, как такая политика помогает созданию условий для роста частного сектора. Создание последних зависит не только от степени интеграции макроэкономической политики и политики в области развития, но и от структуры и уровня развития финансового сектора.

Диаграмма IV.5

Рост внутреннего рынка облигаций в развивающихся странах (непогашенная часть), 1989–2005 годы^а

Источник: Ocampo and Griffith-Jones (2006).

^а С 1989 года по сентябрь 2005 года.

Потенциальный вклад развития финансового сектора в экономический рост значителен, и финансовая либерализация может помочь в создании более эффективного и ликвидного финансового посредничества. Однако такой вклад в рост экономики не может восприниматься как должное, и воздействие на рост зависит от построения соответствующей институциональной структуры. Существующие в мире структуры финансирования очень разнообразны, а одна для всех взаимосвязь между структурой финансирования и уровнем дохода на душу населения или его ростом отсутствует. Важно, чтобы финансовый сектор обеспечивал адекватные средства для прибыльных капиталовложений в предприятия, включая малые и микропредприятия и фермы, а также для долгосрочных капиталовложений. В зависимости от стадии развития это может означать сохранение важной роли банков государственного сектора (в особенности банков развития) и обеспечение создания внутренних рынков облигаций для долгосрочного финансирования в национальной валюте. Институциональное развитие должно также обеспечить надлежащее регулирование и контроль, чтобы гарантировать здоровое состояние балансов финансового сектора, — вопрос, который лишь между прочим рассматривается в этом докладе (см. подробную

информацию об этом в издании Организации Объединенных Наций, 2005 год, глава I).

Указанным аспектам финансового развития, по всей видимости, не уделялось должного внимания во многих программах финансовой либерализации. Таким образом, дивергенция темпов роста скорее всего связана с различиями в способности стран избежать проциклической стабилизационной политики, увязать политику макроэкономического регулирования с более широкой политикой развития и обеспечить такую ситуацию, чтобы развитие финансового сектора могло способствовать сдерживанию (а не усилению) изменчивости внешних притоков капитала. В следующих разделах эти вопросы рассматриваются более подробно.

Внешние факторы, препятствующие стабильности и экономическому росту в развивающихся странах

Изменчивые потоки международного капитала стали источником макроэкономической нестабильности для многих развивающихся стран

Согласно положениям экономической теории, частный капитал должен перетекать из развитых стран, где он имеется в изобилии и инвестиционные возможности используются более полно, в развивающиеся страны, где его недостаточно по сравнению с широкими инвестиционными возможностями. За счет притока капитала можно дополнить внутренние сбережения для финансирования инвестиций в развивающихся странах, способствуя их росту и развитию. Кроме того, доступ к международным рынкам капитала помог бы снизить колебания ликвидности в течение цикла хозяйственной активности, подавляя макроэкономическую неустойчивость. На практике, однако, притоки международного капитала в развивающиеся страны были непостоянными и становились источником макроэкономической нестабильности.

Приток частного капитала в развивающиеся страны заметно возрос с середины 1970-х годов. Два среднесрочных цикла потоков капитала оказали сильное воздействие на стабильность и экономический рост во многих странах (Организация Объединенных Наций, 2005b, стр. 74–75; United Nations Conference on Trade and Development, 1999, part two, chap. IV). Быстрый подъем международного банковского кредитования развивающихся стран в 1970-е годы закончился в 1980-е годы кризисом неплатежей. В 1990-е годы произошел еще один бум, который в основном спровоцировали потоки портфельных инвестиций и, в меньшей степени, прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Кроме того, последний по времени бум закончился резким снижением чистых потоков после азиатского финансового кризиса. Оживление после всемирного спада деловой активности в 2001 году, улучшение международной экономической обстановки и стабилизация экономических условий в развивающихся странах обеспечили основу для нового оживления потоков частного капитала в 2003 году, указывающего на возможное начало нового цикла.

Потоки частного капитала концентрируются в небольшом числе стран со средним уровнем дохода

Потоки частного капитала концентрируются в небольшом числе стран со средним уровнем дохода, не затрагивая большинство стран с низким уровнем

дохода, которые остаются зависимыми от притоков официальной помощи. В 1970-х годах большая часть международных банковских ссуд поступила примерно в двенадцать (более богатых) развивающихся стран со средним уровнем дохода в основном в форме средне- и долгосрочных ссуд по различным процентным ставкам непосредственно для государственного сектора или для частного сектора под государственные гарантии (Vos, 1994). В 1990-х годах в небольшое число стран с зарождающейся рыночной экономикой поступали преимущественно портфельные инвестиции, но на этот раз большая часть займов в странах-получателях приходилась на частный сектор (Организация Объединенных Наций, 2005b). Вслед за резким прекращением притока капитала, который вызвал азиатский кризис, в начале текущего десятилетия началась быстрый рост потоков частного капитала, направляемых в Восточную и Южную Азию, что свидетельствовало о выходе из финансового кризиса и быстром восстановлении экономики, которая достигла уровня середины 1990-х годов. Основную роль в этом оживлении сыграло ускорение потоков ПИИ в Китай и, в меньшей степени, в Индию. Напротив, приток капитала в Латинскую Америку после продолжительного спада, который начался в конце 1990-х годов, остался на уровне значительно ниже высоких уровней, характерных для этого десятилетия.

Потоки частного капитала являются проциклическими и стали более изменчивыми

Кредитование коммерческими банками и портфельные инвестиции оказались для развивающихся стран крайне проциклическими. В периоды экономического роста внешнее финансирование становится более доступным, а его стоимость снижается, тогда как во время спадов доступ к нему сокращается и стоимость возрастает. В 1970-х годах развивающиеся страны получили доступ к кредитованию коммерческими банками, в то время как в предыдущие десятилетия они полагались в основном на ОПР или ПИИ. Доступ к частному финансированию стал отчасти результатом поисков банками развитых стран новых рынков, где их избыточная ликвидность могла бы превратиться в прибыльные ссуды. Избыток ликвидности в международной банковской системе возник в большой степени из-за прибыли от продажи нефти, создавшейся после первого повышения цен на нефть, большая часть которой была размещена в коммерческих банках. Это также явилось результатом институциональных изменений на международных финансовых рынках, что позволило появиться на них более мелким и средним банкам, которым ранее не разрешалось заниматься международным кредитованием. Возросшая конкуренция в международном кредитовании еще больше снизила стоимость кредитов. Однако в это же время группы банков распределили риски при помощи синдицированного кредитования, что повысило концентрацию ссуд среди немногочисленных развивающихся стран (см. Vos, 1994, chap. 5). В то время считалось, что на развивающиеся страны со средним уровнем дохода вполне можно сделать ставку отчасти из-за высоких экспортных показателей, например, в Восточной Азии, и высоких цен на сырьевые товары, которые преобладали в 1970-х годах, принося доход латиноамериканским и другим странам-экспортерам сырья со средним уровнем дохода.

Рост объемов банковского кредитования внезапно прекратился, когда примерно в 1980-м году увеличились мировые процентные ставки и представ-

ление о риске изменилось вместе с резким повышением расходов на обслуживание долга стран-заемщиков. Последовавший за этим массовый отзыв банковских ссуд ускорил кризис неплатежей, распространившийся среди развивающихся стран. Рост стоимости кредита и ограничение доступа к кредитованию произошли в то время, когда цены на сырьевые товары рухнули и потребность во внешнем финансировании фактически возросла.

Начиная с 1990-х годов притоки частного капитала возобновились, но опять в виде циклов, состоящих из бумов и спадов

Сокращение доступа к потокам частного капитала продолжалось на протяжении 1980-х годов, но примерно с 1990 года он стал расширяться, чему в очередной раз отчасти способствовало появление новых игроков на рынке; это были пенсионные фонды и другие институциональные инвесторы, которым ранее было разрешено оперировать только на внутренних финансовых рынках. Кроме того, реструктуризация задолженности согласно плану Брэди в конце 1980-х годов, процессы финансовой либерализации и другие структурные реформы во многих развивающихся странах упростили проникновение потоков частного капитала. Как упоминалось выше, большая часть кредитования в течение этого второго цикла происходила в форме краткосрочных портфельных обязательств и вложений в акционерный капитал, которые по своей природе оказались гораздо более неустойчивыми, чем долгосрочные заимствования и ПИИ. Краткосрочные банковские ссуды подвержены еще большим колебаниям, как свидетельствует восточноазиатский кризис. В 1990-х годах, начиная с кризиса мексиканского песо в конце 1994 года, имели место несколько циклов, состоящих из бумов и спадов. Восточноазиатский кризис положил начало широкой серии финансовых кризисов, наблюдавшихся в последние годы десятилетия.

Помимо того, что для циклов «бум-спад» характерны сильные проциклические черты, они имеют тенденцию распространяться и на другие рынки. Валютный кризис в Мексике привел к обратному движению капитала в другие страны с развивающейся рыночной экономикой, что было названо «эффектом текилы». Азиатский кризис также породил обратное движение капитала в других странах, а дефолт в России в 1998 году вызвал более общий отзыв средств, инвестированных в развивающиеся страны. Поскольку утрата страной доступа к рынкам для иностранных банков или рынкам облигаций распространяется на другие источники финансирования (в дополнение к тому факту, что это может отразиться на доступе к рынку других стран), за этим может последовать всеобщее закрытие рынков (Организация Объединенных Наций, 2005). Даже когда страны не полностью утрачивают доступ к рынку, на них, как правило, распространяется повышение премий за риск. Проциклический перевод в более низкую категорию агентствами, дающими оценку кредитоспособности, часто усиливает как снижение доступа к портфельным ссудам, так и повышает спрэды, по которым могут выпускаться облигации.

Хотя азиатский кризис негативно сказался и на потоках ПИИ, они остались позитивными и стали основным источником притоков частного капитала в развивающиеся страны. Стоит отметить, что для ПИИ также характерна проциклическая динамика, хотя и не в такой степени, как для краткосрочных ссуд и портфельных инвестиций (World Bank, 1999). Поэтому ПИИ также могут повышать макроэкономическую нестабильность. Это частично происходит пото-

му, что большая часть ПИИ принимает форму слияний и поглощений компаний в развивающихся странах, которые могут быть с легкостью проданы снова (см. главу III); и в зависимости от степени приспособления к внутреннему рынку ПИИ начинают реагировать на экономический спад таким же образом, как и внутренние инвестиции. Смягчению неустойчивости потоков капитала в последние годы способствовали также незначительный рост трансграничного банковского кредитования, отмечавшийся в последнее время рост местных рынков облигаций в развивающихся странах и расширение контингента инвесторов на формирующихся международных рынках облигаций (Организация Объединенных Наций, 2005b, стр. 89–90).

Изменчивые и проциклические потоки сокращают пространство для маневров в рамках антициклической макроэкономической политики

Проциклический характер потоков частного капитала ограничивает пространство, которым располагает государство, особенно в странах со средним уровнем дохода, для проведения антициклической макроэкономической политики. Поскольку доступ к финансовым средствам облегчается, когда экономика находится на подъеме, государства могут предпочесть расширить бюджетный дефицит и/или центральные банки могут позволить себе повысить объемы кредитования частного сектора. И наоборот, когда внешнее финансирование сокращается во время спада, а стоимость заимствования растет, может возникнуть потребность в резком уменьшении беспроцентных бюджетных затрат, и кредиты частному сектору сократятся, усиливая тенденцию к спаду в экономике. Этот сниженный потенциал для проведения антициклической политики означает, что доступ к международным финансовым потокам также оказывает воздействие и на реальную экономику, хотя и не сглаживанием цикла хозяйственной активности, как прогнозирует экономическая теория, а увеличением амплитуды его колебаний: приток финансовых средств часто приводит к расширению объемов производства, а отток – к сокращению и стагнации (Kaminsky, Reinhart and Végh, 2004).

Без надлежащих мер регулирования и при наличии слабых финансовых систем неустойчивость в финансовом секторе быстро передается реальному сектору экономики

Кроме того, без надлежащей нормативной и правовой базы и при наличии в развивающихся странах слабых финансовых систем финансовая неустойчивость быстро передается реальному сектору экономики (Easterly, Islam and Stiglitz, 2001; World Bank, 1999; и FitzGerald, 2006). Например, экономический бум может произойти, когда слабое регулирование деятельности финансовых институтов и правительственных гарантий по финансовым обязательствам заставляют банки и других инвесторов прибегать к чрезвычайно рискованному кредитованию. Резкий рост притока капитала по изначально низкой стоимости будет усиливать тенденцию к избыточному риску и созданию условий для циклов «бум-спад». Кроме того, это приведет к реальному повышению обменного курса, что может подорвать конкурентоспособность экспорта и ухудшить дисбалансы по внешним счетам.

В развивающихся странах пространство для маневра государства в принятии макроэкономических решений будет ограничено противодействием такому развитию событий с помощью традиционных инструментов. Бюджетно-

налоговая политика скорее всего окажется неэффективной, поскольку фискальный процесс, как правило, не в состоянии гибко реагировать на изменчивость финансовых потоков. Кроме того, распространение неустойчивого характера условий внешнего финансирования на государственные расходы, вероятно, придет в противоречие с другими целями развития, такими как необходимость стабильных долгосрочных инвестиций в людские ресурсы и физическую инфраструктуру (см. ниже). Более жесткая денежно-кредитная политика и изъятие избыточной ликвидности могли бы даже привести к дальнейшему росту притока капитала на открытые рынки капитала. В особенности это могло бы привлечь нестабильные краткосрочные потоки по более высоким реальным процентным ставкам. При осуществлении политики в области валютного курса придется пойти на дополнительные компромиссы. Искусственное удержание курса на фиксированном уровне сведет на нет эффективность денежно-кредитной политики и обеспечит дополнительные стимулы для внешнего заимствования. Более гибкого обменного курса может оказаться недостаточно для сдерживания избыточного заимствования, и это может привести к повышению неустойчивости обменного курса. Во вставке IV.1 рассматриваются компромиссы при управлении обменным курсом и его связи с экономическим ростом в более широком плане.

Неспособность сдержать воздействие резких колебаний притока капитала приведет к крупным макроэкономическим дисбалансам и вызовет ощутимую понижающую тенденцию в экономике, когда резко прекратится доступ к внешнему финансированию из-за отсутствия пространства для эффективной антициклической макроэкономической политики. Таким образом, потребуются другие политические инструменты, которые рассматриваются в конце данной главы.

Потоки частного капитала в большинстве случаев не способствовали повышению темпов долговременного экономического роста

Изменчивостью и проциклическим характером притока частного капитала в развивающиеся страны также можно отчасти объяснить отсутствие доказательств того, что такая динамика движения капитала в целом в течение последних трех десятилетий приводила к росту инвестиций или более высокому долговременному экономическому росту (Prasad and others, 2003; Ramey and Ramey, 1995; Kose, Prasad and Torgones, 2005). Финансовая неустойчивость нашла свое выражение в возросшей инвестиционной неопределенности и большей нестабильности объемов производства, что, как было отмечено ранее, оказало пагубное влияние на долговременный экономический рост. Кроме того, хотя резкий рост потоков капитала стимулировал совокупный спрос и объемы производства, большая часть доходов нередко исчезала, когда резкое прекращение потоков вызывало финансовый кризис.

Изменчивость потоков капитала явилась серьезной причиной финансовых кризисов, которые начиная с 1980-х годов происходили в развивающихся странах со все возрастающей частотой. Поскольку из-за кризисов экономический рост в течение ряда лет после исходного резкого спада объемов производства был медленным, уровни производства опустились до более низких показателей, чем они были бы в противном случае. По некоторым оценкам совокупные потери объемов производства за последние 25 лет составили 25 процентов (Eichengreen, 2004). Еще в одном исследовании делается вывод, что средняя

стоимость потерянного объема производства (относительно трендового объема) составляет 18,8 процентных пунктов от ВВП на каждый из 26 банковских и валютных кризисов в странах с развивающейся рыночной экономикой в Латинской Америке и Азии в 1980-х и 1990-х годах (International Monetary Fund, 1998, table 15). Потери роста объемов производства имели место в трех четвертях всех случаев.

Темпы восстановления после финансового кризиса 1990-х годов существенно различались в отдельных странах из-за различий во внутренней политике, структурных характеристиках и внешних условиях. Пострадавшие от кризиса азиатские страны смогли в довольно короткие сроки начать подъем от низшей точки экономического роста благодаря относительной быстрой реструктуризации долга и более активной бюджетной политике. Быстрый отказ от чрезвычайно жесткой макроэкономической политики, первоначально введенной в ответ на кризисную ситуацию, обеспечил кредит для финансирования производства экспортной продукции и помог стабилизировать внутренний спрос. В противоположность этому восстановление после финансовых потрясений в большинстве латиноамериканских стран проходило в 1999–2003 годах относительно медленными темпами из-за задержек в реструктуризации долга и ограничительной макроэкономической политики.

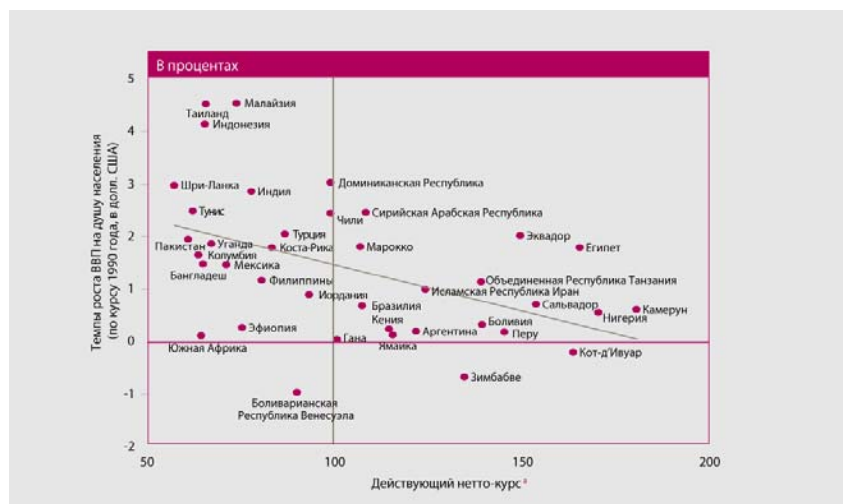
Вставка IV.1

Цели политики в области валютного обмена

Стабильный номинальный обменный курс может стать основой для общей ценовой стабильности. В частности, опора на стабильный и фиксированный номинальный обменный курс могла бы оказаться полезной для снижения инфляции и макроэкономической нестабильности в странах, уже имевших в прошлом опыт высокого уровня инфляции, в которых к тому же отсутствует доверие к центральному банку. С другой стороны, так как обменный курс сигнализирует о возможности размещения ресурсов по странам и по секторам, более высокая степень гибкости обменного курса может потребоваться для того, чтобы в конечном счете избежать неэффективного размещения ресурсов. Рост притока капитала в развивающиеся страны усложнил для них задачу поддержания режима фиксированного обменного курса, о чем свидетельствуют различные валютные кризисы, которые имели место в странах, искусственно поддерживавших фиксированный курс. В качестве ответной меры многие развивающиеся страны перешли на более гибкие режимы обменных курсов, обычно в сочетании с определенной мерой интервенций центрального банка на валютных рынках (которые часто упоминаются как так называемые «грязные» плавающие курсы).

Одной из причин, по которым правительства развивающихся стран осуществляют интервенции на рынках иностранной валюты, является стремление повысить конкурентоспособность экспорта. В этом случае целью является нетто-курс, то есть обменный курс, скорректированный на относительный темп инфляции по странам. Для этого есть убедительное основание. Страны, которые смогли сохранить относительно стабильный и конкурентоспособный нетто-курс, очевидно, сумели достичь лучших показателей экономического роста (см. диаграмму А).

Диаграмма А
Повышение действующего нетто-курса и темп роста ВВП на душу населения в отдельных странах, 1970–2003 годы

Источники: данные по ВВП, полученные от Статистического отдела Организации Объединенных Наций, и сведения относительно обменных курсов из базы данных по проблемам роста Глобальной сети по вопросам развития Исследовательского института по проблемам развития Нью-Йоркского университета, доступной по адресу: <http://www.nyu.edu/fas/institute/dri/global%20development%20network%20growth%20database.htm>.

^а Величины более 100 означают переоцененные (с завышенным курсом) валюты, а величины менее 100 — недооцененные (обесцененные) валюты.

На диаграмме показан средний уровень «повышения» (или «переоценивания») нетто-курса, измеренного как отклонение паритета покупательной способности (ППС) валюты каждой страны по отношению к доллару США и скорректированного с учетом разницы в темпах роста производительности этой страны по отношению к Соединенным Штатам^а. Страны Африки к югу от Сахары и Латинской Америки в основном сконцентрированы в правой нижней части диаграммы, что указывает на сочетание завышенного нетто-курса и более низких темпов экономического роста. Две крупные страны Латинской Америки — Аргентина и Бразилия — также находятся в этой группе. Страны Восточной и Юго-Восточной Азии, как правило, находятся в верхнем левом секторе, что связано с более конкурентными обменными курсами при высоких темпах экономического роста. Политика в области обменного курса в большинстве этих стран была направлена на поддержку промышленной и коммерческой политики для обеспечения роста, ориентированного на экспорт.

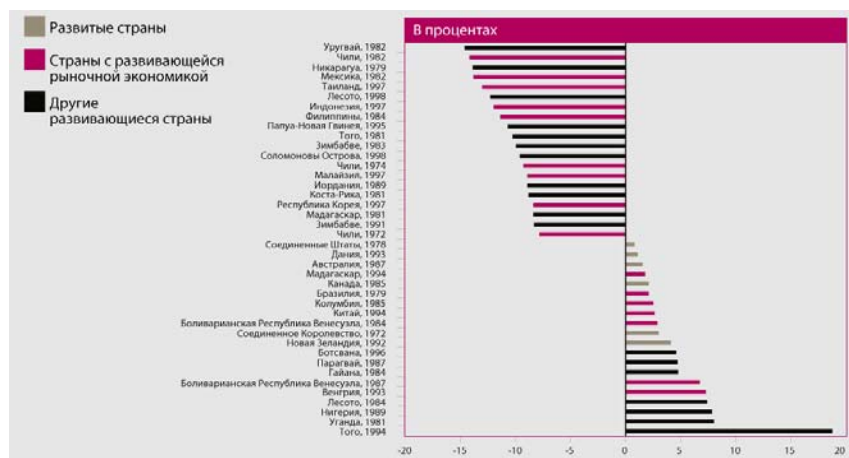
^а В используемом показателе ППС был скорректирован с учетом роста реального дохода на душу населения в каждой стране в данной выборке относительно этих показателей в Соединенных Штатах. Рост реального дохода на душу населения берется как косвенный показатель роста производительности. Предполагается, что страны с более высоким уровнем производительности и доходом на душу населения испытывают большую нехватку рабочей силы и, следовательно, имеют более высокий уровень заработной платы, что приводит к повышению цен на неходовой товар и влечет за собой повышение нетто-курса (или завышение, как это называется в соответствующей литературе). Этот метод впервые описан в работе Dollar (1992) и затем был разработан Easterly (2001) и Gala and Lucinda (2006).

На данной диаграмме единственной страной в Африке, расположенной к югу от Сахары, которая проводила политику поддержания конкурентного обменного курса, является Уганда, которая сохраняла свою валюту конкурентной с 1986 года и в которой ВВП на душу населения рос в среднем на 1,9 процента в год (Rodrik, 2000). Ряд стран Латинской Америки, включая Мексику, Чили, Колумбию, Коста-Рику и Доминиканскую Республику, также находятся в левой половине диаграммы, и все эти страны имеют относительно высокие экспортные показатели, особенно в 1990-е годы. По темпам экономического роста особое место в Латинской Америке занимает Чили как страна, добившаяся наилучших показателей. После валютного кризиса в начале 1982 года тот факт, что чилийской экономике удалось избежать завышенной оценки песо, оказал благоприятное воздействие как на макроэкономическую стабильность, так и на экономический рост.

Конкурентный обменный курс не означает, что девальвация валюты будет всегда способствовать росту. Девальвация может привести к краткосрочным отрицательным последствиям для роста. В некоторых случаях, например в случае кризиса, вызвавшего девальвацию валюты, отрицательные последствия могут полностью нивелировать выгоды от международной конкурентоспособности, приводя к сокращению объемов производства (см., например, Coorep, 1971; Krugman and Taylor, 1978; Edwards, 1986; и Agénor, 1991). Одно из наиболее серьезных последствий, ведущих к сокращению объемов производства, может быть вызвано валютными несоответствиями между активами и пассивами балансов правительств и частных компаний, особенно в странах с большим внешним долгом. В результате девальвации возросла бы стоимость пассивов в иностранной валюте по отношению к внутренним активам, что привело бы к повышению вероятности банкротства и снижению потребления и инвестиций, как было при азиатском кризисе конца 1990-х годов. Даже если страна в целом является чистым кредитором, некоторые компании могут оказаться чистыми должниками и экономические последствия их убытков могут с лихвой перекрыть выгоду находящихся в лучшем положении компаний.

Масштабные девальвации валют оказали различное воздействие на экономический рост в разных странах и в разные периоды времени (см. диаграмму В). Хотя примерно в половине отобранных случаев за девальвацией последовало значительное сокращение ВВП, в других случаях наблюдались слабые признаки подъема.

Диаграмма В
**Подъем/сокращение во время отдельных валютных кризисов^а,
 1972–1998 годы**

Источники: Gupta, Mishra and Sahay (2003).

^a Величина сокращения/подъема = $g_{post2} - g_{pre3}(tranq)$, где g_{post2} является средним темпом роста в T и $T+1$, T — кризисным годом, а $g_{pre3}(tranq)$ — средним темпом роста в годах $T-1$, $T-2$ и $T-3$, за исключением случаев, когда кризис имел место между $T-1$ и $T-3$; в этом случае используются три ближайших последовательных спокойных (некризисных) периода.

При выборе режима обменных курсов и разработке политики в отношении обменных курсов в развивающихся странах неизбежны компромиссы между выгодами и издержками, связанными с взаимоисключающими характеристиками гибкости и стабильности обменных курсов. Таким образом, надлежащие режим и политика в отношении обменных курсов для конкретной страны в определенный период зависят от широких рамок макроэкономической политики в данной стране.

Цикличность макроэкономической политики в развивающихся странах

*Антициклическая макроэкономическая политика имеет значение для
 долговременного роста*

В недавно опубликованных эмпирических исследованиях, посвященных вопросам экономического роста, приводится ряд доказательств того, что способ проведения макроэкономической политики может иметь серьезное значение для долговременного роста. Авторы работ Aghion и Howitt (2005) и Aghion, Vaгgo и Marіanescu (2006) показали, что антициклическая политика может непосредственно влиять на долговременный экономический рост. Испытывающие финансовые трудности компании в условиях экономического спада вынуждены сокращать капиталовложения, что в конечном счете отрицательно сказывается на экономическом росте. Однако, если бы у правительства было фискальное пространство для увеличения государственных расходов, сокращения

налогов, предоставления субсидий частным предприятиям для долгосрочных капиталовложений и/или для смягчения денежно-кредитной политики в период экономического спада, негативное воздействие на долгосрочное инвестирование и экономический рост было бы снижено.

Развивающиеся страны часто проводят проциклическую макроэкономическую политику

Однако на практике макроэкономическая политика в развивающихся странах чаще бывает проциклической, скорее усугубляющей, нежели ослабляющей негативное воздействие спадов на долговременный экономический рост. В этом отношении различия в возможностях и способности правительств развивающихся стран, пытающихся проводить антициклическую политику, могут стать дополнительным фактором, усиливающим наблюдаемую дивергенцию роста этих стран.

Цикличность политики определяется как политическая позиция в отношении темпов роста экономики. Например, бюджетно-налоговая политика считается антициклической, когда расходы повышаются и/или ставки налогообложения снижаются в целях противодействия спадам в экономике, и происходят обратные процессы, когда экономика находится на подъеме.

В работе Kaminsky, Reinhart and Végh (2004) исследовалась цикличность денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики на примере выборки из 104 развитых и развивающихся стран в период 1960–2003 годов⁴. Согласно индексу, выведенному как средневзвешенное цикличности государственных расходов и ставок налогообложения, бюджетно-налоговая политика в Руанде и Омане носила наиболее ярко выраженный проциклический характер, тогда как в Финляндии — наиболее антициклический. Исследование показало, что в целом в большинстве развивающихся стран макроэкономическая политика имела проциклический характер, а в странах с развитой экономикой — в основном антициклический.

Бюджетно-налоговая политика в странах Африки и Латинской Америки носила более проциклический характер, чем в странах Азии

Бюджетно-налоговая политика в странах Африки и Латинской Америки была в высшей степени проциклической (таблица IV.2). В странах Восточной Азии с быстроразвивающейся экономикой бюджетно-налоговая политика была либо нейтральной по отношению к циклу деловой активности, либо антициклической.

Прослеживается отрицательная корреляция между цикличностью бюджетно-налоговой политики и темпами долговременного роста

При проведении сравнений в рамках большой выборки развивающихся стран наблюдается сильная отрицательная корреляция между проциклическим

⁴ Цикличность политики определяется как корреляция между циклической характеристикой конкретной политической установки и циклической характеристикой роста ВВП. Для отделения циклического компонента от «структурного» при анализе тенденций роста объемов производства, бюджетных расходов, налогообложения и валютных переменных обычно используется метод отбора данных Хедрика-Прескотта (Hedrick-Prescott filter approach).

бюджетно-налоговым режимом и темпом долговременного роста, (см. диаграмму IV.6), хотя есть и резкие отклонения, имеющие немаловажное значение. Непосредственная связь между циклическостью денежно-кредитной политики и экономическим ростом гораздо слабее, отчасти из-за технических трудностей при определении соответствующего показателя циклическости для денежно-кредитной политики по всем странам, учитывая различия в режимах такой политики⁵.

Таблица IV.2

Циклическость бюджетно-налоговой политики и экономического роста в отдельных странах и регионах, 1960–2003 годы

<i>Регион/страна</i>	<i>Циклическость бюджетно-налоговой политики (индекс)^a</i>	<i>Средний темп роста ВВП на душу населения (в процентах)</i>
Африка	0,30 (высоко проциклическая)	1,1
Камерун	0,51 (высоко проциклическая)	1,0
Кот-д'Ивуар	0,38 (высоко проциклическая)	0,4
Кения	0,26 (высоко проциклическая)	1,2
Руанда	0,63 (в высшей степени проциклическая)	0,5
Латинская Америка	0,25 (высоко проциклическая)	1,2
Аргентина	0,28 (высоко проциклическая)	1,0
Бразилия	0,22 (высоко проциклическая)	2,4
Колумбия	-0,02 (нециклическая)	1,8
Мексика	0,19 (умеренно проциклическая)	2,0
Перу	0,40 (высоко проциклическая)	0,8
Боливарианская Республика Венесуэла	0,36 (высоко проциклическая)	-0,3
Азия	0,16 (умеренно проциклическая)	3,3
Страны Азии с быстроразвивающейся экономикой	0,06 (нециклическая)	4,4
Китай	-0,03 (нециклическая)	6,1
Индонезия	0,09 (проциклическая)	3,6
Республика Корея	-0,11 (антициклическая)	5,8
Малайзия	0,11 (проциклическая)	4,0
ОЭСР	-0,11 (антициклическая)	2,6
Финляндия	-0,51 (в высшей степени антициклическая)	2,9
Франция	-0,24 (высоко антициклическая)	2,5
Германия	-0,02 (нециклическая)	1,9
Япония	0,05 (нециклическая)	4,0

⁵ Еще труднее найти общий для всех стран критерий, позволяющий сопоставить денежно-кредитную политическую установку с бюджетно-налоговой политикой, поскольку некоторые страны планируют совокупную денежную массу, другие — процентную ставку, а третьи — валютный курс.

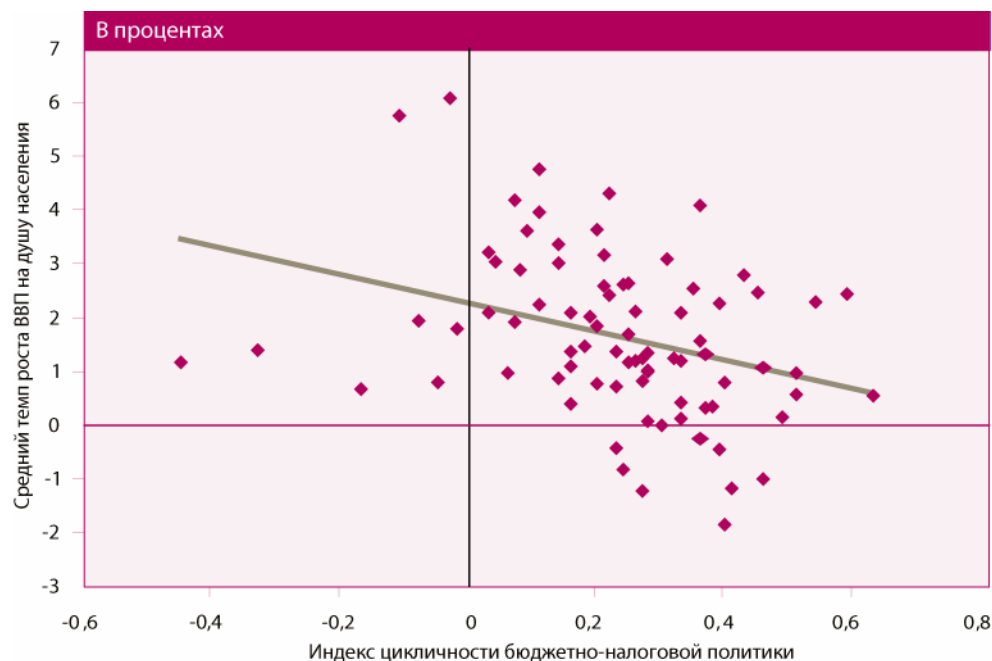
Регион/страна	Цикличность бюджетно-налоговой политики (индекс) ^a	Средний темп роста ВВП на душу населения (в процентах)
Соединенное Королевство	-0,37 (в высокой степени антициклическая)	2,2
Соединенные Штаты	-0,19 (умеренно антициклическая)	2,2
Развивающиеся страны с доходом от высокого до среднего уровня	0,28 (высоко проциклическая)	2,8
Развивающиеся страны с доходом от среднего до низкого уровня	0,17 (умеренно проциклическая)	2,0
Страны с низким доходом	0,28 (высоко проциклическая)	1,0

Источник: ДЭСВ ООН, на основании данных Kaminsky, Reinhart и Végh (2004).

^a Выведено как средневзвешенное показателей цикличности бюджетно-налоговой политики, которые включают государственные расходы, косвенный показатель изменений в ставках налогообложения и изменений в расходах в течение цикла деловой активности в 104 странах. Индекс варьируется от -0,51 до 0,63, где положительные числа означают более высокую процикличность, а отрицательные числа — уровень антицикличности (более подробную информацию можно найти в работе Kaminsky, Reinhart and Végh, 2004).

Диаграмма IV.6

Цикличность бюджетно-налоговой политики и экономический рост в развивающихся странах, 1960–2003 годы

Источник: ДЭСВ ООН на основании данных Kaminsky, Reinhart and Végh (2004), а также базы данных Всемирного банка “World Development Indicators 2005”.

Примечание: Определение индекса цикличности см. в сноске к таблице IV.2.

Затраты на проведение проциклической политики для многих развивающихся стран являются высокими

Затраты на проведение проциклической политики для многих развивающихся стран являются высокими. В периоды экономического подъема проциклическая макроэкономическая политика, в частности неосмотрительное расходование бюджетных средств, может привести к неэффективному размещению ресурсов, что в ряде случаев может непосредственно способствовать перегреву экономики и стать причиной макроэкономической нестабильности. В период спадов такие проциклические действия, как чрезмерно жесткая денежно-кредитная политика и непродуманная фискальная перестройка, могут привести к значительным убыткам при осуществлении многих важных социальных программ, замедлить процессы создания инфраструктуры и накопления человеческого капитала и тем самым не только усугубить экономический спад, но и снизить потенциал для долговременного роста.

Например, в 1980–1993 годах серьезные ухудшения в условиях торговли привели к значительному дефициту государственного дохода и крупному дефициту по внешним счетам в тех западно-африканских странах, где основной валютой являлся франк КФА. Практически все эти страны обратились за поддержкой к бреттон-вудским учреждениям. Условием предоставления кредитов на цели структурной перестройки было проведение жестких программ макроэкономической стабилизации, при этом корректировка текущих счетов и фискальная перестройка осуществлялись в основном за счет сокращения расходов. В Кот-д’Ивуаре, например, за десять лет государственные расходы были сокращены почти на треть. Кроме того, были снижены объемы государственных капиталовложений и расходы на образование; в последнем случае это привело к сокращению численности учащихся в школах и нивелировало прогресс, достигнутый в 1960-е и 1970-е годы⁶. Кроме того, сокращение государственных капиталовложений в объекты инфраструктуры привело к снижению инвестиций частного сектора (см. ниже).

Факторы, являющиеся причиной проциклическости макроэкономической политики

Причиной проциклическости макроэкономической политики в развивающихся странах и ограниченных возможностей для осуществления антициклической политики может стать ряд факторов. Некоторые из них выделены в данном контексте в связи с предыдущим обсуждением, при этом мы не ставим задачу дать исчерпывающую картину. Во-первых, одним из потенциальных источников проведения проциклической политики, особенно в развивающихся странах с доходом среднего уровня, является приток иностранного капитала. Как отмечалось в предыдущем разделе, проциклический характер этих потоков ограничивает эффективность традиционных инструментов макроэкономической политики.

⁶ Государственные расходы в Кот-д’Ивуаре сократились с 32 процентов от ВВП в 1980 году до 22 процентов в 1989 году; численность учащихся в начальных школах упала с 75 процентов в 1980 году до 65 процентов в 1992 году (оценки основаны на базе данных Всемирного банка “World Development Indicators 2005”). Кроме того, анализ отрицательного воздействия программ макроэкономической стабилизации на государственные расходы и сферу социальных услуг см., среди прочего, в материалах Nadjimichael and Galy (1997) и Azam (1998).

Во-вторых, как об этом также говорилось в предыдущем разделе, снятие ограничений в финансовой сфере как на национальном, так и на международном уровне способствовало повышению неустойчивости и усилению проциклическости во многих развивающихся странах. Во время подъема экономики посредники на рынке обычно недооценивают риск, предоставляя ссуды заемщикам с невысоким кредитным рейтингом. Быстрый рост цены активов во время подъемов стимулирует рост объемов кредитования. Стремление связать резервы с текущей нормой просроченных ссуд еще больше усиливает эту проциклическую тенденцию. Во время резких подъемов просроченных задолженностей немного и обеспечение потерь по кредитам ограничено: это снижает очевидные издержки по кредитованию и таким образом повышает рост объемов кредитования. И наоборот, во время спадов количество просроченных ссуд растет, их обеспечение должно возрастать, а кредитование сокращается и может даже привести к уменьшению предложения на рынке кредитов, что усиливает экономический спад. Опасения в отношении слабости финансовой системы во время спада могут побудить к введению более жестких мер регулирования, что в краткосрочной перспективе может усугубить проблемы, связанные с доступностью кредита (Осамро, 2003).

В-третьих, недостатки внутренней институциональной структуры, как правило, являются еще одним источником проциклического проведения бюджетной политики. В некоторых случаях причиной может быть неустойчивость государственных доходов, вызванная высокой зависимостью от сырья и колебаниями цен на него на мировых рынках. Когда цены высокие и, следовательно, экономика находится на подъеме, правительства, как правило, увеличивают расходы. Когда происходит резкое падение цен, снижается государственный доход и скорее всего в период экономического спада потребуются жесткая бюджетная политика. Для развивающихся стран, ориентированных на экспорт сырья, могут оказаться полезными такие инструменты, как стабилизационные фонды. Некоторым странам удалось с помощью сырьевых стабилизационных фондов нивелировать воздействие неустойчивых сырьевых цен на бюджетный доход. В числе таких фондов следует назвать компенсационный фонд доходов от продажи меди в Чили, стабилизационные фонды доходов от продажи кофе и нефти в Колумбии и вспомогательный фонд доходов от продажи хлопка в Буркина-Фасо. Эффективность этих фондов — а следовательно их роль в смягчении проциклического характера бюджетно-налоговой политики — была различной. Важным условием их деятельности является институциональный потенциал, позволяющий осуществлять адекватное управление этими фондами (Gottschalk, 2005). В других случаях, как отмечалось в предыдущем разделе, невозможность противостоять неустойчивым потокам капитала, вынуждающим применять проциклическую позицию и ограничивающим эффективность макроэкономической политики, отчасти объясняется наличием слабой и плохо регулируемой банковско-финансовой системы.

Некоторым развивающимся странам, например, Чили в 1990-х годах, удалось достичь бюджетных показателей, которые не зависели от кратковременных колебаний экономического роста (так называемые структурные бюджетные нормы). Существенно более высокие показатели экономического роста и гораздо большую макроэкономическую стабильность, достигнутую Чили по сравнению с другими латиноамериканскими странами, можно объяснить тем, что управление осуществлялось в соответствии с этой антициклической поли-

тической установкой (Fiess, 2002; French-Davis, 2006). Для эффективного управления такой системой нужны люди, продуманно и последовательно разрабатывающие такую политику, и политическая поддержка таких норм.

В целом, начиная с 1980-х годов, акцент был перенесен от дискреционных мер в области макроэкономической политики на меры, основанные на нормах, в надежде на то, что с помощью последних удастся избежать макроэкономической нестабильности, присущей этой политике. Между тем нормативная система не является панацеей. Например, в последнее время при определении макроэкономической политики стал широко применяться метод, ориентирующийся на инфляцию. Основанная на нормах политика осуществлялась примерно в 20 странах, включая значительное количество развивающихся стран. При таком денежно-кредитном режиме независимый центральный банк принимает на себя обязательство поддерживать ценовую стабильность, объявляя заранее установленные пределы колебания инфляции. Данная политическая мера имеет ряд преимуществ, включая возможность сделать более прозрачной и надежной политику центрального банка (Организация Объединенных Наций, 2000). Тем не менее узкая направленность денежно-кредитной политики на достижение намеченного показателя инфляции может сместить акцент и отклониться в сторону поддержания стабильного валютного курса, может сделать макроэкономическое регулирование проциклическим в ответ на внешние потрясения (включая потрясения, которые отражаются на доступности внешнего финансирования) и, в более широком плане, может привести к тому, что, несмотря на макроэкономическую стабилизацию, задачи обеспечения занятости и экономического роста решаться не будут. В целом, политика, основанная на нормах, может хорошо функционировать в обычных условиях, но поскольку со временем структура экономики меняется и не исключена возможность различных потрясений (например, резкие изменения спроса и предложения), заранее установленные директивы могут утратить свою актуальность или оказаться слишком жесткими. Кроме того, поскольку риски и неопределенности, с которыми сталкивается экономика страны, не всегда имеют единожды заданные параметры — то есть они могут не воспроизводить в точности прошлые схемы — в период аномалий, например, кризисов, всегда будет необходима определенная степень осторожности при проведении политики, чтобы минимизировать риски огромных макроэкономических потерь. Кроме того, успешный опыт стран Восточной Азии и некоторых других развивающихся стран свидетельствует о преимуществах разумного сочетания правил и гибкости (см. вставку IV.2).

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что проциклическая макроэкономическая политика может быть присуща институциональной структуре страны и согласовываться со стратегией опоры на внешние источники финансирования и государственные доходы. Однако для развивающихся стран важно найти пути, позволяющие расширить пространство для антициклической макроэкономической политики. Как видно из проведенного анализа, проциклическая политика может оказаться весьма затратным средством достижения экономического роста, и повлиять, особенно во время спадов, наряду с прочим, на инвестиции в инфраструктуру и развитие человеческого потенциала, а также поставить под угрозу перспективы долговременного развития.

Вставка IV.2

Гибкая макроэкономическая политика, лежащая в основе исключительно высоких экономических показателей Ботсвы

Африканские страны, входящие в зону применения франка КФА и ранда, придерживались «нормативной системы», характеризующейся фиксированным обменным курсом и жесткими ограничениями на финансирование центральным банком бюджетного дефицита, тогда как все другие африканские страны следовали «дискреционной системе», для которой характерна большая степень свободы в плане финансирования бюджетного дефицита и установления номинального обменного курса.

Как показано в таблице, тем африканским странам, которые в рамках своей макроэкономической политики осуществляли меры, основанные на нормативах, удалось добиться снижения инфляции до существенно более низкого уровня и лучшего бюджетного баланса по сравнению с остальными странами. Однако анализ показателей экономического роста за последние четыре десятилетия не позволяет говорить о каком-либо статистически значимом различии между этими двумя группами. Ботсвана в данном случае является очевидным исключением из правила.

Рост ВВП, инфляция и невыполненные государственные обязательства в странах Африки к югу от Сахары, 1960–2002 годы

	<i>Система, основанная на нормативах</i>	<i>Дискреционная система</i>	<i>Ботсвана</i>
Рост ВВП			
В среднем	3,4	3,2	8,4
Максимум	5,6	4,4	26,4
Минимум	1,4	-0,5	1,9
Инфляция			
В среднем	6,3	12,8	10,5
Максимум	10,5	915,9	16,4
Минимум	-1,4	4,4	6,6
Государственные обязательства и другие источники (годовой рост в виде доли М2)			
В среднем	0,9	9,7	-29,5
Максимум	6,7	306,6	117,2
Минимум	-7,2	-8,1	-255,4

Источник: ДЭСВ ООН, на основе сведений из базы данных Всемирного банка "World Development Indicators 2005".

Ботсвана фактически является единственной страной среди стран Африки к югу от Сахары, которая успешно использовала богатые залежи полезных ископаемых для обеспечения устойчивого экономического роста. Отчасти этот успех можно отнести на счет использования антициклической бюджетно-налоговой политики, позволяющей управлять резким ростом и спадами в горнодобывающем секторе, особенно в алмазодобывающей отрасли, и эффективного управления обменным курсом.

Политическую обстановку, на фоне которой достигнуты эти впечатляющие показатели, отличает сочетание мер, основанных на нормативах, и гибкого подхода. Унаследованный от британцев метод валютно-денежного регулирования сохранился и после обретения страной независимости, хотя фунт был заменен южно-африканским рандом. В 1976 году Ботсвана вышла из зоны ранда, чтобы осуществлять более независимую денежно-кредитную политику и самостоятельно определять обменный курс. В течение ряда лет валюта Ботсваны была жестко привязана к ряду иностранных валют, при этом обменный курс колебался в определенном диапазоне, но наибольший вес при этом имел южно-африканский ранд. Кроме того, такой режим поддерживался определенными мерами контроля за обменным курсом, которые были введены, чтобы регулировать потенциальные нарушения в счетах движения капиталов. Ботсване удалось предотвратить завышение курса своей валюты и поддержать конкурентоспособность других товаров помимо продукции горнодобывающего сектора, а также в сравнении с другими африканскими странами успешно провести диверсификацию своей экономики. Действительно, хотя доля обрабатывающей промышленности в ВВП Ботсваны по-прежнему незначительна, ее рост выглядит впечатляющим, особенно по сравнению с показателями сектора обрабатывающей промышленности в других странах Африки к югу от Сахары.

В течение долгого времени денежно-кредитная политика в Ботсване рассматривалась как инструмент для решения задачи общего развития страны, а не просто как средство управления спросом. Процентные ставки удерживались на низком уровне, с тем чтобы стимулировать инвестирование и экономический рост. Интервенции на рынке иностранной валюты, направленные на удержание валюты от ревальвации, породили избыток ликвидности в банковской системе и расширили предложение частных заемных средств. Однако как только в избыточной ликвидности появились признаки инфляционности, денежно-кредитные органы отреагировали на это, изменив ряд институциональных механизмов. Например, поскольку отсутствие рынка ликвидных средств подорвало способность Центрального банка поглощать избыточную ликвидность, Центральный банк ввел банковские сертификаты и организовал регулярные аукционы этих сертификатов. Таким образом, происходил постепенный отказ от прямых политических мер в пользу применения рыночных инструментов в экономике.

На бюджетном фронте одним из самых больших достижений Ботсваны явилось выравнивание государственных расходов при одновременном обеспечении их стабильного роста. Стратегия антициклической бюджетно-налоговой политики в широком смысле состояла из поддержания существенного бюджетного профицита и накопления значительных международных валютных резервов в периоды высоких цен на алмазы. Эти резервы использовались при падении цен на рынке алмазов, которое имело место в начале 1980-х и 1990-х годов, и позволили не прибегать к резкому сокращению расходов в периоды экономических спадов. Такому выравниванию государственных расходов содействовали планы национального развития, в которых определялись целевые показатели по расходованию государственных средств наряду с ожидаемыми государственными доходами и способностью экономики к их освоению.

Государственные капиталовложения в инфраструктуру и развитие человеческого потенциала

Частично наблюдаемую дивергенцию роста среди развивающихся стран можно отнести на счет разрыва в объемах государственных капиталовложений в инфраструктуру и затрат на развитие человеческого потенциала

Отчасти наблюдаемую дивергенцию роста среди развивающихся стран можно объяснить разрывом в объемах государственных капиталовложений в инфраструктуру и различиями в затратах на развитие человеческого потенциала. Как отмечалось в главе III, государственная политика, направленная на изменение экономической структуры, включает комплекс многосекторальных или горизонтальных мер, таких как инвестиции в физическую инфраструктуру (например, дороги, порты и телекоммуникации), а также интервенции, направленные на повышение качества человеческого капитала, имеющегося в экономике данной страны, то есть способностей и навыков людей, которые позволяют им быть экономически продуктивными, а также использовать и адаптировать новые технологии. Не все услуги такого рода в обязательном порядке должны предоставляться государством. Однако именно государственному сектору в первую очередь следует взять на себя ведущую роль в этой области, поскольку с такими инвестициями, наряду с прочим, обычно ассоциируются значительные объемы финансирования и высокие ожидаемые общественные доходы.

Физическая инфраструктура и экономический рост

Адекватный уровень инфраструктуры является необходимым условием для достижения компаниями эффективности производства. Отличительная черта инфраструктуры состоит в том, что она неделима по самой своей природе, и страны должны создать пороговый или минимальный уровень инфраструктуры (скажем, минимальную сеть дорог), чтобы получить эффект, который отразится на росте производительности во всех отраслях экономики. Для достижения минимального уровня инфраструктуры, странам необходимо поддерживать существенный уровень государственного инвестирования на протяжении длительного периода времени.

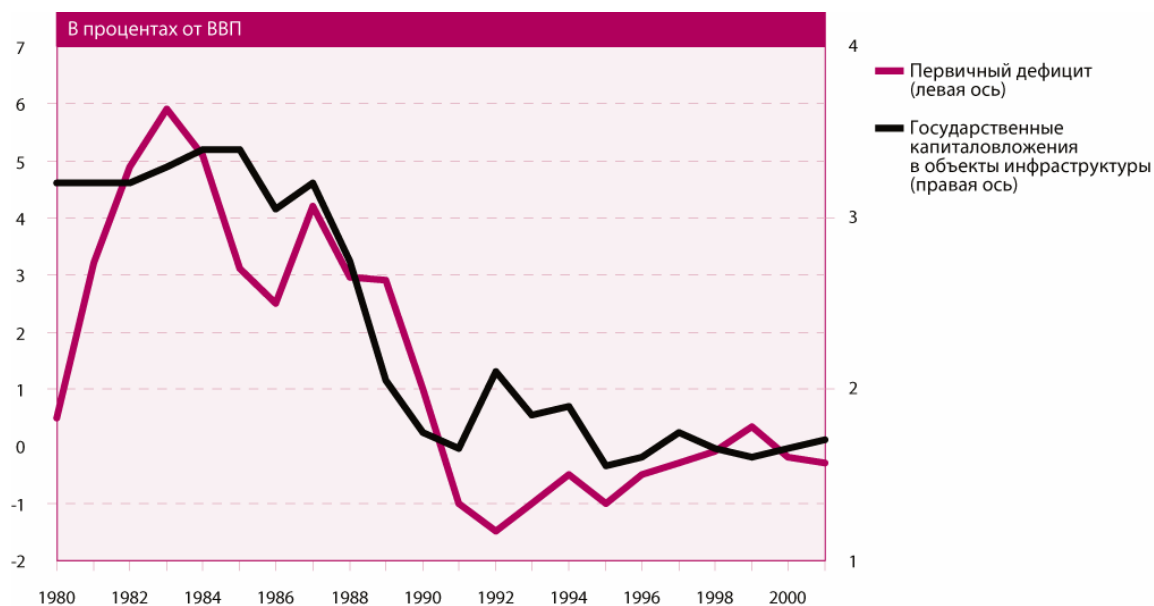
Разрыв в качестве и охвате инфраструктурой между странами Восточной Азии с быстро развивающейся экономикой и остальными развивающимися странами увеличился

Отсутствие таких возможностей у стран Латинской Америки и африканских стран к югу от Сахары отчасти объясняет их отставание от стран Восточной Азии, которые поддерживали инвестиции в инфраструктуру на определенном уровне. Страны Восточной Азии вкладывали больше средств в повышение качества объектов инфраструктуры и расширение сферы охвата. В Африке капиталовложения в ряде стран с низким уровнем дохода, по всей видимости, поддерживались за счет оказываемой им помощи. Резкий контраст представляет ситуация в Латинской Америке, где с течением времени произошел спад в объемах капиталовложений в инфраструктуру в результате проведения более жесткой фискальной политики, начатой в 1980-х годах. Государственные расходы на капиталовложения в инфраструктуру в группе семи латиноамерикан-

ских стран снизились с 3 процентов от ВВП в 1980 году до менее чем 1 процента от ВВП в 2001 году (см. диаграмму IV.7 и публикацию World Bank and International Monetary Fund, 2006).

Диаграмма IV.7

Латинская Америка: первичный дефицит и государственные капиталовложения в объекты инфраструктуры, 1980–2001 годы

Источник: World Bank and International Monetary Fund (2006), figure 1.7.

Это привело к существенным различиям в качестве и наличии инфраструктуры. Действительно, начиная с 1960-х годов плотность дорог в Латинской Америке и странах Африки к югу от Сахары практически не росла, тогда как в Восточной Азии она утроилась. Кроме того, доступность телефонных линий в Восточной Азии в два раза выше, чем в Латинской Америке, и в 10 раз выше, чем в странах Африки к югу от Сахары (см. таблицу IV.3).

Эмпирические данные подтвердили наличие позитивной взаимосвязи между инфраструктурой и экономическим ростом

Сравнительные исследования инфраструктуры и показателей экономического роста различных стран часто свидетельствуют о положительных коэффициентах окупаемости капиталовложений в инфраструктуру. Одной из наиболее часто цитируемых аналитических работ в этой области является монография Easterly и Rebelo (1993), авторы которой исследовали взаимосвязь между экономическим ростом и бюджетно-налоговой политикой по поперечному срезу стран в период 1970–1988 годов. Среди прочих результатов авторы пришли к выводу, что капиталовложения в общественный транспорт и связь имеют положительную корреляцию с экономическим ростом. Одна из недавних работ была посвящена взаимосвязи между экономическим ростом и накопленной инфраструктурой. В монографии Sanchez-Robles (1998), например, выстроен показатель наращивания объектов инфраструктуры (километры железных и ав-

томобильных дорог, энергетическая мощность и количество телефонов на душу населения), которые, как выяснилось, оказали существенное влияние на экономический рост. По данным других исследований, подобное воздействие имело место как в развитых, так и в развивающихся странах (Easterly, 2001; Demetriades and Mamuneas 2000; и Roller and Waverman, 2001).

Установив тот факт, что обеспечение инфраструктурой способствует экономическому росту, авторы вышеупомянутых исследований, однако, не попытались определить, превышает ли отдача от возрастающих государственных расходов на инфраструктуру издержки на ее обеспечение. В то же время подсчеты Каннинга (Canning, 1999) позволяют предположить, что общественные доходы от выработки электроэнергии и транспортных маршрутов мало отличаются от доходов частных предприятий, хотя автор установил, что количество телефонов на одного работающего действительно имело значительно более высокую отдачу. Он утверждал, что этот результат позволяет усомниться в разумности финансирования проектов в области развития инфраструктуры путем непропорционального налогообложения. С другой стороны, во многих других исследованиях был сделан вывод, что вклад услуг инфраструктуры в рост ВВП обычно превышает издержки их предоставления (см., например, Rodriguez, 2006b). Более того, государственные капиталовложения в транспорт и связь повышают уровень частных инвестиций. Когда государственные и частные капиталы дополняют друг друга, развитие инфраструктуры способствует повышению нормы прибыли на частный капитал и тем самым стимулирует рост запасов частного капитала. Этот эффект может быть значительным, особенно в условиях открытой экономики.

Таблица IV.3

Наличие телефонных линий и плотность сети автомобильных и железных дорог: соотношение величин двух основных показателей состояния инфраструктуры в развивающихся регионах и развитых странах, 1960–1995 годы

(В процентах)

	1960 год	1965 год	1970 год	1975 год	1980 год	1985 год	1990 год	1995 год
Телефонные линии на 1000 работающих								
Развитые страны	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Восточная Азия	7,6	10,2	14,5	18,8	24,7	29,9	35,5	41,1
Восточная Европа и Центральная Азия	13,2	14,9	17,8	21,1	23,7	29,4	36,8	47,0
Латинская Америка	17,3	15,9	15,1	14,2	14,0	15,2	17,5	23,6
Ближний Восток и Северная Африка	15,3	19,2	21,4	23,2	28,7	32,1	35,4	39,8
Южная Азия	0,9	0,9	0,9	0,9	1,0	1,2	1,7	3,1
Страны Африки к югу от Сахары	3,0	2,7	2,4	2,3	2,4	2,6	3,1	4,3
Автомобильные и железные дороги на км ²								
Развитые страны	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Восточная Азия	22,3	32,7	40,7	44,2	50,6	57,3	60,1	63,7

	1960 год	1965 год	1970 год	1975 год	1980 год	1985 год	1990 год	1995 год
Восточная Европа и Центральная Азия	30,3	40,0	41,6	40,2	40,8	41,5	46,2	48,7
Латинская Америка	2,9	3,3	3,6	3,9	4,5	4,7	4,8	5,0
Ближний Восток и Северная Африка	8,8	10,0	11,0	11,2	12,2	13,2	12,8	13,5
Южная Азия	14,1	14,1	14,3	15,0	16,3	17,3	18,1	24,1
Страны Африки к югу от Сахары	6,6	9,0	9,4	8,6	8,3	8,0	7,9	7,9

Источник: Rodriguez (2006b).

Изменения в государственных капиталовложениях не оказали существенного влияния на увеличение разрыва в доходах богатых и бедных стран; не более 12 процентов данного увеличения обусловлено упомянутыми изменениями

Казалось бы, можно утверждать, что более низкий объем капиталовложений в инфраструктуру развивающихся стран — вызванный сокращением государственных расходов в результате мер по корректировке — способствовал росту неравенства в доходах между развитыми и развивающимися странами. Похоже, однако, что не это было основным фактором. В лучшем случае, изменения в государственных капиталовложениях можно назвать незначительным фактором в углублении разрыва между богатыми и бедными странами, на который приходится не более 12 процентов этого увеличения, учитывая, что в 1980-е и 1990-е годы в развитых странах также наблюдалось замедление в наращивании инфраструктуры (Rodriguez, 2006b). Это позволило некоторым развивающимся странам догнать развитые страны, а другим не отстать от них.

Увеличивающийся разрыв в доходах между странами Восточной Азии и Латинской Америки по меньшей мере на треть обусловлен отставанием в развитии инфраструктуры

В то же время увеличивающийся разрыв в наличии и качестве инфраструктуры, по всей видимости, не объясняет основного в дивергенции экономического роста между развивающимися странами. По одной из оценок, различия в уровнях государственных капиталовложений в инфраструктуру могли бы объяснить всего лишь треть разрыва в объемах производства между Восточной Азией и Латинской Америкой (Calderón and Servén, 2003).

Сокращения государственных инвестиций, способствующих повышению темпов экономического роста, могут в будущем поставить под угрозу финансовую устойчивость

Во многом сокращение государственных расходов можно отнести на счет фискальной перестройки, предусмотренной в программах стабилизации, которые, как отмечалось ранее, были преимущественно проциклическими. Такие сокращения расходов могут отражать позиции политиков, предпочитающих урезать текущие расходы, что было бы труднее обосновать политически в краткосрочной перспективе. Однако эти сокращения ставят под угрозу долгосрочную финансовую стабильность, так как потенциал для дополнительных государственных доходов — на данном уровне налогообложения — в будущем снизится в результате более низких темпов экономического роста. Кроме того,

существует нелинейное воздействие масштаба инфраструктуры на экономический рост: неспособность поддерживать инфраструктуру выше определенного минимально необходимого порогового уровня может вообще приостановить процесс экономического роста. Например, сокращение накопления активов инфраструктуры, вызванное понижением объемов государственных инвестиций, предположительно снизило в течение 1980–1990-х годов рост ВВП в ряде стран Латинской Америки более чем на 1 процентный пункт (Calderón, Easterly and Servén, 2003). В результате ожидаемый эффект от сокращения расходов на инфраструктуру и его положительное влияние на финансовое положение были сведены на нет более высоким уровнем дефицита, вызванного снижением роста объемов производства в годы, следовавшие после перестройки. Игнорирование случаев политически мотивированных и неэффективных либо необоснованных инвестиций более низкие государственные затраты на инфраструктуру в конце концов ослабят, а не усилят платежеспособность, что противоречит первоначальному замыслу проведения фискальной перестройки.

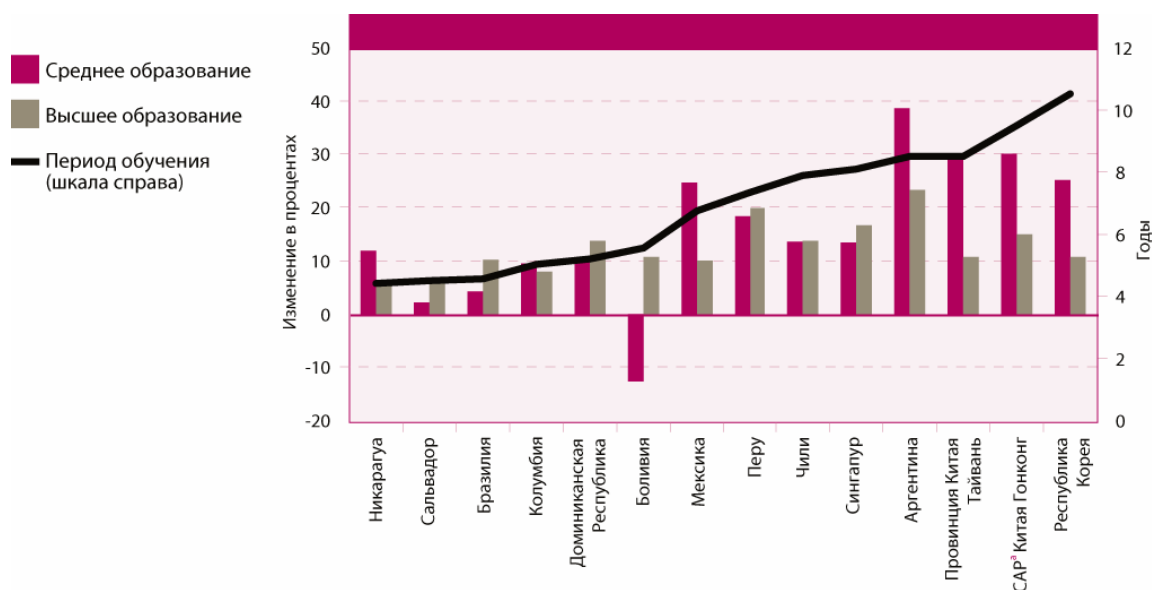
Существенные различия в инвестициях в человеческий капитал

Человеческий капитал имеет важное значение для долговременного экономического роста

Бюджетно-налоговая политика также может оказывать воздействие на формирование человеческого капитала. Человеческий капитал в виде более высокого уровня образования и хорошего здоровья расширяет возможности людей, повышает их творческий потенциал и продуктивность их деятельности. Более здоровые и лучше образованные люди могут эффективнее выполнять задачи, повышающие добавленную стоимость, чем люди с низким уровнем образования и квалификации. Они также более восприимчивы к новейшим технологиям и инновациям. Наконец, рабочие с высоким уровнем человеческого капитала легче адаптируются к меняющимся условиям работы и изменениям в отрасли и в большинстве своем обладают навыками, необходимыми для того, чтобы выдержать конкуренцию на международном уровне.

Как показано на диаграмме IV.8, в последние четыре десятилетия стал очевидным увеличивающийся разрыв в уровне образования между странами Латинской Америки и Восточной Азии. В 1960 году уровень образования был низок как в Латинской Америке, так и в Восточной Азии; но в период 1960–2000 годов среднее количество лет обучения в странах Восточной Азии возросло более чем на 4,5 года, а в Республике Корея более чем удвоилось, достигнув 10,5 лет. В то же время в Латинской Америке численность обучающихся в средней и высшей школе оставалась на низком уровне (Perry and others, 2006; De Ferranti and others, 2003). Если большинство стран в других регионах близко к достижению цели всеобщего начального образования, то в странах Африки к югу от Сахары в среднем численность учащихся, закончивших начальную школу, не превышает 50 процентов, при этом наблюдаются значительные различия в показателях получения образования мальчиками и девочками.

Диаграмма IV.8
Продолжительность обучения, 2000 год, и изменения в уровне образования, произошедшие в период 1960–2000 годов в странах Латинской Америки и Восточной Азии

Источник: ДЭСВ ООН, на основе данных De Ferranti and others (2003).

^a Специальный административный район Китая.

Таким образом, наблюдаемую дивергенцию роста можно частично объяснить различными результатами, достигнутыми в развитии человеческого потенциала. В ранних исследованиях, посвященных вопросам развития, уже было выявлено, что капиталовложения — государственные или частные — в здравоохранение и образование повышают экономические перспективы и благосостояние бедных слоев населения (Schultz, 1961). Начиная с этой основополагающей работы, в экономической литературе все чаще признавалось значение изначально высокого уровня человеческого капитала как необходимого условия долговременного роста (Barro, 1999; Lucas, 1988; и Lee, 1997). Многие из этих исследований были посвящены роли образования, но в некоторых также были сделаны выводы, что усилить экономический рост могут и улучшенные показатели здоровья населения, например, более высокая ожидаемая продолжительность жизни (Bloom, Canning and Sevilla, 2004).

Развитие человеческого потенциала является необходимым, но недостаточным условием для долговременного роста

Аналогичным образом, как отмечалось в главе I, авторы работы Ranis и Stewart (2005) обнаружили, что экономический рост в значительной степени обусловлен различными параметрами человеческого капитала, включая уровни грамотности и ожидаемую продолжительность жизни. Более того, ни одной стране, имеющей высокие темпы экономического роста и низкий уровень человеческого капитала, не удалось вступить в цикл ускоренного развития, отмеченный высокими показателями роста и человеческого капитала. Между тем

некоторые страны, пребывавшие в такой ситуации, действительно вышли из нее, но попали в порочный круг, когда низкий уровень человеческого капитала подавлял экономический рост, что, в свою очередь, негативно сказывалось на накоплении человеческого капитала. Авторы пришли к выводу, что невозможно достичь идеального эффективного цикла, если, поставив в качестве первоочередной задачи повышение темпов экономического роста, не заниматься развитием человеческого капитала. Любой рост, достигнутый таким образом, будет неустойчивым. С другой стороны, следует также отметить, что более высокие уровни человеческого капитала не обязательно гарантируют более быстрые темпы роста. Хорошо обученная, здоровая и квалифицированная рабочая сила является необходимым, но недостаточным условием для устойчивого роста.

Такой вывод подразумевает, что увеличение инвестиций в образование и здравоохранение может оказаться недостаточным для того, чтобы достичь цели экономического роста. Чтобы создать рабочие места для лучше образованного и более продуктивного населения, необходимо одновременно заниматься решением других проблем, препятствующих экономическому росту и структурным изменениям. Это ни в коей мере не умаляет значение развития человеческого потенциала для экономического роста, которое, безусловно, остается самостоятельной целью. Странам со значительным отставанием в показателях образования и здоровья придется существенно увеличить бюджетное пространство для расходов в этих областях.

Можно расширить бюджетное пространство для государственных расходов на развитие человеческого потенциала и инфраструктуры

Этого можно достичь прежде всего за счет повышения эффективности государственных расходов на здравоохранение и образование, более четко ориентируясь на приоритетные области в рамках социальных секторов и повышая рентабельность государственных программ. Во-вторых, необходимо укрепить базу налогообложения, особенно в странах с низкими государственными доходами. Такие формы мобилизации внутренних ресурсов для инвестирования в человеческий капитал должны быть в центре внимания стран со средним уровнем доходов. Для беднейших стран этого, очевидно, будет недостаточно, и важную роль в заполнении этих пустот придется сыграть иностранной помощи (см. ниже).

В рамках третьего подхода учитывается тот факт, что проведение проциклической макроэкономической политики затрудняет достижение стабильных и адекватных уровней социальных расходов и инфраструктуры, необходимых для усиления долговременного экономического роста. Таким образом, признавая необходимость поддержания устойчивого макроэкономического баланса, следует, тем не менее, изыскивать новые пути, позволяющие установить баланс между этой целью и расходами государственного сектора, которые имеют решающее значение для экономического роста и развития. В связи с этим Группа Рио предложила обсудить инновационные подходы к принятию усовершенствованных или скорректированных концепций бюджетных ориентиров, таких как отказ от капиталовложений, поскольку они способствуют накоплению активов (компенсируя таким образом пассивы), обладают антициклическим потенциалом во время кризиса и проведения корректировок и вносят вклад в достижение устойчивости долгосрочного роста (United Nations, 2004). Это предложение, однако, пока что не получило большой поддержки.

Официальная помощь в целях развития, экономический рост и развитие

В 1961 году, когда Генеральная Ассамблея провозгласила Первое десятилетие развития Организации Объединенных Наций, стало очевидно, что и богатым, и бедным странам для достижения поставленных целей экономического развития придется предпринять интенсивные усилия по мобилизации внутренних и внешних ресурсов. Идея выделения развитыми странами 0,7 процента валового национального дохода (ВНД) для оказания ОПР возникла во время обсуждений в конце 1960-х годов задач Второго десятилетия развития Организации Объединенных Наций. Этот целевой показатель был достигнут только несколькими странами-донорами. В 2002 году на Международной конференции по финансированию в целях развития, состоявшейся в Монтеррее, Мексика, международное сообщество вновь подтвердило необходимость конкретных усилий со стороны стран-доноров по достижению цели выделения 0,7 процента ВНД на ОПР и включило Цели в области развития Декларации тысячелетия в качестве реальных критериев, по которым будет оцениваться эффективность ОПР. Были предложены новые варианты «планов Маршалла» и «большого толчка», схожие с планами, выдвинутыми в начале 1960-х годов (UN Millenium Project, 2005).

Воздействие финансовой помощи на экономический рост было поставлено под сомнение

Изначальная логика «большого толчка», как она пропагандировалась в 1950-е–1960-е годы, основывалась на популярной в то время концепции динамики экономического роста: каждый доллар дополнительной помощи в возрастающей степени повышает капиталовложения и одновременно облегчает валютное регулирование, сдерживающее импорт средств производства и технологий. Эта аргументация, однако, не была принята всем экспертным сообществом, а авторы ряда солидных исследований указывали на то, что вероятными результатами роста объемов финансовой помощи могут стать вытеснение частных инвестиций и расточительное использование средств. Во многом первоначальной дискуссии помешало отсутствие данных или их недостоверность.

С тех пор было предпринято множество исследований, в которых изучалась эффективность оказываемой помощи. В этих исследованиях, как правило, использовалась большая выборка стран и рассматривались длительные периоды времени. В большинстве работ применялась эконометрическая методика для проверки существования связи между экономическим ростом и обязательствами по оказанию помощи (или использованию выделенных средств). Разобраться в этих исследованиях было достаточно сложно ввиду известных методологических ошибок, характерных для межстрановых регрессий, которые один из критиков назвал «анархией чисел» (Roodman, 2004). В процессе проведения дискуссий об эффективности оказания помощи было признано, что, поскольку помощь является многофункциональным и взаимозаменяемым потоком, ее воздействие на экономический рост вряд ли можно ассоциировать с простым линейным соотношением (что было типично для ранних исследований эффективности оказываемой помощи), скорее, оно имеет специфические особенности, характерные для конкретного времени и конкретной страны.

Воздействие оказываемой финансовой помощи на экономический рост зависит от того, как она расходуется и к каким макроэкономическим последствиям приводит

Воздействие финансовой помощи на экономический рост будет зависеть от того, как она расходуется и какие макроэкономические последствия порождает. Таким образом, соотношение между финансовой помощью и экономическим ростом на практике зачастую оказывается весьма сложным. Во-первых, не весь объем помощи предназначен для использования в целях инвестирования или расходования на развитие человеческого потенциала. Большая часть помощи выделяется для оказания помощи в чрезвычайных ситуациях или в гуманитарных целях. Кроме того, хотя эта форма помощи может оказать позитивное воздействие на экономический рост, смягчая негативные последствия природных катастроф и нестабильного положения на развитие человеческого потенциала, точно измерить ее вклад будет трудно. Во-вторых, даже если помощь направляется, например, непосредственно на инвестирование в инфраструктуру и развитие человеческого потенциала, ее воздействие на экономический рост будет зависеть не только от того, каким образом такое вложение средств способствует росту, но и от других факторов. Деньги можно распределять на разные цели, также как и финансовую помощь. Если правительство уже собралось произвести такие капиталовложения без средств ОПР, часть финансовой помощи может в конце концов пойти на покрытие других расходов или послужить стимулом для проявления меньшей активности при сборе налогов. Проблема перераспределения средств при расходовании финансовой помощи широко обсуждалась в литературе и была признана одной из причин более слабого воздействия средств, выделенных в качестве помощи, на экономический рост (см., например, White, 1998; McGillivray and Morrisey, 2001; Gupta, Powell and Yang, 2006). Тем не менее в последнее время получены свидетельства того, что, в большинстве случаев — когда помощь направляется на расходы в целях развития, — она способствует более высоким темпам экономического роста. В работе Reddy и Minoiu (2006) авторы показали, что помощь в целях развития, в отличие от геополитически мотивированной помощи, оказывала позитивное и значительное воздействие на экономический рост (см. вставку IV.3).

Не было получено никаких систематических доказательств того, что рост объемов финансовой помощи приводит к завышению реального валютного курса или утрате конкурентоспособности

В-третьих, значительные притоки финансовой помощи также вызовут другие макроэкономические корректировки. Некоторые скептики уже давно предупреждают о возможности так называемого «проклятия помощи», в чем-то схожем с «проклятием природных ресурсов» (см. главу V), когда высокие объемы помощи подавляют деловую активность, вызывая инфляцию местных издержек или приводя к давлению завышенных валютных курсов⁷. В работе Rajan и Subramanian (2005) авторы приводят «убедительное свидетельство» завышения реального валютного курса в результате потоков финансовой помощи, которые замедлили развитие трудоемкого обрабатывающего сектора,

⁷ В экономической литературе такое явление часто называется «голландской болезнью». Размышления о том, почему это определение не совсем подходит к потокам финансовой помощи, см., среди прочего, в работе Gupta, Mishra and Sahay (2003, pp. 21–22) и материалах Международного валютного фонда (International Monetary Fund, 2005b).

обычно являющегося двигателем долговременного роста в более бедных странах. Однако их вывод больше всего подходит для 1980-х годов, когда воздействие потоков финансовой помощи на валютный курс было самым слабым, что наводит на мысль о проблемах с определениями. На самом деле, суть скорее всего в том, что внешние потрясения, имевшие место в 1980-х годах, стимулировали дополнительные потоки финансовой помощи (включая списание долгов) в страны, обрабатывающие отрасли которых подверглись воздействию этих самых потрясений. Однако в других исследованиях утверждается, что потоки финансовой помощи необязательно приводят к завышению реального валютного курса. Например, в работе МВФ (2005) авторы исследования, посвященного пяти африканским странам пришли к выводу, что только в Гане наблюдалась незначительная ревальвация валюты в течение тех лет, когда резко возросли потоки финансовой помощи, и что экспортные показатели в большинстве из этих пяти стран оставались высокими.

Вставка IV.3

Эффективность помощи и экономический рост: вид оказываемой помощи имеет значение

В эконометрическом примере, основанном на стандартной межстрановой модели роста, авторы работы Reddy и Minoiu (2006) проанализировали долговременное воздействие различных компонентов помощи на экономический рост в странах-получателях. Зависимой переменной был средний рост дохода на душу населения в 1990-е годы. Соответствующие объясняющие переменные включали, среди прочего, исходный уровень дохода на душу населения, ожидаемую продолжительность жизни, государственное потребление, институциональное качество, географические факторы, революции, темпы роста условий торговли, многосторонние и двусторонние виды помощи с разбивкой по донорам, а также геополитическую помощь в виде доли от ВВП. Эти переменные были усреднены, и регрессии были проведены по четырем временным периодам: 1960–2000, 1970–2000, 1980–2000 и 1990–2000 годы. Результаты показали, что лаговые переменные помощи были существенным фактором, объясняющим рост, наблюдавшийся в 1990-е годы, и что повышение объемов помощи на 1 процент от ВВП в течение предыдущих периодов было связано со средним темпом роста ВВП на душу населения, который в 1990-е годы был выше на 0,085 процентных пункта.

Далее в исследовании была проведена разбивка общих потоков помощи, чтобы из общего объема помощи выделить компоненты, способствующие росту и развитию, и отделить их действительное воздействие от геополитически мотивированного, возможно, ослабляющего элемента помощи. В альтернативных определениях помощи в целях развития использовались три косвенных показателя: а) многосторонняя помощь; б) двусторонняя помощь со стороны стран Северной Европы (включая Исландию); и с) двусторонняя помощь со стороны более многочисленной группы стран-доноров, заинтересованных в содействии развитию (страны Северной Европы плюс Австрия, Канада, Люксембург, Нидерланды и Швейцария).

Выбор косвенных показателей был сделан с учетом того, что многосторонняя помощь более тесно связана с целями развития, чем с геополитическими целями, и что некоторые страны-доноры в большей степени ориентированы на развитие, чем другие. Хотя этот подход тоже не лишен определенной ограниченности, недавно проведенное исследование помощи, оказываемой странами Северной Европы, показало, что существуют четкие различия между ними и другими двусторонними донорами в том, что касается размеров этой помощи, особого отношения к демократическим странам, меньшей зависимости от критериев открытости, но большего учета практики соблюдения прав человека, а также отсутствия зависимости от «дружбы» со страной-получателем (Gates and Hoeffler, 2004). Геополитическая помощь обуславливалась прошлыми и настоящими геополитическими связями (нашедшими отражение в колониальных взаимоотношениях, использовании одного и того же языка и совместном членстве в союзах, объединениях или соглашениях).

Результаты, полученные при разделении потоков помощи на эти составные элементы, оказались весьма впечатляющими. Рост ВВП на 1 процент при получении многосторонней помощи в 1960-е годы соотносился с ростом на половину процентного пункта среднего темпа роста душевого ВВП в 1990-е годы, а подобный рост в 1970-е годы соответствовал добавлению четверти процентного пункта к показателю роста два десятилетия спустя. В то же время, геополитическая помощь отрицательно сказывалась на росте и в статистически значимом плане, хотя ее предельное воздействие было гораздо меньше по величине. Возможная обеспокоенность в отношении этих характеристик связана с тем, что некоторая часть двусторонней помощи, предназначенная для целей развития, могла оказаться не включенной в косвенный показатель помощи в целях развития в регрессиях. Особенно впечатляющими были результаты, полученные с учетом помощи, поступавшей от двух двусторонних донорских групп, которые свидетельствовали о существовании четко выраженной положительной зависимости: средний рост в период 1980–2000 годов был выше по меньшей мере на 1 процентный пункт в тех странах, которые получили 1 дополнительный процент от ВВП в качестве финансовой помощи от стран Северной Европы в 1970–1980-е годы. Этот результат является относительно устойчивым в сравнении с другими спецификациями регрессии.

Результаты исследований содержат ряд доводов в пользу идеи «большого толчка» — обеспечения экономического роста с помощью целенаправленных крупных притоков ОПР

Такие данные, свидетельствующие о положительном долгосрочном влиянии помощи на экономический рост, безусловно, являются важным фактором в свете новых обязательств, принимаемых сообществом государств-доноров. Тем не менее финансовая помощь имеет второстепенное значение в контексте экономического роста. Очевидно, что ее использование для нейтрализации других неблагоприятных влияний на показатели роста во многих случаях было мало-

эффективным. Признание этого факта подчеркивает важность дальнейшего изучения возможных методов повышения эффективности оказываемой помощи. Имеющиеся результаты позволяют получить более четкое представление о потоках финансовой помощи и в то же время дают аргументы в поддержку идеи активизации усилий в оказании финансовой помощи. В этом отношении Цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия, могли бы рассматриваться как четкий перечень задач, который поможет направить такие совместные усилия на ликвидацию «очагов бедности», существующих во многих странах, особенно в Африке. Основным постулатом, на котором строится концепция «большого толчка», состоит в том, что имеющийся объем основного капитала в большинстве стран Африки находится ниже определенного порогового уровня, необходимого для того, чтобы оказать сильное воздействие на производительность и интеграцию экономики. Цель, таким образом, заключается в том, чтобы достичь порогового уровня с помощью целенаправленных мероприятий по государственному инвестированию. Как только этот критический уровень в плане наличия инфраструктуры и развития человеческого потенциала будет достигнут, совместное воздействие экономии, обусловленной ростом масштабов производства, результатов взаимодополняемости и взаимозависимости отраслей экономики сможет породить самостоятельный процесс, в котором ведущую роль займет инвестирование из частных источников. Целевое масштабное вливание финансовых средств — в частности, в проекты, связанные с инфраструктурой, образованием и здравоохранением, обеспечивающие рост продуктивности сельского хозяйства — могло бы дать возможность многим африканским странам повысить темпы экономического роста. Естественно, что для активизации усилий по предоставлению помощи необходим хотя бы минимальный уровень управленческих навыков (UN Millennium Project, 2005).

Однако развивающимся странам может не хватить управленческих навыков, чтобы справиться с огромными потоками иностранной помощи

В то же время в других исследованиях высказываются серьезные опасения относительно того, будут ли потенциальные получатели помощи обладать необходимыми для развивающихся стран «навыками управления, способствующими экономическому росту», которые позволят им распоряжаться производственными фондами и ресурсами — созданными как внутри страны, так и за ее пределами — таким образом, чтобы обеспечить получение совокупного дохода и увеличение производительности (Khan, 2006). В работах Easterly (2005) и Rodrik (2006b) авторы также предостерегали от иллюзий в отношении того, что сообщество доноров способно осуществить амбициозный проект по искоренению нищеты во всем мире при отсутствии внутренних институтов — проект, в ходе которого, экспериментируя методом проб и ошибок, можно было бы выяснить, какие методы действительно эффективны на местном уровне. Безусловно, как говорится в главе V, появившаяся в последнее время тенденция обуславливать предоставление финансовой помощи и потоки заемных средств обязательствами должников проводить определенную политику не привела к желаемым результатам в плане повышения качества работы государственных служб и, следовательно, является своего рода предупреждением против применения метода «по нисходящей». В то же время нужно извлечь уроки из примеров успешной работы, которые свидетельствуют о том, что можно активизировать усилия в области инвестирования в сочетании с институциональной подготовкой, чтобы выстроить траекторию быстрого и устойчивого роста (Kozul-Wright and Rayment, 2006).

Резюме и практические выводы

Дивергенцию роста среди развивающихся стран в последние четыре десятилетия нельзя целиком отнести на счет различий в проводимой макроэкономической политике, но они, безусловно, сыграли в этом определенную роль.

Значение макроэкономической стабильности и политической гибкости для экономического роста

Макроэкономическая стабильность оказывает существенное воздействие на показатели долговременного роста экономики. Однако макроэкономическую стабильность следует рассматривать в более широком плане, поскольку она влечет за собой нечто большее, нежели простое сохранение ценовой стабильности и устойчивого бюджетного баланса. Кроме того, она позволяет не допускать резких колебаний в экономической деятельности и занятости и, помимо прочего, поддерживать устойчивые балансы по внешним счетам и избегать завышения валютного курса. Частотность финансовых кризисов в развивающихся странах указывает на то, что макроэкономическая стабильность, наряду с прочим, связана с поддержанием четко регулируемых внутренних финансовых секторов, обоснованными банковскими балансами и оптимальными структурами внешней задолженности.

Высокие темпы и устойчивость роста облегчают достижение более высокого уровня макроэкономической стабильности, в том числе путем повышения устойчивости внутреннего и внешнего государственного долга. И наоборот, большая стабильность в широком смысле этого слова снижает инвестиционную неопределенность и, следовательно, способствует более высоким темпам долговременного роста.

Политика стабилизации в том виде, в котором она осуществляется во многих развивающихся странах, начиная с 1980-х годов, в основном была сосредоточена на задачах снижения инфляции и восстановления бюджетного баланса. Бесспорно, что сдерживание инфляции и осмотрительность в финансовых вопросах являются важными задачами макроэкономической политики, однако существуют опасения, что в практической деятельности страны могут сосредоточиться на решении этих задач в ущерб рассмотрению других параметров макроэкономической стабильности. В частности, ценовая стабильность часто достигалась за счет завышения обменного курса, низких темпов роста и непосильного бремени внешней задолженности. Более того, в течение последних двадцати лет макроэкономическая политика во многих развивающихся странах была сугубо проциклической. Это пагубно отразилось на развитии, поскольку существует сильная негативная корреляция между проциклическим финансовым режимом и долговременным ростом. Таким образом, создание пространства для проведения антициклической макроэкономической политики регулирования оказывается благоприятным для роста и макроэкономической стабильности в широком смысле этого термина. Это тем более важно для развивающихся стран, поскольку они больше подвержены внешним потрясениям.

Необходимо расширить пространство для проведения антициклической макроэкономической политики

Для правительств многих развивающихся стран пространство для проведения антициклической экономической политики ограничено, так как имеющиеся в их распоряжении налогово-бюджетные и валютные источники, как правило, невелики по сравнению с масштабами затрагивающих их внешних потрясений. Помочь расширению необходимого пространства для маневра могут усилия на международном уровне, смягчающие воздействие неустойчивых потоков частного капитала (см. ниже). Между тем на страновом уровне правительства также могут принять ряд мер по увеличению масштабов антициклической политики, совершенствуя институциональную базу для принятия решений в области макроэкономики.

Макроэкономическая политика и стратегии национального развития

Совершенствование институциональной базы позволяет с помощью бюджетно-налоговой политики соблюдать необходимый баланс между осмотрительностью и гибкостью в решении финансовых вопросов

В условиях усовершенствованной институциональной базы задача бюджетно-налоговой политики прежде всего состоит в том, чтобы, соблюдая баланс между осмотрительностью и гибкостью в решении финансовых вопросов, обеспечить как надежность политики, так и финансовую устойчивость. Эффективным средством проведения антициклической политики может стать определение бюджетных нормативов, которые не зависят от краткосрочных колебаний в темпах экономического роста (так называемых *структурных* бюджетных норм). Некоторым развивающимся странам, в частности Чили, удавалось успешно применять такие бюджетные нормативы. Кроме того, можно использовать фонды финансовой стабилизации, способствующие сглаживанию временной динамики налоговых поступлений из нестабильных источников, например, от предприятий добывающей промышленности, работающих на экспорт. Хотя опыт с использованием таких фондов в различных частях света не был однородным, они могут стать эффективным инструментом, позволяющим временно устранить необходимость вынужденного сокращения бюджетных расходов путем поддержания способствующих росту долгосрочных государственных инвестиций в инфраструктуру и развитие человеческого потенциала, в том числе в периоды снижения налоговых поступлений под воздействием внешних потрясений и экономических спадов.

Следует сохранить определенную степень дискреционных полномочий в рамках макроэкономической политики

Во-вторых, следует сохранить определенную степень дискреционных полномочий. Политика, основанная на нормативах, может оказаться слишком жесткой для применения в условиях макроэкономической нестабильности. Некоторые нормативные установки, в частности установление показателей инфляции, могут привести в противоречие общую цель макроэкономической стабилизации и узко поставленную задачу (достижение низкой инфляции), а также отрицательно сказаться на повышении уровня занятости и темпов роста, а также других задачах в области развития. Проведение политики в соответствии с нормативами может быть успешным в течение определенного времени в ус-

ловиях, когда экономика не испытывает серьезных потрясений; однако со временем по мере изменения структуры экономики будет меняться и степень ее уязвимости в отношении внешних потрясений. В условиях перемен заранее установленные нормы скорее всего утратят свою актуальность или окажутся слишком жесткими. Кроме того, риски и неопределенности, с которыми сталкивается экономика страны, никогда не проявляются одинаковым образом или с той же степенью интенсивности; всегда будет необходимо определенное пространство для свободы действий в целях осуществления коррекции, которая позволила бы минимизировать макроэкономические потери.

Макроэкономическая политика должна быть четко увязана с более широкими задачами политики в области развития

В-третьих, макроэкономическая политика должна быть четко увязана с другими областями экономической политики. Представляется, что решающим фактором в этом плане является конкурентоспособный реальный валютный курс. В быстро развивающихся странах Восточной Азии, например, макроэкономическая политика являлась частью более широкой стратегии развития, что непосредственно способствовало долгосрочному экономическому росту. В бюджетно-налоговой политике этих стран приоритет отдавался расходам на цели развития, включая инвестиции в образование, здравоохранение и инфраструктуру, а также субсидиям и гарантированию кредитов отраслям, производящим продукцию на экспорт. Денежно-кредитная политика координировалась с политикой, проводимой в финансовом секторе и промышленности, в том числе в вопросах целевых и субсидированных кредитных схем и регулирования процентных ставок для оказания непосредственного воздействия на инвестирование и накопление, при этом большое значение придавалось поддержанию конкурентоспособного обменного курса для стимулирования экспорта и диверсификации экспортной продукции. Во многих странах Латинской Америки и Африки, напротив, макроэкономическая политика с 1980-х годов была ориентирована на решение гораздо более узких задач краткосрочной стабилизации и неоднократно приводила к завышению валютного курса.

Перспективное резервирование, рассчитываемое на основе ожидаемых (а не существующих) убытков, когда кредиты уже использованы, может использоваться для снижения процикличности, обусловленной финансовым сектором

В-четвертых, для того чтобы снизить процикличность, обусловленную финансовым сектором, можно использовать такую меру, как перспективное резервирование, которое рассчитывается на основе ожидаемых или скрытых убытков (а не существующих потерь), когда кредиты уже использованы, с учетом полного цикла деловой активности (Осампо, 2003). Эта мера могла бы содействовать выравниванию цикла путем увеличения обеспечения или резервов в периоды резкого подъема и тем самым смягчить последствия ограничения кредитования во время спадов. Наряду и параллельно с этой мерой регулирующие органы должны поощрять применение методов и моделей управления рисками, что позволило бы использовать стратегии кредитования, менее чувствительные к краткосрочным факторам (см., например, Griffith-Jones, Segoviano and Spratt, 2003).

Международная политика в области снижения финансовой неустойчивости

Одна из главных задач многосторонних финансовых институтов заключается в оказании помощи развивающимся странам в смягчении пагубных последствий неустойчивых потоков капитала и обеспечении антициклических механизмов финансирования для компенсации проциклического движения, присущего потокам частного капитала. Существует целый ряд вариантов, позволяющих ослабить проциклическость потоков капитала и таким образом содействовать созданию более благоприятных условий для устойчивого экономического роста (Ocampo and Griffith-Jones, 2006).

Уменьшение валютных диспропорций и увязывание обязательств по обслуживанию долга с платежеспособностью развивающихся стран

Первый набор мер предусматривает использование финансовых инструментов, позволяющих уменьшить валютные диспропорции и увязать обязательства по обслуживанию долга с платежеспособностью развивающихся стран (например, путем выпуска облигаций, увязанных с ВВП или индексированных относительно цены какого-либо товара). Применение этих мер могло бы сопровождаться использованием инструментов гарантирования государственных займов с антициклическими характеристиками, выпускаемых многосторонними банками развития и учреждениями по кредитованию экспорта. Третья область может включать оказание содействия правительствам развивающихся стран в укреплении нормативной базы, которая снижала бы неустойчивость краткосрочных притоков капитала и обеспечивала надежность частных и государственных структур внутреннего финансового сектора.

В центре усилий по предупреждению кризисов должны оставаться меры по многостороннему наблюдению

Кроме того, многостороннее наблюдение — прежде всего со стороны МВФ — должно оставаться в центре усилий по предотвращению кризисов. Укрепление мер по обеспечению экстренного финансирования на международном уровне в случае внешних потрясений является важным элементом облегчения излишнего бремени, обусловленного перестройкой, и уменьшения издержек, связанных с крупными резервными остатками. Для стран со средним и низким уровнем дохода надлежащие механизмы должны предусматривать обеспечение ликвидности для нивелирования колебаний в экспортных поступлениях, в частности вызванных нестабильностью цен на сырье и стихийными бедствиями. Необходимо облегчать доступ к официальной международной ликвидности во время кризиса счетов операций с капиталом, причем этот доступ должен быть сопоставим с потенциально значительными потребностями стран, которые могут превосходить обычные лимиты кредитования, основанные на квотах членов МВФ.

Несмотря на достигнутый в последнее время прогресс в применении действующего в рыночных условиях подхода к четкому и экономичному разрешению кризиса неплатежей (например, с помощью включения пунктов о принятии коллективных действий в контракты о государственных облигациях и Принципы стабильных потоков капитала и справедливого реструктурирования долга в государствах с развивающимися рыночными отношениями), единство мнений относительно роли, которую должны сыграть многосторонние институты, не достигнуто. В приводимом ниже обзоре эффективности инструментов

МВФ, предусмотренных для оказания помощи в кризисных ситуациях, в частности политики кредитования задолженности и распространения информации, предпринимается попытка выяснить ту роль, которую Фонд, как ожидается, мог бы сыграть в кризисных ситуациях, обеспечивая таким образом дополнительный инструмент для оказания помощи странам в возвращении на путь к большей конвергенции.

Инвестирование в инфраструктуру и человеческий капитал

Наблюдаемую дивергенцию роста отчасти можно объяснить существенными различиями в объемах государственных инвестиций и расходов на инфраструктуру и развитие человеческого потенциала

Наблюдаемую в ряде стран дивергенцию роста отчасти можно объяснить существенными различиями в объемах государственных инвестиций и расходах на инфраструктуру и развитие человеческого потенциала. Одним из необходимых условий обеспечения эффективной деятельности компаний является надлежащий уровень инфраструктуры. По своей природе инфраструктура неделима, и странам необходимо довести развитие инфраструктуры до порогового или минимального уровня (например, создать минимальную сеть дорог), прежде чем это скажется на росте производительности во всех отраслях экономики. Для достижения этого порогового уровня странам необходимо поддерживать государственные инвестиции на достаточно высоком уровне на протяжении длительного периода времени. Неспособность стран Латинской Америки и стран Африки к югу от Сахары осуществить эти меры отчасти объясняет причины их отставания от стран Восточной Азии, которые поддерживают устойчивый уровень капиталовложений в инфраструктуру.

Данные эмпирических исследований говорят о том, что развивающиеся страны могли бы догнать страны развитого мира, если бы они добились более высокого уровня развития человеческого потенциала. Однако связи между экономическим ростом и развитием человеческого потенциала неоднозначны. Приведенные в главе I данные свидетельствуют о том, что все страны, достигшие успехов в области экономического роста, отличались относительно высоким уровнем развития человеческого потенциала на начальном этапе того периода, когда начался быстрый и устойчивый рост. Однако при этом не все страны с относительно высокими уровнями развития человеческого потенциала смогли достичь высоких темпов долгосрочного экономического роста. Развитие человеческого потенциала является необходимым, но недостаточным условием для роста. Для того чтобы создать условия, способствующие повышению уровня образования населения, необходимо устранить другие ограничения, препятствующие экономическому росту и структурным преобразованиям.

Необходимо создать пространство для маневра в бюджетной политике в целях осуществления долгосрочных инвестиций в инфраструктуру и развития человеческого потенциала

Странам, имеющим существенные проблемы в сфере инфраструктуры и развития человеческого потенциала, придется существенно расширить пространство в бюджетной сфере для расходования средств в этих областях. Во многих странах такого расширения пространства можно добиться главным образом за счет повышения эффективности государственных затрат на цели образования и здравоохранения путем обеспечения более четкой направленности на

решение приоритетных проблем в социальных секторах и повышения рентабельности государственных программ. Сокращению расходов в области инфраструктуры могли бы способствовать совершенствование механизмов финансирования и борьба с коррупцией при заключении контрактов на работы по строительству объектов инфраструктуры. Однако даже при таком повышении эффективности государственных расходов имеющихся ресурсов может оказаться недостаточно. Важное значение будет иметь укрепление налоговой базы, особенно в странах с низким уровнем государственных поступлений. Что касается беднейших стран, то очевидно, что для необходимых капиталовложений им потребуются значительные дополнительные ресурсы. Потребуется увеличить объем помощи в целях развития, которая должна направляться на поддержку инвестиций в инфраструктуру и развитие человеческого потенциала.

Как говорилось выше, проведение антициклической бюджетно-налоговой политики может, наряду с прочим, облегчить решение задачи по поддержанию надлежащих уровней текущих государственных расходов и капиталовложений, а также предотвратить необоснованное сокращение расходов на образование, здравоохранение и инфраструктуру в периоды экономических спадов.

Увеличение масштабов помощи и повышение ее эффективности

Вклад ОПР в экономический рост остается предметом серьезных дискуссий. Проведенный в настоящей главе анализ позволяет заключить, что большинство данных свидетельствуют о благотворном влиянии финансовой помощи на долгосрочное развитие. Таким образом, ОПР отчасти противодействовала тенденциям, ведущим к наблюдаемой в течение последних 40 лет дивергенции доходов. Однако, поскольку масштабы финансовой помощи оставались ограниченными, воздействие ОПР на сокращение разрыва в доходах между странами в лучшем случае можно считать крайне слабым.

Целенаправленное осуществление программ в сочетании с финансовой помощью могло бы содействовать ускорению темпов роста беднейших стран

Тем не менее этот вывод можно расценить как определенную поддержку вновь возникшей идеи «большого толчка» для развивающихся стран за счет финансовой помощи. Целенаправленное осуществление программ в сочетании с оказываемой помощью могли бы вывести беднейшие страны на путь ускоренного экономического роста. Такой подход предполагает не только то, что пути эффективного использования таких ресурсов в условиях конкретной страны в достаточной степени изучены, но и то, что правительства в принимающих странах имеют административный потенциал, чтобы управлять потоками финансовых средств, обеспечивая получение кумулятивного дохода и прибыли от производительности. Таким образом, при оценке дополнительных потребностей в помощи в целях развития необходимо рассматривать условия совершенствования структуры управления — особенно в таких областях как прозрачность бюджетных процессов, создание качественной государственной службы и улучшение системы социального обеспечения. В разных странах факторы, определяющие успех тех или иных мероприятий на местном уровне, различны, поэтому выдвижение учреждениями-донорами разработанных ими дополнительных условий в области государственного управления при предоставлении помощи и кредитов, как это стало практиковаться в последнее время, может не привести к желаемым результатам в плане повышения качества предоставления государственных услуг.

Глава V

Государственное управление, учреждения и дивергенция роста

Факторы, связанные с институциональной базой и государственным управлением, являются составляющими дивергенции экономического роста

В настоящей главе будет показано, каким образом факторы, связанные с институциональной базой и государственным управлением, могут помочь в объяснении дивергенции экономического роста между странами. Как было показано в главе I, относительно небольшая группа стран — в Западной Европе и связанных с ней регионах — увеличили показатели роста в период после 1820 года и добились устойчивого роста, и именно они по-прежнему остаются наиболее богатыми странами мира. Это было уникальным достижением с исторической точки зрения, поскольку до того момента периоды интенсивного роста неминуемо сопровождалось периодами спада. Кроме того, как представляется, пример Японии свидетельствует о том, что другие страны могли бы «преодолеть разрыв», добившись более высоких темпов роста по сравнению с первыми промышленно развитыми странами, присоединиться к группе роста и достичь сопоставимых показателей уровня жизни. Однако, как было показано в главе I, этого не произошло, поскольку большинству остальных стран не удалось достичь более высоких темпов роста по сравнению с развитыми странами. Начиная с 1980 года имела место двойная дивергенция, которая заключалась, во-первых, в более низких темпах роста развивающихся стран как группы по сравнению с промышленно развитыми странами и, во-вторых, в значительных различиях в отношении динамики роста между самими развивающимися странами.

Успех экономического роста зависит от учреждений, которые могут усовершенствовать функционирование рынков и обеспечить социальную сплоченность

В настоящей главе будет показано, что качество учреждений и структуры государственного управления оказывает влияние на рост страны и на дивергенцию темпов роста различных стран. В идеальном случае государственное управление обеспечивает удовлетворение интересов общества, в том числе путем поощрения социальной сплоченности, обеспечения большей справедливости и укрепления стабильности общества, гарантирования надлежащего предоставления общественных благ, обеспечения функционирования рынков и стимулирования сопряженной с принятием осознанных рисков деятельности отдельных лиц и предприятий. Строительство, направленное на совершенствование организационной базы в конкретных областях, где наиболее сильны сдерживающие рост факторы (однако без перестройки всей структуры управления), позволяет перевести экономику на путь более интенсивного роста. Кроме того, как показывает опыт некоторых стран Восточной Азии и Африки к югу от Сахары, способы устранения таких факторов базируются на конкретном опыте и учреждениях конкретных стран и, следовательно, универсального способа достижения этой цели не существует. Эти страны также продемонстрировали эффективность применения постепенного, или в некотором смысле экспериментального, подхода (в противоположность подходу «большого взрыва») к устранению сдерживающих факторов. При проведении реформы в отдельной области такой подход позволяет лицам, ответственным за разработку политики,

осмысливать и осуществлять необходимые преобразования в других частях структуры государственного управления в целях дополнения первоначальной реформы и повышения ее эффективности. Кроме того, такой подход свидетельствует о справедливости точки зрения, согласно которой успех экономических преобразований обусловлен созданием таких учреждений, которые обеспечат не только совершенствование функционирования рынков, но и социальную сплоченность.

В начале главы рассматриваются взаимоотношения между институциональной базой и экономической дивергенцией. Затем обсуждаются две основные теории, касающиеся важности структур государственного управления для экономического роста/развития и роли, которую они играют в разработке политики в развивающихся странах. В третьем разделе анализируется опыт нескольких стран, в которых преобразование структуры государственного управления способствовало успешному устранению сдерживающих рост факторов и впоследствии привело к устойчивому экономическому росту, а в следующем разделе рассматриваются примеры стран, оказавшихся неспособными добиться роста, а также некоторые особенности учреждений и государственного управления стран, затронутых конфликтами. В заключение главы приводится ряд программных рекомендаций.

Учреждения, государственное управление и экономический рост

Выбор соответствующих форм «качественных» учреждений и эффективного государственного управления для поддержки устойчивого роста в своей основе зависит от конкретной страны

Точно определить, какое «качество» учреждений и какие эффективные формы государственного управления необходимы для поддержания устойчивого роста, нелегко. Как представляется, их выбор зависит от конкретной страны и существующих условий. Для лиц, ответственных за разработку политики, важно знать, как можно добиться значительного расширения новых экономических перспектив путем более скромных, но целенаправленных реформ существующих учреждений и структур государственного управления. Таким образом, лица, ответственные за разработку политики, осознают возможное влияние перехода от существующей системы к новой на показатели экономической деятельности, а также оптимальные пути создания высококачественной структуры государственного управления без серьезных издержек для общества.

Постепенное совершенствование институциональной базы в конкретных областях может оказаться достаточным для устранения сдерживающих рост факторов

Как показывает экономическая история и опыт реформ институциональной базы, даже постепенное совершенствование институциональных рамок в конкретных областях, по-видимому, может оказаться достаточным для устранения сдерживающих рост факторов и положить начало процессу устойчивого роста. В семнадцатом веке обеспечение защиты обширной группы купцов-коммерсантов в Нидерландах и Великобритании от случайных факторов, препятствующих осуществлению их прав собственности, и создание эффективной и разветвленной правовой системы в целях защиты этих прав явилось одним из

предприятий, которые заложили основы процесса устойчивого развития этих стран (см. вставку V.1). В более близкий к нам период начатая Китаем в конце 1970-х годов реформа сельских и аграрных учреждений заложила основу для нынешних экономических успехов этой страны (см. ниже).

Условием достижения экономических успехов в рамках рыночной системы является создание учреждений, которые бы обеспечивали не только совершенствование функционирования рынков, но и социальную сплоченность. Для целей настоящей главы подразумевается, что государственное управление, или государственные учреждения, обеспечивают удовлетворение интересов общества, действуя в следующих двух обширных областях: функционирование рынков и социальная сплоченность¹. Рост, достигаемый за счет последней, едва ли может носить устойчивый характер в течение длительного периода времени: совершенствование функционирования рынков и укрепление социальной сплоченности должны усиливать друг друга.

Факторы «государственного управления» и факторы «институциональной базы» невозможно четко разграничить. Институциональная база, как правило, является более широким понятием, поскольку она охватывает формальные и неформальные «ограничения», в том числе нормы и положения, которые не только определяют деятельность государства, но и регулируют деятельность частных предприятий (см. Организация Объединенных Наций, 2000 год, глава VIII).

Функционирование рынка может совершенствоваться путем снижения операционных издержек, обеспечения общественных благ, регулирования сферы промышленного производства и разработки стратегий долгосрочного роста

Несмотря на частичное совпадение двух групп факторов государственного управления — определяющих формирование рынков и укрепляющих социальную сплоченность, — может оказаться полезным их классификация в соответствии с критериями, предложенными Осампо (2006). Факторы государственного управления, определяющие формирование и совершенствование рынков, могут быть подразделены на факторы, которые а) способствуют формированию рынков путем снижения операционных издержек, а также предоставления и защиты прав собственности; б) обеспечивают предоставление общественных благ (определяя, в классическом смысле, неконкурентные и неисключаемые блага), а также тех благ, которые имеют положительные внешние последствия, и сокращают поставку тех, которые влекут отрицательные внешние последствия; в) содействуют осуществлению регулирования на отраслевом уровне, в особенности в отношении неконкурентных рыночных методов; и d) обеспечивают регулирование, позволяющее избежать кратковременных макроэкономических диспропорций, и разработку структурных стратегий и политики, создающих условия для долгосрочного роста путем предоставления надлежащих стимулов и содействия финансовым инновациям, накоплению человеческого капитала и инвестициям.

¹ В работе World Bank and International Monetary Fund (2006, part II) управление в государственном секторе определяется сходным образом, однако в основном подчеркиваются открытость и транспарентность политических систем и административных механизмов в формировании эффективных национальных систем государственного управления.

Вставка V.1

Первая великая дивергенция и важность трансатлантической торговли

О важности роли трансатлантической торговли в первой великой дивергенции экономического роста можно судить на основании того факта, что страны Западной Европы, которые участвовали в этой торговле, характеризовались более высокими показателями урбанизации и роста валового внутреннего продукта (ВВП) по сравнению со странами Восточной Европы, а также со странами Западной Европы, которые не участвовали в этой торговле (см. Acemoglu, Johnson and Robinson, 2005).

Прибыль от трансатлантической торговли, колониальной политики и рабовладения была тем фактором, который непосредственным образом обусловил их более быстрый рост. Тем не менее роль этой непосредственной связи представляется относительно небольшой и считается, что еще одним фактором, хотя и косвенным, но более значительным, был сдвиг баланса власти внутри самих торгующих стран от узких кругов, близких к монарху, в сторону более многочисленной группы купцов, работорговцев и колониальных плантаторов, получавших прибыль от этой торговли и требовавших — и добившихся — серьезных реформ институциональной базы для защиты их прав собственности. В двух странах, где монархия уже носила ограниченный характер, а именно в Англии и Нидерландах, члены этой группы добились успеха в обеспечении дополнительной защиты своих прав собственности.

В Британии, где большинство коммерческих интересов были отчуждены в результате предоставления Яковом II различных монопольных привилегий и поддержали вторжение штатгальтера Нидерландов Вильгельма, итогом Славной революции 1688 года было принятие новым монархом принципов конституционной монархии и верховенства парламента, что было закреплено в Билле о правах 1689 года. Славная революция была революцией не в том смысле, что она уничтожила существовавшие учреждения, а в том, что она восстановила те «права и свободы», которым, как считалось, угрожали абсолютистские тенденции правления Стюартов.

Аналогичным образом, в Нидерландах купцы составляли значительную группу, которая добивалась независимости от господства Габсбургов и предоставления большей защиты в отношении их прав собственности. Получив права собственности, «английские и нидерландские торговцы вкладывали большой капитал, больше торговали и стимулировали экономический рост» (Acemoglu, Johnson and Robinson, 2005, p. 572). В отношении Нидерландов можно сделать следующие выводы:

Институциональная база Нидерландов благоприятствовала экономическому росту. Религиозная терпимость стимулировала иммиграцию квалифицированной рабочей силы. Права собственности были ясны, и передача собственности поддерживалась кадастровыми реестрами. Действенная правовая система и надежная банковская система создавали благоприятные условия для экономического предпринимательства. Налоговые ставки были высокими, однако налогами облагались расходы, а не доходы. Это стимулировало сбережения, экономность и интенсивный труд. Таким образом, Нидерланды представляли собой модель экономической эффективности и служили наглядным примером для британской политики (Maddison, 2001, p. 80).

Политические институты Испании и Португалии, в отличие от Нидерландов и Британии, были более абсолютистскими по своему характеру. Поскольку круги, близкие к монарху, обладали монопольными правами в трансатлантической торговле и были главными бенефициарами трансокеанской торговли и добычи трофеев, они не добивались изменений институциональной базы. Результатом ослабления институциональной базы были значительно более низкие темпы экономического роста: к 1700 году в Нидерландах и Британии доход на душу населения достиг 2110 долл. и 1405 долл., соответственно, в то время как в Португалии и Испании он составлял 854 долл. и 900 долл., соответственно (Maddison, 2001, p. 90, table 2–22a).

Надлежащее предоставление благ и услуг, перераспределение материальных ценностей и процессы совместного принятия решений способствуют усилению социальной сплоченности

Другая группа факторов государственного управления, которые способствуют приведению деятельности рынка в согласие с социальной сплоченностью, включает факторы, которые: а) гарантируют надлежащее предоставление благ и услуг, которые в данном обществе рассматриваются как блага и услуги, которые должны предоставляться всем его членам; б) путем проведения политики перераспределения изменяют структуру владения материальными ценностями и распределения доходов с целью достижения такого уровня перераспределения, который обществом считается желаемым или по меньшей мере допустимым; в) управляют конфликтами, которые могут возникать в связи с функционированием рынков; и d) регулируют участие в процессах принятия решений, связанных не только с последствиями распределения, но и с самим функционированием рынков, поскольку без воздействия на функционирование рынков невозможно достичь желаемых результатов в сфере распределения.

Эти учреждения во многом отображают распространенные в обществе в определенный исторический момент представления о том, что справедливо и честно применительно к надлежащему уровню перераспределения материальных ценностей и доходов внутри общества, той роли, которую должно играть правительство в предоставлении общественных благ, а также тех благ и услуг,

которые должны быть гарантированы гражданам. Даже среди развитых стран наблюдаются значительные расхождения во взглядах на то, что должны обеспечивать учреждения: например в скандинавских странах система налогообложения применяется для обеспечения перераспределения доходов и прибылей в большей степени, чем в Соединенных Штатах. Кроме того, исторический опыт показывает, что благополучные общества добились успехов в обоих направлениях, а именно в совершенствовании функционирования рыночной экономики и в достижении социальной сплоченности, а не просто целенаправленно реализовали отдельную абстрактную идею, такую как «защита прав собственности» или «свободное функционирование рынка». Как отмечал Карл Полаanyi в 1944 году, стремление к полностью саморегулирующемуся рынку без какого-либо вмешательства со стороны государства или общества отражает опасные иллюзии (Polanyi, 1944). Добиться успеха в общем случае удастся путем расширения масштабов участия и непрерывного осуществления преобразований, с тем чтобы обеспечить стабильное управление изменяющейся системой отношений внутри общества.

Широкомасштабное участие в выгодах, получаемых от роста, способствует возникновению у населения ощущения справедливости и честности

Создаваемые в результате институциональные механизмы обеспечивают для людей стимулы вкладывать средства, работать, учиться и заниматься научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами. Эффективность этой системы во многом определяется ее способностью обеспечить рост и повышение уровня доходов и общего благосостояния, а также достичь социальной сплоченности и, в целом, создать общество, которое его граждане считают справедливым и честным (Rawls, 1999). Как будет показано ниже, успех стран Восточной Азии и наиболее преуспевших африканских стран, таких как Ботсвана и Маврикий, в значительной степени был обусловлен широкомасштабным участием в выгодах, получаемых от роста, в результате чего у населения сложилось ощущение справедливости и честности.

Способ формирования такой институциональной системы определяет основы принятия политических решений и зачастую накладывает ограничения на политическую свободу, например, путем введения закона о сбалансированном бюджете или системы валютного администрирования в целях достижения макроэкономической стабильности (Glaser and others, 2004). Когда такие самоограничения уравниваются политической гибкостью в других областях экономического и социального управления, авторитетность и устойчивость общих принципов политики, таким образом, обеспечивает пространство для маневра в будущем в политике для органов власти. Как было показано в главе IV, обусловленное принятием в некоторых странах Восточной Азии законов о сбалансированном бюджете сокращение потребности в дефицитном финансировании, что является ключевым фактором макроэкономической стабильности, в свою очередь, позволило финансовым властям обеспечить эффективное финансирование образования, здравоохранения и инфраструктуры.

Изменения структуры государственного управления и рост

Перестройка парадигмы стратегий развития привела к значительным изменениям институциональной базы

Перестройка парадигмы стратегий развития на протяжении последних десятилетий привела к значительным изменениям институциональной базы, в рамках которой эти стратегии должны были осуществляться. В связи со снижением динамики роста, начавшимся приблизительно с 1980 года, стратегии развития были сосредоточены преимущественно на сокращении вмешательства государства в экономику путем освобождения внутренних рынков от ценового контроля, снятия торговых барьеров, либерализации финансовых рынков и приватизации государственных предприятий. По логике, уход государства на второй план должен был привести развивающиеся страны к более интенсивному и более устойчивому развитию. Как отмечалось выше, с момента начала этих реформ, которые проводились повсеместно, показатели роста в отдельных развивающихся странах различались: одни страны (в частности, в Восточной и Южной Азии) по-прежнему превосходили все остальные страны и быстро приближались к уровню богатых стран; другие характеризовались низкими или крайне низкими показателями роста более или менее постоянно (например, во многих районах Африки к югу от Сахары) или вследствие стремительных подъемов и спадов (как в странах Латинской Америки).

Существует соблазн сосредоточить внимание только на специфике политики реформ 1980-х и 1990-х годов и предположить, что дивергенция путей развития была обусловлена преимущественно различиями в скорости и модели реформ. Сейчас признано, что различия в структурах государственного управления представляют собой лишь часть более глубоких факторов, определяющих дивергенцию путей, и эти различия служат основой для изучения вопроса о применимости некоторых из этих реформ в условиях тех стран, где изменения в структуре государственного управления не соответствовали задаче содействия достижению ожидаемых результатов политики реформ.

Существует два подхода к трактовке значения структуры государственного управления для роста и развития

В вышедшей за последнее время литературе представлены два подхода к трактовке значения структуры государственного управления как определяющего фактора роста и развития: а) новая сравнительная экономика, в которой права отдельного человека по закону (включая права собственности), антикоррупционные меры и другие факторы, связанные с государственным управлением, рассматриваются как ключевые факторы, значение которых часто оценивается путем проведения сравнительного анализа ситуаций разных стран; и б) подход, основанный на многообразии систем государственного управления, в рамках которого признаются различия в институциональной базе в разные периоды времени и в различных точках пространства и исследуется, каким образом экономические субъекты в различных условиях реагируют на определенный набор норм и положений, регулирующих рынки.

При попытках оценить качество государственного управления встречаются серьезные концептуальные и практические проблемы

Подход, основанный на сравнительном анализе ситуаций различных стран, стремится установить позитивные причинно-следственные связи между качеством государственного управления и темпами роста. Тем не менее, как будет показано ниже, при попытках оценить качество государственного управления встречаются серьезные концептуальные и практические проблемы. Осознание масштабов различий между системами государственного управления, с одной стороны, дает возможность частично объяснить формирование как региональных «клубов конвергенции», так и моделей дивергенции, рассмотренных в главе I. Если в стране сформировалась собственная уникальная система государственного управления, перенос этой системы в другую страну будет затруднительным (или вообще невозможным); тем не менее уникальная система может быть, с незначительными изменениями, принята соседними странами с аналогичными социально-экономическими условиями.

Новая сравнительная экономика

Сравнительный регрессионный анализ динамики роста в различных странах является излюбленным инструментом некоторых экономистов, используемым для оценки значения системы государственного управления для экономического развития. Доход на душу населения или темпы роста оцениваются по нескольким показателям качества государственной власти — таким как верховенство права, (анти)коррупционная политика, политическая стабильность и эффективность деятельности правительства. В таких регрессионных оценках используются и другие переменные, не связанные с государственным управлением, такие как географические или исторические характеристики.

В сравнительном регрессионном анализе ситуаций различных стран обычно используется соотношение между доходом на душу населения и параметрами качества государственного управления, такими как верховенство закона, для доказательства того, что эффективное государственное управление оказывает положительное влияние на экономические показатели. Возьмем, к примеру, параметр верховенства закона, который показывает, насколько граждане доверяют общественным нормам и соблюдают их, и включает их представление об уровне преступности, эффективности судебной системы и обеспечения выполнения договоров (Kaufmann, Kraay and Mastruzzi, 2004, p. 4). Он отражает тесную связь между качеством государственного управления — в данном случае справедливостью и предсказуемостью правовых норм — и уровнем доходов. Для отражения многогранных аспектов системы государственного управления можно составить сводный индекс, включающий несколько показателей государственного управления, таких как эффективность государственного управления, качество регламентарной системы и антикоррупционные меры, и применять его в рамках сравнительного анализа различных стран, находящихся в аналогичных ситуациях. Во многих исследованиях также предпринимается попытка выявить факторы, влияющие на качество государственного управления, на основе использования экологических, географических, геологических и исторических данных².

² Пожалуй, наиболее авторитетной публикацией в данной области является работа Acemoglu, Johnson and Robinson (2001).

Сравнительный регрессионный анализ ситуаций различных стран показал, что государственное управление оказывает сильное влияние на доходы...

Как отмечается в литературе, государственное управление оказывает сильное влияние на доходы, даже если не принимать во внимание неэкономические факторы. Развитые страны характеризуются высокими показателями уровня жизни, поскольку в них господствует принцип верховенства закона, обеспечивается исполнение договоров, коррумпированные должностные лица, как правило, изобличаются и несут наказание в соответствии с законом, открытие нового предприятия не сопряжено с преодолением многочисленных барьеров, валютно-финансовая политика рациональна и имеются надлежащие системы социальной защиты, призванные смягчить непредвиденные риски. Но самое главное то, что, когда возникают конфликты по таким вопросам, как распределение доходов или материальных ценностей и предоставление общественных благ, в этих странах имеется система государственного управления, с помощью которой государство способно урегулировать эти конфликты демократическими методами. С другой стороны, несовершенная система государственного управления препятствует производственной деятельности и долгосрочным инвестициям, тем самым ограничивая потенциальные возможности роста. Она также препятствует вложению средств в человеческий капитал посредством образования и, таким образом, приводит к еще большему ограничению перспектив для устойчивого роста. Слабостью государственного управления часто также бывает обусловлена невозможность предупредить волнения в обществе или, в случае их возникновения, смягчить их неблагоприятные последствия для общества.

...однако из этих фактов можно сделать пессимистический и вместе с тем детерминистский вывод

Однако из этих фактов можно сделать пессимистический и вместе с тем детерминистский вывод (Dixit, 2005, p. 5). Этот вывод пессимистичен, поскольку он предполагает, что, если страна не обладает надлежащей системой государственного управления в начальный момент развития, то эта страна обречена на неудачу. А если действительно дело обстоит так, что географические и геологические факторы, а также история оказывают сильное влияние на государственное управление или на уровень доходов, и, следовательно, в этих областях мало что можно изменить, поскольку эти факторы предопределены, то вывод носит также детерминистский характер. Основное положение теории проклятия природных ресурсов (которая будет обсуждаться ниже) — о том, что страна, обладающая огромными природными ресурсами, находится в неблагоприятном положении, — широко известное выражение такого пессимизма и детерминизма.

Такие исследования не способны ответить на вопрос, каким образом более эффективные системы государственного управления приводят к более высоким темпам роста

Тем не менее некоторым развивающимся странам, особенно в Восточной Азии, удалось произвести значительные экономические преобразования вместе с изменениями в их структурах государственного управления, что ставит под сомнение пессимистические и детерминистские прогнозы сравнительных регрессионных исследований ситуаций различных стран. Поскольку такие иссле-

дования рассматривают только итоги экономического развития и развития государственного управления, они ничего не говорят о том, каким образом в этих странах были созданы более эффективные системы государственного управления. Следовательно, они не способны объяснить причины успеха этих стран. Вместе с тем на базе этих исследований можно было бы показать, какие коррективы необходимо внести в систему государственного управления для совершенствования показателей экономического развития.

Критика оценки государственного управления и сравнительного анализа ситуаций различных стран

Качество государственного управления обычно оценивается показателями, основанными на субъективном мнении

Строго говоря, результаты сравнительного анализа ситуаций различных стран свидетельствуют о наличии связи между ростом и качеством государственного управления, которая оценивается на основе показателей, интерпретация которых в значительной степени основана на субъективном мнении исследователей или тех, кто участвовал в заполнении вопросников в ходе обследований. Ввиду субъективного характера таких оценок, трудностей в определении объективных показателей качества государственного управления и комплексного характера самого государственного управления, исследования, связывающие динамику экономического развития со структурой государственного управления, подвергаются резкой критике. Кроме того, когда решение о выделении помощи развивающимся странам принимается на основе таких субъективных, неясных критериев, она может не принести желаемых результатов.

Восприятие качества государственного управления находится под сильным влиянием динамики экономического развития

Одно из критических замечаний основывается на том, что между динамикой экономического развития и системой государственного управления существует двусторонняя связь: динамика экономического развития и качество государственного управления оказывают влияние друг на друга и, следовательно, являются взаимно определяемыми. Если это действительно так, то сравнительный регрессионный анализ ситуаций различных стран дает необъективные результаты³. Ни государственное управление, ни его качество не поддается непосредственному наблюдению. Восприятие качества государственного управления людьми находится под сильным влиянием динамики экономического развития страны; когда стране грозит экономический или финансовый кризис, люди склонны считать, что качество государственного управления ухудшается. В качестве примера опять же можно привести широко используемый в литературе показатель верховенства закона. После того как Аргентина в январе 2002 года упразднила валютный совет, значимость данного показателя в отношении этой страны резко упала с уровня, сопоставимого с уровнем, характерным для стран со средним доходом, таких как Египет или Турция в 2000 году,

³ Специальное обсуждение этого вопроса см. в работе Brock and Durlauf (2001). Некоторые полагают, что, если учреждения (в том числе государственное управление) внутренне обусловлены конкретным результатом (например, динамикой экономического развития), то учреждения не могут оказывать воздействие на рост, поскольку они не относятся к числу факторов, способных влиять на результат (Przeworski, 2003).

до уровня, типичного для стран с низким доходом, таких как Бангладеш или Гвинея в 2002 году⁴. Вместе с тем представляется невероятным, чтобы эффективность системы правосудия страны снизилась в такой степени всего за два года. То, что оценивалось, в действительности было не качество реализации принципа верховенства закона как таковое, а восприятие качества реализации принципа верховенства закона, на которое, в свою очередь, оказало влияние изменение динамики экономического развития; в случае ситуации в Аргентине в 2002 году это был экономический кризис и беспорядки, сопутствовавшие окончанию действия системы валютного совета и конвертируемости валюты⁵.

Сравнительный регрессионный анализ ситуаций различных стран не обеспечивает выводов, полезных для выработки политических решений

Второе критическое замечание касается пользы выводов, получаемых в результате такого анализа, для реальной выработки политических решений. Общепринятым методом, используемым для решения вопроса о причинно-следственных связях между качеством (или воспринимаемым качеством) государственного управления и динамикой экономического развития, является прием, называемый оценкой на основе «инструментальных переменных». К числу инструментов, которые были признаны полезными, относятся, в частности, колониальная история стран (см., например, Acemoglu, Johnson and Robinson, 2001), география (см., например, Gallup, Sachs and Mellinger, 1998) и природные богатства (см., например, Sachs and Warner, 1995). Несмотря на свою техническую пригодность, они, тем не менее, не обеспечивают выводов, приносящих значительную пользу в выработке политических решений.

К примеру, в рамках исторического подхода утверждается, что те части света, где европейские колонизаторы столкнулись со значительными угрозами для здоровья, что, следовательно, повлекло за собой высокий коэффициент смертности среди поселенцев, с меньшей вероятностью могли построить систему государственного управления европейского типа, включающую защиту прав собственности от произвольного вмешательства, и с большей вероятностью могли создать учреждения, предназначенные для присвоения местных ресурсов в наиболее сжатые сроки. Наиболее наглядным примером «добывающего государства», которому были присущи такие учреждения, вероятно, может служить трагически неверно названное Свободное государство Конго во времена короля Леопольда II Бельгийского (Ascherson, 1963; Hochschild, 1999). Таким образом, коэффициенты смертности поселенцев столетия назад используются для того, чтобы определить, какие страны обрели государственное управление «высокого качества», а также решить, до какой степени эти коэффициенты позволяют прогнозировать сегодняшний уровень доходов. Страны Северной Америки, Австралия и Новая Зеландия, где коэффициенты смертности были низкими, характеризуются высоким уровнем дохода на душу населения, в то время как среди европейских колонизаторов в большей части Африки и, в меньшей степени, в Латинской Америке и странах Карибского бассейна коэффициент смертности был выше, и, таким образом, они были лишены возможности создать высококачественные структуры государственного управле-

⁴ Об интерпретации различий в показателях государственного управления в различных странах и в разные периоды времени см. Kaufmann, Kraay and Mastruzzi (2005).

⁵ В работе Rodrik (2005) утверждается, что аналогичная связь существует между ростом и политикой в области экономики.

ния, которые с течением времени позволили бы этим странам достичь высокого уровня доходов на душу населения. Авторы таких исследований приходят к выводу, что различия между бывшими колониями в уровне доходов на душу населения на сегодняшний день в действительности обусловлены качеством государственного управления, которое, в данном случае, связывается с оценкой инвесторами опасности экспроприации со стороны государства.

Тем не менее результаты этих исследований не следует понимать таким образом, что колониализм — в той мере, в которой он отражается в коэффициентах смертности среди поселенцев, — был основной причиной значительной дивергенции в динамике экономического развития. Дивергенция между странами, которые никогда не были колониями, в последние два или три столетия была не менее значительной, чем между колонизованными странами. Первая из указанных групп включает Афганистан, Таиланд, Турцию, Эфиопию и Японию. Коэффициенты смертности, как оказалось, действительно могут отражать факторы, лежащие в основе экономической дивергенции, однако они не способны объяснить ее убедительным образом. Таким образом, поиск соответствующего инструмента для оценки качества государственного управления на сегодняшний день представляет собой задачу, отличную от задачи удовлетворительного объяснения экономической дивергенции. При подходах, основанных на географических факторах и факторах природных ресурсов, проводится аналогичный анализ с использованием экологических или геологических переменных.

Значимость показателей государственного управления может быть подвергнута сомнению

Третье критическое замечание в отношении сравнительных регрессионных исследований ситуаций различных стран заключается в том, что государственное управление или его качество, как оно оценивается и трактуется в этих исследованиях, не соответствует тому, каким оно представляется на самом деле. Предполагается, что государственное управление относится к числу более прочных элементов любой экономической системы, однако, как уже было сказано выше, в Аргентине после краха системы валютного совета наблюдалось резкое изменение значения показателя реализации принципа верховенства закона по сравнению с его значением до краха этой системы. Как показано в работе Glaeser and others (2004), такая нестабильность характеризует большую часть используемых в исследованиях критериев качества институциональной базы, а те критерии, которые проявляют большую стабильность, не обнаруживают какой-либо существенной связи с динамикой экономического развития. Эти специалисты, наряду с другими, подвергают сомнению значимость показателей государственного управления и утверждают, напротив, что человеческий капитал является основным определяющим фактором экономического развития и действительно связан с качеством институциональной базы и что поселенцы оказали влияние не столько привнесенными учреждениями, сколько собственным присутствием, с имеющимся у них уровнем образования и технической подготовки и стремлением к совершенствованию путем дальнейшего обучения. В связи с этим отмечалось, что из всех колоний Нового Света в Канаде и Соединенных Штатах Америки образованию уделялось наибольшее внимание и что к 1800 году эти страны обладали, вероятно, наиболее грамотным населением в мире (Sokoloff and Engerman, 2000).

Последнее критическое замечание касается использования результатов такого сравнительного анализа ситуаций различных стран при реальном выделении помощи странами-донорами и международными финансовыми учреждениями (Herman, 2005). Ввиду очевидной тесной взаимосвязи между качеством государственного управления и ростом доноры настаивают на том, что, если страны-получатели помощи «должным образом наладят государственное управление», они создадут условия, благоприятствующие развитию. В результате этого страны-получатели помощи должны быть в состоянии использовать предоставляемую помощь более эффективным и рациональным образом.

Сравнительный анализ ситуаций различных стран не обеспечивает необходимых ориентиров для определения условий, касающихся государственного управления, при выделении помощи

Действительно серьезные споры ведутся по поводу выдвижения условий относительно совершенствования государственного управления. Как было отмечено выше, показатели, которые в настоящее время используются для оценки качества институциональной базы или государственного управления страны-получателя помощи, не должны быть больше, чем «окнами с видом на неполную и неясную картину развития» (Herman, 2005, p. 282). Не следует завышать оценку степени, в которой такие критерии и анализ могут объективно отражать качество государственного управления и его значение для развития. Это особенно важно в том случае, если такие показатели рассматриваются для сравнения ситуаций различных стран и в этом смысле являются глобальными критериями государственного управления. В исследованиях, проведенных недавно Всемирным банком, эта точка зрения, по всей видимости, разделяется; в них утверждается только то, что эти показатели «имеют большую ценность в качестве показателей, сигнализирующих о более долговременных тенденциях» (World Bank and International Monetary Fund, 2006, p. 14).

Разнообразие структур государственного управления

Еще один подход к изучению связи между государственным управлением и динамикой экономического развития заключается в анализе функционирования экономических систем по отдельным странам. Особый характер такого подхода заключается в том, что при нем открыто признается тот факт, что страны выработали свои особые институциональные структуры, в рамках которых органы государственного управления, компании и домашние хозяйства достигают своих личных или общественных целей. Существующие структуры государственного управления представляют собой совокупный результат взаимодействия множества субъектов в течение длительного периода времени, на протяжении которого существующая структура непрерывно видоизменяется (Young, 1998).

Не существует такого набора элементов государственного управления, которые были бы «лучшими» для всех стран и на все времена

В результате не существует такого набора элементов государственного управления, которые были бы «лучшими» для всех стран и на все времена⁶.

⁶ Данный анализ основывается на публикации Организации Объединенных Наций (2000, глава VIII).

Каждой стране необходимо путем проб и ошибок выбрать собственную систему государственного управления — такую, которая бы лучше всего действовала в существующих условиях. Этот подход также предполагает наличие разнообразных структур государственного управления, способных решить проблемы, создающие препятствия на пути роста (Haggard, 2004). Поскольку функционирование одного элемента государственного управления зависит от других элементов системы государственного управления или факторов, не связанных с государственным управлением, — таких как «здоровый смысл», социальные нормы, трудовые отношения на предприятиях и даже культура, — систему государственного управления нельзя с легкостью перенести из одной страны в другую.

Между элементами государственного управления существует взаимозависимость

Факт существования взаимозависимости — в форме, которую часто называют взаимодополняемостью, — между элементами государственного управления в некоторой степени подвергает сомнению эффективность программных рекомендаций, призывающих к совершенствованию только тех компонентов государственного управления, которые необходимы для обеспечения эффективного функционирования рынков. Такие рекомендации часто предполагают, что, если правительство обеспечивает эффективное функционирование рынка, гарантируя осуществление прав собственности и принципа верховенства закона, сокращение масштабов коррупции и защиту собственности от экспроприации, то деятельность частного сектора будет стимулировать развитие. Однако функционирование рынка должно дополняться компонентами государственного управления в целях обеспечения роста производительности⁷ и приведения деятельности рынка в согласие с социальной сплоченностью.

Значительная взаимодополняемость наблюдается также между различными областями политических реформ; при этом они способствуют возникновению либо порочного круга, либо своего рода спирали роста. При наличии субоптимального государственного управления правительству бывает трудно приступить к какой-либо реформе, не внося дополнительных изменений в другие элементы государственного управления. Отсутствие необходимого человеческого и финансового потенциала у правительств многих развивающихся стран всегда препятствует осуществлению таких многоплановых реформ или, в случае если их все-таки удастся начать, не позволяет в течение достаточно длительного времени постоянно прилагать значительные усилия, необходимые для обеспечения того, чтобы эти реформы оказались в полной мере эффективными. Одно лишь введение способствующих развитию рынка учреждений, призванных сократить операционные издержки, может способствовать вспле-

⁷ В работе Khan (2006) проводится различие между двумя типами структур государственного управления, необходимых для достижения устойчивого роста: государственное управление, способствующее развитию рынка, и государственное управление, способствующее повышению темпов роста. Первое включает факторы государственного управления, такие как защита прав собственности и осуществление принципа верховенства закона, что обеспечивает эффективное функционирование рынка. Второе включает возможность государства дополнять деятельность рынка, в том числе его способность форсировать направление средств и ресурсов в более продуктивные отрасли промышленности, а также способствовать внедрению и освоению новых технологий.

ску экономической активности только при наличии действующей правовой системы, которой может быть доверено обеспечение правоприменения. Аналогичным образом, для развивающихся стран часто представляет проблему согласование торговой и производственной политики (см. обсуждение этого вопроса в главе III).

Взаимодополняемость элементов государственного управления может привести к возникновению спирали роста, если правительство завоеует доверие граждан в отношении планирования и осуществления реформ

Взаимодополняемость различных элементов государственного управления, по-видимому, объясняет по меньшей мере некоторые из движущих сил, определяющих пути дивергенции и возникновения региональных клубов конвергенции, о которых шла речь в главе I. Они могут привести к возникновению спирали роста, если правительство завоеует доверие граждан в отношении планирования и осуществления реформ. Кроме того, правительство может завоевать доверие только в том случае, если оно действительно в течение значительного времени будет обеспечивать участие граждан в выгодах, образующихся в результате экономического роста. Такой приносящий всеобщую выгоду рост, стимулирующий социальную сплоченность, стал одним из результатов политики, проводимой в Восточной Азии. Несмотря на то что не все страны этого региона предоставляют всем членам общества равный доступ к политической системе, в связи с тем что лидеры смогли добиться значительной степени социальной сплоченности, основанной на коллективных ценностях и относительно низкой степени экономического неравенства, проводимая ими политика реформ была признана законной. В этом смысле может быть истолкован успех Ботсваны в области развития: эта страна выработала путь роста, приносящего всеобщую выгоду, на основе традиционного демократического процесса формирования консенсуса.

Страны, добившиеся успеха в преобразовании государственного управления

Некоторые развивающиеся страны за последние три-четыре десятилетия добились устойчивого роста и сократили разрыв в уровне доходов с развитыми странами. Успех, которого они добились в преобразовании государственного управления, показателен в двух отношениях. Во-первых, он свидетельствует о важности борьбы со сдерживающими факторами, с которыми страны сталкиваются на пути роста, а также формирования ощущения приоритетности преобразования государственного управления. Успех подобных преобразований, таким образом, обуславливается не всеобъемлющим характером реформ структуры государственного управления. Наиболее эффективным является скорее постепенный, поэтапный подход к устранению таких сдерживающих факторов. Во-вторых, опыт этих стран показал, что в тех случаях, когда реформа государственного управления (например, торговая реформа) приводит к значительным сдвигам в распределении доходов от одной группы к другой, важно привести деятельность рынка в согласие с социальной сплоченностью. Примеры таких успехов демонстрируют важность решения проблем не только взаимодополняемости экономических реформ, но и взаимодополняемости экономического и социального аспектов управления.

Постепенное изменение структур государственного управления может оказаться достаточным для того, чтобы начать процесс роста

Эти моменты могут быть проиллюстрированы примерами земельной реформы и торговой и финансовой реформ, анализ которых будет дан ниже, а также процессом постепенного реформирования в Китае. Эти примеры показывают, что постепенное изменение структур государственного управления может оказаться достаточным для того, чтобы начать процесс роста. В то же время рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что изменения государственного управления в разных странах могут принимать различные формы. Это в особенности справедливо в отношении земельных реформ в азиатских странах. Доказано, что успех Китая в области роста был достигнут в результате постепенной реформы государственного управления, причем процесс его достижения в корне отличался от какого бы то ни было процесса, который мог бы быть выработан в соответствии с политическими рецептами, вытекающими из Вашингтонского консенсуса.

Земельные реформы

Для стран, большая часть населения которых занимается натуральным хозяйством, повышение продуктивности сельскохозяйственного сектора играет ключевую роль в запуске процесса устойчивого долгосрочного роста. Увеличение объема сельскохозяйственного производства не только влечет за собой снижение цен на продукты питания, но и способствует улучшению питания населения (и, следовательно, повышению производительности труда в экономике в целом), порождает спрос на промышленные товары и услуги и содействует развитию несельскохозяйственных секторов через их взаимосвязи с сельскохозяйственным сектором.

Земельная реформа может служить эффективным средством ослабления факторов, сдерживающих продуктивность роста

Во многих случаях низкая продуктивность сельского хозяйства представляет собой наиболее существенный фактор, сдерживающий устойчивый рост. Земельная реформа представляет собой эффективное средство ослабления этого фактора путем передачи собственности обрабатывающим землю фермерам или, в более широком плане, защиты права фермеров получать надлежащий доход от их деятельности, связанной с обработкой земли. Республика Корея и провинция Китая Тайвань — две страны из числа новых индустриальных стран первой волны — осуществили перераспределение земли от крупных землевладельцев в пользу мелких земельных собственников или арендаторов и гарантировали защиту прав частной собственности на землю (Организация Объединенных Наций, 2000, глава V). Гарантия прав частной собственности в сочетании с собственностью на землю представляет собой средство экономического стимулирования производства фермерами сельскохозяйственных культур, а также содержания и вложения средств в их землю.

Полная передача собственности является не единственным способом осуществления земельной реформы

Такая полная передача собственности является не единственным способом осуществления земельной реформы. В действительности она была воз-

можно и привела к успеху именно в тех социально-экономических условиях, которые имели место в данных странах в тот период времени. Правительства обеих стран распределили земли, ранее принадлежавшие японским частным лицам и компаниям, между фермерами, которые арендовали эту землю. Обширный поток мигрантов с материка в провинцию Китая Тайвань вызвал необходимость дальнейшего проведения всеобъемлющей земельной реформы.

Как показывает пример Китая, Индии и Вьетнама, передача собственности на землю фермерам не обязательно должна быть полномасштабной

В тех случаях, когда полная передача собственности на землю нецелесообразна по политическим или социально-экономическим причинам, повышение продуктивности сельского хозяйства может быть достигнуто всего лишь путем обеспечения исполнения закона об аренде или путем гарантирования фермерам получения прибыли от деятельности, связанной с землей. Реформы в Китае, Индии и Вьетнаме не включали полномасштабную передачу собственности фермерам. Влияние одного из наиболее существенных факторов, сдерживающих процесс устойчивого роста во многих развивающихся странах с низким доходом, — низкая продуктивность сельского хозяйства — может быть ослаблено с помощью различных форм преобразования государственного управления.

В 1978 году Китай приступил к осуществлению одной из наиболее важных реформ — внедрению системы ответственности домохозяйств, в соответствии с которой домашним хозяйствам было предоставлено право пользования колхозной землей на условиях долгосрочной аренды (сначала на 5-летний срок, который затем был увеличен до 30 лет). В обмен на это фермеры были обязаны поставлять заранее оговоренную долю произведенной ими продукции своему коллективному хозяйству в счет установленной для него товарной квоты, а остальную продукцию могли продавать на свободном рынке или правительству по заранее оговоренным ценам⁸. Эта реформа была дополнена смягчением ограничений на частные рыночные сделки в сельских районах и на несельскохозяйственную деятельность фермеров.

Во Вьетнаме во времена «дои мой» (политики обновления) в 1980-е годы колхозы были заменены семейными хозяйствами. В условиях новой системы фермерам была дана возможность подписывать контракты с правительством об использовании участков земли в течение срока до 15 лет (по сути, они арендовали землю) и была предоставлена свобода продавать продукцию по своему усмотрению. Как и в случае Китая, одновременно с этим осуществлялись другие реформы, в том числе введение рыночных операций в отношении сельскохозяйственной и несельскохозяйственной продукции, а также либерализация торговой деятельности и прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

С другой стороны, в случае Индии эффективная земельная реформа состояла только в ужесточении применения существующего закона об аренде. В этой стране закон о земельной реформе был принят в 1955 году, однако применение этого закона вначале не было масштабным в силу отсутствия административных и правовых ресурсов. Однако в 1970-е годы штат Западная Бенгалия приступил к осуществлению новой программы, получившей название «опера-

⁸ Квотируемая доля была сокращена и план обязательного производства был отменен в 1985 году.

ция Барга», которая была разработана в целях обеспечения применения законов об аренде, регулирующих арендную плату и обеспечивающих издольщикам безопасность пользования землей (Banerjee, Gertler and Ghatak, 2002).

Закон о земельной реформе 1955 года и его последующие поправки гарантируют издольщикам постоянные и передаваемые по наследству права пользования на землю, которые регистрируются, до тех пор пока они выплачивают оговоренную в законе долю. По причине имеющихся в законе лазеек и слабости административной поддержки бедных и зачастую неграмотных издольщиков очень немногие из них действительно получили государственную регистрацию. В рамках «операции Барга» этим издольщикам предлагалось зарегистрироваться в Департаменте земельных доходов, а государство оказывало им содействие в решении этого вопроса. При регистрации государство давало им право на постоянное и передаваемое по наследству пользование землей, на которой они были издольщиками, до тех пор пока они выплачивают землевладельцу в качестве арендной платы как минимум 25 процентов от произведенной ими продукции. Благодаря успеху «операции Барга» к 1993 году были зарегистрированы 65 процентов издольщиков штата, в то время как до начала проекта было зарегистрировано всего 15 процентов⁹.

В результате в штате Западная Бенгалия резко возросли показатели роста производства риса — основной продовольственной культуры штата — с 1,8 процента в период 1960–1980 годов до 4,7 процентов в период 1977–1994 годов (Raychaudhuri, 2004). Такие показатели роста, по сути, сопоставимы с показателями роста провинции Китая Тайвань, объем сельскохозяйственной продукции в котором после проведения реформы увеличивался примерно на 4,2 процента в год в 1950-е и 1960-е годы (Организация Объединенных Наций, 2000 год, глава V). В период с 1973 по 1999 год — период, по которому имеются сопоставимые данные — показатель уровня бедности среди сельского населения, который определяется как доля населения, живущего за чертой бедности, составившей 49 рупий на человека в месяц в ценах 1973–1974 годов, снизился с 73,2 процента до 31,7 процента в сельских районах.

Несмотря на ограниченность реформ сельскохозяйственных учреждений, Китай, Вьетнам и Западная Бенгалия испытали значительный рост объема сельскохозяйственного производства, что привело к устойчивому росту в масштабах всей экономики по прошествии нескольких лет

Общая черта всех этих реформ заключалась в ограниченном объеме передачи прав собственности арендаторам (в противоположность полной передаче прав собственности на землю в случаях Республики Корея и провинции Китая Тайвань как средства ослабления действия факторов, ограничивающих продуктивность сельского хозяйства. Передача прав собственности дала фермерам возможность претендовать на определенную долю производимой ими продукции и долгосрочные (или постоянные) права пользования. Несмотря на ограниченность передачи прав, объем сельскохозяйственного производства значительно возрос, что привело к устойчивому росту в масштабах всей экономики по прошествии нескольких лет. Земельные реформы — представляющие собой

⁹ В Индии после приобретения ею независимости получила развитие децентрализованная система и, таким образом, опыт Западной Бенгалии был неприменим к стране в целом (см. Kochhar and others, 2006).

преобразование системы государственного управления — сыграли очевидную роль в создании для фермеров стимулов напряженнее трудиться, удобрять почву и вкладывать средства в новое оборудование, новые посевные материалы и новые технологии.

Вместе с тем различие заключалось в моделях политики, проводимой этими правительствами. Политика реформ базировалась на социально-экономической системе, преобладающей в каждой из этих стран. Таким образом, различные формы реструктуризации государственного управления могут приводить к одному и тому же результату, в данном случае — к повышению продуктивности сельского хозяйства¹⁰.

Реформы торговой политики

Сложности при проведении реформы торговой политики связаны с тем, что она составляет лишь небольшую часть комплекса реформ, затрагивающих все секторы экономики. Как было показано в главе III, торговая реформа может быть дополнена стратегиями в производственном секторе в целях содействия появлению новых видов деятельности путем поощрения участия частного сектора. Аналогичным образом, сокращение налоговой базы вследствие снижения тарифов должно сопровождаться либо увеличением существующих ставок налогообложения, либо созданием новых баз налогообложения (Aizenman and Jinjarak, 2006). Кроме того, необходимо наличие учреждений для регулирования конфликтов, в том числе социального страхования и механизмов социальной защиты в целях обеспечения защиты, по крайней мере, временно, тем, на кого новый торговый режим окажет неблагоприятное воздействие. Вместе с тем необходимо также создание новых учреждений или норм макроэкономической стабильности в целях предупреждения внешних потрясений, после того как страна станет в большей степени подвергаться воздействию изменений в глобальной экономике.

Странам, успешно интегрировавшим реформу торговой политики в общие стратегии своего развития, удалось избежать чрезмерного административного бремени путем применения постепенных или двуединых подходов и адаптации заимствованных учреждений к национальным условиям. При все большем ограничении свободы для осуществления таких стратегий в производственном секторе (см. главу III) известный успех Китая, Маврикия и стран Восточной Азии указывает на необходимость предоставления развивающимся странам некоторого пространства для маневра в политике с целью обеспечения им возможности поиска новых видов деятельности, с помощью которых они бы могли пользоваться преимуществами более либерального режима торговли.

На Маврикии стратегия развития экспорта использовалась в целях поощрения социальной сплоченности

Торговая реформа на Маврикии была начата в 1970 году с введения режима свободной торговли в зоне экспортной переработки (ЗЭП). Вплоть до сере-

¹⁰ Не все земельные реформы оказываются успешными, в особенности когда перераспределение земли предполагает переселение фермеров. В Африке, Латинской Америке и странах Карибского бассейна переселение широко распространено и отбор фермеров часто становится препятствием на пути осуществления реформ (см. Организация Объединенных Наций, 2000, глава V).

дины 1980-х годов внутренний сектор за пределами ЗЭП находился под высокой степенью защиты в целях обеспечения социальной сплоченности, что было связано с непрочностью социально-этнической структуры общества. ЗЭП представляла собой средство расширения перспектив в области внешней торговли и создания новых рабочих мест, особенно для женщин, при этом позволяющее избежать риска возникновения в стране социальной напряженности (Организация Объединенных Наций, 2000, глава VIII). Таким образом, в стране была создана система поддержания социальной сплоченности и внедрена модель роста, преимуществами которой пользовались все. Правительство Маврикия воспользовалось наличием большого числа объединений гражданского общества, поощряя участие гражданского общества в разработке политики; в результате этого была внедрена стратегия развития экспорта на основе ЗЭП.

Однако во многих других странах создания зон экспортной переработки не дало положительных результатов

Странам Африки к югу от Сахары не удалось добиться успехов, достигнутых на Маврикии. Хотя, как представляется, в основе этого лежит множество причин (Subramanian and Roy, 2001), особо значимы в данном контексте следующие два фактора, связанные с государственным управлением. Во-первых, макроэкономические преобразования и стабилизация на Маврикии осуществлялись последовательно при трех разных демократически избранных правительствах с различными политическими идеологиями; а в контексте демократической политической системы транспарентный процесс принятия решений позволил быстро установить имеющиеся экономические проблемы и приступить к их решению. Во-вторых, компетентная и (в равной степени важная) высоко оплачиваемая государственная служба позволила снизить погоню за рентой¹¹. Во многих других странах региона создание зон экспортной переработки не дало положительных результатов, поскольку их системы управления оказались неспособны что-либо противопоставить погоне за рентой и другим факторам, негативно влияющим на эффективность, которые должны контролироваться с помощью избирательных мер¹².

Страны Восточной Азии использовали систему взаимосвязей между бюрократическим управлением и сегментами государственного сектора для достижения роста за счет экспорта

С другой стороны, страны Восточной Азии использовали систему взаимосвязей между бюрократическим управлением и сегментами государственного сектора для достижения роста за счет экспорта. Так, например, в Японии, которая послужила для соседних стран «моделью» роста за счет экспорта, такая взаимосвязь была использована как средство преодоления нехватки каналов информации об условиях рынка — ценах, объемах производства и продажах, узких местах в производстве и нехватке исходных материалов — и контро-

¹¹ Еще один важный политический момент заключался в том, что страна оказала поддержку развитию сахарной промышленности, вместо того чтобы облагать ее налогом, и что торговые партнеры предоставили стране преференциальный доступ для ее сахара на свои рынки.

¹² В других развивающихся странах мира зоны экспортной переработки столкнулись с аналогичными препятствиями, связанными с государственным управлением (см., например, Willmore, 1994).

ля над большими различиями в прибыли, получаемой в разных отраслях промышленности. Эта взаимосвязь в значительной степени сократила вероятность «нескоординированности» и способствовала должной расстановке этими странами национальных приоритетов в их стратегиях развития. Низкий уровень развития внутреннего финансового рынка также требовал прямого участия правительства в направлении финансирования в приоритетные отрасли промышленности.

Координация усилий на уровне центрального государственного управления в распределении товаров, услуг и финансов обеспечило участие населения в выгодах от успехов, дальнейшее укрепление социальной сплоченности и вклад широких слоев общества в успех стратегии развития. Эти усилия также способствовали созданию последовательной системы торговой и промышленной политики в Восточной Азии. Активное вмешательство правительств в функционирование рынка могло вызвать перекосы в распределении ресурсов и, таким образом, привести к «статической» неэффективности рынков, однако почти не вызывает сомнений, что такое вмешательство способствовало ускорению темпов развития. Иными словами, это вмешательство оказалось эффективным в динамическом плане. Поскольку путь роста для всех оценивался как успешный, это способствовало повышению доверия к проводимой правительством политике.

На более практическом уровне эти примеры объединяет то, что указанные страны имели надлежащее представление о препятствиях, с которыми они столкнулись, и том творческом подходе, который они применили в целях их устранения или смягчения (Hausmann, Rodrik and Velasco, 2005). Успех этих стран связан с тем, что они применяли поэтапный подход к проведению вспомогательной политики в зависимости от постоянно изменяющихся внутренних и внешних условий. Они были в числе первых развивающихся стран, которые с середины 1960-х — начале 1970-х годов переориентировали свою политику с замещения импорта производством внутри страны на экспорт с целью решения проблемы недостаточного внутреннего спроса и содействия повышению конкурентоспособности компаний на глобальных рынках. Как отмечалось в главе III, действовавшие в то время нормы Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) предоставляли странам больше свободы, чем они имели бы в соответствии с действующими в настоящее время нормами Всемирной торговой организации, в плане сочетания традиционных торговых реформ с нетрадиционной и протекционистской политикой в области распределения ресурсов между различными отраслями.

Постепенный подход: Китай

Успех, достигнутый Китаем в росте, был основан на постепенном, прагматическом подходе к проведению реформ институциональной базы

Китай можно считать примером успешного продолжающегося преобразования институциональной базы. Китайская экономика росла быстрыми темпами с начала проведения политики реформ в конце 1970-х годов. Несмотря на некоторую социальную и экономическую неустойчивость, экономические достижения страны в последние два десятилетия избавили десятки миллионов людей от унизительных оков нищеты. Устойчивый рост китайской экономики поставил в тупик пессимистов и доказал несостоятельность значительной час-

ти распространенных мнений, в частности, о том, что основные учреждения рыночной экономики должны быть созданы прежде, чем можно ожидать, что какие бы то ни было значительные реформы приведут к положительным результатам. Напротив, постепенный подход, который был принят в проведении реформ в Китае, резко контрастирует с тем, что имело место во многих странах с переходной экономикой. Постепенный процесс реформ придает экономике значительную гибкость, необходимую ей, для того чтобы противостоять неблагоприятным мировым экономическим условиям или препятствиям, возникающим в связи с жесткой бюрократией и отсутствием устойчивой рыночной инфраструктуры.

Согласно характеристике, данной Дэн Сяо Пинем, китайская экономическая реформа была процессом «переправы через реку, переступая с камня на камень», и в этом процессе изначально не был принят за основу какой-либо стереотипный пакет реформ. Разработанная с прагматической целью реформа институциональной базы была свободна от идеологических соображений, и в качестве конечной цели рассматривалось экономическое развитие (Qian and Wu, 2000; Qian, 2003).

Осуществление экономической реформы проводилось в три этапа

Общим направлением процесса реформы институциональной базы было повышение эффективности экономики в целом путем обеспечения отдельным людям стимулов, содействия конкуренции между различными группами участников рынка и обеспечения участия все большего числа получателей в итоговом экономическом богатстве. Это, в свою очередь, привело к более широкой поддержке процесса реформ. Эксперименты в области реформ варьировались от обеспечения стимулов в сельскохозяйственном секторе и поощрения создания поселково-деревенских предприятий до реформирования финансового сектора и, впоследствии, государственных предприятий и банковского сектора. В целом переход Китая к рыночной экономике представлял собой постепенный процесс экономических реформ, который может быть охарактеризован как состоявший из трех этапов.

На первом этапе, который охватывает период с 1978 по 1993 год, реформа осуществлялась постепенно в целях совершенствования стимулов и расширения сферы охвата рынка для распределения ресурсов. Второй этап начался в 1994 году, когда правительство Китая приняло решение о том, что целью реформы должно стать окончательное формирование современной рыночной системы. В рамках последнего этапа более серьезное внимание было уделено необходимости решения проблемы усиливающегося регионального неравенства и неравенства доходов, возникающего в связи с ускорением процесса роста.

Основной характеристикой первого этапа была успешная аграрная реформа и введение двухступенчатой схемы ценообразования

Основной характеристикой первого этапа была успешная аграрная реформа и введение двухступенчатой схемы ценообразования, которая была описана выше. Реформа осуществлялась относительно легко, поскольку большинство крестьян, получавших значительную выгоду, приняли эту схему. Ряд предприятий и представителей чиновничества также пользовались ее выгодами. Вместе с тем двухступенчатая схема ценообразования, как и любая схема,

предусматривающая наличие двух цен на один и тот же продукт, в некоторой степени способствовала коррупции, в особенности в плане распределения ключевых производственных материалов, и вызвала серьезное недовольство в широких слоях общества.

На втором этапе действие двухступенчатой схемы ценообразования было постепенно завершено

На втором этапе осуществление реформы было более проблематичным, поскольку она посягала на принципы централизованной системы планирования. Действие двухступенчатой схемы ценообразования было постепенно завершено, в области распределения ресурсов начали в полной мере действовать рыночные факторы, и административная роль различных ключевых секторальных ведомств уменьшилась. С 1994 по 2000 год был осуществлен ряд радикальных реформ, а именно унификация официального и свопового обменных курсов, реформа налоговой и финансовой систем, полное признание функций центрального банка в обеспечении стабильности цен и содействии экономическому росту, экспериментальная приватизация малых государственных предприятий и создание системы социальной защиты.

Задача третьего этапа процесса реформ заключается в уделении более серьезного внимания необходимости более справедливого распределения благ экономического роста между всеми социальными группами и всеми регионами страны

На третьем этапе более серьезное внимание было уделено необходимости более справедливого распределения благ экономического роста между всеми социальными группами и всеми регионами страны. Значение коэффициента Джини для этой страны — показателя равенства распределения доходов, значения которого изменяются от нуля, соответствующего максимальному равенству, до единицы, соответствующей максимальному неравенству, — в последние десятилетия росло и, как ожидается, будет продолжать расти в следующие полтора десятилетия (World Bank, 2003). Региональные диспропорции в уровне доходов, в особенности диспропорции между городскими и сельскими районами, являются главной причиной такого усиливающегося неравенства. Благодаря успеху реформы первого этапа к 1984 году доходы сельских районов возросли до уровня 55 процентов от доходов городских районов, однако в 1990-х годах они сократились до уровня около 40 процентов. В целях устранения этих диспропорций правительство в 2006 году объявило о своих планах по осуществлению четырех типов реформ, которые должны обеспечить увеличение доходов сельских районов: реформы налогов и административных сборов в сельских районах; реализации проектов по охране водных ресурсов и технической поддержки в целях повышения продуктивности сельского хозяйства; увеличения государственных инвестиций на образование и другие виды социальной инфраструктуры для населения сельских районов; и политических реформ, предоставляющих сельским жителям права самоуправления.

В осуществляемом в Китае процессе реформ по-прежнему остаются проблемы, в частности продолжение осуществления реформы сельскохозяйственного сектора и крупных государственных предприятий

Помимо вопроса, связанного с распределением выгод экономического роста, остаются и другие проблемы, в частности продолжение осуществления реформы сельскохозяйственного сектора и крупных государственных предприятий. На текущий момент самый крупный успех процесса реформ ограничивается приватизацией малых государственных предприятий в середине 1990-х годов, что привело к увольнению высвобождаемых работников. Крупные государственные предприятия по-прежнему представляют собой одну из основных проблем, в частности, потому, что они представляют угрозу для должного функционирования крупных государственных коммерческих банков и возлагают на плечи государства потенциально тяжелое финансовое бремя. Будущее крупных государственных предприятий в конечном счете будет зависеть от совершенствования корпоративного управления, что, прежде всего, подразумевает разрыв связей между правительством и деловыми кругами и создание свободной и конкурентной системы предпринимательства. Кроме того, вступление Китая во Всемирную торговую организацию обязывает его полностью соблюдать нормы рыночной экономики, включая защиту прав интеллектуальной собственности, что повлечет за собой необходимость осуществления дальнейших реформ.

Опыт Китая подчеркивает важность рассмотрения реформы институциональной базы как процесса, а не разового события

Опыт Китая свидетельствует о том, что для того, чтобы начать процесс реформ, не обязательно создавать учреждения, рассматриваемые некоторыми аналитиками как «примеры передового опыта». Даже с учреждениями, которые те же аналитики, возможно, сочтут «несовершенными», пакет реформ, соответствующих существующим экономическим и политическим реалиям, может привести к благоприятным результатам. Опыт Китая подчеркивает важность рассмотрения реформы организационной базы как процесса, а не одномоментного события, и процесса, а не обеспечения прогресса как в усилиях по осуществлению реформы, так и в экономическом развитии.

Опыт Китая позволяет сделать значимый для всех стран более широкий вывод о том, что на пути роста существуют различные виды препятствий, с которыми сталкиваются страны, и, равным образом, существует много способов устранения (или сведения к минимуму) этих препятствий. Как представляется, страны, добившиеся успеха, начали процесс реформ с тщательной оценки существующих препятствий, а затем устраняли их шаг за шагом. Как показывает приведенный выше анализ различных видов систем государственного управления, успехи, достигнутые одной страной, не могут быть непосредственным образом перенесены на другие страны. Для того чтобы начать собственный процесс реформ, лица, ответственные за разработку политики, могут использовать знания о собственной стране в сочетании с уроками, вынесенными из опыта других стран, которые достигли успеха в осуществлении реформ институциональной базы. Такой подход в значительной степени отличается от методики

применения всеобъемлющих пакетов реформ, рекомендовавшейся в прошлом¹³.

Не обязательно наличие всех необходимых элементов эффективного государственного управления, прежде чем может быть начат устойчивый рост

Рассмотренные примеры должны внушать некоторую долю оптимизма, поскольку они свидетельствуют о том, что не обязательно наличие всех необходимых элементов эффективного государственного управления, прежде чем может быть начат устойчивый рост. Странам нет необходимости пройти весь долгий путь реформы институциональной базы, прежде чем смогут проявиться результаты роста. Реформы даже не обязательно должны быть комплексными, однако они должны быть способны раскрыть экономический потенциал, проявлению которого прежде препятствовали неадекватные нормы и положения.

Причины падения темпов роста

Примеры падения темпов роста в последние 50 лет: общий обзор

Если в других главах настоящей работы проводится анализ некоторых макроэкономических и структурных характеристик стран, которые могут объяснить их низкие темпы роста, то в настоящем разделе акцент будет сделан на роли государственного управления и учреждений в объяснении причин падения темпов роста. В качестве иллюстрации масштабов неспособности стран добиться роста в таблице V.1 приводятся данные по тем странам, в которых наблюдалось долгосрочное снижение уровня жизни, которое оценивается по степени снижения реального дохода на душу населения на протяжении семи или более лет подряд.

Как правило, неспособными добиться роста оказываются бедные страны, расположенные в Африке к югу от Сахары и Латинской Америке, охваченные конфликтами и/или зависящие от экспорта сырья

Как видно из таблицы, такие случаи падения темпов роста наблюдались в странах, находившихся на разных уровнях развития, причем некоторые из этих стран являются производителями нефти с относительно высоким уровнем доходов. Многим богатым нефтью и полезными ископаемыми странам не удалось преобразовать эти богатства в активы, в том числе человеческий потенциал, которые могли бы обеспечить дополнительный или альтернативный долгосрочный источник роста. Однако в целом неспособными добиться роста, как правило, оказываются бедные страны, расположенные в определенных регионах мира (в особенности, в Африке к югу от Сахары и Латинской Америке), охваченные конфликтами и/или зависящие от экспорта сырья, о чем уже говорилось в главе I¹⁴. Резкое падение темпов роста случается также и в других странах, однако в странах с более диверсифицированной экономикой оно обычно не превращается в полную неспособность добиться роста (см. обсуждение этого вопроса в главах I и III). В связи с этим следует отметить, что не-

¹³ В работе World Bank (2005b) подчеркивается необходимость применения разнообразных стратегий и избирательного и ограниченного осуществления реформ.

¹⁴ Аналогичные выводы сделаны также в работе Reddy and Minoiu (2005).

которые страны, в значительной степени зависящие от сырьевых товаров, тем не менее, могут обладать в высшей степени диверсифицированной экономикой, менее подверженной падению темпов роста. Примерами могут служить Бразилия, Индонезия, Малайзия и Чили, обладающие высокоразвитым сектором полезных ископаемых, а также сельскохозяйственным сектором.

В связи со случаями резкого падения темпов роста во многих странах, зависящих от сырьевых товаров, возникло представление о «проклятии природных ресурсов»

В связи со случаями резкого падения темпов роста во многих странах, сильно зависящих от сырьевых товаров, возникло представление о «проклятии природных ресурсов», согласно которому страны, в большой степени зависящие от природных ресурсов, обычно характеризуются более низкими темпами роста, чем другие страны. Было выдвинуто несколько гипотез, пытающихся объяснить это явление, — ухудшение условий торговли сырьевыми товарами по сравнению с промышленными; нестабильность цен на сырье, что затрудняет планирование инвестиций и препятствует инвестированию вследствие высокого риска и невозвратных издержек; голландский синдром, при котором быстрый подъем сектора ресурсов делает остальные отрасли неприбыльными; и погоня за рентой, при которой субъекты экономической деятельности преследуют краткосрочные цели с целью извлечения монопольной прибыли, а не пытаются вкладывать средства в будущее развитие отрасли в долгосрочной перспективе. Такая погоня за рентой бывает существенно облегчена в случае, если сырье представляет собой «точечный ресурс», т. е. такой ресурс (как, например, рудник или нефтяная скважина), который локализуется на определенной территории, а не «диффузный ресурс» (такой как пшеница), который производится на большой территории.

Однако «при проведении надлежащей политики природные ресурсы могут быть источником процветания, а не обязательно “проклятием”»

Поскольку недавнее повышение спроса на сырье, в частности на нефть, в связи с экономическим ростом Китая, может стать источником значительной прибыли для производителей сырья (см. главу I), особенно важно оценить, можно ли избежать проклятия природных ресурсов путем осуществления соответствующей политики и изменений институциональной базы, что позволит богатым ресурсами странам добиться быстрого и устойчивого роста. Мнение о том, что проклятия природных ресурсов можно избежать, высказано в докладе Комиссии для Африки (2005 год), в котором подчеркивается:

Тем не менее низкие темпы роста не являются неизбежным уделом развивающихся стран, богатых природными ресурсами. Как показывает опыт Ботсваны и Южной Африки, при проведении надлежащей политики природные ресурсы могут быть источником процветания, а не обязательно ‘проклятием’. Другие богатые природными ресурсами страны Африки могли бы добиться таких же успехов при условии разумного управления потоками ресурсов, извлекаемых из их богатств. Опыт стран Южной Азии и Латинской Америки свидетельствует о том, что при условии проведения надлежащей политики в зависящих от сырьевых товаров африканских странах, так же как и в них, может быть осуществлена диверсификация и модернизация сельского хозяйства, необходимые для достиже-

ния ими быстрых темпов роста. Одна из имеющихся у этих стран возможностей заключается в том, чтобы приступить к ориентированной на экспорт сырьевых товаров индустриализации (как в случае Индонезии или Малайзии), либо осуществлять диверсификацию внутри самого сырьевого сектора (как в случае Колумбии, Коста-Рики или Чили).

Таблица V.1
Страны, в которых показатели реального дохода на душу населения снижались в течение, по меньшей мере семи лет подряд, 1950–2001 годы

Регион и страна	Период снижения	Значение реального ВВП на душу населения в первый год снижения	Значение реального ВВП на душу населения в последний год снижения	Процент снижения за весь период	Общее число лет, характеризующихся отрицательным ростом в период с 1950 по 2001 года
		Данные приведены к международным долларам 1990 года Гири Камиса			
Африка					
Камерун	1986–1994	1 695	978	42,3	11
Кот-д’Ивуар	1985–1994	1 798	1 214	32,5	23
Демократическая Республика Конго	1974–1983	842	587	30,2	32
	1986–2001	598	202	66,2	
Джибути	1984–1998	1 802	1 092	39,4	29
Либерия	1979–1989	1 230	889	27,7	26
Ливийская Арабская Джамахирия	1979–1995	7 565	2 321	69,3	25
Мадагаскар	1971–1978	1 246	1 007	19,2	26
	1979–1988	1 076	784	27,2	
Намибия	1981–1988	4 159	3 478	16,4	14
Сан-Томе и Принсипи	1985–2000	1 486	1 226	17,5	25
Объединенная Республика Танзания	1976–1985	620	519	16,3	24
Уганда	1971–1980	871	577	33,7	21
Страны Латинской Америки и Карибского залива					
Боливия	1978–1986	2 715	2 074	23,6	17
Куба	1957–1965	2 406	1 988	17,4	20
Гаити	1980–1994	1 304	753	42,3	29
Ямайка	1973–1980	4 130	3 121	24,4	17
Никарагуа	1983–1993	2 169	1 308	39,7	22
Венесуэла	1977–1985	11 251	8 521	24,3	23
Западная Азия					
Ирак	1979–1986	6 756	3 759	44,4	22
Катар	1980–1991	29 552	6 467	78,1	30
Катар	1980–1991	29 552	6 467	78,1	30

Источник: ДЭСВ ООН на основе данных, приведенных в работе Maddison (2001).

^a Общее число лет, в которых доход на душу населения меньше, чем в предыдущем году, которое поэтому не представляет собой период непрерывного спада.

Кроме того, в девятнадцатом столетии богатые природными ресурсами страны, такие как Соединенные Штаты и Австралия, а также скандинавские страны, добились устойчивого роста и значительного повышения уровня жизни вследствие успеха их сельскохозяйственной, лесной и горнодобывающей промышленности.

Институциональные аспекты неспособности добиться роста

Одним из наиболее важных способов избежать реализации проклятия природных ресурсов является предотвращение погони за рентой

Одним из наиболее важных способов избежать реализации проклятия природных ресурсов является предотвращение погони за рентой путем обеспечения того, чтобы соответствующие ресурсы производились продуктивными и заслуживающими доверия производителями и превращались в богатство, которым бы пользовались и производители, и правительство в форме налогов и (в случае если правительство участвует в этой деятельности) дивидендов. Кроме того, доходы, получаемые правительством, должны подвергаться транспарентному мониторингу и разумно использоваться в интересах страны в долгосрочной перспективе. Именно эту цель преследуют инициатива по обеспечению транспарентности в добывающей промышленности и кампания “Publish What You Pay” («Обнародовать расходы»), разработанные с целью распространения информации для обсуждения и содействия более эффективному распределению богатства, являющегося результатом деятельности добывающей промышленности, таким образом, чтобы стимулировать социальную сплоченность и предупредить возможные конфликты.

В интересах правительства установить взаимовыгодные отношения с коммерческими предприятиями, которые могут эксплуатировать ресурсы страны на выгодной и рациональной основе

При наличии продуктивных производителей эксплуатация природных ресурсов может приносить высокую прибыль, давая большую разницу между их ценой и стоимостью производства (см. United Nations Conference on Trade and Development, 2005a, pp. 124–126). Следовательно, в интересах правительства установить взаимовыгодные отношения с коммерческими предприятиями, которые могут эксплуатировать ресурсы страны на выгодной и рациональной основе. Этот процесс может быть трудоемким и сложным, зачастую требующим значительных административных ресурсов со стороны правительства, однако результаты могут оказаться в высшей степени выгодными для обеих сторон, примером чего являются отношения между фирмой «Де Бирс» и правительством Ботсваны.

Многие страны отдают предпочтение обеспечению широкого участия государственных предприятий, иногда ассоциированных или сосуществующих с частными фирмами, в эксплуатации своих полезных ископаемых или нефтяных и газовых ресурсов. К их числу относятся страны, которые повсеместно считаются обладающими в высшей степени либерализованной экономикой, такие как Чили, где высокопроизводительная государственная компания по добыче медной руды и мировой лидер CODELCO сосуществует с предприятиями частного сектора, занимающимися добычей медной руды. В этой связи ключевой задачей является создание институциональных норм, позволяющих этим фир-

мам действовать в соответствии с высокими техническими стандартами и в условиях административной независимости.

Неспособность бедных стран, особенно в Африке, добиться роста во многих случаях была связана с недостаточностью внимания, уделяемого развитию их сельскохозяйственных ресурсов

В других отраслях производства сырьевых товаров, в частности в сельском хозяйстве, нет столь большой необходимости привлекать новых участников для обеспечения необходимых стимулов и поддержки существующих производителей. Неспособность бедных стран, особенно в Африке, добиться роста во многих случаях была связана с недостаточностью внимания, уделяемого развитию их сельскохозяйственных ресурсов (Collier и Gunning, 1999). Зачастую предполагалось, что индустриализации может способствовать использование средств, поступающих от управлений по сбыту сельскохозяйственной продукции, которые пережили независимость и доходы которых не вкладывались в увеличение зарплат фермеров или развитие сельскохозяйственного сектора, в частности путем осуществления деятельности в области НИОКР. Недостаточно уделяемое внимание сельскому хозяйству было связано с незнанием того, что индустриализация во многих современных развитых странах и более ранних глобализованных странах (которые были рассмотрены выше) была возможна только благодаря имевшейся у них прочной сельскохозяйственной базе.

Неустраняемая особенность рынков цен как на полезные ископаемые, так и на сельскохозяйственное сырье состоит в их чрезвычайной нестабильности

Даже в условиях участия наиболее продуктивных производителей в разработке природных ресурсов страны и обеспечения соответствующих стимулов для этой деятельности существует одна особенность рынков цен на полезные ископаемые и сельскохозяйственное сырье — из числа тех, что вряд ли могут быть устранены, — это их чрезвычайная нестабильность, которая выражается в том, что цены могут колебаться в диапазоне более 30 процентов в год. Ввиду того, что добывающая промышленность, особенно нефтедобывающая, является чрезвычайно капиталоемкой, прибыльность ее зависит от недвижимых активов и в ней заняты сравнительно небольшие людские ресурсы, она может обеспечивать значительную часть облагаемых налогами доходов страны. Если в странах с диверсифицированной экономикой добывающая промышленность обеспечивает лишь относительно небольшую долю государственных доходов, то в некоторых развивающихся странах добывающая промышленность может служить источником от 50 до 90 процентов государственных доходов (United Nations Conference on Trade and Development, 2005a, табл. 3.5).

Залогом успеха стабилизационных фондов является эффективное государственное управление и институциональные механизмы

Как было показано в главе IV, в условиях значительной зависимости государственных и экспортных поступлений от доходов, получаемых одной отраслью промышленности, ключевым фактором смягчения последствий колебаний является эффективное планирование государственных расходов. Кроме того, для выравнивания потоков государственных доходов могут использоваться стабилизационные фонды: эти фонды могут формироваться в течение периодов подъема цен, чтобы затем быть использованными в целях поддержки прави-

тельствственных программ в течение периода низких цен. Однако проведение такой антициклической политики затруднительно в бедных странах с ограниченными административными возможностями. Действительно, залогом успеха стабилизационных фондов является эффективное государственное управление и институциональные механизмы (Davis and Tilton, 2005, p. 238). Такие фонды были успешно использованы в такой стране, как Ботсвана (см. главу IV), которая, как принято считать, обладает должным образом функционирующими учреждениями. Такую благоразумную антициклическую политику проще проводить в стране, обладающей мощной институциональной базой, власти которой способны формировать фонды в течение периодов подъема цен. В странах со слабой институциональной базой, где лидеры не выражают интересы общества и, следовательно, нет общего понимания необходимости благоразумного управления внезапными притоками прибыли, наблюдается тенденция растрачивать доходы, получаемые в результате подъема цен, и брать кредиты для поддержания уровня расходов после окончания периода высоких цен, что зачастую приводит к долгам, которые трудно выплатить (более подробное обсуждение вопросов, связанных с антициклической политикой, см. в главе IV).

Государственное управление, гражданские волнения и регулирование конфликтов

Неспособность учреждений к должному функционированию и разрешению многих внутренних ненасильственных конфликтов, которые наблюдаются во всех обществах, наиболее очевидна в тех странах, где конфликт вылился в гражданскую войну. В этих условиях учреждениями, потерпевшими неудачу, чаще оказываются те, что содействуют социальной сплоченности, а не те, что были созданы с целью создания рынков.

Большую часть войн сейчас составляют внутренние конфликты, которые происходят в бедных странах и влекут за собой серьезные текущие и долгосрочные экономические издержки

В период после 1946 года пик числа вооруженных конфликтов был достигнут в 1991–1992 годах, после чего их число уменьшилось и многие затяжные конфликты подошли к концу. Вместе с тем со времени окончания холодной войны в 1989 году имело место 118 конфликтов в 80 точках мира, и, таким образом, конфликты по-прежнему оказывают наиболее значительное влияние на экономические показатели стран и регионов (Murshed, 2006, p. 11). Большую часть войн сейчас составляют внутренние конфликты, происходящие в бедных странах. Эти конфликты, которые могут растягиваться на длительное время, влекут за собой серьезные текущие и долгосрочные экономические издержки. Например, во время войны показатели роста, как правило, снижаются приблизительно на 2 процента. Снижение может продолжаться и после войны, поскольку люди могут продолжать вывозить деньги из страны, экономически считая опасность возникновения конфликтов в будущем высоковероятной (Collier, 2006, p. 10). Около половины конфликтов возобновляются в течение первых пяти послевоенных лет. Во время конфликта большая часть инфраструктуры, в том числе автомобильные дороги, железные дороги, школы, больницы и электростанции, бывает разрушена в результате прямых военных действий или вследствие отсутствия технического обслуживания. Число человеческих жертв во время конфликта, как правило, значительно превышает число собственно

потерь из числа военных и включает погибших в результате голода или вследствие невозможности оказания медицинских услуг. Кроме того, война уничтожает социальный капитал, восстановить который значительно труднее, чем физический капитал. Война также приводит к тому, что усилия перенаправляются с продуктивной экономической деятельности на погоню за рентой, насилие и незаконную деятельность, в том числе торговлю незаконными наркотиками, которая в случае некоторых конфликтов используется в целях содействия их финансированию. Нормальная экономическая деятельность на время конфликта прекращается, поскольку зачастую ситуация настолько небезопасна, что даже не позволяет провести посевную с целью собрать урожай на следующий год. Образованные слои общества покидают родину, и многие дети не ходят в школу. В действительности дальнейшее обеднение страны в результате конфликта способствует появлению большого числа потенциальных наемников, даже из числа детей, готовых работать на тех, кто извлекает выгоду из конфликта — так называемых конфликтных дельцов.

Боевые действия в одной стране неизбежным образом сказываются на других странах, вызывая снижение показателей роста

Помимо этого, боевые действия в одной стране неизбежным образом сказываются на других странах за счет перемещения беженцев, разрушения инфраструктуры, необходимой для внутреннего производства и для экспорта (например, во время конфликта в Анголе была закрыта железная дорога Бенгела, обслуживавшая добывающую промышленность Центральной Африки), а также ввиду того, что внутренние и иностранные инвесторы, оценивая общий климат как неблагоприятный для принятия на себя обязательств, воздерживаются от вложения средств. Эти региональные последствия служат причиной снижения показателей роста. Все регионы, включая Европу, пережили конфликты, однако в последнее время региональный фактор, вероятно, наиболее очевидным образом проявляет себя в Африке, где до недавнего времени наблюдалось снижение темпов роста и отсутствие интереса со стороны иностранных инвесторов, о чем свидетельствует небольшая доля континента в глобальных потоках ПИИ, а также то, что около 40 процентов африканских сбережений хранится за пределами континента, по сравнению с 6 процентами для Восточной Азии и 3 процентами для Южной Азии (Commission for Africa, 2005, p. 26). В связи с этим полный объем экономических последствий гражданских войн трудно оценить, но едва ли возможно переоценить (Murshed, 2002, p. 388).

Одним из критериев оценки результатов конфликта — а также внутренних нарушений прав человека — является число перемещенных внутри страны лиц. В декабре 2005 года общее число таких лиц оценивалось в 23,7 млн. человек (Norwegian Refugee Council, 2006). В 2005 году около 50 стран Африки, Северной и Южной Америки, Азии, Европы и Ближнего Востока были затронуты связанным с конфликтами перемещением населения внутри страны. Человеческие страдания, вызванные таким перемещением, неисчислимы, так же как неисчислимы и чисто экономические потери (связанные с тем, что его жертвы не могут получить столь же прибыльную работу, которую они бы имели, если бы могли жить стабильной, спокойной жизнью на прежнем месте).

Связь между неспособностью добиться роста, конфликтами и ресурсами может быть разорвана с помощью государственного управления и институциональных механизмов, которые позволяют обратить богатства природных ресурсов в источник долгосрочного роста

В выборке, состоящей из 17 стран, в которых имели место внутренние конфликты, страны с производственной или смешанной сырьевой базой, как правило, со временем добиваются положительной динамики роста, в то время как страны с точечными ресурсами, такими как алмазы из аллювиальных месторождений или древесина, как правило, обнаруживают снижение объема производства (Murshed, 2006, table 4). Снижение объема производства, приводящее к увеличению масштабов нищеты, углубляет неравенство внутри общества, способствует росту недовольства и усиливает горизонтальное неравенство. Поскольку установлено, что горизонтальное неравенство является питательной средой для возникновения конфликтов, между неспособностью добиться роста, конфликтами и ресурсами существует определенная связь. Эта связь может быть разорвана с помощью государственного управления и институциональных механизмов, которые позволяют обратить богатства природных ресурсов в источник долгосрочного роста.

Стабильное строительство институциональной базы для регулирования конфликтов способствует укреплению того, что можно охарактеризовать как общественный договор, сокращению опасности возникновения конфликта и закладыванию основ более устойчивого роста. Если страна обладает системой общепринятых норм, как официальных, так и неофициальных, регулирующих распределение ресурсов, в том числе ресурсной ренты, и мирное удовлетворение жалоб, она вряд ли будет охвачена сильным конфликтом. Такого эффективного общественного договора может быть достаточно, для того чтобы ограничивать или даже вообще пресекать такое беспринципное поведение, как крупномасштабное хищение ресурсной ренты, а также сильные проявления недовольства.

Принципы, применимые в постконфликтной ситуации, аналогичны тем, что применимы в ходе мирного урегулирования конфликта. Необходимо формирование таких учреждений и выработка таких методов государственного управления, которые убедят население в том, что выгоды экономического роста и формирования богатства будут распределяться справедливым образом и, следовательно, делать долгосрочные инвестиции выгодно. Сокращение масштабов нищеты представляет собой одну из важнейших задач в любой постконфликтной ситуации; и во многих бедных странах наиболее эффективный способ ее решения заключается в восстановлении сельскохозяйственного сектора. Может потребоваться введение политики дифференцированного предоставления субсидий производственным секторам в целях поощрения долгосрочных инвестиций и, тем самым, возобновления процесса роста (Murshed, 2001).

Экономический рост способствует сокращению опасности возникновения конфликтов

Экономический рост способствует сокращению опасности возникновения конфликтов по нескольким причинам. За счет сокращения масштабов нищеты и обеспечения возможностей в области трудоустройства он влечет за собой сокращение числа потенциальных наемников, готовых работать на конфликтных

дельцов. Он может обеспечивать сокращение масштабов неравенства и, тем самым, уменьшение горизонтального неравенства. За счет создания более тесных групп взаимодействия между экономическими субъектами экономический рост создает ситуацию, при которой можно больше потерять, участвуя в конфликте, что может способствовать совершенствованию функционирования институциональной базы, созданию лучших возможностей мирного урегулирования конфликтов и даже может привести к возникновению высококачественной национальной демократии. Эти выгоды экономического роста особенно заметны в африканских странах, которые недавно покончили с конфликтами и движутся в направлении устойчивого роста и создания мощных демократических учреждений.

Однако сам по себе экономический рост недостаточен: необходимо проведение активной политики по обеспечению социальной сплоченности

Вместе с тем сам по себе экономический рост недостаточен, поскольку необходимо проведение активной политики по обеспечению социальной сплоченности всех групп населения и, в частности, сокращению неравенства, в особенности горизонтального неравенства. Инвестиции также должны направляться на развитие человеческого капитала и инфраструктуры в целях обеспечения устойчивого характера экономического роста. В странах, где большую часть государственных поступлений составляет рента, получаемая от природных ресурсов, необходимо создание открытых и транспарентных финансовых и бюджетных учреждений, которые бы не допускали возможности перекачивания доходов и непредвиденной прибыли в карман правящей элиты. Подводя итог, можно сказать, что именно путем совершенствования учреждений и государственного управления можно избежать реализации проклятия природных ресурсов и, напротив, превратить природные ресурсы в средство обеспечения экономического роста, сокращения масштабов нищеты и предупреждения конфликтов.

Заключение

Качественное государственное управление и стабильные учреждения обеспечивают условия, содействующие экономическому росту

Качественное государственное управление и стабильные учреждения могут обеспечить условия, позволяющие принимать решения о долгосрочных инвестициях как в человеческий, так и в физический капитал, имеющие важнейшее значение для экономического роста. В развитых странах постепенно была выработана сложная структура государственного управления и учреждений, способствующая достижению экономического роста, которая была использована ими для построения прочного и сплоченного общества. Как было показано в настоящей главе, создание такой системы должно быть основано на общепринятом понимании справедливости: граждане должны быть уверены, что с ними поступают справедливо, что в законы и положения могут быть внесены изменения с целью устранения любой ощутимой несправедливости и что страна движется в правильном направлении. Такая обстановка доверия будет содействовать поощрению экономической деятельности и, в особенности, инвестициям.

Ощущение того, что осуществляемые преобразования представляют собой шаг в правильном направлении, иногда может быть обеспечено с помощью относительно незначительных изменений существующих структур государственного управления. Как лучше всего показывает приведенный выше пример Китая, они могут дать грандиозные результаты при наличии убежденности, что за ними последуют дальнейшие изменения и что эти изменения будут шагами в том же направлении. После того как будет создано убеждение, что страны движутся в правильном направлении, они могут также приступать к многочисленным изменениям структуры государственного управления.

Устойчивый рост возможен в условиях незначительных преобразований государственного управления и при существовании учреждений, которые изначально страдают несовершенством

Таким образом, нет оснований для пессимистических утверждений о том, что определенные страны обречены характеризоваться низкими темпами роста и никогда не смогут избавиться от учреждений, тормозящих их рост. На самом деле устойчивый рост возможен и при существовании учреждений, которые изначально страдают несовершенством; важно, чтобы само правительство внушало доверие своей приверженностью процессу преобразований, направленному на устранение институциональных препятствий на пути поступательного роста (Johnson, Ostry and Subramanian, 2006).

Изучение причин неспособности многих более бедных стран, в частности в Африке, добиться роста, свидетельствует о важности институциональных факторов и тем самым не только объясняет причины экономических спадов, но и обеспечивает понимание основных путей достижения устойчивого роста. Устойчивого роста можно добиться путем проведения основательного реформирования учреждений, с тем чтобы сделать возможным создание общества, которое может считаться справедливым, — то есть такого, в котором понимается, что выгоды экономического роста распределяются справедливым образом и в котором обеспечены стимулы для занятия законной экономической деятельностью и отсутствуют стимулы для погони за рентой. Это сложная и трудная задача: несмотря на то что можно сформулировать некоторые общие принципы, готового набора учреждений, перейдя к использованию которых можно было бы легко достичь этой цели, не существует. Необходимо, чтобы все слои общества принимали участие в усилиях, направленных на создание новых мощных учреждений. В настоящее время общепризнанным является тот факт, что эта задача слишком сложна и широкомасштабна, чтобы осуществляться силами одного органа власти.

Для многих развивающихся стран проблема заключается в создании таких основанных на широком участии учреждений, которые позволили бы всем слоям общества почувствовать, что богатства нации и усилия ее граждан направляются на благие цели и что выгоды, получаемые от этих богатств, распределяются надлежащим образом.

Эта проблема обладает особой важностью для бедных стран со слабой институциональной базой, обладающих значительными месторождениями топлива и полезных ископаемых. Само наличие богатства, которое можно накопить за непродолжительное время в результате их эксплуатации, может усугублять социальные конфликты, поскольку его распределение — в частности, ме-

жду центральной властью и местными заинтересованными кругами в районах, где находятся эти ресурсы, — может быть источником разногласий. В отсутствие мощных учреждений, которые могли бы решать эти вопросы еще на первых этапах освоения месторождений, можно ожидать сепаратистских вспышек насилия и в целом усиления существующих разногласий в обществе, если складывается впечатление, что богатства распределяются несправедливо. Одним из главных выводов проведенного исследования является мысль о том, что этого конкретного проявления проклятия природных ресурсов можно избежать, если страны обладают мощными учреждениями.

В отношении большинства стран, недавно покончивших с конфликтами или превратившихся в «государства в состоянии развала», наиболее важным соображением является задача стимулирования возобновления экономической активности

Что касается международного сообщества, то этот вывод имеет особую актуальность для стран, недавно покончивших с конфликтами или превратившихся в «государства в состоянии развала». В большинстве случаев наиболее важным соображением является задача стимулирования возобновления экономической активности, что обычно означает оживление сельскохозяйственного сектора. Как было показано в настоящей главе, наличие устойчивого сельскохозяйственного сектора, как правило, является одним из важнейших условий последующего экономического развития, поскольку это стимулирует направление дополнительных инвестиций в этот сектор и ведет к повышению доходов фермеров, так что их собственный спрос на продукцию других секторов экономики увеличивается. Процветающий сельскохозяйственный сектор может служить доказательством того, что рост действительно отвечает интересам широких слоев населения, и тем самым способствовать формированию стабильного и справедливого общества. В свою очередь, экономический рост открывает возможности для изменения институциональной базы и повышения качества государственного управления, так что возникает своеобразная спираль роста.

Вопросам, связанным с государственным управлением, придается все большее значение в двусторонних и многосторонних программах кредитования

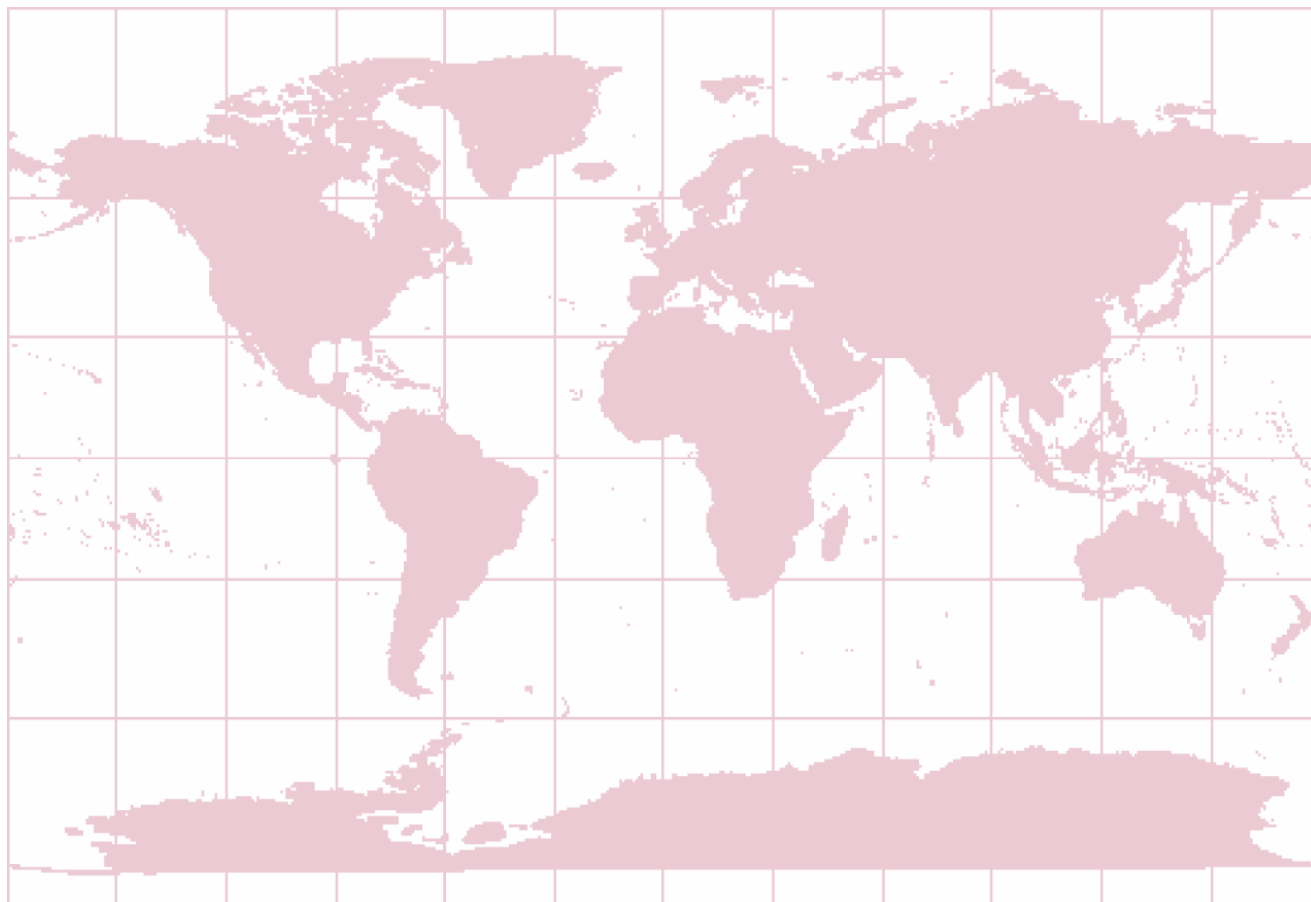
Международное сообщество также отводит задаче совершенствования государственного управления центральную роль в своих усилиях, направленных на достижение Целей в области развития Декларации тысячелетия. Вопросам, связанным с государственным управлением, придается все большее значение в двусторонних и многосторонних программах кредитования, и все большее внимание привлекает вопрос о том, как отслеживать прогресс. Общепризнано, что усилия, направленные на совершенствование государственного управления, требуют долговременного взаимодействия между партнерами в области развития. Например, создание «достаточно приемлемой» административно-бюджетной системы, возможно, если страна твердо намерена ее создать, однако это занимает от 5 до 10 лет (World Bank and International Monetary Fund, 2006, p. 21).

Международная поддержка должна быть нацелена на совершенствование отдельных областей, где наблюдается слабость государственного управления, а не на осуществление комплексных реформ

Все стороны, добивающиеся усиления взаимной подотчетности, признают, что ставки очень высоки, поскольку убежденность в том, что процесс взаимной подотчетности приносит выгоду в виде усовершенствованного государственного управления, может способствовать увеличению масштабов гибкой официальной помощи в целях развития (ОПР), направленной на достижение Целей в области развития Декларации тысячелетия. В рамках этого процесса увеличения масштабов помощи необходимо направлять усилия на совершенствование государственного управления путем осуществления действий, нацеленных на исправление отдельных недостатков, а не путем выдвижения при предоставлении помощи условий, базирующихся на глобальных критериях государственного управления, которые, как было показано выше, в высшей степени субъективны и сопряжены с большим числом серьезных концептуальных проблем. Международная поддержка в этой области должна быть нацелена на совершенствование отдельных областей, где наблюдается слабость государственного управления, таких как система государственного бюджета или система административного управления. Помощь также должна направляться на поддержку или развитие учреждений, которые обеспечивают создание или поддержку справедливых рынков, содействуют росту, обеспечивают разрешение конфликтов, возникающих в связи с распределением выгод экономического роста, особенно в отношении природных ресурсов, и в целом способствуют социальной сплоченности. Следует избегать навязывания странам-получателям помощи широкомасштабных условий, базирующихся на глобальных критериях государственного управления, поскольку эти критерии сопряжены с серьезными ограничениями.

Приложение

Статистические таблицы

Перечень таблиц

	<i>Стр.</i>
A.1. Разбивка показателей международного неравенства (коэффициент Тейла) по регионам, 1960, 1980 и 2000 годы	253
A.2. Разбивка показателей неравенства в развивающихся странах (коэффициент Тейла) по регионам, 1960, 1980 и 2000 годы	255
A.3. Доля экспорта отдельных групп стран в экспорте развивающихся стран по категориям продукции, с 1962–1965 по 1995–2000 годы	256
A.4. Быстрорастущие статьи экспорта на мировых рынках по группам продукции, 1962–1980 и 1980–2000 годы	258
A.5. Торговая специализация отдельных стран, 1962–1980 и 1980–2000 годы	262
A.6. Статьи экспорта, относящиеся к услугам, по секторам и подсекторам, развивающиеся страны и весь мир, 1980–2003 годы	268
A.7. Статьи экспорта, относящиеся к компьютерным и информационным услугам, отдельные страны, 2000–2004 годы	270

Таблица А.1 Приложения
**Разбивка показателей международного неравенства (коэффициент Тейла)
 по регионам, 1960, 1980 и 2000 годы**

	<i>Все страны</i>			<i>Все страны (за исключением Китая)</i>		
	<i>Вклад в общие данные по неравенству, 1960 год</i>			<i>Вклад в общие данные по неравенству, 1960 год</i>		
	<i>Между регионами</i>	<i>Внутри регионов</i>	<i>Всего</i>	<i>Между регионами</i>	<i>Внутри регионов</i>	<i>Всего</i>
Развитые страны	0,61	0,04	0,65	0,52	0,04	0,57
Восточная Европа	0,04	0,00	0,04	0,01	0,00	0,01
Латинская Америка	0,01	0,01	0,02	-0,01	0,01	0,00
Восточная Азия (15 более крупных стран) ^а	-0,17	0,00	-0,16	-0,11	0,00	-0,11
Остальные страны Восточной Азии	-0,01	0,00	-0,01	-0,01	0,00	-0,01
Западная Азия	0,00	0,00	0,00	-0,01	0,00	0,00
Африка	-0,03	0,01	-0,03	-0,04	0,01	-0,04
СНГ
Общие данные по неравенству	0,45	0,07	0,51	0,35	0,07	0,42
	<i>Вклад в общие данные по неравенству, 1980 год</i>			<i>Вклад в общие данные по неравенству, 1980 год</i>		
Развитые страны	0,67	0,01	0,69	0,60	0,01	0,61
Восточная Европа	0,04	0,00	0,04	0,02	0,00	0,02
Латинская Америка	0,01	0,01	0,02	0,00	0,01	0,00
Восточная Азия (15 более крупных стран) ^а	-0,18	0,02	-0,16	-0,13	0,02	-0,11
Остальные страны Восточной Азии	-0,01	0,00	-0,01	-0,01	0,00	-0,01
Западная Азия	0,01	0,01	0,01	0,00	0,01	0,01
Африка	-0,04	0,01	-0,03	-0,05	0,01	-0,04
СНГ
Общие данные по неравенству	0,51	0,05	0,56	0,42	0,05	0,48
	<i>Вклад в общие данные по неравенству, 2000 год</i>			<i>Вклад в общие данные по неравенству, 2000 год</i>		
Развитые страны	0,69	0,01	0,70	0,72	0,01	0,73
Восточная Европа	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Латинская Америка	0,00	0,01	0,00	-0,01	0,01	-0,01
Восточная Азия (15 более крупных стран) ^а	-0,17	0,05	-0,13	-0,14	0,05	-0,09
Остальные страны Восточной Азии	-0,01	0,00	-0,01	-0,01	0,00	-0,01
Западная Азия	0,00	0,00	0,00	-0,01	0,01	0,00
Африка	-0,05	0,01	-0,04	-0,06	0,01	-0,05
СНГ	-0,01	0,00	-0,01	-0,02	0,00	-0,02
Общие данные по неравенству	0,45	0,08	0,53	0,48	0,09	0,56

Источник: ДЭСВ/ООН на основе издания Maddison (2001).

Примечания: Чтобы избежать получения показателей на конец года, которые отличаются резко отклоняющимися значениями, были использованы средние значения за пятилетний период времени как для ВВП, так и для совокупности населения, то есть, к примеру, показатель за 1960 год представлял собой среднее значение за период 1958–1962 годов; показатель за 1980 год — среднее значение за период 1978–1982 годов; а показатель за 2000 год — среднее значение за период 1998–2001 годов (2001 год был последним годом наблюдения, за который имеются данные).

Группы стран, указанные в издании Maddison (2001).

^а Китай, Индия, Индонезия, Филиппины, Республика Корея, провинция Китая Тайвань, Таиланд, Бангладеш, Специальный административный район Китая Гонконг, Малайзия, Мьянма, Непал, Пакистан, Сингапур и Шри-Ланка.

Методологическое замечание: Доход (ВВП) выражается в неизменных долларах Гири-Камиса 1990 года. Коэффициент Тейла — это показатель неравенства, основанный на теории информации (в аспекте общей энтропии). Если все страны (или отдельные лица) имеют одинаковый доход на душу населения, то индекс Тейла будет равен нулю. Индекс Тейла позволяет сопоставить долю дохода какой-либо страны или отдельного лица с долей населения страны. В тех случаях, когда весь доход получает одна страна (или отдельное лицо), предполагается, что индекс Тейла равен значению $\log N$, где N — число стран или отдельных лиц. Преимущество применения индекса Тейла по сравнению с некоторыми другими показателями неравенства (такими как коэффициент Джини) заключается в том, что его легко разложить на составляющие и получить представление о том, сколько различных подгрупп стран или отдельных лиц вносят вклад в общие данные по неравенству; кроме того, он является дополнительным показателем для компонентов, отнесенных к различиям между группами и внутри групп. В приведенной выше разбивке рассматриваются только данные по международному неравенству, то есть, к примеру, неравенство в уровнях дохода между группами стран и внутри этих групп. Неравенство внутри страны не учитывается.

Цифры в таблице подтверждают, что большую часть мирового дохода получают в развитых странах (в среднем 52 процента за период 1998–2001 годов), несмотря на тот факт, что в них проживает лишь 14 процентов мирового населения. В результате неравенство между развитыми регионами и остальным миром в наибольшей степени способствует глобальному неравенству в доходах. Со временем увеличение доли мирового дохода в развитых странах, несмотря на сокращение их доли в мировой численности населения, привело к росту их вклада в увеличение глобального неравенства. В целом вклад неравенства внутри регионов в международное неравенство невелик. Положение в развитых странах, а с 1980 года и в более крупных развивающихся странах Азии ввиду их более значительной доли в доходе обуславливало влияние неравенства внутри регионов на мировое неравенство. Внутри региона развитых стран произошла конвергенция, о чем свидетельствует меньший вклад различий в доходах внутри регионов. Более крупные страны Восточной и Южной Азии, напротив, продемонстрировали определенную тенденцию к дивергенции, хотя их вклад в международное неравенство, согласно измерениям с помощью индекса Тейла, остается небольшим.

Таблица А.2 Приложения
**Разбивка показателей неравенства в развивающихся странах (коэффициент
Тейла) по регионам, 1960, 1980 и 2000 годы**

	<i>Все развивающиеся страны</i>			<i>Все развивающиеся страны (за исключением Китая и Индии)</i>		
	<i>Вклад в общие данные по неравенству, 1960 год</i>			<i>Вклад в общие данные по неравенству, 1960 год</i>		
	<i>Между регионами</i>	<i>Внутри регионов</i>	<i>Всего</i>	<i>Между регионами</i>	<i>Внутри регионов</i>	<i>Всего</i>
Восточная Европа	0,31	0,01	0,32	0,24	0,01	0,25
Латинская Америка	0,15	0,02	0,17	0,10	0,03	0,13
Восточная Азия (15 более крупных стран) ^а	-0,20	0,01	-0,19	-0,10	0,01	-0,09
Остальные страны Восточной и Южной Азии	-0,01	0,00	-0,01	-0,02	0,00	-0,02
Западная Азия	0,03	0,01	0,04	0,01	0,01	0,02
Африка	-0,03	0,01	-0,01	-0,07	0,02	-0,06
СНГ
Общие данные по неравенству	0,25	0,06	0,32	0,17	0,07	0,24
	<i>Вклад в общие данные по неравенству, 1980 год</i>			<i>Вклад в общие данные по неравенству, 1980 год</i>		
Восточная Европа	0,27	0,00	0,27	0,20	0,00	0,20
Латинская Америка	0,17	0,01	0,19	0,11	0,02	0,13
Восточная Азия (15 более крупных стран) ^а	-0,20	0,05	-0,15	-0,09	0,04	-0,05
Остальные страны Восточной и Южной Азии	-0,01	0,00	-0,01	-0,02	0,00	-0,02
Западная Азия	0,07	0,01	0,08	0,05	0,01	0,06
Африка	-0,04	0,02	-0,02	-0,08	0,02	-0,06
СНГ
Общие данные по неравенству	0,26	0,09	0,36	0,17	0,10	0,27
	<i>Вклад в общие данные по неравенству, 2000 год</i>			<i>Вклад в общие данные по неравенству, 2000 год</i>		
Восточная Европа	0,02	0,00	0,03	0,03	0,01	0,03
Латинская Америка	0,11	0,01	0,12	0,13	0,02	0,14
Восточная Азия (15 более крупных стран) ^а	-0,04	0,10	0,05	0,02	0,12	0,14
Остальные страны Восточной и Южной Азии	-0,01	0,00	-0,01	-0,02	0,00	-0,02
Западная Азия	0,04	0,01	0,05	0,05	0,01	0,07
Африка	-0,05	0,02	-0,04	-0,10	0,03	-0,07
СНГ	0,02	0,00	0,02	0,01	0,01	0,02
Общие данные по неравенству	0,08	0,15	0,23	0,12	0,19	0,31

Источник: ДЭСВ/ООН на основе издания Maddison (2001).

Примечания: Чтобы избежать получения показателей на конец года, которые отличаются резко отклоняющимися значениями, были использованы средние значения за пятилетний период времени как для ВВП, так и для совокупности населения, то есть, к примеру, показатель за 1960 год представлял собой среднее значение за период 1958–1962 годов; показатель за 1980 год — среднее значение за период 1978–1982 годов; а показатель за 2000 год — среднее значение за период 1998–2001 годов (2001 год был последним годом наблюдения, за который имеются данные).

Группы стран, указанные в издании Maddison (2001).

^а Китай, Индия, Индонезия, Филиппины, Республика Корея, провинция Китая Тайвань, Таиланд, Бангладеш, Специальный административный район Китая Гонконг, Малайзия, Мьянма, Непал, Пакистан, Сингапур и Шри-Ланка.

Таблица А.3 Приложения
Доля экспорта отдельных групп стран в экспорте развивающихся стран
по категориям продукции, с 1962–1965 по 1995–2000 годы

(В процентах)

Категория продукции		1962– 1965 годы	1965– 1970 годы	1970– 1975 годы	1975– 1980 годы	1980– 1985 годы	1985– 1990 годы	1990– 1995 годы	1995– 2000 годы
Африка к югу от Сахары	Сырье	9,6	9,7	9,6	10,1	7,7	6,2	5,1	5,2
	Продукция БСК	9,0	7,8	6,6	5,3	3,7	3,1	2,9	2,2
	НТ продукция	0,5	0,8	0,8	0,8	0,5	0,6	0,5	0,4
	СТ продукция	1,5	1,3	1,1	0,8	0,6	0,4	0,2	0,1
	ВТ продукция	1,8	1,2	0,6	0,8	0,4	0,2	0,1	0,1
Латинская Америка	Сырье	37,6	37,5	35,9	38,9	39,8	36,4	35,6	36,4
	Продукция БСК	29,5	28,6	30,9	29,5	29,9	24,7	23,4	23,6
	НТ продукция	6,4	8,2	10,4	10,7	10,0	8,6	8,5	10,2
	СТ продукция	9,6	9,9	15,6	18,3	19,6	18,6	18,6	20,8
	ВТ продукция	26,8	30,4	25,5	18,7	14,0	9,4	7,3	8,6
Южная Азия	Сырье	8,5	6,3	5,8	5,3	5,2	5,4	4,9	5,5
	Продукция БСК	7,3	6,2	4,6	4,3	4,3	5,6	5,8	6,0
	НТ продукция	29,1	20,8	12,3	8,2	6,5	6,2	6,2	6,1
	СТ продукция	4,5	6,1	4,4	3,1	1,6	1,4	1,6	1,6
	ВТ продукция	5,0	3,7	1,9	1,1	0,7	1,0	0,5	0,5
Китай	Сырье	3,1	4,1	4,8	4,1	6,7	10,2	10,0	9,2
	Продукция БСК	1,9	2,5	2,5	2,5	4,4	6,4	8,2	10,2
	НТ продукция	9,1	9,3	8,4	7,7	12,4	19,6	32,3	37,7
	СТ продукция	5,0	5,0	4,6	3,2	5,4	8,6	13,2	16,3
	ВТ продукция	2,8	3,1	2,2	1,5	2,2	4,9	10,0	15,1
Новые промышленно развитые страны и Юго-Восточная Азия	Сырье	16,8	15,1	16,0	20,7	21,3	22,1	23,4	20,4
	Продукция БСК	21,5	23,1	27,3	32,5	32,8	34,2	36,6	32,2
	НТ продукция	31,4	36,7	44,4	54,6	58,0	54,7	41,5	32,4
	СТ продукция	15,3	17,5	25,9	40,3	42,5	46,1	50,8	42,6
	ВТ продукция	24,2	35,6	52,2	59,8	66,1	72,3	76,7	69,4
Ближний Восток и Северная Африка	Сырье	7,6	8,6	9,4	7,0	6,5	6,4	6,1	5,9
	Продукция БСК	9,0	6,9	6,6	7,1	7,6	9,5	8,3	8,9
	НТ продукция	7,0	7,9	8,2	6,8	4,8	3,9	3,8	3,8
	СТ продукция	6,9	8,4	10,9	9,5	6,9	6,1	4,7	4,3
	ВТ продукция	6,9	5,6	4,8	5,0	4,6	3,3	2,6	2,4
Центральная и Восточная Европа	Сырье	3,0	4,2	4,9	4,1	4,1	4,6	4,8	4,7
	Продукция БСК	8,4	8,2	7,6	6,8	6,6	6,3	6,8	7,9
	НТ продукция	12,1	12,5	12,7	9,5	6,7	5,1	5,5	6,9
	СТ продукция	26,1	28,9	23,2	16,1	15,4	11,4	6,5	9,6
	ВТ продукция	18,1	12,9	7,0	4,4	5,4	4,6	1,6	2,8

		1962–	1965–	1970–	1975–	1980–	1985–	1990–	1995–
		1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000
Категория продукции		годы	годы	годы	годы	годы	годы	годы	годы
СНГ	Сырье	2,6	3,7	4,2	3,2	3,3	4,2	6,6	9,8
	Продукция БСК	6,6	8,5	7,2	7,0	6,7	6,9	5,4	7,2
	НТ продукция	3,1	2,6	1,8	0,8	0,5	0,5	0,8	1,7
	СТ продукция	27,1	20,4	11,9	6,6	5,5	5,7	4,1	4,3
	ВТ продукция	12,6	5,8	4,5	6,7	3,6	2,7	0,8	0,9
Наименее развитые страны, не учтенные выше	Сырье	11,0	10,7	9,1	6,2	4,8	4,1	3,3	2,6
	Продукция БСК	6,7	8,0	6,4	4,5	3,7	3,2	2,4	1,8
	НТ продукция	1,0	0,8	0,6	0,7	0,6	0,4	0,3	0,5
	СТ продукция	3,3	1,5	1,5	0,9	0,8	0,7	0,2	0,2
	ВТ продукция	1,0	0,5	0,5	1,3	1,2	0,5	0,1	0,1
<i>Для справки:</i>									
<i>Вся продукция</i>									
	Африка к югу от Сахары	8,1	7,4	6,1	5,3	3,2	2,1	1,3	1,0
	Латинская Америка	30,9	29,4	27,9	26,9	24,3	19,1	16,5	16,8
	Южная Азия	10,2	8,2	6,4	5,2	4,3	4,3	3,9	3,5
	Китай	3,4	4,4	4,7	4,3	7,2	11,5	17,4	20,2
	Новые промышленно развитые страны и Юго-Восточная Азия	19,7	20,8	26,4	35,6	40,8	45,3	46,9	43,1
	Ближний Восток и Северная Аф- рика	7,9	8,0	8,4	7,2	6,2	5,7	4,8	4,4
	Центральная и Восточная Европа	6,5	7,9	8,7	7,4	7,4	6,5	5,1	6,3
	СНГ	4,8	5,8	5,3	4,2	3,7	3,7	3,0	3,7
	Наименее развитые страны, не учтенные выше	8,4	8,0	5,8	3,7	2,5	1,7	1,0	0,7

Источник: ДЭСВ/ООН на основе издания Feenstra and others (2005).

Сокращения: Продукция БСК — продукция с большим сырьевым компонентом; НТ — низкотехнологичная; СТ — среднетехнологичная; ВТ — высокотехнологичная продукция.

Таблица А.4 Приложения
**Быстрорастущие статьи экспорта на мировых рынках по группам
 продукции, 1962–1980 и 1980–2000 годы**

<i>А. 1962–1980 годы</i>		<i>Среднегодовые темпы роста (в процентах)</i>
<i>МСТК^а</i>	<i>Продукция</i>	
Основные виды сырья		
681	Серебро, платина и т. д.	29,1
36	Ракообразные и моллюски, свежие, мороженые	18,7
271	Сырье для удобрений	18,3
684	Алюминий	17,6
274	Сера и необоженный железный колчедан	17,3
685	Свинец	17,2
44	Кукуруза немолотая	16,7
34	Рыба свежая, охлажденная, мороженая	16,3
245	Древесное топливо, не включенное в другие категории, древесный уголь	16,0
11	Мясо свежее, охлажденное, замороженное	15,6
Среднее (по вышеуказанным пунктам)		18,3
Продукция обрабатывающей промышленности с большим сырьевым компонентом		
689	Неблагородные цветные металлы, не включенные в другие категории	41,2
688	Уран, торий и их сплавы	40,2
289	Благородные металлы, руды, лом, не включенные в другие категории	30,4
511	Углеводороды, не включенные в другие категории, и их производные	28,2
111	Безалкогольные напитки, не включенные в другие категории	23,1
667	Жемчуг, драгоценные и полудрагоценные камни	22,6
515	Соединения, состоящие из органических и неорганических веществ, и т. д.	22,3
514	Соединения, выполняющие функции азота	21,9
288	Цветные металлы и отходы, не включенные в другие категории	21,7
61	Сахар и мед	20,8
Среднее (по вышеуказанным пунктам)		27,2
Низкотехнологичная продукция обрабатывающей промышленности		
893	Изделия из пластмасс, не включенные в другие категории	48,1
843	Верхняя одежда для женщин, нетрикотажная	31,1
844	Нижнее белье, нетрикотажное	24,7
821	Мебель и ее детали	23,0
898	Музыкальные инструменты и их детали	21,0
691	Конструкции и элементы конструкций, не включенные в другие категории	20,9

A. 1962–1980 годы

<i>МСТК^a</i>	<i>Продукция</i>	<i>Среднегодовые темпы роста (в процентах)</i>
848	Головные уборы, нетканая одежда	20,8
842	Верхняя одежда для мужчин, нетрикотажная	20,6
831	Дорожные принадлежности, сумочки	20,5
851	Обувь	19,6
Среднее (по вышеуказанным пунктам)		25,0
Среднетехнологичная продукция обрабатывающей промышленности		
714	Двигатели и моторы, не включенные в другие категории	40,2
742	Жидкостные насосы и т. д.	36,5
583	Продукты полимеризации и т. д.	22,8
786	Трейлеры и безмоторные транспортные средства, не включенные в другие категории	22,5
512	Спирты, фенолы и т. д.	21,7
513	Карбоновые кислоты и т. д.	21,4
884	Оптические изделия, не включенные в другие категории	21,0
582	Продукты конденсации	20,7
872	Медицинские инструменты, не включенные в другие категории	20,6
266	Синтетические волокна, пригодные для прядения	20,6
Среднее (по вышеуказанным пунктам)		24,8
Высокотехнологичная продукция обрабатывающей промышленности		
716	Роторные электроэнергетические установки	924,4
524	Радиоактивные и другие материалы	44,0
771	Электроэнергетические машины, не включенные в другие категории	33,4
759	Детали и принадлежности для канцелярских машин и машин для АОД	30,1
752	Оборудование для АОД	28,5
761	Телевизионные приемники	23,8
776	Транзисторы, электронные лампы и т. д.	23,4
718	Прочие энергогенераторные машины	23,3
774	Электромедицинская аппаратура и рентгеновское оборудование, не включенные в другие категории	20,7
881	Фотографическая аппаратура и оборудование, не включенные в другие категории	20,5
Среднее (по вышеуказанным пунктам, кроме МСТК 716)		27,5
<i>Для справки:</i>		
Среднегодовые темпы роста мировой товарной торговли		
	1962–1980 годы	15,7
	1980–2000 годы	5,8

<i>В. 1980–2000 годы</i>		
<i>МСТК^a</i>	<i>Продукция</i>	<i>Среднегодовые темпы роста (в процентах)</i>
246	Балансовая древесина, щепа, древесные отходы	10,3
683	Никель	19,0
686	Цинк	8,4
34	Рыба свежая, охлажденная, мороженая	8,1
36	Ракообразные и моллюски, свежие, мороженые	7,9
684	Алюминий	7,7
245	Древесное топливо, не включенное в другие категории, древесный уголь	7,2
273	Камень, песок и гравий	6,5
681	Серебро, платина и т. д.	6,2
244	Пробка натуральная, необработанная, пробковые отходы	5,7
Среднее (по вышеуказанным пунктам)		7,7
688	Уран, торий и их сплавы	66,7
286	Руды и концентраты урана и тория	32,1
689	Неблагородные цветные металлы, не включенные в другие категории	26,9
111	Безалкогольные напитки, не включенные в другие категории	10,5
514	Соединения, выполняющие функции азота	10,4
98	Пищевые продукты и препараты, не включенные в другие категории	9,5
515	Соединения, состоящие из органических и неорганических веществ, и т. д.	9,1
592	Крахмал, инулин, глютен и т. д.	9,1
664	Стекло	8,8
628	Резиновые изделия, не включенные в другие категории	8,7
Среднее (по вышеуказанным пунктам)		11,6
893	Изделия из пластмасс, не включенные в другие категории	38,6
845	Верхняя одежда, трикотажная, неэластичная	36,0
843	Верхняя одежда для женщин, нетрикотажная	23,1
846	Нижнее белье, трикотажное	22,0
844	Нижнее белье, нетрикотажное	21,4
898	Музыкальные инструменты и их детали	11,0
894	Игрушки, спортивные товары и т. д.	10,5
831	Дорожные принадлежности, сумочки	10,4
655	Трикотажные и другие ткани	9,8
821	Мебель и ее детали	9,7
Среднее (по вышеуказанным пунктам)		19,3

В. 1980–2000 годы

МСТК ^a	Продукция	Среднегодовые темпы роста (в процентах)
742	Жидкостные насосы и т. д.	32,7
714	Двигатели и моторы, не включенные в другие категории	17,1
728	Прочие машины, специализированные для определенных отраслей промышленности	12,7
553	Парфюмерия, косметика и т. д.	12,2
872	Медицинские инструменты, не включенные в другие категории	11,2
772	Коммутационная аппаратура и т. д., а также детали, не включенные в другие категории	10,5
773	Электрораспределительное оборудование	10,3
812	Водопроводно-канализационное, отопительное и осветительное оборудование	9,4
783	Автомобили, не включенные в другие категории	9,4
533	Пигменты, краски и т. д.	9,0
Среднее (по вышеуказанным пунктам)		13,4
771	Электроэнергетические машины, не включенные в другие категории	37,3
716	Роторные электроэнергетические установки	35,7
759	Детали и принадлежности для канцелярских машин и машин для АОД	35,7
776	Транзисторы, электронные лампы и т. д.	17,0
871	Оптические приборы	16,2
752	Оборудование для АОД	15,4
764	Оборудование для электросвязи, его детали и принадлежности, не включенные в другие категории	14,0
874	Измерительные, контрольные приборы	13,5
541	Медицинские и фармацевтические продукты	10,8
778	Электрические машины, не включенные в другие категории	9,6
Среднее (по вышеуказанным пунктам)		20,5

Для справки:

Среднегодовые темпы роста мировой товарной торговли

1962–1980 годы	15,7
1980–2000 годы	5,8

Источник: ДЭСВ/ООН на основе издания Feenstra and others (2005).

Примечание: Текущие показатели.

Сокращения: АОД — автоматическая обработка данных.

^a Международная стандартная торговая классификация.

Таблица А.5 Приложения
Торговая специализация отдельных стран, 1962–1980 и 1980–2000 годы

<i>А. 1962–1980 годы</i>						
	<i>Сырьевая продукция</i>	<i>Продукция БСК</i>	<i>НТ продукция</i>	<i>СТ продукция</i>	<i>ВТ продукция</i>	<i>Среднегодовой прирост ВВП на душу населения, 1962–1980 годы (в процентах)</i>
Экспортеры ВТ продукции						2,8
Сингапур	–0,5161	–0,0790	0,0521	0,9227	2,7744	7,4
Израиль	–0,0897	–0,0802	0,0648	0,0461	0,0951	4,2
Мексика	–0,9119	–0,0670	0,1255	0,3871	1,4068	3,8
Российская Федерация	–0,0816	0,0095	–0,0149	–0,1345	0,3472	2,5
Филиппины	–0,0338	–0,6468	0,0912	0,0157	0,1153	2,4
Габон	0,0005	–0,0599	0,0000	0,0001	0,0120	2,0
Сальвадор	–0,0584	0,0025	–0,0038	0,0013	0,0335	1,1
Нигер	–0,0272	0,0507	0,0000	0,0000	0,4989	–0,9
Экспортеры СТ продукции						3,1
Оман	–0,0106	0,0000	0,0003	0,0536	0,0345	7,6
Саудовская Аравия	–0,0306	0,0036	0,0078	0,4342	–0,0374	6,3
Ливийская Арабская Джамахирия	–0,0045	–0,0007	–0,0001	0,0531	0,0001	6,2
САР Гонконг ^а	0,0012	–0,0250	–1,4322	0,6432	0,1929	6,0
Алжир	–0,0016	–0,0393	0,0012	0,0147	0,0005	4,5
Ирак	–0,0209	–0,0004	0,0005	0,0201	0,0002	4,2
Бразилия	–2,1565	0,5868	0,2397	0,8342	0,0648	4,1
Румыния	–0,1334	–0,2075	0,4226	0,4255	0,0026	4,1
Тринидад и Тобаго	–0,0024	–0,0278	0,0066	0,0111	0,0005	3,6
Панама	–0,0650	0,0284	0,0116	0,1068	–0,0764	3,6
Болгария	–0,0795	–0,0058	0,0293	0,1274	0,0055	3,4
Коста-Рика	–0,0473	–0,0011	0,0054	0,0062	0,0022	3,2
Польша	–0,0097	–0,3303	0,1318	0,4869	0,0290	3,1
Сирийская Арабская Республика	–0,1394	0,0025	0,0186	0,1664	0,0016	3,0
Иордания	–0,0483	0,0047	0,0048	0,0138	0,0038	3,0
Доминиканская Республика	–0,0164	–0,1481	0,0095	0,0751	0,0004	3,0
Конго	–0,0025	–0,0118	0,0000	0,0069	0,0001	2,4
Аргентина	–0,9621	0,0350	0,1083	0,1632	0,0151	2,1
Ливан	–0,0700	0,0151	0,0457	0,1140	–0,0041	1,9
Южная Африка	–0,2897	–0,0625	0,0465	0,0750	0,0196	1,8
Зимбабве	–0,0108	–0,0017	–0,0003	0,0380	0,0000	1,8
Боливарианская Республика Венесуэла	0,0250	–0,1509	0,0011	0,0159	0,0018	0,6
Либерия	–0,0034	–0,0679	0,0000	0,0451	0,0000	–0,3
Кувейт	–0,0223	–0,0036	0,0521	0,2684	–0,0037	–3,8

А. 1962–1980 годы

	Сырьевая продукция	Продукция БСК	НТ продукция	СТ продукция	ВТ продукция	Среднегодовой прирост ВВП на душу населения, 1962–1980 годы (в процентах)
Экспортеры						
НТ продукции						3,2
Республика Корея	-0,1883	-0,2637	1,0627	0,8899	0,5204	7,5
Провинция Китая						
Тайвань	-0,1824	-0,7865	2,7668	0,8594	1,0397	7,4
Таиланд	-0,5591	0,0135	0,0796	0,0226	0,0347	4,5
Тунис	-0,0535	-0,0489	0,1661	0,0146	0,0001	4,3
Китай	-0,5081	-0,0081	0,9342	0,0000	0,0170	3,7
Египет	-0,1598	0,0062	0,0814	0,0043	0,0005	3,7
Исламская Республика						
Иран	-0,0756	-0,0024	0,1344	0,0073	0,0008	3,2
Турция	-0,4577	0,0089	0,1580	0,0084	0,0001	3,2
Марокко	-0,0706	-0,0500	0,0372	0,0054	0,0003	2,9
Пакистан	0,1078	-0,0569	0,3190	0,0050	0,0000	2,9
Колумбия	-0,2820	0,0125	0,0319	0,0051	0,0003	2,8
Венгрия	-0,0582	0,0040	0,0629	0,0144	0,0205	2,6
Чешская Республика	-0,0072	-0,0215	0,1352	-0,0381	-0,0031	2,3
Уругвай	-0,1063	0,0016	0,0934	0,0068	0,0000	1,7
Маврикий	0,0001	-0,1101	0,0190	0,0003	0,0027	1,7
Гаити	-0,0181	-0,0203	0,0776	0,0019	0,0216	1,1
Афганистан	-0,0266	-0,0004	0,0167	0,0002	0,0001	-0,2
Экспортеры продукции						
БСК						1,7
Малайзия	-1,1617	0,8100	0,0198	0,0195	0,6442	4,6
Индонезия	-0,6577	0,9411	-0,0028	0,0010	0,0053	3,3
Эквадор	-0,0974	0,0163	0,0005	0,0006	0,0000	3,2
Гватемала	-0,0736	0,0105	0,0015	0,0037	0,0084	2,6
Албания	-0,0096	0,0090	0,0043	0,0008	0,0001	2,5
Камерун	-0,0756	0,0249	0,0004	0,0000	0,0000	2,0
Шри-Ланка	-0,0925	0,0086	0,0069	0,0002	0,0000	2,0
Гондурас	-0,0457	0,0140	0,0006	0,0007	0,0000	1,7
Мьянма	-0,0603	0,0641	0,0001	0,0001	0,0000	1,7
Куба	-0,0052	0,1295	0,0000	-0,0002	0,0000	1,4
Гвинея	-0,0027	0,0860	0,0000	0,0000	0,0000	1,3
Чили	-0,2673	0,1695	0,0005	0,0024	0,0000	1,3
Перу	-0,1385	0,0352	0,0084	0,0029	0,0001	1,3
Индия	-0,2309	0,2093	-0,2026	0,1113	0,0077	1,2
Ямайка	-0,0052	0,0747	-0,0007	0,0009	0,0002	0,8
Объединенные Араб- ские Эмираты	-0,0374	0,0119	0,0086	0,0008	0,0044	0,7
Сенегал	-0,0184	0,0125	-0,0003	0,0016	0,0002	-0,7
Вьетнам	-0,0165	0,0056	0,0013	-0,0001	0,0000	-0,9
Экспортеры СП						1,5
Парагвай	0,1304	-0,0755	0,0004	0,0000	0,0000	3,9
Кот-д'Ивуар	0,0774	-0,0814	0,0009	0,0013	0,0001	2,6

A. 1962–1980 годы

	Сырьевая продукция	Продукция БСК	НТ продукция	СТ продукция	ВТ продукция	Среднегодовой прирост ВВП на душу населения, 1962–1980 годы (в процентах)
Нигерия	0,0542	-0,0166	0,0020	0,0008	0,0008	2,6
Бурунди	0,0102	-0,0009	0,0000	0,0000	0,0000	2,6
Боливия	0,0439	-0,1431	0,0002	0,0001	0,0000	2,5
Бахрейн	0,0162	-0,0038	0,0033	0,0021	-0,0022	2,3
Руанда	0,0588	-0,0147	0,0000	0,0000	0,0000	1,8
Объединенная Респуб- лика Танзания	0,1175	-0,0475	0,0028	0,0000	0,0000	1,3
Сьерра-Леоне	0,0086	-0,0280	0,0000	0,0000	0,0000	1,3
Мадагаскар	0,0267	-0,0113	0,0011	0,0000	0,0000	-0,4
Гана	0,0969	-0,0284	0,0000	0,0000	0,0000	-1,1
Ангола	0,0313	-0,0251	0,0000	0,0001	0,0001	-1,8
Явная тенденция к диверсификации отсутствует						1,0
Йемен	-0,0049	-0,0003	0,0002	0,0010	0,0016	4,9
Сейшельские Острова	0,0013	-0,0028	0,0000	0,0000	0,0000	3,5
Монголия	-0,0030	0,0002	0,0002	0,0001	0,0000	3,0
Экваториальная Гвинея	0,0044	-0,0007	0,0000	0,0000	0,0000	2,9
Малави	-0,0310	0,0045	0,0003	0,0001	0,0000	2,8
Кения	-0,0291	-0,0050	0,0045	0,0008	0,0004	2,1
Мавритания	0,0010	-0,0176	0,0000	0,0000	0,0000	2,1
Того	-0,0020	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	2,0
Мали	0,0037	-0,0006	0,0000	0,0000	0,0000	1,9
Эфиопия	-0,0130	0,0007	0,0001	0,0000	0,0000	1,9
Гвинея-Бисау	-0,0010	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	1,6
Гамбия	-0,0008	0,0007	0,0000	0,0000	0,0000	1,6
Лаосская Народно- Демократическая Республика	-0,0008	0,0019	0,0004	0,0000	0,0000	1,3
Бенин	0,0019	-0,0022	0,0001	0,0001	0,0000	1,1
Камбоджа	-0,0026	0,0006	0,0001	0,0002	0,0000	1,0
Непал	0,0020	-0,0014	0,0004	-0,0001	0,0000	0,2
Буркина-Фасо	-0,0008	0,0000	0,0001	0,0000	0,0000	0,1
Замбия	-0,0283	0,0021	0,0000	0,0000	0,0000	0,0
Никарагуа	-0,0255	-0,0020	0,0012	0,0045	0,0003	-0,2
Джибути	-0,0041	0,0006	0,0004	0,0010	0,0000	-0,3
Судан	-0,0298	0,0020	0,0000	0,0000	0,0001	-0,6
Мозамбик	-0,0104	-0,0084	0,0024	0,0015	0,0000	-0,8
Центральноафриканская Республика	-0,0013	0,0026	0,0000	0,0000	0,0000	-0,9
Уганда	-0,0052	0,0000	0,0000	0,0000	0,0013	-1,0
Сомали	-0,0058	0,0003	0,0000	0,0001	0,0000	-1,4
Чад	-0,0040	0,0000	0,0002	0,0000	0,0000	-3,0

В. 1980–2000 годы

	<i>Сырьевая продукция</i>	<i>Производство БСК</i>	<i>ИТ продукция</i>	<i>СТ продукция</i>	<i>ВТ продукция</i>	<i>Среднегодовой прирост ВВП на душу населения, 1980–2000 годы (в процентах)</i>
Экспортеры ВТ продукции						3,8
Республика Корея	-0,0352	-0,0007	-1,5603	1,0785	1,9362	6,4
Китай	-1,4143	-0,3516	-0,2903	1,2522	1,6077	6,0
Провинция Китая Тай- вань	-0,0458	-0,0876	-1,5764	0,5384	2,5494	5,3
Таиланд	-1,3038	-0,2161	-0,0212	0,2251	1,1304	4,6
Сингапур	-0,0563	-0,1249	-0,0679	-0,3213	3,0904	4,6
Малайзия	-0,3625	-1,3909	0,0596	0,3097	3,2395	3,9
САР Гонконг ^a	-0,0010	0,0213	-0,6424	-0,1129	0,5967	3,6
Израиль	-0,0502	-0,1001	-0,0236	-0,0009	0,2050	1,9
Коста-Рика	-0,2958	0,0017	0,0147	0,0015	0,0330	1,2
Филиппины	-0,1276	-0,3013	-0,0638	0,0116	1,8225	0,0
Экспортеры СТ продукции						0,0
Мексика	-0,4989	-0,1397	0,1371	1,0430	0,3755	0,7
Панама	-0,0106	-0,0052	0,0015	0,0128	0,0006	0,6
Венгрия	-0,1341	-0,0725	-0,0253	0,1874	0,1185	0,6
Тринидад и Тобаго	-0,0001	-0,0309	0,0011	0,0103	0,0000	0,5
Аргентина	-0,6848	0,0657	0,0015	0,0977	0,0005	0,2
Южная Африка	-0,3654	-0,1239	0,0228	0,1415	-0,0012	-0,3
Иордания	-0,0277	-0,0005	0,0003	0,0106	0,0010	-0,5
Боливарианская Рес- публика Венесуэла	-0,1041	0,0102	-0,0029	0,0532	0,0004	-0,9
Кувейт	-0,0007	-0,0039	-0,0013	0,0159	0,0003	-1,3
Либерия	-0,0015	-0,0068	0,0000	0,0133	0,0000	-1,5
Объединенные Араб- ские Эмираты	-0,0686	-0,0021	0,0103	0,0174	0,0054	-2,5
Ливийская Арабская Джамахирия	0,0004	-0,0062	0,0004	0,0103	-0,0002	-5,5
Экспортеры ИТ продукции						
Маврикий	0,0001	-0,0353	0,0373	-0,0002	0,0000	4,6
Вьетнам	-0,4771	-0,0195	0,2942	0,0113	0,0006	4,4
Индия	-0,2572	-0,0288	0,1113	0,0397	0,0039	3,6
Шри-Ланка	-0,1107	-0,0076	0,1716	0,0003	0,0008	3,5
Индонезия	-1,0284	-0,5122	0,5319	0,1515	0,0910	2,7
Пакистан	-0,1221	-0,0008	0,2596	0,0053	0,0000	2,5
Мьянма	-0,0063	-0,0431	0,0125	0,0000	0,0000	2,5
Турция	-0,4061	0,0178	0,2589	0,0644	0,0075	2,5
Непал	-0,0009	-0,0002	0,0051	0,0001	0,0000	2,3
Доминиканская Респуб- лика	-0,0317	-0,0260	0,1621	0,0034	0,0005	2,2
Тунис	-0,0123	-0,0228	0,1104	-0,0115	0,0011	2,2
Египет	-0,1319	0,0036	0,0590	0,0063	0,0008	1,7

В. 1980–2000 годы

	Сырьевая продукция	Продукция БСК	НТ продукция	СТ продукция	ВТ продукция	Среднегодовой прирост ВВП на душу населения, 1980–2000 годы (в процентах)
Лаосская Народно- Демократическая Республика	-0,0005	-0,0168	0,0097	0,0000	0,0000	1,5
Польша	-0,2157	0,0199	0,2472	0,0269	-0,0142	1,2
Камбоджа	-0,0194	-0,0048	0,0666	0,0000	0,0000	1,1
Колумбия	-0,5507	0,0271	0,0295	0,0284	0,0010	0,9
Марокко	-0,2085	-0,0298	0,1037	0,0022	0,0080	0,8
Сальвадор	-0,1214	0,0001	0,1183	0,0000	-0,0009	0,7
Сирийская Арабская Республика	-0,0232	-0,0005	0,0052	-0,0001	0,0000	0,7
Ямайка	0,0001	-0,0957	0,0175	0,0014	0,0000	0,6
Албания	-0,0023	-0,0040	0,0157	-0,0003	0,0000	0,6
Чешская Республика	0,0037	0,0878	0,2209	-0,4605	-0,0083	0,4
Гондурас	-0,2374	-0,0066	0,1850	0,0000	0,0000	0,1
Гватемала	-0,2191	0,0003	0,0770	-0,0001	0,0000	-0,4
Болгария	0,0130	0,0069	0,0415	-0,0318	-0,0051	-0,6
Румыния	-0,0026	-0,0075	0,1240	-0,0612	0,0004	-1,6
Никарагуа	-0,0587	0,0007	0,0119	0,0000	0,0000	-1,6
Российская Федерация	-0,2930	-0,1573	0,1433	0,1237	-0,0257	-1,9
Мадагаскар	-0,0483	0,0001	0,0119	0,0000	0,0000	-2,0
Гаити	-0,0007	0,0000	0,0094	-0,0002	-0,0001	-2,3
Саудовская Аравия	-0,0121	-0,0141	0,0085	0,0009	0,0014	-2,5
Экспортёры продукции БСК						0,5
Экваториальная Гвинея	-0,0033	0,0097	0,0000	0,0000	0,0000	8,8
Чили	-0,5230	0,1379	0,0023	0,0072	0,0001	2,7
Оман	-0,0092	0,0086	0,0049	-0,0061	-0,0020	2,7
Сейшельские Острова	-0,0093	0,0105	0,0000	0,0000	0,0000	2,0
Исламская Республика Иран	-0,0333	0,0219	-0,0286	0,0083	0,0001	0,9
Уругвай	-0,0346	0,0144	-0,0155	0,0068	0,0003	0,9
Бахрейн	0,0157	0,0065	-0,0017	-0,0008	-0,0006	0,7
Гана	-0,1081	0,0482	0,0000	0,0000	0,0006	0,5
Бразилия	-0,5208	0,1645	-0,0046	0,1424	0,0146	0,3
Монголия	-0,0194	0,0287	-0,0001	0,0000	0,0000	0,1
Ливан	-0,0116	0,0103	0,0026	0,0001	0,0000	-0,2
Камерун	-0,0812	0,0571	0,0000	0,0000	0,0000	-0,3
Конго	-0,0007	0,0189	0,0000	0,0000	0,0000	-0,4
Куба	-0,0108	0,0394	0,0000	0,0001	0,0002	-0,5
Парагвай	-0,0508	0,0075	0,0007	0,0000	0,0000	-0,5
Гамбия	-0,0088	0,0192	0,0000	0,0000	0,0000	-0,7
Центральноафриканская Республика	-0,0050	0,0183	0,0000	0,0000	0,0000	-0,9
Ангола	-0,0050	0,0429	0,0000	0,0000	0,0000	-1,0

В. 1980–2000 годы

	Сырьевая продукция	Продукция БСК	НТ продукция	СТ продукция	ВТ продукция	Среднегодовой прирост ВВП на душу населения, 1980–2000 годы (в процентах)
Эквадор	-0,1123	0,0071	0,0006	0,0006	0,0000	-1,4
Замбия	-0,0712	0,0113	0,0002	0,0000	0,0000	-1,5
Габон	-0,0004	0,0526	0,0000	0,0000	-0,0010	-2,7
Экспортеры СП						-0,1
Мозамбик	0,0228	-0,0011	-0,0006	-0,0005	0,0000	0,8
Бенин	0,0126	-0,0004	0,0000	0,0000	0,0000	0,8
Сенегал	0,0081	-0,0030	0,0000	0,0000	0,0000	0,5
Мавритания	0,0106	-0,0099	0,0000	0,0000	0,0000	0,1
Зимбабве	0,0183	-0,0001	0,0026	-0,0057	0,0000	-0,1
Перу	0,0569	-0,0422	0,0047	-0,0002	0,0000	-0,7
Кот-д'Ивуар	0,0473	-0,0098	-0,0001	0,0000	0,0000	-2,3
Явная тенденция к диверсификации отсутствует						0,0
Уганда	-0,0037	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	1,6
Буркина-Фасо	-0,0043	0,0001	0,0001	0,0000	0,0000	1,3
Чад	0,0009	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	1,1
Мали	-0,0029	-0,0001	0,0000	0,0000	0,0002	0,7
Йемен	-0,0023	0,0003	0,0000	0,0001	0,0000	0,6
Судан	-0,0126	0,0009	0,0001	0,0000	0,0000	0,3
Малави	-0,0008	-0,0008	0,0005	0,0000	0,0000	0,3
Гвинея	0,0013	-0,0113	0,0000	0,0000	0,0000	0,2
Боливия	-0,0084	-0,0120	0,0033	0,0000	0,0000	0,0
Кения	-0,0156	0,0006	0,0003	0,0000	0,0000	0,0
Эфиопия	-0,0123	0,0000	0,0002	0,0001	0,0001	-0,1
Бурунди	0,0016	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	-0,4
Гвинея-Бисау	-0,0032	0,0000	0,0001	0,0000	0,0000	-0,5
Алжир	0,0023	0,0034	0,0000	-0,0032	0,0000	-0,6
Объединенная Респуб- лика Танзания	-0,0076	0,0006	0,0001	0,0000	0,0000	-0,6
Руанда	-0,0028	0,0002	0,0000	0,0000	0,0000	-0,7
Сомали	-0,0019	0,0000	0,0000	0,0001	0,0000	-0,9
Нигерия	-0,0481	0,0044	0,0041	0,0001	0,0000	-1,0
Афганистан	0,0015	0,0002	-0,0006	0,0000	0,0000	-1,4
Джибути	-0,0003	0,0001	0,0000	0,0001	0,0000	-2,0
Нигер	-0,0001	0,0001	0,0000	0,0000	-0,0003	-2,7
Того	-0,0064	0,0001	0,0000	0,0001	0,0000	-3,0
Сьерра-Леоне	-0,0024	-0,0008	0,0001	0,0003	0,0000	-5,3
Ирак	-0,0003	0,0002	0,0000	0,0000	0,0000	-7,9

Источник: ДЭСВ/ООН на основе сведений из базы данных “World Development Indicators 2005” и издания Feenstra and others (2005).

Примечание: В отношении определений и методологии см. добавление к главе III.

Сокращения: Продукция БСК — продукция с большим сырьевым компонентом; НТ — низкотехнологичная;

СТ — среднетехнологичная; ВТ — высокотехнологичная; и СП — сырьевая продукция.

^a Специальный административный район Китая.

Таблица А.6 Приложения
Статья экспорта, относящиеся к услугам, по секторам и подсекторам,
развивающиеся страны и весь мир, 1980–2003 годы

		Млн. долл. США						Среднегодовые темпы роста (в процентах)		
		1980 год	1985 год	1990 год	1995 год	2000 год	2003 год	1980–2003 годы	1990–1999 годы	2000–2003 годы
Услуги в целом	Весь мир	366 118	393 832	803 747	1 195 501	1 527 264	1 836 861	7,3	8,2	6,6
	Развивающиеся страны ^а	64 194	73 519	135 145	254 455	359 259	423 686	8,6	7,7	9,2
Транспорт	Весь мир	121 844	104 946	191 065	288 196	340 790	397 346	5,3	4,6	5,8
	Развивающиеся страны ^а	19350	22 159	33 991	64 375	90 845	108 416	7,8	5,8	9,3
Путешествия	Весь мир	95 302	109 771	250 410	385 792	463 790	520 437	7,7	10,1	5,8
	Развивающиеся страны ^а	22 730	24 556	52 724	94 239	127441	147 394	8,5	8,8	8,2
Другие услуги	Весь мир	148 972	157 468	320 883	521 509	719 982	919 078	8,2	8,0	8,4
	Развивающиеся страны ^а	22 114	26 804	48 426	95 837	138 271	167 876	9,2	8,2	10,0
Связь	Весь мир	7 923	23 419	32 351	39 976
	Развивающиеся страны ^а	1 173	6 852	8 714	9499
Строительство	Весь мир	12 294	35 037	28 942	36 954
	Развивающиеся страны ^а	818	2 775	4 553	6264
Компьютерные и информационные услуги	Весь мир	2 188	11 297	45 596	71 524
	Развивающиеся страны ^а	9	465	6 285	14634
Страхование	Весь мир	17 450	24 380	28 421	52 382
	Развивающиеся страны ^а	2 508	5 374	6 147	5972
Финансовые услуги	Весь мир	27 500	45 990	95 899	95 391
	Развивающиеся страны ^а	87	3 517	7 937	8861
Гонорары и лицензионные платежи	Весь мир	27 444	54 243	79 725	94 231
	Развивающиеся страны ^а	398	1 068	2 267	3300
Другие деловые услуги	Весь мир	178 448	270 779	348 104	451 484
	Развивающиеся страны ^а	36 082	66 040	90 978	103 998
Бытовые услуги, услуги в области культуры, отдыха и развлечений	Весь мир	3 266	10 557	20 708	24 637
	Развивающиеся страны ^а	18	2 466	3 609	3 995
Государственные услуги, не указанные в других категориях	Весь мир	45 346	46 136	40 309	52 500
	Развивающиеся страны ^а	7 334	7 324	7 785	11 353

		Млн. долл. США						Среднегодовые темпы роста (в процентах)		
		1980 год	1985 год	1990 год	1995 год	2000 год	2003 год	1980–2003 годы	1980–1990 годы	1990–2003 годы
<i>Для справки:</i>										
Коммерческие услуги	Весь мир	758 401	1 149 365	1 486 956	1 784 362
	Развивающиеся страны ^a	127 812	247 131	351 474	412 333

Источники: UNCTAD *Handbook of Statistics on CD-ROM* (United Nations publication, Sales No. E/F.05.II.D.30); и ДЭСВ ООН.

Примечание: Среднегодовые темпы роста для компонентов сектора других услуг не отражены ввиду отсутствия единообразия в представлении информации за данный период.

^a Включая группу стран с переходной экономикой, не входящих в число развитых.

Таблица А.7 Приложения
Статьи экспорта, относящиеся к компьютерным и информационным
услугам, отдельные страны, 2000–2004 годы

(В млн. долл. США)

	2000 год	2001 год	2002 год	2003 год	2004 год
Индия	4 727,4	7 407,4	8 889,3	11 365,7	..
Израиль	4 246,1	3 470,8	3 143,3	3 656,5	4 321,8
Китай	355,9	461,0	638,2	1 102,2	..
Сингапур	247,2	311,6	315,7	318,6	..
САР Гонконг ^а	59,7	154,0	297,6	245,4	..
Малайзия	81,6	176,3	181,6	216,0	..
Российская Федерация	59,0	128,0	137,3	175,0	255,8
Коста-Рика	59,7	124,7	153,4	166,8	200,3
Аргентина	138,4	188,8	115,6	153,2	176,9
Провинция Китая Тайвань	117,0	154,0	115,0	110,0	110,0
Румыния	44,0	50,0	78,0	108,0	143,0
Кипр	57,8	86,8	104,0	92,1	249,8
Словения	53,9	64,1	79,8	88,4	97,5
Чили	33,4	42,8	62,9	81,4	70,5
Шри-Ланка	..	66,0	50,0	80,0	..
Хорватия	33,5	43,8	45,7	62,2	65,0
Сирийская Арабская Республика	50,0	1,0
Ямайка	40,4	36,6	34,1	36,0	..
Пакистан	22,0	19,0	21,0	34,0	37,7
Латвия	20,2	21,9	24,8	32,7	43,6
Эстония	21,2	23,3	24,3	31,1	38,8
Республика Корея	10,6	16,1	19,5	29,7	23,3
Бразилия	34,0	27,0	36,4	29,1	53,4
Литва	15,5	24,2	18,8	28,6	31,0
Филиппины	76,0	22,0	21,0	28,0	33,0
<i>Для справки:</i>					
Ирландия	7 489,7	8 925,7	10 447,1	14 372,4	18 316,5
Соединенное Королевство	4 321,5	4 682,8	5 770,1	7 892,5	10 549,9
Германия	3 798,2	4 805,0	5 491,3	6 679,9	7 877,5
Соединенные Штаты	5 622,0	5 457,0	5 431,0	5 431,0	5 436,0

Источники: UNCTAD Handbook of Statistics on CD-ROM (United Nations publication, Sales No. E/F.05.II.D.30); и ДЭСВ ООН.

^а Специальный административный район Китая.

Литература

- Acemoglu, Daron, Simon Johnson and James A. Robinson (2001). The colonial origins of comparative development: an empirical investigation. *American Economic Review*, vol. 91, No. 5 (December), pp. 1,369–1,401.
- _____ (2003). An African success story: Botswana. B: *In Search of Prosperity. Analytic Narratives on Economic Growth*, D. Rodrik, ed. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- _____ (2005). The rise of Europe: Atlantic trade, institutional trade and economic growth. *American Economic Review*, vol. 95, No. 3 (June), pp. 546–579.
- Addison, Tony, Basuser Guha-Khasnobis and George Mavrotas (2006). Introduction and overview. *The World Economy*, vol. 29, No. 1 (January), pp. 1-8.
- Agénor, Pierre-Richard (1991). Output, devaluation and the real exchange rate in developing countries. *Weltwirtschaftliches Archiv*, vol. 127, pp. 18-41.
- Aghion, Philippe, and Peter Howitt (2005). Appropriate growth policy: a unifying framework. The 2005 Joseph Schumpeter Lecture at the Twentieth Annual Congress of the European Economic Association, Amsterdam, 25 August, 2005.
- _____, Robert Barro and Ioana Marinescu (2006). Cyclical budgetary policies: their determinants and effects on growth. Работа не завершена.
- Agosin, Manuel R., and Ricardo J. Mayer (2000). Foreign investment in Developing Countries: Does it Crowd in Domestic Investment? UNCTAD Discussion Papers, No. 146. Geneva: UNCTAD. UNCTAD/OSG/DP/146. February.
- Aitken, B., and A. Harrison (1999). Do domestic firms benefit from foreign investment? evidence from Venezuela. *American Economic Review*, vol. 89, No. 3 (June).
- Aizenman, Joshua, and Yothin Jinjarak (2006). Globalization and developing countries: a shrinking tax base? NBER Working Paper, No. 11933. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research. January.
- Akyuz, Yilmaz (2004). Trade growth and industrialization: issues, experience and policy challenges. Geneva: Third World Network. Mimeo. December.
- _____ (2005). The WTO negotiations on industrial tariffs: what is at stake for developing countries? Geneva: Third World Network. May. Документ доступен на веб-сайте по адресу: www.twinside.org.sg/title2/akyuz_papers>NamaIndFin.pdf (по состоянию на 16 марта 2006 года).
- Akyuz, Yilmaz, ed. (2003). *Developing Countries and World Trade: Performance and Prospects*. Geneva: UNCTAD; Penang: Third World Network; and London: Zed Books.
- Ascherson, Neal (1963). *The King Incorporated: Leopold the Second and the Congo*. London: George Allen and Unwin.

- Azam, Jean-Paul (1998). Politiques macro-économiques et réduction de la pauvreté. Доклад, представленный на семинаре Африканского консорциума экономических исследований (АКЭИ) на тему «Нищета, распределение доходов и проблемы, связанные с рынком труда» (“Poverty, income distribution, and issues related to labour market”), состоявшемся в Абиджане 8–13 октября.
- Banerjee, Abhijit, Paul J. Gertler and Maitreesh Ghatak (2002). Empowerment and efficiency: tenancy reform in West Bengal. *Journal of Political Economy*, vol. 110, No. 2 (April), pp. 239-280.
- Barro, Robert J. (1999). Human capital and growth in cross-country regressions. *Swedish Economic Policy Review*, vol. 6, No. 2, pp. 237-277.
- _____, and Xavier Sala-i-Martin (1992). Convergence. *Journal of Political Economy* (Chicago, Illinois), vol. 100, No. 2 (April), pp. 223-251.
- Ben-David, Dan (1995). Convergence clubs and diverging economies. Foerder Institute for Economic Research Working Paper, No. 40-95 (November). Tel-Aviv University, Israel.
- Blomström M., R. Lipsey and M. Zejan (1992). What explains developing country growth? NBER Working Paper, No. 4132. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research. August.
- _____, and A. Kokko (2003). Human Capital and Inward FDI, CEPR Working Paper, No. 167, London: Centre for Economic Policy Research.
- Bloom, David, David Canning and Jaypee Sevilla (2004). The effect of health on economic growth: a production function approach. *World Development*, vol. 32, No. 1, pp. 1-13.
- Bonaglia, Federico, and Kichiro Fukasaku (2003). Export diversification in low-income countries: an international challenge after Doha. OECD Development Centre. Working Paper, No. 209. Paris: OECD. June.
- Borensztein E., J. De Gregorio and W. Lee (1995). How does foreign direct investment affect economic growth? NBER Working Paper, No. 5057. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research. March.
- Borjas, George J., and Lawrence F. Katz (2005). The evolution of the Mexican born workforce in the United States. NBER Working Paper, No. 11281. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research. April.
- Bourguignon, Francois, and Christian Morrisson (2002). Inequality among world citizens, 1820-1992. *American Economic Review*, vol. 92, No. 4 (September), pp. 727-744.
- Braunstein, E., and G. Epstein (2004). Bargaining power and foreign direct investment in China: can 1.3 billion consumers tame the multinationals? B: Labor and the Globalization of Production: Causes and Consequences of Industrial Upgrading, W. Milberg, ed. London: Palgrave.
- Briault, C. (1995). The costs of inflation. *Quarterly Bulletin* (Bank of England), vol. 8 (February), pp. 33-45.

- Brock, William A., and Steven N. Durlauf (2001). Growth empirics and reality. World Bank Economic Research, vol. 15, No. 2, pp. 229-272.
- Calderón, César, and Luis Servén (2003). Latin America's infrastructure in the era of macroeconomic crises. B: The Limits of Stabilization: Infrastructure, Public Deficits, and Growth in Latin America, William Easterly and Luis Servén, eds., Palo Alto, California, and Washington, D.C.: Stanford University Press and World Bank, pp. 21-94.
- Calderón, César, William Easterly and Luis Servén (2003). Infrastructure compression and public sector solvency in Latin America. B: The Limits of Stabilization: Infrastructure, Public Deficits, and Growth in Latin America, William Easterly and Luis Servén, eds. Palo Alto, California, and Washington, D.C.: Stanford University Press and World Bank, pp. 119-138.
- Calderón, César, Norman Loayza and Klaus Schmidt-Hebbel (2005). Does openness imply greater exposure? World Bank Policy Research Working Paper, No. 3733. Washington, DC.: World Bank. October.
- Canning, David (1999). Infrastructure's contribution to aggregate output, World Bank Policy Research Working Paper, No. 2246. Washington, D.C.: World Bank.
- Carkovic, Maria, and Ross Levine (2002). Does foreign direct investment accelerate economic growth? Minneapolis, Minnesota: University of Minnesota. Mimeo. May.
- Carmel, Erran (2003). Taxonomy of new software exporting nations. The Electronic Journal on Information Systems in Developing countries, vol. 13, No. 2 (May), pp. 1-6. Документ доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.ejisd.org/ojs/viewissue.php?id=66> (по состоянию на 22 марта 2006 года).
- Chang, Ha-Joon (1999). Industrial policy and East Asia: the miracle, the crisis, and the future. Пересмотренный вариант доклада, представленного на рабочем семинаре Всемирного банка на тему «Переосмысление восточноазиатского чуда» (“Re-thinking the East Asian miracle”), состоявшемся в Сан-Франциско, Калифорния, 16–17 февраля 1999 года. Май.
- _____ (2003). Kicking away the ladder: the “real” history of free trade. Foreign Policy In Focus special report. December. Документ доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.fpif.org/pdf/papers/SRtrade2003.pdf> (по состоянию на 14 марта 2006 года).
- Chang, Roberto, L. Kaltani and N. Loayza (2005). Openness can be good for growth: the role of policy complementarities. NBER Working Paper, No. 11787. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research. November.
- Chenery, Hollis B. (1979). Structural Change and Development Policy. New York: Oxford University Press.
- _____, and Lance Taylor (1968). Development patterns among countries and over time: The Review of Economics and Statistics, vol. 50, No. 4, pp. 391-416.

- Cimoli, Mario, and Jorge Katz (2002). Structural Reforms, Technological Gaps and Economic Development: a Latin American Perspective. Desarrollo Productivo Series, No. 129. Sales No. E.02.II.G.89. Santiago: ECLAC. August.
- Claessens, S., and others (1995). Portfolio capital flows: hot or cold? World Bank Economic Review, vol. 9, No. 1, pp. 153-174.
- Collier, Paul (2006). War and military expenditure in developing countries and their consequences for development. The Economics of Peace and Security Journal, vol. 1 No. 1, pp. 1-4.
- _____, and Jan Willem Gunning (1999). Explaining African economic performance. Journal of Economic Literature, Vol. XXXVII, No. 1 (March), pp. 64-111.
- Комиссия по Африке (2005). Наши общие интересы: Доклад Комиссии по Африке. Доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.commissionforafrica.org/english/home/newsstories.html>.
- Cooper, Richard (1971). Currency devaluation in developing countries. В: Government and Economic Development, Gustav Ranis, ed. New Haven, Connecticut: Yale University Press.
- Cosbey, Aaron, and others (2004). The rush to regionalism: sustainable development and regional/bilateral approaches to trade and investment liberalization. Обзорный документ, подготовленный для Международного исследовательского центра по проблемам развития (МИЦР), Канада. Winnipeg, Manitoba: International Institute for Sustainable Development. November.
- Dasgupta, Sukti, and Ajit Singh (2005). Manufacturing, services, jobless growth and the informal economy: will services be the new engine of Indian economic growth? Доклад, представленный на юбилейной конференции Международного научно-исследовательского института экономики и развития (МНИИЭР) Университета Организации Объединенных Наций, состоявшейся в Хельсинки 17–18 июня 2005 года.
- Davis, Graham A., and John E. Tilton (2005). The resource curse. Natural Resources Forum: A United Nations Sustainable Development Journal, vol. 29, Issue 3 (August), pp. 233-242. Oxford, United Kingdom: Blackwell Publishing.
- De Ferranti, David, and others (2003). Closing the Gap in Education and Technology. World Bank Latin American and Caribbean Studies. Washington, D.C: World Bank.
- De Mello, L. (1997). Foreign direct investment in developing countries and growth: a selective survey. Journal of Development Studies, vol. 34, No. 1, pp. 1–34.
- Demetriades, Panicos O., and Theofanis P. Mamuneas (2000). Intertemporal output and employment effects of public infrastructure capital: evidence from 12 OECD economies. Economic Journal (Royal Economic Society), vol. 110, No. 465 (July), pp. 687-712.

- Dixit, Avinash (2005). Evaluating recipes for development success. Princeton, New Jersey: Princeton University. 1 June.
- Dollar, David. 1992. Outward-oriented developing economies really do grow more rapidly: evidence from 95 LDCs, 1976-1985. *Economic Development and Cultural Change*, vol. 40, No. 3, pp. 523-544.
- Dornbusch, Rudiger, and Stanley Fischer (1993). Moderate inflation. *World Bank Economic Review*, vol. 7, No. 1 (January), pp 1-44.
- Dowrick Steve, and Jane Golley (2004). Trade openness and growth: who benefits? *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 20, No. 1, pp. 38-56.
- Driffield, Nigel, and James H. Love (2005). Intra-industry foreign direct investment, uneven development and globalisation: the legacy of Stephan Hymer. *Contributions to Political Economy*, vol. No. 24, pp. 55-78.
- Driffield, Nigel, and K. Taylor (2002). Spillovers from FDI and skill structures of host-country firms. *Discussion Papers in Economics*, No. 02/4. Leicester, United Kingdom: Department of Economics, University of Leicester.
- Easterly, William (2001). The lost decades: developing countries' stagnation in spite of policy reform 1980-1998. *Journal of Economic Growth*, vol. 6, No. 2, pp. 135-157.
- _____ (2005). How to assess the needs for aid? the answer: don't ask. Paper prepared for the Third Agence Française de Développement/European Development Research Network (AFD/EUDN) Conference on "Financing Development: What Are the Challenges in Expanding Aid Flows?", Paris, 14 December 2005.
- _____, and Sergio Rebelo (1993). Fiscal policy and economic growth: an empirical investigation. *Journal of Monetary Economics*, vol. 32, pp. 417-458.
- _____, Roumeen Islam, and Joseph E. Stiglitz (2001). Shaken and stirred: volatility and macroeconomic paradigms for rich and poor countries. B: Annual World Bank Conference on Development Economics 2000, Boris Pleskovic and Nicholas Stern, eds. Washington, D.C.: World Bank, pp. 191-212.
- Edwards, Sebastian (1986). Are devaluations contractionary? *Review of Economics and Statistics*, vol. 68, No. 3 (August), pp. 501-508.
- Eichengreen, Barry (2004). Financial instability. Документ подготовлен для Копенгагенского консенсуса и представлен в Копенгагене 25-28 мая 2004 года.
- Evans, P. (1979). *Dependent Development: The Alliance of Multinationals, State and Local Capital in Brazil*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Feenstra, Robert C., and others (2005). World trade flows: 1962-2000. NBER Working Paper, No. 11040. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research. January. Документ доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.nber.org/papers/w11040> (по состоянию на 15 февраля 2006 года).

- Feld, Serge (2005). Labour force trends and immigration in Europe. *International Migration Review*, vol. 39, issue 3 (fall), pp. 637-662. New York: Center for Migration Studies.
- Ffrench-Davis, Ricardo (2006). *Reforming Latin America's Economies: After Market Fundamentalism*. London: Palgrave/Macmillan.
- Fiess, Norbert (2002). Chile's new fiscal rule. Washington, D.C.: World Bank. Mimeo. May.
- Fischer, Stanley, and Franco Modigliani (1978). Towards an understanding of the real effects and costs of inflation. *Weltwirtschaftliches Archiv*, vol. 114, No. 4, pp. 810-833.
- FitzGerald, Valpy (2006). Financial development and economic growth: a critical survey. Справочный документ, подготовленный для составления Обзора мирового экономического и социального положения, 2006 год: дивергенция темпов роста и развития. Февраль. Доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.un.org/esa/policy/wess/index.html>.
- Gabriele, Alberto (2004). Exports of services and economic growth in developing countries. Geneva: UNCTAD. UNCTAD/DITC/TNCD/MISC/2003/6. 3 June. Документ доступен на веб-сайте по адресу: http://www.unctad.org/en/docs/ditctncdmisc20036_en.pdf (по состоянию на 22 марта 2006 года).
- Gala, Paulo, and Claudio R. Lucinda (2006). Exchange rate misalignment and growth: old and new econometric evidence. São Paulo, Brazil: São Paulo School of Business Administration and São Paulo School of Economics. Mimeo.
- Gallup, John Luke, Jeffrey D. Sachs and Andrew D. Mellinger (1998). Geography and economic development. NBER Working Paper, No. 6849. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research. December.
- Gates, Scott, and Anke Hoeffler (2004). Global Aid Allocation: Are Nordic Donors Different? Centre for the Study of African Economies Working paper Series, No.234. Oxford University, Oxford.
- Ghose, Ajit K. (2004). Capital inflows and investment in developing countries. ILO Employment Strategy Paper, No. 2004/11. Geneva: International Labour Office. November.
- Gillson, Ian, Adrian Hewitt and Sheila Page (2004). Forthcoming changes in the EU banana/sugar markets: a menu of options for an effective EU transitional package: report. London: Overseas Development Institute. Документ доступен на веб-сайте по адресу: http://www.odi.org.uk/iedg/Projects/EU_banana_sugar_markets/SUGARreport.pdf (по состоянию на 13 марта 2006 года).
- Glaeser, Edward L., and others (2004). Do institutions cause growth? NBER Working Paper, No. 10568. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research. June.

- Gorg, Holger, and D. Greenaway (2001). Foreign direct investment and intra-industry spillovers. Доклад, подготовленный для регионального совещания экспертов Европейской экономической комиссии/Европейского банка реконструкции и развития «Финансирование развития: расширение преимуществ, связанных с ПИИ, и увеличение потока корпоративных финансов в страны с переходной экономикой» (“Finance for Development: enhancing the benefits of FDI and improving the flow of corporate finance in the transition economies”), Женева, 3 декабря 2001 года.
- Gottschalk, Ricardo (2005). The macro content of PRSP: assessing the need for a more flexible macroeconomic policy framework. *Development Policy Review*, vol. 23, No. 4, pp. 419-442.
- Griffith-Jones, Stephany, Miguel Angel Segoviano and Stephen Spratt (2003). Submission to the Basel Committee on Banking Supervision: CP3 and the developing world. Institute of Development Studies, University of Sussex, Brighton, United Kingdom. Документ доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.stephanygj.com>.
- Grilli, Enzo R., and Maw Cheng Yang (1988). Primary commodity prices, manufactured goods prices, and the terms of trade of developing countries: what the long run shows. *World Bank Economic Review*, vol. 2, No. 1, pp. 1–47.
- Guillaumont, Patrick (2005). Macro vulnerability in low income countries and aid responses. Доклад, представленный на ежегодной Конференции Всемирного банка по экономике развития, состоявшейся в Амстердаме 24–25 мая.
- Gupta, Poonam, Deepak Mishra and Ratna Sahay (2003). Output response to currency crises. IMF Working Paper, No. 03/230, Washington, D.C.: International Monetary Fund.
- Gupta, Sanjeev, Robert Powell and Yongzheng Yang (2006). Macroeconomic Challenges of Scaling Up Aid to Africa: A checklist for Practitioners. Washington, D.C.: International Monetary Fund. March.
- Hadjimichael, Michael T., and Michel Galy (1997). The CFA franc zone and the EMU. IMF Working Paper, No. 97/156, Washington D.C.: International Monetary Fund. November.
- Haggard, Stephan (2004). Institutions and growth in East Asia. *Studies in Comparative International Development*, vol. 38, No. 4 (winter), pp. 53-81.
- Hanson, Gordon H., Raymond J. Mataloni, Jr., and Matthew J. Slaughter (2001). Expansion Strategies of U.S. multinational firms. B: Brookings Trade Forum 2001, Susan M. Collins and Dani Rodrik, eds. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, pp. 245-282.
- Harrison, Ann E., and Margaret S. McMillan (2002). Does direct foreign investment affect domestic firms credit constraints? Berkeley, California: University of California, Berkeley. Mimeo. January.

- Hausmann, Ricardo, Jason Hwang and Dani Rodrik (2006). What you export matters. NBER Working Paper, No. 11905. March. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research.
- Hausmann, Ricardo, Lant Pritchett and Dani Rodrik (2004). Growth accelerations. NBER, Working Paper, No. 10566, June. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research.
- Hausmann, Ricardo, Dani Rodrik and Andrés Velasco (2005). Growth diagnostics (revised). Cambridge, Massachusetts: Harvard University, Kennedy School of Government. March. Документ доступен на веб-сайте по адресу: <http://ksghome.harvard.edu/~drodrik/barcelonafinalmarch2005.pdf>.
- Helleiner, Gerald K. (1973). Manufacturing exports from less developed countries and multinational firms. *Economic Journal*, vol. 83, No. 329, pp. 21-47.
- Herman, Barry (2005). How well do measurements of an enabling domestic environment for development stand up? B: The IMF and the World Bank at Sixty, Ariel Buira, ed. London: Anthem Press, pp. 281-310.
- Hochschild, Adam (1999). *King Leopold's Ghost*. New York: Mariner Books.
- Houde M., and K. Yannaca-Small (2004). Relationship between international investment agreements, Organization for Economic Cooperation and Development Working Papers on International Investment 2004/1, Paris: Organization for Economic Cooperation and Development Publishing.
- Hummels, David, Jun Ishii and Kei-Mu Yi (1998). Vertical specialization and the changing nature of world trade. *Economic Policy Review* (Federal Reserve Bank of New York), pp. 79-99, June.
- Hymer, Stephen H. (1976). *The International Operations of National Firms: A Study of Direct Foreign Investment*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
- Imbs, Jean, and Romain Wacziarg (2003). Stages of diversification. *American Economic Review*, vol. 93, No. 1 (March), pp. 63-86.
- Международный валютный фонд (1998). Перспективы развития мировой экономики: май 1998 года. Вашингтон О.К.: Международный валютный фонд.
- International Monetary Fund (2005). The macroeconomics of managing increased aid inflows: experiences of low-income countries and policy implications. Washington, D.C.: Policy Development and Review Department, International Monetary Fund. 8 August.
- _____ (2006). *Finance and Development*, vol. 43, No. 1 (March).
- Jenkins, Rhys, and Chris Edwards (2004). How does China's growth affect poverty reduction in Asia, Africa and Latin America? Overseas Development Group, University of East Anglia, Norwich, United Kingdom. 10 December. Расширенный доклад, подготовленный для Министерства по вопросам международного развития Соединенного Королевства.

- Johnson, Simon, Jonathan D. Ostry and Arvind Subramanian (2006). Levers for growth. *Finance and Development*, vol. 43, No. 1 (March).
- Kaldor, Nicholas (1957). A model of economic growth. *Economic Journal*, vol. 67, pp. 591-624.
- _____ (1978). *Causes of the slow rate of growth of the United Kingdom. B: Further Essays on Economic Theory*. London: Duckworth.
- Kamaly, A. (2003). *Mergers and acquisitions: the forgotten facet of FDI*. Cairo: Department of Economics, University of Cairo. Mimeo. September.
- Kaminsky, Graciela, Carmen M. Reinhart and Carlos A. Végh (2004). When it rains, it pours: procyclical capital flows and macroeconomic policies. NBER Working Paper, No. 10780. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research. September.
- Kapur, Devesh, and John McHale (2005). *Give Us Your Best and Brightest: The Global Hunt for Talent and its Impact on the Developing World*. Washington, D.C.: Center for Global Development.
- Kaufmann, Daniel, Aart Kraay and Massimo Mastruzzi (2004). *Governance matters III: governance indicators for 1996–2002*. World Bank. 5 April (готовится).
- _____ (2005). *Measuring governance using cross-country perceptions data*. World Bank. August.
- Keck, Alexander, and Patrick Low (2004). *Special and differential treatment in the WTO: why, when and how?* World Trade Organization Staff Working Paper, No. ERSD-2004-03. Geneva: Economic Research and Statistics Division, World Trade Organization. May.
- Khan, Mushtaq H. (2006). *Governance, economic growth and development since the 1960s*. Справочный документ, подготовленный для составления Обзора мирового экономического и социального положения, 2006 год: дивергенция темпов роста и развития. Доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.un.org/esa/policy/wess/index.html>.
- King, Robert. G., and Ross Levine (1993). Finance, entrepreneurship, and growth: theory and evidence. *Journal of Monetary Economics*, vol. 32, No. 3, pp. 513-542.
- Klinger, Bailey, and D. Lederman (2004). *Discovery and development: an empirical exploration of “new” products*, World Bank Policy Research Working Paper, No. 3450. Washington, D.C.: World Bank. November.
- Kochhar, Kalpana, and others (2006). *India’s pattern of development: what happened, what follows?* IMF Working Paper, No. WP/06/22. January. Документ доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2006/wp0622.pdf> (по состоянию на 22 марта 2006 года).
- Kornai Janos (1993). Transformational recession: a general phenomenon examined through the example of Hungary’s development. *Economie Appliquée*, vol. 46, No. 2, pp. 181-227.

- _____ (1994). Transformational recession: the main causes. *Journal of Comparative Economics*, vol. 19, No. 1, pp. 39-63.
- Kose, M. Ayhan, Eswar S. Prasad and Marco E. Terrones (2005). Growth and volatility in an era of globalization. *IMF Staff Papers*, vol. 52, special issue, pp. 31-63. Washington, D.C.: International Monetary Fund.
- Kozul-Wright, Richard, and Paul Rayment (2006). *The Resistable Rise of Market Fundamentalism*. London: Zed Press.
- Kregel, J. (1996). Some risks and implications of financial globalization for national policy autonomy. *United Nations Conference on Trade and Development Review (Geneva)*, pp. 55-62.
- Krugman, Paul (1995). *Growing world trade: causes and consequences*. B: Brookings Papers on Economic Activity, No. 1. Washington, D.C.: the Brookings Institution.
- _____, and Lance Taylor (1978). The contractionary effects of devaluation. *Journal of International Economics*, vol. 8, pp. 445-458.
- Kumar, Nagesh and Jaya Prakash Pradhan (2002). Foreign direct investment, externalities and economic growth in developing countries: some empirical explorations and implications for WTO negotiations on investment. *RIS Discussion Paper*, No. RISDP27/2002. New Delhi: Research and Information System for the Non-Aligned and Other Developing Countries.
- Kuznets, Simon (1966). *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven, Connecticut: Yale University Press.
- Lall, Sanjaya (2000). *Selective industrial and trade policies in developing countries: theoretical and empirical issues*. QEH Working Paper, No. 48. Oxford, United Kingdom: Queen Elizabeth House, University of Oxford. August.
- _____ (2001). *Competitiveness, Technology and Skills*. Cheltenham, United Kingdom: Edward Elgar.
- _____ (2003). *Reinventing industrial strategy: the role of government policy in building industrial competitiveness*. Рабочий документ, подготовленный для Межправительственной группы по валютным вопросам и развитию (Группы двадцати четырех). Второй проект документа. Сентябрь.
- Lee, Jong-Wha (1997). *Economic growth and human development in the Republic of Korea, 1945-1992*. Occasional Paper, No. 24. New York: United Nations Development Programme.
- Lim, Ewe-Ghee (2001). *Determinants of, and the relation between, foreign direct investment and growth: a summary of the recent literature*. IMF Working Paper, No.01/175. Washington, D.C.: International Monetary Fund.
- Lucas, Robert E., Jr. (2000). Some macroeconomics for the 21st century. *Journal of Economic Perspectives (Nashville, Tennessee)*, vol. 14, No. 1 (winter), pp. 159-168.
- Lucas, Robert E.B. (2001). *Diaspora and development: highly skilled migrants from East Asia*. Доклад, подготовленный для Всемирного банка. Ноябрь.

- _____ (1988). On the mechanics of economic development. *Journal of Monetary Economics*, vol. 22, No. 1 (February), pp. 3-42.
- Maddison, Angus (1995). *Monitoring the World Economy 1820-1992*. Development Centre Studies. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development Development Centre.
- _____ (2001). *The World Economy: A Millennial Perspective*. Development Centre Studies. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development Development Centre.
- McGillivray, Mark, and Oliver Morrissey (2001). A review of the evidence on the fiscal effects of aid. CREDIT Research Paper, No. 01/13. Nottingham, United Kingdom: University of Nottingham.
- Milanovic, Branko (2005). *Worlds Apart: Measuring International and Global Inequality*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- _____, and Shlomo Yitzhaki (2001). Decomposing world income distribution: does the world have a middle class? World Bank Policy Research Working Paper, No. 2562. Washington, D.C.: World Bank Poverty and Human Resources, Development Research Group. 31 March.
- Milberg, William (2004). Globalized production: structural challenges for developing country workers. B: *Labour and the Globalization of Production; Causes and Consequences of Industrial Upgrading*, William Milberg, ed. New York: Palgrave Macmillan.
- Mody, Ashoka (2004). Is FDI integrating the world economy? Доклад, представленный на тринадцатом Всемирном конгрессе Международной ассоциации экономических наук, состоявшемся в Лиссабоне в сентябре 2002 года. Готовится к печати в издании *World Economy*.
- Mosley, Paul, (1999). Micro-macro linkages in financial markets: the impact of financial liberalisation on access to rural credit in four African countries. Finance and Development Research Programme Working Paper No. 4. Manchester, United Kingdom: Institute for Development Policy and Management, University of Manchester. March.
- Murshed, S. Mansoob (2001). Short-run models of natural resource endowment. B: *Resource Abundance and Economic Development*, Richard Auty, ed. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press.
- _____ (2002). Civil war, conflict and underdevelopment. *Journal of Peace Research*, vol. 34, No. 4, pp. 387-393.
- _____ (2006). Turning swords to ploughshares and little acorns to tall trees: the conflict-growth nexus and the poverty of nations. Справочный документ, подготовленный для составления Обзора мирового экономического и социального обзора, 2006 год: дивергенция темпов роста и развития. Доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.un.org/esa/policy/wess/index.html>. (Январь).
- Myrdal, Gunnar (1957). *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. London: Duckworth.

- Nielson, Julia, and Daria Taglioni (2004). Services trade liberalisation: identifying opportunities and gains. OECD Trade Policy Working Paper, No. 1. Paris: Working Party of the Trade Committee, Organization for Economic Cooperation and Development. TD/TC/WP(2003)23/FINAL. February. Документ доступен на веб-сайте по адресу: [http://www.oalis.oecd.org/oalis/2003doc.nsf/LinkTo/td-tc-wp\(2003\)23-final](http://www.oalis.oecd.org/oalis/2003doc.nsf/LinkTo/td-tc-wp(2003)23-final) (по состоянию на 20 марта 2006 года).
- Norwegian Refugee Council (2006). Internal displacement: global overview of trends and developments in 2005, Geneva: International Displacement Monitoring Centre and Norwegian Refugee Council. March.
- Nunnenkamp, Peter, and Julius Spatz (2004). FDI and economic growth in developing countries: how relevant are host-economy and industry characteristics? *Transnational Corporations* (New York and Geneva), vol. 13, No. 3 (December), pp. 53-83.
- Ocampo, José Antonio (2003). Capital-account and counter-cyclical prudential regulations in developing countries. B: From Capital Surges to Drought: Seeking Stability for Emerging Markets, Ricardo Ffrench-Davis and Stephany Griffith-Jones, eds. London: Palgrave-Macmillan, pp. 217-244.
- _____ (2004). Latin America's growth and equity frustration during structural reforms. *Journal of Economic Perspectives* (American Economic Association), vol. 18, No. 2 (Spring), pp. 67-88.
- _____ (2005a). A broad view of macroeconomic stability. DESA Working Paper, No. 1, New York. October. Документ доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.un.org/esa/desa/papers>.
- _____ (2005b). The quest for dynamic efficiency: structural dynamics and economic growth in developing countries. B: Beyond Reforms: Structural Dynamics and Macroeconomic Vulnerability, José Antonio Ocampo, ed. Palo Alto, California, and Washington, D.C.: Stanford Economics and Finance, Stanford University Press, and World Bank.
- _____ (2006). Market, social cohesion and democracy. DESA Working Paper, No. 9. February. Документ доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.un.org/esa/desa/papers>.
- Ocampo, José Antonio, and Stephany Griffith-Jones (2006). Counter-cyclical framework for a development-friendly international financial architecture. Документ, представленный на семинаре Международного научно-исследовательского центра по проблемам развития на тему «Международная финансовая архитектура, макроэкономические колебания и институты» (“International Financial Architecture, Macroeconomic Volatility and Institutions”), состоявшемся в Центральном учреждении Организации Объединенных Наций, в Нью-Йорке, 17–18 апреля 2006 года.
- Ocampo, José Antonio, and María Ángela Parra (2003). The terms of trade for commodities in the twentieth century. *CEPAL Review* (Santiago), No. 79. (April), pp. 7-35. LC/G.2200-P.

- _____ (2005). The dual divergence: growth successes and collapses in the developing world since 1980. September, 2005, Santiago. Документ, представленный на состоявшемся в Сантьяго (Чили) семинаре ЭКЛАК «Экономический рост в условиях справедливости: Проблемы Латинской Америки, 1 и 2» (Economic Growth with Equity: Challenges for Latin America, 1 and 2). В: Ricardo Ffrench-Davis and José Luis Machinea (eds.), *Economic Growth with Equity; Challenges for Latin America*, Palgrave, London. DESA Working Paper No. 24. May 2006. Документ доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.un.org/esa/desa/papers>.
- Okita, Saburo (1985). Special presentation: prospects of Pacific economies. *Pacific Cooperation: Issues and Opportunities: Report of the Fourth Pacific Economic Cooperation Conference*, Seoul, April 29 — May 1, 1985. Seoul: Korea Development Institute.
- Palma, Gabriel (2003). The three routes to financial crises: Chile, Mexico and Argentina [1]; Brazil [2], and Korea, Malaysia and Thailand [3]. В: *Rethinking Development Economics*, Ha-Joon Chang, ed., London: Anthem Press.
- _____ (2004). Flying-geese and lame ducks: regional powers and the different capabilities of Latin America and East Asia to “demand-adapt” and “supply-upgrade” their export productive capacity. August. Неопубликованный документ.
- _____ (2006). Growth after globalization: a structuralist-Kaldorian game of musical chairs. Справочный документ, подготовленный для составления Обзора мирового экономического и социального положения, 2006 год: дивергенция темпов роста и развития. Февраль. Доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.un.org/esa/policy/wess/index.html>.
- Pang, Tikki, Mary Ann Lansang and Andy Haines (2002). Brain drain and health professionals: a global problem needs global solutions. *British Medical Journal*, vol. 324, pp. 499-500. 2 March.
- Passinetti, Luigi (1981). *Structural Change and Economic Growth: A Theoretical Essay on the Dynamics of the Wealth of Nations*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press.
- Perry, Guillermo E., and others (2006). *Poverty Reduction and Growth: Virtuous and Vicious Circles*. Washington, D.C.: World Bank.
- Plender, J. (2003). *Going off the Rails: Global Capital and the Crisis of Legitimacy*. Chichester, United Kingdom: John Wiley and Sons, Ltd.
- Podkaminer, Leon (2006). External liberalization, growth and distribution: the Polish experience. В: *External Liberalization in Asia, Post-Socialist Europe, and Brazil*, Lance Taylor, ed. New York: Oxford University Press.
- Polak, Jacques J. (1957). Monetary analysis of income formation and payments problems. *IMF Staff Papers*, vol. 6 (November), p. 50.
- Polanyi, Karl (1944). *The Great Transformation*. Boston, Massachusetts: Beacon Press.

- Prasad, Eswar S., and others (2003). Effects of financial globalization on developing countries: some empirical evidence. IMF Occasional Paper, No. 220. Washington, D.C.: International Monetary Fund.
- Przeworski, Adam (2003). Institutions matter? New York: New York University, Department of Politics. Paper prepared for the meeting on Institutions, Behavior and Outcomes, Centro Brasileiro de Analise e Planejamento (CEBRAP), São Paulo, Brazil, 12 March 2003.
- Qian, Yingyi (2003). How Reform Worked in China. In Search of Prosperity: Analytic Narratives on Economic Growth, Dani Rodrik, ed. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, pp. 297-333.
- _____, and Wu, Jinglian (2000). China's transition to a market economy: how far across the river? Документ, подготовленный для конференции по проблеме политических реформ в Китае, состоявшейся в Исследовательском центре экономического развития и политических реформ (CEDPR) при Стэнфордском университете, Пало-Альто, Калифорния, 18–20 ноября 1999 года.
- Quah, Danny T. (1996). Twin peaks: growth and convergence in models of distribution dynamics. *The Economic Journal*, vol. 106, No. 437 (July), pp. 1045-1055.
- Rada, Codrina, and Lance Taylor (2006). Developing and transition economies in the late 20th century: diverging growth rates, economic structures, and sources of demand. Справочный документ, подготовленный для составления Обзора мирового экономического и социального положения, 2006 год: дивергенция темпов роста и развития. Февраль. Доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.un.org/esa/policy/wess/index.html>.
- Rajan, Raghuram G., and Arvind Subramanian (2005). What undermines aid's impact on growth. IMF Working Paper, No. 05/126, Washington, D.C.: International Monetary Fund.
- Ramey, Garey, and Valerie Ramey (1995). Cross-country evidence on the link between volatility and growth. *American Economic Review*, vol. 85, No. 5 (December), pp. 1138-1151.
- Ranis, Gustav, and Frances Stewart (2005). Dynamic links between the economy and human development. DESA Working Paper, No. 8. November. Документ доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.un.org/esa/desa/papers>.
- Rawls, John (1999). *A theory of Justice*, revised ed. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Raychaudhuri, Ajitava (2004). Lessons from the land reform movement in West Bengal, India. Доклад, представленный на конференции «Увеличение масштабов деятельности по сокращению нищеты: глобальный процесс обучения», состоявшейся в Шанхае, Китай, 25–27 мая 2004 года.

- Reddy, Sanjay G., and Camelia Minoiu (2005). Real income stagnation of countries, 1960-2001. Department of Economics, Barnard College, Columbia University, and Department of Economics, Columbia University, New York. Справочный документ, подготовленный для составления Обзора мирового экономического и социального положения, 2006 год: дивергенция темпов роста и развития. Февраль. Доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.un.org/esa/policy/wess/index.html>.
- Rodriguez, Francisco (2006a). Cleaning up the kitchen sink: on the consequences of the linearity assumption for cross-country growth empirics. Wesleyan University Working Papers, No. 2006-004. Middletown, Connecticut: Department of Economics, Wesleyan University. 19 January. Справочный документ, подготовленный для составления Обзора мирового экономического и социального положения, 2006 год: дивергенция темпов роста и развития. Февраль. Доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.un.org/esa/policy/wess/index.html>.
- _____ (2006b). Have collapses in infrastructure spending led to cross-country divergence in per capita GDP? Справочный документ, подготовленный для составления Обзора мирового экономического и социального положения, 2006 год: дивергенция темпов роста и развития. Доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.un.org/esa/policy/wess/index.html>.
- _____ (2006c). Openness and growth: what have we learned? Wesleyan Economic Working Papers, No. 2006-11. Middletown, Connecticut: Department of Economics, Wesleyan University. Справочный документ, подготовленный для составления Обзора мирового экономического и социального положения, 2006 год: дивергенция темпов роста и развития. Февраль. Доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.un.org/esa/policy/wess/index.html>.
- Rodrik, Dani (1999). The New Global Economy and Developing Countries: Making Openness Work. Washington, D.C.: Overseas Development Council.
- _____ (2000a). Exchange rate regimes and institutional arrangements in the shadow of capital flows. Доклад, представленный на Конференции по вопросам деятельности центральных банков и устойчивого развития, проведенной в Куала-Лумпуре 28–30 августа и посвященной памяти Туна Исмаила Мохамеда Али (Tun Ismail Mohamed Ali).
- _____ (2000b). Trade policy reform as institutional reform. Cambridge, Massachusetts: Harvard University. August.
- _____ (2004a). Getting institutions right. Cambridge, Massachusetts: Harvard University. April.
- _____ (2004b). Industrial policy for the twenty-first century. September. Документ, подготовленный для Организации Объединенных Наций по промышленному развитию.
- _____ (2004c). Growth Strategies. Документ, подготовленный для издания Handbook of Economic Growth, Philippe Aghion and Steven Durlauf, eds. Amsterdam: North-Holland. Пересмотрен в октябре 2004 года.

- _____ (2005). Why we learn nothing from regressing economic growth on policies. Cambridge, Massachusetts: Harvard University. 25 March.
- _____ (2006a). Goodbye Washington Consensus, hello Washington Confusion? Cambridge, Massachusetts: Harvard University. January.
- _____ (2006b). What's so special about China's exports? NBER Working Paper, No. 11947. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research. January.
- Rodrik, Dani, ed. (2003). In Search of Prosperity: Analytic Narratives on Economic Growth, Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Roller, Lars-Hendrik, and Leonard Waverman (2001). Telecommunications infrastructure and economic development: a simultaneous approach. *American Economic Review*, vol. 91, No. 4, pp. 909-923.
- Roodman, D. (2004). The anarchy of numbers: aid, development and cross-country empirics. Washington, D.C.: Center for Global Development. Mimeo.
- Ros, Jaime (2000). *Development Theory and the Economics of Growth*. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press.
- Rowthorn, R. E. (1992). Intra-industry trade under oligopoly: the role of market size. *Economic Journal*, vol. 102, issue 411, pp. 402-414.
- Sachs, Jeffrey, and Andrew Warner (1995). Economic reform and the process of global integration. *Brookings Papers on Economic Activity*, No. 1, pp. 1-118. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.
- Sánchez, Marco V. (2005). Reformas económicas, régimen cambiario y choques externos: efectos en el desarrollo económico, la desigualdad y la pobreza en Costa Rica, El Salvador y Honduras. *Serie de Estudios y Perspectivas*, No. 36, Mexico. United Nations, Economic Commission for Latin America and the Caribbean.
- Sanchez-Robles, B. (1998). Infrastructure investment and growth: some empirical evidence. *Contemporary Economic Policy*, vol. 16, No. 1 (January), pp. 98-108.
- Schady, Norbert (2005). Changes in the global distribution of life expectancy and health. Washington, D.C.: World Bank. Mimeo.
- Schmidt-Hebbel, Klaus, Luis Servén and Andres Solimano (1996). Saving and investment: paradigms, puzzles, policies. *World Bank Research Observer*, vol. 11, No. 1, pp. 87-117.
- Schultz, Theodore W. (1961). Investment in human capital. *The American Economic Review*, vol. LI (March), pp. 1-17.
- Shapiro, Helen (2005). Industrial policy and growth. Справочный документ, подготовленный для составления Обзора мирового экономического и социального положения, 2006 год: дивергенция темпов роста и развития. Доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.un.org/esa/policy/wess/index.html>.

- Singh, Nirvikar (2003). India's information technology sector: what contribution to broader economic development? OECD Development Centre Working Paper, No. 207. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development Development Centre. DEV/DOC(2003)05. March. Документ доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.oecd.org/dataoecd/59/12/2503442.pdf> (по состоянию на 22 марта 2006 года).
- Slaughter, Matthew J. (1998). International trade and per capita income convergence: a difference-in-differences analysis. NBER Working Paper, No. 6557. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research. May.
- Sokoloff, Kenneth, and Stanley Engerman (2000). Institutions, factor endowments, and paths of development in the New World. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 14, No. 3 (summer), pp. 217-232.
- Spiezia, V. (2004). Trade, foreign direct investment and employment: some empirical evidence. B: *Understanding Globalization, Employment and Poverty Reduction*, E. Lee and M. Vivarelli, eds, London: Macmillan.
- Stallings, Barbara, and Jürgen Weller (2001). Job Creation in Latin America in the 1990s: The Foundation for Social Policy. *Serie macroeconomía del desarrollo*, No. 5. Sales No. E.01.II.G.15. Santiago: Economic Commission for Latin America and the Caribbean, Economic Development Division.
- Stiglitz, Joseph E., and Andrew Charlton (2004). The development round of trade negotiations in the aftermath of Cancún. Доклад, подготовленный для Секретариата Содружества совместно с организацией «За диалог по вопросам политики».
- _____ (2006). Aid for trade: a report for the Commonwealth Secretariat, London. March.
- Stiglitz, Joseph, and others (2006). *Stability with Growth*. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press.
- Subramanian, Arvind, and Devesh Roy (2001). Who can explain the Mauritian miracle: Meade, Romer, Sachs or Rodrik? Документ доступен на веб-сайте по адресу: <http://ksghome.harvard.edu/~drodrik/Growth%20volume/Subramanian-Mauritius.doc> (по состоянию на 16 марта 2006 года).
- Syrquin, Moshe (1986). Productivity growth and factor reallocation. B: *Industrialization and Growth*, Hollis B. Chenery, Sherman Robinson and Moshe Syrquin, eds. New York: Oxford University Press.
- UN Millennium Project (2005). *Investing in Development: Practical Plan to Achieve the Millennium Development Goals*. London: Earthscan.
- Организация Объединенных Наций (1975). Международная стандартная торговая классификация, второй пересмотренный вариант. Статистические документы, № 34/Rev.2. В продаже под № R.75.XVII.6.
- Организация Объединенных Наций (2000). Обзор мирового экономического и социального положения, 2000 год. В продаже под № R.00.II.C.1.

- Организация Объединенных Наций (2002a). Доклад Международной конференции по финансированию развития, Монтеррей, Мексика, 18–22 марта 2002 года. В продаже под № R.02.II.A.7. Глава I, резолюция I, приложение.
- Организация Объединенных Наций (2002b). Обзор мирового экономического и социального положения, 2002 год. В продаже под № E.02.II.C.1.
- United Nations (2004a). International Trade Statistics Yearbook, 2003, vol. II, Trade by Commodity. Sales No. E/F.05.XVII.2, vol. II.
- _____ (2004b). World Economic and Social Survey 2004: International Migration. Sales No. E.04.II.C.3.
- _____ (2005a). The Inequality Predicament: Report on the World Social Situation 2005. Sales No. E.05.IV.5.
- Организация Объединенных Наций (2005b). Обзор мирового экономического и социального положения, 2005 год: финансирование развития. В продаже под № R.05.II.C.1.
- United Nations (2006). World Economic Situation and Prospects 2006. Sales No. E.06.II.C.2.
- United Nations, Economic Commission for Africa (2001). Transforming Africa's Economies: Overview. Addis Ababa. Документ доступен на веб-сайте по адресу: http://www.uneca.org/eca_resources/Publications/books/transforming_africas_economies/index.htm.
- United Nations, Economic Commission for Latin America and the Caribbean (2000). Equity, Development and Citizenship. Santiago: ECLAC. LC/G.2071(SES.28/3). March.
- _____ (2003). A decade of Light and Shadow: Latin America and the Caribbean in the 1990s. Sales No. E.03.II.G.79. Santiago: ECLAC. July.
- _____ (2004). Productive development in open economies. Santiago: ECLAC. LC/G.2234(SES.30/3). June.
- United Nations Conference on Trade and Development (1992). Trade and Development Report, 1992. Sales No. E.92.II.D.7.
- Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (1996). Доклад о торговле и развитии, 1996 год. В продаже под № R.96.II.D.6.
- United Nations Conference on Trade and Development (1999). Trade and Development Report, 1999: Fragile Recovery and Risks: Trade, Finance and Growth. Sales No. E.99.II.D.1.
- _____ (2000). World Investment Report, 2000: Cross-border Mergers and Acquisitions and Development. Sales No. E.00.II.D.20.
- _____ (2002). Trade and Development Report, 2002: Developing Countries in World Trade. Sales No. E.02.II.D.2.
- _____ (2003). Trade and Development Report 2003: Capital Accumulation, Growth and Structural Change. Sales No. 03.II.D.7.

- _____ (2005a). Trade and Development Report 2005: New Features of Global Interdependence. Sales No. E.05.II.D.13.
- _____ (2005b). UNCTAD Handbook of Statistics, 2005. Sales No. E/F.05.II.D.29.
- Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (2006). Торговля услугами и последствия для развития: записка секретариата ЮНКТАД. TD/B/COM.1/77. Женева, 16 января. Документ также доступен на веб-сайте по адресу: http://www.unctad.org/en/docs/c1d77_en.pdf (по состоянию на 22 марта 2006 года).
- Программа развития Организации Объединенных Наций (2005). Доклад о развитии человеческого потенциала за 2005 год. Международное сотрудничество на перепутье: помощь, торговля и безопасность в неравноправном мире. Нью-Йорк, Программа развития Организации Объединенных Наций.
- United Nations Industrial Development Organization (2005). Industrial Development Report, 2005: Capacity Building for Catching-up: Historical, Empirical and Policy Dimensions. Vienna: UNIDO.
- van Pottelsberghe de la Potterie, Bruno, and Frank Lichtenberg (2001). Does foreign direct investment transfer technology across borders? Review of Economics and Statistics, vol. 83, No. 3 (1 August), pp. 490-497.
- Verdoorn, P. J. (1949). Fattori che regolano lo sviluppo della produttività del lavoro. L'Industria, vol. 1, pp. 3-10.
- Villanueva, D., and A. Mirakhor (1990). Strategies for financial reforms. IMF Staff Papers, vol. 37, No. 3, pp. 509-536.
- Vos, Rob (1994). Debt and Adjustment in the World Economy. London: Macmillan.
- _____, and Samuel Morley (2006). Bad luck or wrong policies? external shocks, domestic adjustment, and the growth slowdown in Latin America and the Caribbean. B: Who Gains from Free Trade? Export-led Growth, Inequality and Poverty in Latin America, Rob Vos and others, eds. London: Routledge.
- Wade, Robert Hunter (2004). Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization, 2nd paperback ed. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- _____ (2005). Escaping the squeeze: lessons from East Asia on how middle-income countries can grow faster. Документ доступен на веб-сайте по адресу: <http://www.lse.ac.uk/collections/DESTIN/pdf/Galbraithvolume.nov04.pdf> (по состоянию на 8 марта 2006 года).
- White, Howard, ed. (1998). Aid and Macroeconomic Performance: Theory, Empirical Evidence and Four Country Cases. London: Macmillan.
- Willmore, Larry (1994). Export processing in the Caribbean: the Jamaican experience. CEPAL Review, vol. 52 (April), pp. 91-104.

- Winters, Alan L. (2002). The economic implications of liberalising Mode 4 trade. Документ, подготовленный к организованному ВТО в сотрудничестве с Всемирным банком симпозиуму по вопросу перемещения физических лиц (форма 4) в соответствии с ГАТС Всемирной торговой организации, который состоялся в Женеве 11–12 апреля 2002 года. London: Centre for Economic Policy Research and Centre for Economic Performance, London School of Economics.
- World Bank (1993). The East Asia Miracle: Economic Growth and Public Policy. World Bank Policy Research Report. New York: Oxford University Press.
- _____ (1999). Global Economic Prospects 1998/99: Beyond Financial Crisis. Washington, D.C.: World Bank.
- _____ (2003). China: promoting growth with equity: country economic memorandum. Poverty Reduction and Economic Management Unit, East Asia and Pacific Region. Report No. 24169-CHA. 15 October.
- _____ (2004). The Marrakech Action Plan for Statistics: Better Data for Better Results. An Action Plan for Improving Development Statistics. Документ, подготовленный сотрудниками Группы данных о развитии Всемирного банка и представленный на втором заседании Международного круглого стола по вопросам повышения результативности деятельности в области развития, которое состоялось в Марракеше, Марокко, 4–5 февраля 2004 года. Доступен на веб-сайте по адресу: <http://unstats.un.org/unsd/statcom/doc04.marrakech.pdf>.
- _____ (2005a). World Development Report 2006: Equity and Development. Washington, D.C. World Bank; and New York: Oxford University Press.
- _____ (2005b). Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reforms, Washington, D.C.: World Bank. April. Документ также доступен на веб-сайте по адресу: <http://www1.worldbank.org/prem/lessons1990s/> (по состоянию на 9 марта 2006 года).
- _____ (2005c). Global Development Finance, 2005: Mobilizing Finance and Managing Vulnerability. Washington, D.C.: World Bank.
- _____ (2006). Global Economic Prospects. Economic Implications of Remittances and Migration. Washington, D.C.: World Bank.
- _____ and International Monetary Fund (2006). Global Monitoring Report 2006: Millennium Development Goals: Strengthening Mutual Accountability—Aid, Trade and Governance. Washington, D.C.: World Bank.
- World Trade Organization (2005). Doha work programme: draft ministerial declaration: revision. Документ, согласованный на шестой Конференции министров Всемирной торговой организации, состоявшейся в Гонконге 13–18 декабря 2005 года. WT/MIN(05)/W/3/Rev.2, 18 December 2005.
- _____ (2006). Measuring trade in services. Training module produced by the Economic Research and Statistics Division. March.

- _____, Committee on Subsidies and Countervailing Measures (2001). Procedures for extensions under article 27.4 for certain developing country members. G/SCM/39. 20 November.
- Young, Alwyn A. (1928). Increasing returns and economic progress. *The Economic Journal*, vol. 38, pp. 527-542.
- Young, H. Peyton (1998). *Individual Strategy and Social Structure: An Evolutionary Theory of Institutions*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
-